

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2020

№ 63

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Дементьев В.В. Заголовки с цифрами в интернет-медиа: лингвистические и прагматические характеристики	5
Земичева С.С. Особенности среднеобских говоров на современном этапе развития и факторы, влияющие на их сохранность	28
Игнатов И.А. Персона: семантика слова и его функционирование в русском языке	40
Миронова Д.М. К вопросу о системологической адекватности когнитивного подхода к языку	64
Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива	83
Петрова Т.И., Кормазина О.П. Категория авторизации в некодифицированных сферах русской речи: к вопросу об онтогенезе речевых компетенций	98
Смирнова Н.В., Щемелева И.Ю. «Не то чтобы я это как-то исследую, просто меня интересует этот вопрос»: создание англоязычного текста в жанре research proposal как социальная практика	115
Солнышкина М.И., Гатиятуллина Г.М. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов)	132
Солопова О.А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны)	161
Тарасова И.А. Концептуальное моделирование как методологическая основа анализа корпусных данных	178

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кизима М.П. Жанровое своеобразие малых форм прозы А.И. Солженицына («Крохотки» 1958–1963, 1996–1999)	191
Киселев В.С. Детские письма великого князя Александра Николаевича к В.А. Жуковскому: обзор, публикация, комментарий	209
Никулина А.К. «Вырваться за пределы языка»: речь и молчание в романе Д.Ф. Уоллеса «Бесконечная шутка»	235
Павлова Н.И. Образ Маркела Шапова в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»	250
Raik S.M. Valery Bryusov's <i>The Earth as an Experiment of Scientific Poetry</i>	264
Пронин А.А. Дзига Вертов: от «слышу» к «вижу»	282
Турышева О.Н. Роман о читателе как случай метаромана	292
Фрик Т.Б. Образ «чужого» в эпистолярной Н.М. Карамзина	305

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Патросева Н.В. Рецензия на книгу: Кулева А.С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии	315
Селиверстова Е.И. Связующая нить фразеологии. Рецензия на книгу: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии	319
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	325

CONTENTS

LINGUISTICS

Dementyev V.V. Headlines With Figures in the Media: A Structural and Functional Analysis	5
Zemicheva S.S. The Features of the Middle Ob Dialects at the Present Stage of Development and Factors Affecting Their Preservation	28
Ignatov I.A. The Word “Person”: Its Semantics and Functioning in the Russian Language	40
Mironova D.M. On the Systemological Adequacy of a Cognitive Approach to Language	64
Nefedov S.T., Chernyavskaya V.E. Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions	83
Petrova T.I., Kormazina O.P. Authorization Category in Uncodified Spheres of Russian Speech: Discussing the Ontogenesis of the Speech Genre Competence	98
Smirnova N.V., Shchemeleva I.Yu. “It’s Not That I Am Researching It, It’s Just That I Am Interested in It”: Writing a Research Proposal in English as a Social Practice	115
Solnyshkina M.I., Gatiyatullina G.M. The History of Corpus Linguistics (On the Example of the English Language Corpora)	132
Solopova O.A. The Key to the Future: Predictive Meanings of Political Metaphor (Based on British Texts about Russia of the Great Patriotic War Period)	161
Tarasova I.A. Conceptual Modeling as a Methodological Basis for the Analysis of Corpus Data	178

LITERATURE STUDIES

Kizima M.P. Genre Peculiarities of the Small Forms of Aleksandr Solzhenitsyn’s Prose (<i>Krokhotki</i> , 1958–1963, 1996–1999)	191
Kiselev V.S. Children’s Letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich to Vasily Zhukovsky: Review, Publication, Commentary	209
Nikulina A.K. “To Run Against the Boundaries of Language”: Speech and Silence in David Foster Wallace’s <i>Infinite Jest</i>	235
Pavlova N.I. The Image of Markel Shchapov in Boris Pasternak’s Novel <i>Doctor Zhivago</i>	250
Paik S.M. Valery Bryusov’s <i>The Earth</i> as an Experiment of <i>Scientific Poetry</i>	264
Pronin A.A. Dziga Vertov: From “I Hear” to “I See”	282
Turysheva O.N. A Novel About the Reader as a Case of a Meta-Novel	292
Frik T.B. The Image of the “Alien” in Epistolary Works by Nikolay Karamzin	305

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Patroeveva N.V. Book Review: Kuleva, A.S. (2017) <i>Istoriya Usechennykh Prilagatel’nykh v Yazyke Russkoy Poezii</i> [The History of Clipped Adjectives in the Language of Russian Poetry]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya	315
Seliverstova E.I. The Connecting Thread of Phraseology. Book Review: Mokienko, V.M. (Ed.) (2016) <i>Frazeologizmy v Russkoy Poezii XIX–XXI Vv. Slovar’</i> : <i>Opyt Leksikograficheskoy Sistematizatsii Upotrebleniya Frazeologizmov v Russkoy Poezii</i> [Phraseological Units in the Russian Poetry of the 19th–21st Centuries. A Dictionary: An Experience of Lexicographical Systematization of Phraseological Units in Russian Poetry]. Kostroma: Kostroma State University	319
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	325

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.17223/19986645/63/1

В.В. Дементьев

ЗАГОЛОВКИ С ЦИФРАМИ В ИНТЕРНЕТ-МЕДИА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Анализируются заголовки с цифрами в интернет-медиа. Проверяется предположение, что частотное использование данного приема в интернет-медиа привело к появлению ряда закономерностей как на уровне формы заголовка (синтаксические структуры, заполнение конкретной лексикой), так и на уровне содержания, включая прагматические характеристики (целеполагание, фактор ответственности). Данные заголовки анализируются в структурном (лексическая, морфологическая и синтаксическая форма заголовка), тематическом, семантико-прагматическом и коннотативном аспектах.

Ключевые слова: заголовки с цифрами, интернет-медиа, синтаксические структуры, тематика, иллюкативные типы, образ адресата и адресанта.

Введение

Использование цифр в заголовках медиа, прежде всего в начальной позиции, является действенным риторическим приемом и активно используется журналистами (как показано в исследованиях по медиалингвистике, пособиях по журналистике и т.д., данный прием помогает привлечь внимание читателя, позволяет повысить интерес и доверие к содержащемуся в заголовке утверждению и тексту в целом [1–3]). В интернет-медиа, по причине их большой оперативности, быстрой сменяемости, конкуренции (возможности получать информацию из разных изданий), данные задачи еще более актуальны, чем в традиционных медиа. В настоящей статье мы проверим предположение, что названный прием используется в интернет-медиа очень часто и что это уже привело к появлению ряда закономерностей как на уровне формы заголовка (синтаксические структуры, заполнение конкретной лексикой), так и на уровне содержания, включая прагматические характеристики (такие как замысел / целеполагание автора текста и фактор ответственности на читателя).

Материал исследования взят со **100** сайтов, часто привлекаемых в новостных топах поисковых браузеров в качестве источника новостей – в основном это сайты развлекательно-новостные (иногда переводные или минимально русифицированные)¹. Общий объем материала – ок. **1000** заголовков.

¹ Сайты даны в порядке убывания частотности; число в скобках – количество заголовков, взятых с этого сайта; сайты с единичной частотностью не приводятся.

Подчеркнем принципиальное отсутствие содержательной селекции: материал направлен не отбирался ни с тематической, ни с прагматической точек зрения, не учитывается ни типологический контекст медиа, ни прагматика жанров. Весь материал мы брали из публикаций, автоматически выносимых в новостные топы поисковых браузеров контент-агрегаторами (Яндекс, Mail.ru). В результате материал составили очень разные сайты: специализированные тематические ресурсы развлекательной направленности (от забавных картинок, тестов и гороскопов до эзотерики и псевдопсихологии); порталы «Life», «Свободная пресса», деловая газета «Взгляд», «РБК», а также ресурсы глянцевого журналов для женщин («Elle» и «Cosmopolitan»), ресурс «Яндекс-дзен» (агрегатор). Единственное, что объединяет этот материал, – наличие цифры в сильной позиции. В статье проверяется предположение, что наличие только этого общего формально признака может привести к развитию закономерностей более общего

<https://www.adme.ru/> (244); <https://twizz.ru/> (147); <https://onedio.ru/> (81); <https://zen.yandex.ru/> (70); <https://flytothesky.ru/> (64); <https://snatchnews.com/> (27); <https://gurutest.ru/> (22); <http://hr-portal.ru/> (21); <https://mel.fm/> (18); <https://femmie.ru/> (17); <http://www.bugaga.ru/> (15); <http://www.pure-t.ru/> (14); <https://lifel hacker.ru/> (14); <http://www.esotericblog.ru/> (10); <https://www.infoniac.ru/> (10); <https://lisa.ru/> (10); <http://www.domkino.tv/> (7); <https://4tololo.ru/> (7); <https://joinfo.ua/> (6); <https://www.youtube.com/> (6); <https://joinfo.ua/> (5); <http://www.cluber.com.ua/> (5); <https://womanadvice.ru/> (4); <http://www.maximonline.ru/> (4); <http://fishki.net/> (4); <http://www.wday.ru/> (4); <http://travelask.ru/> (4); <http://strana-sovetov.com/> (4); <https://gubdaily.ru/blog/> (3); <https://life.ru/> (3); <https://vz.ru/> (3); <http://www.yaplakal.com/> (3); <https://www.elle.ru/> (3); <https://cyrillitsa.ru/> (3); <https://www.infoniac.ru/> (3); <https://www.cosmo.ru/> (3); <http://kot-i-koshka.ru/> (2); <http://www.kulturologia.ru/> (2); <https://letidor.ru/> (2); <https://brodude.ru/> (2); <https://www.infoniac.ru/> (2); <http://fb.ru/> (2); <https://www.domkino.tv/news/> (2); <http://vimka.ru/> (2); <https://fishki.net/> (2); <https://heroine.ru/> (2); <https://dropi.ru/> (2); <https://ru.narodna-pravda.ua/> (2); <https://www.jv.ru/> (2); <https://www.passion.ru/> (2); <https://www.publy.ru/> (2); <http://resfeber.ru/> (2).

Вот как позиционируют свою политику сайты, с которых взято самое большое количество примеров:

Adme.ru – сайт о творчестве: обзоры и новости, посвященные рекламному креативу и пиару. Статьи о дизайне, искусстве, путешествиях, психологии и пр. Подборка видео.

Onedio.ru – Самые качественные, самые свежие, самые популярные новости. Читайте нейтральные новости из разных источников, не утомляясь рекламами.

Twizz.ru – самые яркие, интересные новости, пишем об интернет-трендах и творчестве во всех его проявлениях каждый день.

Flytothesky.ru – в мире интересного: интернет-журнал: 1) агрегатор. В режиме 24/7 следим за русскоязычным и зарубежным интернетом, чтобы рассказать вам о самых вирусных трендах. Ссылка на источник обязательно указывается в посте); 2) мы блог. У нас вы чаще встретите неформальное общение, чем сложный научный слог. Мы умеем смеяться, злиться, грустить и ошибаться. Зато мы настоящие! И мы здесь и сейчас с вами! и т.д.

Было бы интересно выявить языковую, речевую и т.д. специфику отдельных сайтов и сопоставить их друг с другом с этой точки зрения, но мы этого не делаем, оставляя будущим исследователям. Исходим из того, что в основном они одинаковы.

характера – от лингвистических структур в заголовке до иллюкутивных типов¹.

(Единственная селекция – мы решили исключить нецензурную лексику для научного журнала (хотя ее, как правило, отсеивают сами агрегаторы).)

Простейшая форма заголовков, о которых мы говорим, имеет вид ***n X-ов...*** (где ***n*** – число, обычно от 3 до 20–25; ***X*** – ключевое слово (существительное), подвергаемое исчислению) и встречается довольно редко. Чаще встречается форма ***n Y-x X-ов***, где ***Y*** – прилагательное (оно нередко стоит в превосходной степени); вариант – ***n Z Y-x X-ов***, где ***Z*** – интенсификатор: наречие или другое прилагательное: *самый, офигенно, обалденно*. Чаще же всего встречается форма заголовков со сложноподчиненной структурой, которую, вероятно, можно считать канонической: ***n (Z) (Y-x) X-ов, которые...*** (наличие или отсутствие прилагательного ***Y*** и тем более интенсификатора ***Z*** в такой форме не принципиально). Несколько типичных примеров:

18 великолепных книг, которые необходимо прочитать каждой женщине (twizz.ru);

10 честных фильмов о непостижимой силе любви, которые оставят сильное впечатление (twizz.ru);

7 нестандартных способов выучить иностранный язык, о которых не напишут в учебниках (adme.ru);

10 предложений мужчин, на которые порядочная девушка не должна соглашаться никогда (top10a.ru).

Роль цифр в данных заголовках состоит в ранжировании единиц информации, представляющей интерес для массового читателя (в максимальном проявлении – сенсационность), или в демонстрации ранжиро-

¹ Из исследований по дискурсу, тексту (включая медиадискурс) известно, что чаще бывает наоборот. Однако и такое направление развития того, что может быть названо стереотипизацией, не является невозможным. Это положение восходит к концепции М.М. Бахтина, который много внимания уделял явлениям переакцентуации речевых жанров и особенно – развитию вторичных РЖ. Бахтин показал, что в основе развития вторичных РЖ могут лежать различные динамические процессы: изменение сферы использования жанра (*просьба и молитва, угроза и дипломатическая нота*), включение реплики в иной диалогический контекст (непосредственная реплика в устной речи и такая же по форме реплика в диалоге персонажей романа) [4. С. 161–170]. Последователи Бахтина (Н.В. Орлова, Ю.В. Щурина, В.В. Дементьев и др.) в большинстве сходятся в том, что меняется скорее общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Исторически изменение какого-либо компонента фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) часто приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра непременно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеским разговором*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов. Меняться могут и более абстрактные вещи (например, само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи).

вания. (Как уже было сказано, использование цифр помогает привлечь внимание читателя, позволяет повысить интерес и доверие к содержащемуся в заголовке утверждению и тексту, поэтому их часто используют авторы даже в тех случаях, когда, казалось бы, они не нужны – см. примеры ниже.)

Не рассматриваем заголовки публикаций, лишенные характеристик списочности и оценочной ранжированности, типа: *Новый автомобиль развивает скорость до 300 км/ч; После митинга оппозиции полиция задержала 11 человек; Потери в Сирии за три года: семь вертолетов, восемь самолетов и 42 человека*; лишенные семы сенсационности, типа *Законопроект принят, получив 64 проц. голосов в Думе*.

При обсуждении структурных особенностей рассматриваемого нового для Рунета феномена следует учитывать, что он заимствованный: первоначально получил широкое распространение в англоязычном Интернете (*What 10 things should you do every day to improve your life?*; *8 Things The World's Most Successful People All Have in Common*; *7 Things That Self-Made Billionaires Do Differently*).

Лингвистами (западными) данный феномен отчасти уже исследовался в различных аспектах – см. о таких «списочных» заголовках, текстах, классификациях, в том числе юмористических / пародийных, в работах [5–8]). По мнению этих исследователей, широкое распространение данного феномена (кстати, иногда он называется ими *жанром*, иногда *субжанром*) началось в 1970-е гг. в англоязычной офисной среде как реакция на распространение, с одной стороны, инструкций, с другой – копировальной и множительной техники. Впоследствии данный прием проникает в тексты медиа, юмористический дискурс (офисный фольклор, анекдоты). Иногда даже выделяют новый жанр информационно-развлекательной журналистики *листикл* (статья-список, англ. listicle: list + article), использующий в качестве композиционного принципа организации текста нумерованный список, что почти обязательно отражается в заголовке («Десять причин начать бегать», «Семь городов, которые надо посетить в Италии»). К жанровым особенностям листиклов относятся наличие оценочной шкалы при ранжировании включенных в него пунктов («10 лучших альбомов прогрессивного рока», «Семь лучших ресторанов Москвы») и изложение материала в виде коротких пунктов – *буллетов* (англ. bullet ‘пуля’), выполняющих роль ёмкой подачи информации: буллет резко бросается в глаза, заостряет внимание на важных характеристиках и преимуществах товара в рекламе. Данный жанр получил распространение и в русской словесности. Появились даже руководства для тех блогеров, которые хотели бы освоить листикл: <https://aptxt.com/kak-napisat-listikl.html>.

Многие рассматриваемые нами публикации представляют собой переводы, копипасту, компиляции с западных (отсюда – ошибки перевода, плохой русский язык многих текстов, в том числе заголовков, не вполне естественное построение фраз на русском языке и т.п.):

12 вещей, которые покажут **все различие** между мужчинами и женщинами (adme.ru);

Я учу людей тому, как получать счастье от жизни, – вот **4 очевидных признака** того, что настало время искать новую работу (hr-portal.ru);

6 самых изменщиц по знакам зодиака (nicstyle.ru);

«Хватит это терпеть!» 10 вещей, совершаемых на публике, которые **ведут** любого (life.ru).

Как явление Рунета, насколько нам известно, данный прием еще не исследовался, несмотря на широкое распространение. Давать заголовок такого типа в последнее время позволяют себе все больше интернет-изданий, интернет-медиа и подоб., причем не только развлекательные, но и серьезные или претендующие на серьезность – ср.:

Медики назвали пять безошибочных признаков подозрений на рак (svpressa.ru);

Названы четыре причины резкого обострения в Донбассе (vz.ru);

Биткоин будет стоить \$100 000. 8 доказательств (rbc.ru);

7 причин идти учиться в колледж после девятого класса *Преподаватель колледжа – об отсутствии ЕГЭ, доступной цене и трудоустройстве* (mel.fm).

Данные заголовки анализируются нами в структурном (лексическая, морфологическая и синтаксическая формы заголовка), тематическом, семантико-прагматическом (включая важнейшие прагматические компоненты: адресант и адресат, иллокутивная цель, отсюда типы: советы, информирование, развлечение, воздействие: эмоциональное, эстетическое) и коннотативном (сенсационность) аспектах.

Для того чтобы выявить тенденции более определенно, используется абсолютный и относительный (процентный) количественный анализ, которому был подвергнут исследуемый материал по целому ряду параметров. Ценность полученных результатов представляется разной, и часть из них мы, учитывая ограниченность объема статьи, не приводим (например, связь с числом *n* степени экспликации адресанта и адресата: формы без экспликации адресанта и адресата, формы с экспликацией адресата, формы с экспликацией адресанта). Приводятся наиболее показательные результаты. Дадим некоторые пояснения, как они рассчитывались. Прежде всего, количественному анализу были подвергнуты лексемы в составе заголовков – эти результаты даются в табл. 1 и 2, в абсолютных значениях без округлений. Переводить их в проценты мы не считаем целесообразным. Для остальных параметров – структурных и иллокутивных типов заголовков – приводятся относительные показатели. Рассчитывались они следующим образом. Как уже было сказано, общий объем анализируемого материала – ок. тысячи заголовков (точнее, 1078, но это отличие не представляется принципиальным). Поэтому количество примеров того или иного типа легко переводилось в проценты, которые иногда округлялись (стремление

преодолевать статистическую погрешность представляется и непродуктивным и недостижимым по причине относительности многих формальных и содержательных типов: один и тот же пример нередко может быть отнесен сразу к нескольким типам – см. ниже). Таким же образом рассчитывалась степень тяготения конкретных цифр в заголовке к типам заголовков и типам языковых структур.

Формальная структура заголовка

Синтаксис

Все рассматриваемые заголовки имеют предикативную структуру; чаще всего это непредикативные словосочетания (их 60% от всех примеров – см. ниже количественные данные для более частных типов) или двусоставные предложения с глаголом в наст. вр. (другое время глагола используется редко; еще реже используются неизъявительные наклонения); или это конструкции с придаточными предложениями. Количественное словосочетание с цифрой, которое нас интересует, представляет собой подлежащее главного предложения, в качестве левого зависимого члена к нему обычно относится указат. мест. *эти* (в случае двусоставного предложения без придаточного), в качестве правого – собственно придаточное (чаще всего определительное); в этом случае к существительному *X* в составе счетного словосочетания может относиться левый член – прилагательное *Y* – или нет. В некоторых случаях (редко) количественное словосочетание с цифрой является не подлежащим, а второстепенным членом.

Три основных типа структуры с точки зрения места основного носителя актуальной информации (во всех словосочетание с цифрой находится в начальной позиции):

I. Непредикативное словосочетание (довольно редкий тип: ок. 15%): *X* в нем представлен содержательно полными (автосемантическими) существительными без прилагательного *Y* или содержательно неполными (десемантизированными, абстрактными) синсемантическими существительными с прилагательным *Y*.

Таким образом, у типа **I** есть два подтипа:

Ia. Непредикативное словосочетание **без *Y*** (примерно треть заголовков типа **I**, т.е. 5% от общего количества заголовков):

6 признаков глупого человека (zen.yandex.ru);

12 правил мудрой женщины (zen.yandex.ru);

Iб. Непредикативное словосочетание с *Y* (иногда в превосх. ст.) (соответственно 10%):

8 **неочевидных** признаков бедного человека (adme.ru);

7 **детективных** загадок для настоящих маэстро логики (adme.ru).

При усложнении структуры появляется придаточное предложение, тогда интересующая нас часть с цифрой находится в начальной позиции главной части подчинительной конструкции, *X* в главной части – непред-

кативном словосочетании – может быть синсемантической лексемой без характеризующего прилагательного **У**, роль которого в данном случае играет придаточное предложение.

Придаточное в абсолютном большинстве случаев (ок. 80%) определенное, чаще всего связанное с главным при помощи слова *который* (ок. 75%), ок. 15% – дополнительные с союзом *что*; на долю остальных типов придаточных приходится менее 5%.

При этом противопоставляются:

II. Конструкция с придаточным, где не только словосочетание с цифрой, но и носитель актуальной информации находится в главной части (самый редкий тип – 10%):

12 распространенных мифов о солнцезащитных кремах, в которые мы продолжаем верить (adme.ru);

12 советов звездных стилистов, которые знают толк в шикарном образе (adme.ru);

III. Конструкция с придаточным, где носитель актуальной информации находится в придаточной части (самый распространенный тип – ок. 50%):

У типа **III**, как и у типа **I**, есть два подтипа:

IIIa. Конструкция с придаточным **без У** в главном предложении (ок. 15%):

24 человека, которые за убийственным ответом на простой вопрос в карман не полезут (adme.ru);

18 фото, после которых вы точно захотите сделать себе ещё несколько проколов в ушах (onedio.ru);

IIIб. Конструкция с придаточным с **У** (ок. 35%):

7 простых советов, чтобы остаться здоровым в доме с простуженным человеком (adme.ru);

16 честных фото, всю боль которых поймут только брюнетки (onedio.ru).

IV. Конструкция с придаточным смешанного типа, где актуальная информация находится в обеих частях: и в главной и в придаточной (ок. 25%).

У типа **IV** также можно выделить два подтипа (их противопоставление – наиболее трудный случай):

IVa. Содержательно осложненная конструкция, где две части взаимно дополняют друг друга (ок. 20%):

12 харизматичных пенсионеров, которые плевать хотели на то, сколько им лет (adme.ru);

20 жизнерадостных животных на отдыхе, от одного вида которых вам станет уютно (twizz.ru);

IVб. Содержательно осложненная конструкция, где актуальная информация содержится в обеих частях, причем **они противоречат друг другу** (5%):

16 бредовых фактов, которые оказались чистой правдой (adme.ru);

17 увлекательных картинок, которые можно понять, лишь взглянув на них дважды (onedio.ru).

- **Левый контекст** у цифры – довольно распространенное и структурно разнообразное явление. Не выделяя типы, ограничимся примерами, иллюстрирующими это разнообразие:

Вы точно надорвёте животы от смеха, увидев эти 15 фото, сделанных на борту самолёта (onedio.ru);

«Ну почему мне так не везет?», или 20 неприятностей, над которыми стоит посмеяться (onedio.ru);

Хлам, да не совсем: 8 старых вещей, которые сегодня стоят баснословных денег (yarplakal.com).

Выделяется своей стандартностью левый контекст «Топ-...» (с двоеточием или без): в нашем материале 12 примеров, вот некоторые:

ТОП-10 самых отвратительных ОШИБОК в речи. ГОВОРИТЕ ГРАМОТНО! (zen.yandex.ru);

ТОП-4 вещей, которых не должно быть в гардеробе после 50: они вас старят! (strana-sovetov.com).

- **правый контекст** – более редкое явление:

11 ужасающе распространенных разрушительных мыслей и чувств: **по рассказам психотерапевтов** (onedio.ru);

6 причин ностальгии по бывшим. **И это не любовь...** (flytothesky.ru).

Назовем без подробного анализа еще ряд вариантов формы заголовков, также обусловленных наличием цифры и функцией привлечения внимания, но менее распространенных:

- другие типы придаточных (кроме определительных и дополнительных):

Если ты делаешь эти 13 вещей, то хозяйшкой тебе не стать (snatchnews.com);

19 настолько милых фотографий, что вам стоит бросить всё и немедленно взглянуть на них (twizz.ru);

10 великолепных комедий для женщин, чтобы просто расслабиться (все – амер. – В.Д.) (twizz.ru);

- осложнения при помощи фразеологизмов, паремий, прецедентные тексты и т.п. – интересное, но малораспространенное явление – возможно, из-за того, что многие тексты переводные:

19 неожиданных фактов о нашей планете, которые **как гром среди ясного неба** (twizz.ru);

Век живи, век учись: 7 главных ошибок, которые мы допускаем при приготовлении картофельного пюре (onedio.ru).

Доля заголовков без прилагательных *У* – ок. 40%; доля с прилагательными *У* – ок. 60%; когда это неделимое (фразеологизованное) сочетание – 25% (трудных и промежуточных случаев – 10%).

Учет знаков препинания (восклицательные знаки, кавычки, запятые, двоеточия, а также использование заглавных букв) мы не вели.

Лексика

Все лексемы, выступающие в функции *X*, *Y* в анализируемой тысяче заголовков, и, конечно, *n* – числительные приведены с частотностью в табл. 1 и 2 по алфавиту и в порядке убывания частотности (слова даны в начальной форме).

Таблица 1

Лексемы, выступающие в функции *X*, *Y* (по алфавиту)

<i>n</i> (число: цифрами)	<i>X</i> ₁ (исчисляемое слово) (существительное)	<i>Y</i> ₁ (характеристика <i>X</i> ₁) (прилагательное)
1 (один, одна, един-единственный) (3); 2 (два, две) (3); 3 (три) (18); 4 (четыре) (24); 5 (пять) (86); 6 (шесть) (38); 7 (семь) (74); 8 (46); 9 (45); 10 (113); 11 (35); 12 (37); 13 (19); 14 (25); 15 (85); 16 (29); 17 (30); 18 (31); 19 (13); 20 (76); 21 (11); 22 (17); 23 (14); 24 (5); 25 (37); 26 (6); 27 (3); 28 (5); 29 (4); 30 (14); 33 (1); 35 (1); 40 (1); 50 (1)	альбинос (1); афоризм (2); боевик (1); вещь (86); вопрос (17); гифка (1); действие (2); деталь (1); дизайнер (2); женщина (52); животное (15); загадка (4); закон (5); знак (23) (знак зодиака – 19); знаменитость (12); идея (5); изобретение (4); истина (2); кадр (3); карикатура (1); киноляп (2); ключ (1); комедия (1); кот (7); лайфхак (3); ляп (3); маразм (3); маскот (1); мексиканка (1); мелочь (мелочь жизни) (3); миф (6); момент (10); мужчина (26); навык (2); «нет» (!) (1); неудачник (3); ошибка (16); пара (4); перевоплощение (2); перл (1); подробность (1); показатель (1); последствие (2); предложение (1); предсказание (1); привычка (13); прием (5); признак (78); прикол (0); пристрастие (1); причина (25); провал (2); просчет (1); различие (1); разочарование (1); растение (2); реклама (2); ректор (1); ругательство (1); свидетельство (1); секрет (5); сигнал (4); случай (14); СМС (2); снимок (8);	безбашенный (2); безнадёжный (безнадёжный романтик) (2); беспощадный (2); богатый (3); бредовый (1); важный (5); вдохновляющий (1); везучий (1); великодушный (4); верный (2); восхитительный (4); гениальный (9); главный (7); глубокомысленный (1); глупый (3); горький (2); действенный (2); дизайнерский (3); дорогуший (2); дурной (дурная привычка) (1); женский (11); жестокий (1); жизненный (7); жуткий (5); жгучий (1); забавный (и забавнейший) (8); завалившийся (2); занимательный (3); захватывающий (1); звездный (4); знатный (1); золотой (1); идеальный (6); идиотский (1); интересный (8); интимный (1); каждый (0); классический (1); классный (2); коварный (1); когнитивный (1); красивый (7); креативный (2); крутой (14); культовый (3); курьезный (0); легендарный (2); ложный (1); любопытный (1); меткий (1); милый (3) (милашный – 1); мимишный (0); модный (4); мощный (2); мужской (8); надежный (1); научный (4); неадекватный (1); неверный (1); «невинный» (1); некрасивый (2); нелепый (2); неожиданный (8); неочевидный (5); несомненный (1); нестандартный (1); нетривиальный (1); неудачный (2); ностальгический (2); няшный (0); обалденный (2); оправданный (0); оптимистический (1); остроумный (2); отвратительный (5); очаровательный (3); переоцененный (1); позитивный (1); полезный (4); поразительный (3); порочный (4); потрясающий (4); предупреждающий (1); прелестный (1); прикольный (3); провальный (1); проверенный (1); простой (14); пугающий (2); работающий (1); развеселый (1); развратный (1); раздражающий (2); распространенный (6); секретный (1);

п (число: цифрами)	X ₁ (исчисляемое слово) (существительное)	Y ₁ (характеристика X ₁) (прилагательное)
	собака (5); совет (19); создание (1); способ (23); страна (5); страх (1); супергерой (1); табличка (1); тату (татуировка) (8); твит (1); тезис (1); тип (13); торт (1); упражнение (4); факт (37); фактор (1); фейл (1); фильм (35); фишка (2); фото (42) + фотография (58); фоторобот (1); фраза (14); хитрость (1); ценность (1); цитата (11); человек (люди) (33+34); чужак (0); шаг (3); шуточка (1)	сексуальный (1); слабый (2); смешной (9); смущающий (1); странный (наистраннейший, ну очень странный) (21); сумасшедший (2); тайный (3); тревожный (2); трогательный (1); удивительный (8); ужасный (3); умопомрачительный (1); уморительный (9); уникальный (1); харизматичный (2); хитрый (3); худший (2); честный (3); чудаковатый (1); шедевральный (2); шикарный (5); шокирующий (1); эпатажный (0); эпичный (1); эротический (1); явный (5); яркий (4)

Т а б л и ц а 2

Лексемы, выступающие в функции X, Y (в порядке убывания частотности)

п (число: цифрами)	X ₁ (исчисляемое слово) (существительное)	Y ₁ (характеристика X ₁) (прилагательное)
10 (113); 5 (пять) (86); 15 (85); 20 (76); 7 (семь) (74); 8 (46); 9 (45); 6 (шесть) (38); 12 (37); 25 (37); 11 (35); 18 (31); 17 (30); 16 (29); 14 (25); 4 (четыре) (24); 13 (19); 3 (три) (18); 22 (17); 23 (14); 30 (14); 19 (13); 21 (11); 26 (6); 24 (5); 28 (5); 29 (4); 1 (один, одна, один-единственный) (3); 2 (два, две) (3); 27 (3); 33 (1); 35 (1); 40 (1); 50 (1)	вещь (86); признак (78); человек (люди) (33+34); фотография (58) + фото (42); женщина (52); фото (42); знак (23) (знак зодиака – 19); факт (37); фильм (35); мужина (26); причина (25); способ (23); совет (19); вопрос (17); ошибка (16); животное (15); фраза (14); случай (14); привычка (13); тип (13); знаменитость (12); цитата (11); момент (10); снимок (8); тату (татуировка) (8); кот (7); миф (6); закон (5); идея (5); прием (5); секрет (5); собака (5); страна (5); загадка (4); изобретение (4); пара (4); сигнал (4); упражнение (4); кадр (3); лайфхак (3); ляп (3); ма-разм (3); мелочь (мелочь жизни) (3); неудачник (3); шаг (3); афоризм (2); действие (2); дизайнер (2);	странный (наистраннейший, ну очень странный) (21); крутой (14); простой (14); женский (11); гениальный (9); смешной (9); уморительный (9); забавный (и забавнейший) (8); интересный (8); мужской (8); неожиданный (8); удивительный (8); главный (7); жизненный (7); красивый (7); идеальный (6); распространенный (6); важный (5); жуткий (5); неочевидный (5); отвратительный (5); шикарный (5); явный (5); великолепный (4); восхитительный (4); звездный (4); модный (4); научный (4); полезный (4); порочный (4); потрясающий (4); яркий (4); богатый (3); глупый (3); дизайнерский (3); занимательный (3); культовый (3); милый (3) (милашный – 1); очаровательный (3); поразительный (3); прикольный (3); тайный (3); ужасный (3); честный (3); безбашенный (2); безнадежный (безнадежный романтик) (2); беспощадный (2); верный (2); горький (2); действенный (2); дорожный (2); заваливающийся (2); классный (2); креативный (2); легендарный (2); мощный (2); некрасивый (2); нелепый (2); неудачный (2); ностальгический (2); обалденный (2); остроумный (2); пугающий (2); раздражающий (2); сла-

n (число: цифрами)	X_1 (исчисляемое слово) (существительное)	Y_1 (характеристика X_1) (прилагательное)
	истина (2); киноляп (2); навык (2); перевоплощение (2); последствие (2); провал (2); растение (2); реклама (2); СМС (2); фишка (2); альбинос (1); боевик (1); гифка (1); деталь (1); карикатура (1); ключ (1); комедия (1); маскот (1); мексиканка (1); «нет» (!) (1); перл (1); подробность (1); показатель (1); предложение (1); предсказание (1); страсти (1); просчет (1); различие (1); разочарование (1); ректор (1); ругательство (1); свидетельство (1); создание (1); страх (1); супергерой (1); табличка (1); твит (1); тезис (1); торт (1); фактор (1); фейл (1); фоторобот (1); хитрость (1); ценность (1); шуточка (1); прикол (0); чужак (0)	бый (2); сумасшедший (2); тревожный (2); харизматичный (2); хитрый (3); худший (2); шедевральный (2); бредовый (1); вдохновляющий (1); везучий (1); глубокомысленный (1); дурной (дурная привычка) (1); жгучий (1); жестокий (1); захватывающий (1); знатный (1); золотой (1); идиотский (1); интимный (1); классический (1); коварный (1); когнитивный (1); ложный (1); любопытный (1); меткий (1); надежный (1); неадекватный (1); неверный (1); «невинный» (1); несомненный (1); нестандартный (1); нетривиальный (1); оптимистический (1); переоцененный (1); позитивный (1); предупреждающий (1); прелестный (1); провальный (1); проверенный (1); работающий (1); развеселый (1); развратный (1); секретный (1); сексуальный (1); смущающий (1); трогательный (1); умопомрачительный (1); уникальный (1); чудачковатый (1); шокирующий (1); эпичный (1); эротический (1); каждый (0); курьезный (0); мимишный (0); няшный (0); оправданный (0); эпатажный (0)

Цифры / числительные *n* могут и должны быть любыми – если читателю предлагаются результаты некоторых статистических исследований, опросов и т.п., т.е. претендующая на объективность информация; но тот факт, что количество круглых цифр и полукруглых, т.е. оканчивающихся на 5, очень значительно преобладает, говорит о том, что результаты часто подгоняются под «эффектную цифру». Весьма вероятно, составители полагают, что очень большие цифры могут попросту отпугнуть «простого» читателя. Количественно 5 почти в четыре раза больше, чем 4, 7 – чем и 6 и 8, 12 в два раза больше, чем 13, 25 – почти в 7 раз больше, чем и 24 и 26.

Существительные *X* четко делятся: 1) на абстрактные или десемантизированные синсемантические (даны по убыванию частотности, как в табл. 2: *вещь, признак, знак, факт, причина, способ, совет, вопрос, случай, тип, момент, идея, прием, сигнал, шаг, действие, истина, фишка, деталь, подробность, показатель, свидетельство, фактор*), которых большинство (ок. 50%) и которые в целом малоинформативны; 2) неабстрактные, но тоже в значительной степени синсемантические: *человек / люди, фотография / фото / снимок*; 3) неабстрактные и недесемантизированные автосемантические лексемы, которые можно разделить на довольно отчетливо противопоставленные группы, в целом соответствующие тематике новостного топа в браузере (см. ниже).

Интереснее и показательнее, как представляется, лексический состав группы *У*: здесь прежде всего стоит отметить, что лексемы делятся на нейтральные (их меньшинство) и оценочные, особенно много ярко-оценочных, экспрессивных, в том числе нелитературных, жаргонизмов, заимствований, неологизмов и окказионализмов. Отдельно следует сказать о (небольшой) группе, наоборот, подчеркнуто книжных и/или научных терминов, которые тоже (но в другом смысле) являются источником экспрессии (а значит, в этом контексте тоже обычно становятся оценочными (*классический, когнитивный, креативный, культовый, харизматичный*)).

Слова типа *прикол, чудака (Х)*, а также *курьезный, мимшишный, няшный, оправданный, эпатажный (У)* были ожидаемы нами в рассматриваемом явлении, но не встречены; мы решили для более наглядного общего представления лексики вставить их в общий список с нулевой частотностью.

Семантика и прагматика

Использование цифр в сильной позиции является также средством сделать более убедительной и действенной аргументацию, поэтому данный прием востребован в таких жанрах, как *споры* (в случае медиа – в текстах с остродискуссионным содержанием), *советы*, а также *реклама* (прямую рекламу обычно отсекают и контент-агрегаторы; но скрытой рекламы (типа: *Я даже не знал, что мечтал об этих 22 вещах, пока не увидел их*) и в рассматриваемых нами текстах очень много).

Говоря о **сенсационности**, присущей рассматриваемым заголовкам с цифрами, следует подчеркнуть, что почти полностью отсутствует так называемая *желтая сенсационность*, эксплуатирующая низменные инстинкты, обыгрывающая унижение человеческого достоинства, содержащая оскорбительные характеристики, диффамации, грязные намеки [10]. Это не значит, что такие медиа не используют заголовки с цифрами – просто новостной контент-агрегатор отфильтровывает скандальные, экстремистские, клеветнические, непристойные и грубые тексты, и они скорее исключение, чем правило:

5 российских актрис, которые попали на экран через постель (zen.yandex.ru);

10 Самых Развратных Женщин В Истории (pure-t.ru).

Отсутствуют также черный юмор и мат.

При этом другой тип сенсационности, присущий желтым медиа, – простодушно-хвастливая, но не содержащая прямых нарушений этических норм, – встречается часто; кроме того, часто невозможно решить, всерьез или в шутку (самоирония) автор статьи высказывает иногда поразительные по своему масштабу претензии, подобные следующим:

4 ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ШАГА, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ВСЕГО, ЧЕГО ХОЧЕШЬ (ДАЖЕ ЛЮБВИ) (cluber.com.ua);

7 истин о жизни, которые вам необходимо услышать прямо сейчас (flytothesky.ru);

15 гениальных лайфхаков, которые никогда не приходили вам в голову (onedio.ru);

Правила умных людей: 8 «нет», которые приведут к успеху (flytothesky.ru).

Темы

Выявить какие-то особые темы, к которым «тяготеют» заголовки с цифрами, по-видимому, невозможно, как и выделить темы, которым противопоставлены заголовки с цифрами. Но можно и нужно, проанализировав материал, выделить наиболее частотные темы, статьи на которые имеют заголовки с цифрами.

- Наиболее распространенная тема – **психология**, где по частотности с большим отрывом лидирует тема межличностных отношений, особенно отношений между полами, но не только: от вполне практических советов, как наладить отношения, как найти свою половину, как привлечь понравившегося мужчину / женщину, распознать ложь, противодействовать манипуляторам и т.п. – до занятных примеров и наблюдений над отношениями, в которых есть нечто комическое, забавное, необычное или просто вызывающее интерес (ок. 25%).

10 признаков, помогающих распознать токсичные отношения в самом начале (adme.ru);

7 уроков из любых закончившихся отношений (flytothesky.ru);

26 несомненных признаков того, что вы встретили истинную любовь (flytothesky.ru).

- С этой темой тесно пересекается тема человеческих **характеров и классификаций человеческих типов** на основе каких-либо психологических, характерологических, социальных, физиологических, астрологических и т.д. особенностей (выделяются: неудачники / лузеры, гении, различные темпераменты, социальные роли, знаки зодиака, некоторые профессии, национальные характеры (и стереотипы) (в том числе в сравнении) (ок. 10%):

4 типа мужчин, от которых нужно бежать уже на первом свидании (gurutest.ru);

12 признаков того, что вы безнадежный романтик (flytothesky.ru);

11 законов, по которым живут все скучные люди (adme.ru).

Особенно популярны классификации:

- **астрологические** (знаки зодиака) (ок. 5%):

21 секрет всех рожденных под знаком Рак! Удивитесь! (snatchnews.com);

6 самых бескорыстных и неэгоистичных знаков зодиака (flytothesky.ru);

- **«женские»** (выделяются типы женщин: настоящая, умная / мудрая, сильная, деловая, (не)уверенная в себе, состоявшаяся, желанная, дешевая, жадная, роскошная...) (ок. 5%):

12 правил мудрой женщины (zen.yandex.ru);

9 ужасных привычек, которых не должно быть у настоящей женщины (zen.yandex.ru);

9 вещей, с которыми мудрая женщина не будет мириться в отношениях (zen.yandex.ru);

• **национальные характеры (и стереотипы) / «занимательное страноведение»** (ок. 5%):

5 основных отличий американцев от русских (zen.yandex.ru);

5 минусов жизни в Германии. Откровения русской девушки (zen.yandex.ru);

Гаумарджос! 11 правил и лайфхаков грузинского застолья *Наконец ты узнаешь, как к месту употреблять слово «алаверды» и какое вино полагается пить настоящим мужчинам!* (zen.yandex.ru).

К частотным темам также относятся:

• **знаменитости** (актеры, спортсмены, звезды / звездные пары) (ок. 1%):

14 знаменитых женщин, которые гораздо моложе, чем вы думаете (все – западные) (onedio.ru);

6 звездных пар, которым удалось сохранить любовь со школьной скамьи (snatchnews.com);

• **внешность, одежда** (ок. 1%):

11 трюков, с которыми девушка пышных форм будет выглядеть на фото по-голливудски (adme.ru);

35 лучших косплеев, которые могли сделать только люди с богатой фантазией (adme.ru);

• **кино** (ок. 1%):

10 деталей в знаменитых фильмах, которые мы стали замечать, только когда повзрослели (фильмы только западные) (adme.ru);

28 кадров со съемочных площадок, которые расскажут кое-что новое об известных фильмах (adme.ru).

• Значительно меньше представлены такие темы (и это кажется странным), как профессии, технические советы и наблюдения, медицина, спорт, кулинария, история, эзотерика и магия (все – меньше 1%). Несколько примеров:

11 дорожных вещей для интерьера, которые запросто можно сделать своими руками (adme.ru);

20 тортов, от которых потекут не только слюни, но и слезы от смеха (adme.ru);

6 способов, как перестать поглощать чужую негативную энергию (zen.yandex.ru).

• Более многочисленной оказалась группа, которая может быть условно названа **лингвистической**: ортологические нормы, спор, дискуссия, ораторское искусство, риторические приемы, правила этикета, ругательства (ок. 3%):

9 слов, которые путают 90% людей (zen.yandex.ru);

Small Talk. 4 способа провести короткую беседу, не оставаясь неуклюжим или скучным (hr-portal.ru);

10 ругательств, которые исчезли из русского языка (snatchnews.com).

• Наконец, несколько условно выделяем в качестве самостоятельной довольно большую группу статей, сильно отличающуюся от всех вышена-

званных – **текстовых**: представляющие собой подборки анекдотов, поговорок, цитат-изречений, афоризмов, загадок, объявлений, переводов, открыток, демотиваторов, комиксов, тестов, твитов, реклам, смешных ляпов и «маразмов», косплеев, записок (детск.), татуировок и т.п. (ок. 2%):

15 афоризмов из книги «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше (eksmo.ru);

12 цитат из «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева (zen.yandex.ru);

14 свежих маразмов из книг и учебников, от которых волосы встают дыбом (adme.ru);

15 ироничных открыток, которые будут по душе только тем, у кого есть чувство юмора (fishki.net).

Иллокутивные цели / типы

И темы, о которых шла речь, и цифры в заголовках обусловлены общей главной целью – привлечь внимание читателя, создать у него / нее впечатление интересного и / или полезного материала. Эта цель достигается при помощи ряда прагматических средств, которые обсуждаются в этом параграфе. К важнейшим относятся создание образа адресанта – знающего, доброжелательного, веселого – и адресата – «простого», отчасти смешного, но безусловно симпатичного обывателя, чьи знания не столько малы, сколько именно «просты», обычны и полностью лишены научной или специальной информации – по этой причине им / ею часто совершаются ошибки и он / она нуждается в помощи специалистов.

Прежде всего, выделяются две наиболее общие иллокутивные цели, которые могут быть охарактеризованы как **п р а к т и ч е с к а я** (ок. 20%) и **р а з в л е к а т е л ь н а я** (ок. 80%). Практическую представляют советы в разных областях и сферах деятельности (они в большинстве совпадают с темами, выделяемыми в предыдущем разделе), развлечения более разнообразны и включают юмор, анекдоты, занятные истории, биографии, фанфики, а также фотографии и видео и т.д. Еще одна большая группа – интересная и неповседневная информация – в этом отношении, по видимому, не составляет самостоятельной иллокутивной цели и может быть распределена между первой и второй группами.

• Полезные **советы** (эта иллокутивная цель / жанр речи отличается от остальных тем, что часто имеет достаточно четкие **ф о р м а л ь н ы е** **п о к а з а т е л и** :

а) собственно слово *совет* (обычно в позиции **X**, но не только):

10 **советов** как общаться с пожилым человеком с деменцией (zen.yandex.ru);

7 простых **советов**, чтобы остаться здоровым в доме с простуженным человеком (adme.ru);

б) повелительное наклонение глагола (часто с «не»):

Хотите улучшить свою жизнь? **Подумайте** над этими 5 простыми вещами (flytothesky.ru);

Не носите это! 5 вещей, которые разрушают вашу энергетику (esoterichblog.ru);

в) слова *нужно, необходимо, стоит, вы должны, пора, пора бы* и т.п.:

50 вещей, от которых вы **должны** избавиться до следующего Дня рождения (esoterichblog.ru);

17 типов людей, которых **нужно** срочно изолировать от общества (twizz.ru);

12 дурных привычек родом из СССР, от которых давно **пора** избавиться (novate.ru);

г) (отчасти) слово *способ* в позиции **X** (другие частотные слова в этой позиции *правило* и *признак* меньше относятся к совету):

10 **способов** рассказывать так, чтобы люди ловили каждое ваше слово (adme.ru);

8 действенных **способов**, как свести мужчину с ума (zen.yandex.ru);

д) (отчасти) слово *шаг* в позиции **X** (технические, бытовые, медицинские, психологические, а также «магические» советы):

4 ЭЛЕМЕНТАРНЫХ **ШАГА**, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ВСЕГО, ЧЕГО ХОЧЕШЬ (ДАЖЕ ЛЮБВИ) (cluber.com.ua);

Как пережить неприятности: 5 простых **шагов** (zen.yandex.ru);

е) слово *ошибка* в позиции **X**:

9 самых крупных **ошибок**, совершаемых женщинами в отношениях (flytothesky.ru);

11 **ошибок** в макияже, которые вас старят (wday.ru);

ж) слова *действенный, работающий* в позиции **Y**:

Как управлять мужчиной: 5 **действенных** приемов манипуляции (gurutest.ru);

10 **работающих** стратегий флирта, которые сократят дистанцию при первом знакомстве (flytothesky.ru);

з) слово *идея*:

14 **идей** для отдыха на природе, которые явно придумали гении (adme.ru);

15 простых **идей** из картонной коробки, которые сделают дом комфортнее (adme.ru);

Типы советов, повторяем, разнообразны – почти так же, как темы:

- психология:

6 психологических секретов, которые помогут «читать людей» (zen.yandex.ru);

6 простых советов, которые помогут избавиться от плохого настроения (zen.yandex.ru);

- межличностные отношения:

10 способов закончить отношения проще, чем это делает большинство (adme.ru);

Эти 13 железных правил должны соблюдать все родители для безопасности своих детей (adme.ru);

10 тревожных «звоночков», которые нельзя прощать мужчине (flytothesky.ru);

- внешность, одежда:

7 идей, как в 35 выглядеть еще лучше, чем в 25 (adme.ru);

10 вещей, которые давно пора выбросить из гардероба (adme.ru);

- финансы:

11 способов накопить денег, даже если вы не из семьи Рокфеллеров (adme.ru);

4 способа заработать на своем хобби (zen.yandex.ru);

- безопасность:

Эти 13 железных правил должны соблюдать все родители для безопасности своих детей (adme.ru);

6 явных признаков, что ваш телефон взломали (adme.ru);

- физкультура и спорт:

9 упражнений, которые не стоит делать, если вы мечтаете о женственной фигуре (adme.ru);

7 упражнений для плоского живота и тонкой талии, которые можно делать не вставая со стула (adme.ru);

- кулинария:

Просто добавь... пива: 10 шикарных блюд с этим хмельным напитком (onedio.ru);

5 продуктов, которые нельзя мыть перед приготовлением, и 5 – которые нужно (adme.ru);

- «флиртовые» советы:

10 флиртовых сообщений, от которых ваш партнёр растает после первого свидания (onedio.ru);

10 работающих стратегий флирта, которые сократят дистанцию при первом знакомстве (flytothesky.ru).

Вторая основная иллюкутивная цель – стремление развлечь, как мы уже говорили, представлена очень большим количеством типов (жанров), с трудом поддающихся систематизации.

Назовем наиболее распространенные:

- приятные (веселые, добрые и т.п.) сюжеты: красивые фотографии, видеоклипы, текстовые истории (в том числе занимательные биографии, фанфики, цитаты, светские новости, описания из «авторитетных» текстов и авторов) и т.п.:

20 впечатляющих работ конкурса микрофотографии, которые покажут вам другой мир (twizz.ru);

В этой статье нет ничего, кроме 23 фото котов. Ровно 23 фото лучших в мире котов (adme.ru);

20 актрис Голливуда, которые выглядят безумно привлекательно и без макияжа (o.ru);

15 дизайнерских решений для туалетов, которые поразят вас своей оригинальностью (twizz.ru);

18 великолепных книг, которые необходимо прочитать каждой женщине (twizz.ru);

14 крутых мэйк-ап превращений людей, которые моментально вылечат вас от икоты (twizz.ru);

10 потрясающих уличных дуэтов, которые заставят вас испытать слуховой оргазм (life.ru);

- наоборот, неприятные, часто отвратительные сюжеты («страшилки»):

18 доказательств того, что природа может быть действительно страшной (travelask.ru);

10 жутких и странных историй, произошедших с водителями во время поездок по ночной дороге (twizz.ru);

23 примера черного юмора, от которых даже смех и тот ужасен (adme.ru);

19 отвратительных татуировок, при виде которых вам навсегда перехочется бить тату (onedio.ru);

13 отвратительных национальных блюд, которые вы не захотите даже попробовать (onedio.ru);

Ой, какой конфуз! 12 смущающих фото звезд, которые они явно ненавидят всем сердцем (onedio.ru);

19 Фотографий, После Которых Не Захочется Посещать Австралию (pure-t.ru);

18 самых несчастных на свете котиков (womanadvice.ru);

- амбивалентные сюжеты:

11 фото фруктов, которые восхитят вас, и 11 фото, от которых захочется сказать: "Фу, уберите это от меня!" (adme.ru);

11 снимков с фотоловушек, которые доказывают, что в лесу у животных творится черт пойми что (adme.ru);

20 чудачковатых творений людей, странному вкусу которых вы точно не станете завидовать! (onedio.ru);

- эротика, разоблачения с оттенком скандала:

10 грустных фактов о китайцах, которым не дают даже китайки (snatchnews.com);

«Я переспала с его дядей». 6 диких способов мести от тех, кому изменили (life.ru);

11 откровений девушек о самом худшем сексе в их жизни (18+) (onedio.ru);

- юмор:

Юмор прошлого века: 15 иллюстраций, показывающих над чем смеялись наши предки (onedio.ru);

15 остроумных комиксов о жизни кошек и мышек (adme.ru);

22 гениальных маразма, которые нарочно не придумал (adme.ru);

20 уморительных случаев, когда самодельное творчество перешло все границы разумного Народное искусство во всей красе. (twizz.ru);

5 признаков, что вы глупее окружающих (gurutest.ru).

Адресант / автор и адресат

К основным лексическим, грамматическим, стилистическим, прагматическим средствам воздействия на адресата, создания образа адресата, а также регуляции отношений адресанта и адресата относятся следующие.

• **Адресат:** прямо эксплицируется не очень часто, чаще всего – личн. и притяжат. мест. 2 л. мн.ч. (вы, ваш), реже – личн. или притяжат. мест. 2 л. ед.ч. (ты, твой); соответствующие формы глагола (в т.ч. повелит. накл.):

5 мифов, которые **тебе** рассказывают в салоне красоты: не верь! Чтобы не тратить лишних денег, **имей** в виду: эти пять советов можно смело игнорировать! (graziamagazine.ru);

21 секрет всех рожденных под знаком Рак! **Удивитесь!** (snatchnews.com).

Вежливое «вы» говорит об уважении авторов статей (или редакции) к адресату (хотя, понятно, меньше, чем «ты» – о фамиллярности):

5 мифов, которые **тебе** рассказывают в салоне красоты: не верь! *Чтобы не тратить лишних денег, имей в виду: эти пять советов можно смело игнорировать!* (graziamagazine.ru);

Если **ты** делаешь эти 13 вещей, то хозяйшкой **тебе** не стать (snatchnews.com).

К прагматическим средствам управления адресатом – привлечения его / ее внимания, воздействия на эмоции, убеждения, формирования отношения к сообщаемой информации – как к заслуживающей внимания или, наоборот, несерьезной и т.п. – относятся: экспрессивно-оценочная, в том числе нелитературная лексика, жаргонизмы (см. табл. 1 и 2); «сенсационные ключевые слова»: *всегда, никогда, навсегда, моментально, волшебным образом*; а также интенсификаторы (частицы): *только, точно* и т.п.:

16 **невероятно** заботливых владельцев животных, которым срочно нужно вручить медаль (twizz.ru);

16 **наистраннейших** видов оформления бровей, получивших широкую известность в интернете (twizz.ru);

20 **самых жутких** и смешных розыгрышей, которые только можно было придумать (twizz.ru);

Только 7% людей могут решить эту головоломку в уме (zen.yandex.ru);

8 признаков, которые **точно** указывают на инфантильность мужчины (flytothesky.ru);

Главные признаки того, что вы родились ведьмой: Эти знаки нам дают намеки на романтическую жизнь (snatchnews.com);

Единственные 3 вещи, которые делают нас по-настоящему несчастными (infoniac.ru);

Избавьтесь от этих 5 типов людей **немедленно!** (infoniac.ru).

• **Адресант** эксплицирован гораздо реже и менее разнообразно:

Я даже не знал, что мечтал об этих 22 вещах, пока не увидел их (adme.ru);

9 милых созданий, которые гораздо опаснее, чем **мы** думали (adme.ru).

Связь семантики и прагматики с п

Как уже говорилось, семантика и прагматика не равны лексемам в позиции **X** (и **Y**), хотя связь достаточно очевидна – выше мы уже высказывали несколько предварительных соображений о тяготении некоторых лек-

сем к различным прагматическим типам (например, к жанру *совета* – слов *совет*, *способ*, *шаг*, *идея*, *ошибка* в позиции *X*, *действенный*, *работающий* в позиции *Y* и т.п.). Есть ли связь с числом *n*?

Семантические и прагматические параметры и типы, а также несколько структурных типов (простое предложение с *Y* и без *Y*, сложноподчиненное предложение с носителем актуальной информации в главной части и в придаточной части, с *Y* и без *Y* и т.п.) рассчитывались нами (в процентах) для шести групп цифр: 2–5, 6–10, 11–15, 16–20, 21–25, больше 25.

Отдельно был проведен расчет для нескольких конкретных цифр: первых, чемпионов по частотности – 5, 7, 10, 15, 20; во-вторых, наоборот, для аутсайдеров – цифр 4 и 13 (статистика для первого ряда велась отдельно от основной группы, т.е. 2–5 без 5, 6–10 без 7 и 10, 11–15 без 15, 16–20 без 20; для второго – в составе ее, т.е. 2–5 без 5, но с 4, 11–15 без 15, но с 13).

Было установлено, что доля наиболее частотных цифр 10, 5, 15, 20, 7 больше в преобладающих семантических, прагматических и структурных типах: а) в жанре *совета* (доля цифр 2–5 в заголовках, относящихся к жанру совета, – 1%, 4 – 2%, 5 – 17%, 6–10 – 14%, 7 – 7%, 10 – 11%, 11–15 – 12%, 13 – 1%, 15 – 17%, 16–20 – 11%, 20 – 7%, 21–25 – 2%, более 25 – 1); б) каноническом структурном типе **IIIa** (2–5 – 0%, 4 – 0%, 5 – 4%, 6–10 – 3%, 7 – 1%, 10 – 2%, 11–15 – 2%, 13 – 0%, 15 – 4%, 16–20 – 2%, 20 – 1%, 21–25 – 0%, более 25 – 0); в) формах без экспликации адресанта и адресата, г) в настоящем времени изъявительного наклонения.

Доля редких, малотипичных цифр больше в информационно-развлекательных заголовках на разные темы (2–5 – 2%, 4 – 3%, 5 – 6%, 6–10 – 6%, 7 – 4%, 10 – 3%, 11–15 – 7%, 13 – 1%, 15 – 7%, 16–20 – 4%, 20 – 2%, 21–25 – 1%, более 25 – 1), малохарактерных структурных типах **Ia**, **Ib**, **II** и **IV**.

Выводы

Итак, нами был осуществлен начальный лингвистический и прагматический анализ заголовков с цифрами в интернет-медиа, в центре внимания были сенсационность, статистичность («списочность»), рейтинговость. В результате было показано, что структура заголовка, содержащего цифры, знает ряд закономерностей, соответствий (прежде всего статистических) и образует ряд типов. Использование цифр в заголовке приводит к тому, что сами тексты, имеющие такие заголовки, тоже обладают рядом сходных структурных, семантических и прагматических черт и тоже образуют ряд более или менее устойчивых типов.

Чаще всего встречается форма заголовков со сложноподчиненной структурой: *n* (*Z*) (*Y*-х) *X*-ов, которые... (наличие или отсутствие прилагательного *Y* и (тем более) интенсификатора *Z* в такой форме не принципиально); выделяются три основных типа структуры с точки зрения места основного носителя актуальной информации: простое предложение с содержательно полными исчисляемыми существительными без прилагательных и содержательно неполными с прилагательными; сложноподчиненное предложение,

где не только словосочетание с цифрой, но и носитель актуальной информации находится в главной части; сложноподчиненное предложение, где носитель актуальной информации находится в придаточной части.

Были рассмотрены далеко не все возможные структурные и содержательные характеристики заголовков, включающих цифры, в том числе в иллокутивном плане: как уже было сказано, такую форму имеют не только рассмотренные высказывания, целью которых являются развлечение и советы, но и другие: реклама, тесты и т.д.

Следует отметить, что место самих цифр вариативно: нередко заголовки с точно такими же характеристиками без цифр:

Беспощадный социум или вещи, которые раздражают абсолютно всех (twizz.ru);

Первые роли в кино знаменитых актеров, за которые им сегодня немножечко стыдно (zen.yandex.ru).

(Было бы интересно и полезно выявить связь между формой заголовка и вероятностью цифр в нем (что вероятнее: *10 вещей, которые нравятся всем женщинам* или *Вещи, которые нравятся всем женщинам?*)).

Эстетический аспект таких заголовков, включая аллитерацию, тропы, языковую игру, словотворчество и др. моменты лингвокреативности, нами не рассматривался.

Представляется, что и анализ, и результаты были небесполезны для изучения и речи медиа / медиалингвистики, и интернет-коммуникации (в частности, структуры новостного топ-браузера), и текстовых структур в целом, в частности структуры заголовка и ее соотношения со структурой текста статьи. Во всех этих сферах мы искали закономерности (нашли ли – другой вопрос: как уже было сказано, все результаты имели начальный и / или предварительный характер). Выявление же более существенных и глобальных закономерностей – дело будущего.

Литература

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2000. 310 с.
2. Лютая А.А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
3. Доценко М.Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 20 с.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собр. соч. : в 5 т. М., 1996. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
5. Dundes A. Office Folklore // Handbook of American Folklore / Richard M. Dorson (ed.). Bloomington : Indiana University Press, 1983. P. 115–120.
6. Shifman L. Humor in the Age of Digital Reproduction: Continuity and Change in Internet-Based Comic Texts // International Journal of Communication. 2007. Vol. 1. P. 187–209.
7. Kuipers G. Good Humor, Bad Taste: A Sociology of the Joke. Humor Research 7. The Hague: Mouton de Gruyter, 2006.
8. Yelenevskaya M. “You’ve Lived in X Too Long, When...”: A View of the World through Comic Lists (expatriates’ humour on ru.net) // Electronic Journal of Folklore. 2012. Vol. 50. Estonian Literary Museum Scholarly Press in Folklore. P. 29–48.

9. Сазонов Е.А. «Желтая» пресса в контексте развития печати XX века: социокультурный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 260 с.

10. Молодыхенко Е.Н. Коммуникативно-прагматические особенности «лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 79–102.

Headlines With Figures in the Media: A Structural and Functional Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 5–27. DOI: 10.17223/19986645/63/1

Vadim V. Dementyev, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: dementevvv@yandex.ru

Keywords: headlines with figures, syntactic structures, vocabulary filling, subject, illocutionary purposes, image of addressee and addresser.

Headlines with figures in online media are analyzed, namely, in publications that are automatically submitted to the news tops of search browsers by content aggregators (Yandex, Mail.ru) (the portals Life, Free Press, the business newspaper *Vzglyad*, RBC, as well as resources of independent magazines for women *Elle*, *Cosmopolitan*, the resource Yandex Zen), the total size is approx. 1 000 headlines from 100 sites. The assumption is verified that the frequency use of this technique in online media has led to the emergence of a number of patterns, both at the level of the headline form (syntactic structures, specific vocabulary) and at the level of content, including pragmatic characteristics (such as conception and the factor of influence on the reader); i.e., one can speak about at least an initial recurring stereotyping. These headlines are analyzed in structural (lexical, morphological and syntactic form of the headline), thematic (it is shown that the most common topic is psychology, where the frequency of interpersonal relations leads by frequency, and the theme of human characters and classifications of human types based on any psychological, characterological, social, physiological, astrological (signs of the zodiac), etc. features), semantic-pragmatic (including the most important pragmatic components: addressee and addresser, illocutionary purpose; hence the types: advice, informing; impact: emotional, aesthetic; entertainment: humor, anecdotes, entertaining stories, biographies, fan fiction, photos, etc.) and connotative (sensational) aspects. It is shown that the form of headlines with a complex structure is most often found: n (Z) (Y-s) X-s, which ... (the presence or absence of the adjective Y and (especially) intensifier Z in this form is not important). Three main types of structure are distinguished from the point of view of the place of the main carrier of relevant information: a non-predicative phrase with informatively complete countable nouns without adjectives and informatively incomplete with adjectives; a complex sentence, in which not only the phrase with the number, but also the carrier of relevant information is in the main part; a complex sentence, in which the carrier of relevant information is in the subordinate part. In order to identify trends more specifically, the author uses the absolute and relative (percentage) quantitative analysis. The material was examined by a number of parameters: firstly, all lexemes acting in the functions X, Y and n in the analyzed 1 000 headlines were analyzed in frequency; secondly, structural and illocutionary types of headlines were analyzed; thirdly, the degree of gravitation of specific numbers in the headline to headline types and types of language structures was calculated.

References

1. Tertychnyy, A.A. (2000) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
2. Lyutaya, A.A. (2008) *Sovremennyy gazetnyy zagolovok: struktura, semantika, pragmatika* [Modern Newspaper Headline: Structure, Semantics, Pragmatics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

3. Dotsenko, M.Yu. (2009) *Sintaksis gazetnogo zagolovka: struktura, semantika, prognozirovanie smyslovogo razvitiya teksta* [Syntax of the Newspaper Headline: Structure, Semantics, Forecasting the Semantic Development of the Text]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected Works: In 5 Vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
5. Dundes, A. (1983) Office Folklore. In: Dorson, R.M. (ed.) *Handbook of American Folklore*. Bloomington: Indiana University Press. pp. 115–120.
6. Shifman, L. (2007) Humor in the Age of Digital Reproduction: Continuity and Change in Internet-Based Comic Texts. *International Journal of Communication*. 1. pp. 187–209.
7. Kuipers, G. (2006) *Good Humor, Bad Taste: A Sociology of the Joke. Humor Research* 7. The Hague: Mouton de Gruyter.
8. Yelenevskaya, M. (2012) “You’ve Lived in X Too Long, When...”: A View of the World through Comic Lists (Expatriates’ Humour on ru.net). *Electronic Journal of Folklore*. 50. Estonian Literary Museum Scholarly Press in Folklore. pp. 29–48.
9. Sazonov, E.A. (2004) “Zheltaya” pressa v kontekste razvitiya pechati XX veka: sotsiokul’turnyy aspekt [The “Yellow” Press in the Context of the Development of the 20th-Century Press: A Sociocultural Aspect]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Molodychenko, E.N. (2019) “Lifestyle Instruction” as an Internet Genre in Consumer Culture: A Communicative-Pragmatic Perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 79–102. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/5

УДК 81'286

DOI: 10.17223/19986645/63/2

С.С. Земичева

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ СОХРАННОСТЬ

На основе анализа обширного фактического материала, собранного за последнее десятилетие, дана характеристика современного состояния говоров Среднего Приобья. Выделены ключевые диалектные особенности, сохраняющиеся на данной территории до настоящего времени, и дана оценка степени их распространённости. Выявлены факторы, оказывающие статистически значимое воздействие на количество диалектных особенностей.

Ключевые слова: диалектология, статистические методы в языкознании, русские говоры Сибири, апова.

Введение

Диалектология, как и лингвистика в целом, является сегодня мультипарадигмальной областью научного знания и включает исследования в рамках структурной, когнитивно-коммуникативной и корпусной парадигм [1, 2]. В зарубежной диалектологии наряду с традиционными исследованиями фонетики и лексики набирают популярность новые подходы и методы, в числе которых корпусный, диалектометрический и перцептивный [3]. При этом корпусные исследования диалекта предполагают использование больших массивов текста в электронной форме. Подход, обозначаемый как «диалектометрия», основан на определении границ говора или частного диалектного явления с помощью математических и статистических методов [4].

В российской диалектологии количественные и статистические методы пока не получили широкого распространения. Обращение к ним представлено в единичных статьях, выполненных с привлечением диалектных корпусов или электронных баз данных [5–7]. Применение количественных и статистических методик может повысить степень надёжности полученных диалектологами результатов, а также позволяет объяснить причины наблюдаемых языковых явлений в соответствии с базовым для современной лингвистической науки принципом экспланаторности [8].

Проблема утраты диалектных особенностей русского языка на современном этапе развития общества неоднократно была предметом изучения. При этом вопрос о степени сохранности диалектов в наши дни остаётся дискуссионным, а для поиска ответа на него применяются различные методы. Так, исследование речи нескольких поколений жителей одного села

осуществлялось описательным методом [9] и с помощью статистических методик регрессионного анализа [7], имеется опыт экспериментально-фонетического исследования речи нескольких поколений одной семьи [10].

Материал и метод

Настоящая работа опирается на лонгитюдное исследование говоров одного региона, осуществляемое томскими диалектологами. Экспедиции для сбора диалектного материала на территории по среднему течению реки Оби проводились регулярно с конца 40-х до середины 80-х гг. XX в., было обследовано более 400 населённых пунктов. На основе этих материалов в 80-е гг. было выполнено системное описание фонетических, морфологических, синтаксических особенностей среднеобских говоров, осуществлена реконструкция их исходного состояния [11].

Вторая часть архива лаборатории общей и сибирской лексикографии – записи, сделанные в ходе экспедиционных выездов за последнее десятилетие (2008–2018 гг.). Всего собрано более 200 часов аудиоматериалов. Наиболее масштабные выезды осуществлены под рук. М.М. Угрюмовой и Д.А. Таракановой (Парабельский район, 2012 г., записано около 40 часов диалектной речи) и А.В. Шевчик (Шегарский район, 2018 г., записано более 50 часов). Регулярно осуществлялись выезды с участием Н.А. Агаповой (Парабельский район, 2014–2018 гг.), Т.Б. Банковой (Томский район, 2008; Кривошеинский район, 2016; Каргасокский район, 2015, 2017 гг.), С.С. Земичевой (Томский район, 2013, 2015 гг.; Колпашевский район, 2016 г.; Асиновский и Зырянский районы, 2017 г.; Шегарский район, 2018 г.). В настоящий момент эти материалы частично переведены в текстовый формат. Они не были системно описаны, что определяет новизну предлагаемой статьи.

В ходе исследования были поставлены следующие **задачи**: 1. Провести количественные подсчёты числа диалектных особенностей на репрезентативном массиве текстов. 2. Выявить наиболее яркие особенности говоров региона, сохраняющиеся до настоящего времени, на разных языковых уровнях. 3. Определить факторы, которые потенциально могут влиять на количество диалектных особенностей. 4. С помощью статистических методов установить, влияние каких факторов наиболее значимо. Решение этих задач определяет структуру статьи: в первой части дан краткий очерк состояния среднеобских говоров по материалам новых экспедиций, во второй – представлены результаты использования метода дисперсионного анализа (ANOVA), который позволяет установить влияние качественных характеристик на количественные показатели.

Основные результаты

Краткая характеристика современного состояния говоров. Для данной статьи на первом этапе проанализированы записи речи 60 информантов – сельских жителей старшего поколения (1918–1959 г.р., 51 женщина,

7 мужчин с уровнем образования от начального до высшего). Материалы собраны в Парабельском (17 человек), Колпашевском (16), Зырянском (10), Томском (9), Шегарском (5) и Асиновском (3) районах Томской области. Общий объём проанализированных текстов – около 250 тыс. словоупотреблений. Нужно отметить, что в экспедициях, проходивших в течение последнего десятилетия, записывалась речь не только старожилов, но и переселенцев. В нашей выборке в 22% случаев отмечено *z* фрикативное, т.е. около 1/5 части информантов не являются носителями старожильческих говоров. В то же время отдельные черты этих говоров в их речи присутствуют.

Диалектные черты отмечаются на разных уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Всего было выявлено 5 наиболее ярких особенностей, относительно устойчиво сохраняющихся в речи жителей среднеобского региона до настоящего времени.

В сфере фонетики относительно устойчиво произношение сочетания звуков [ст] как [с] на конце слова: *дас* ‘даст’, *мос* ‘мост’, *шесь* ‘шесть’, реже – в середине слова: *подро'ски*. Это явление в той или иной степени представлено в речи 65% информантов¹.

Такая произносительная особенность, как долгие твёрдые шипящие (*та'шшйт*, *заве'дуюшший*), отмечается реже (в речи 40% процентов информантов).

На фонетико-морфологическом уровне значительно распространено (53% информантов) произношение глаголов 2-го спряжения в третьем лице множественного числа с конечным [ут] (*хо'дют*, *но'сют*, *по'мнют*). Сохраняется явление стяжения, которое чаще (40% информантов) встречается в формах местоимений, прилагательных, порядковых числительных (*тако'*, *ма'леньки*, *втора'* и т.п.), реже (16% информантов) – в формах глаголов (*игра'м*, *рабо'ташь*, *хвата'т*).

Однако необходимо отметить, что, если рассматривать представленность этих особенностей на уровне отдельного говорящего, диалектные варианты во всех случаях соседствуют с общерусскими и, как правило, вытесняются ими. Так, среди информантов, в речи которых представлены долгие твёрдые шипящие, данный вариант фонемы (диалектный) реализуется реже по сравнению с общерусским. В речи лишь одного информанта соотношение диалектных и общерусских произносительных вариантов близко к равенству (40 : 60), в большинстве случаев реализация звука [шш] покрывает лишь около 15% всех потенциальных реализаций фонемы в конкретном тексте.

Наличие флексии *-е* у существительных родительного падежа обнаружено в речи 8 информантов. При этом, вероятно, можно говорить о лексикализации данного явления: чаще всего используется предложно-падежная

¹ Отметим, что Е.А. Нефёдова отмечает утрату данного явления в анализируемом ею архангельском говоре при сохранении многих других диалектных черт [9. С. 142].

форма у *ма'ме*, лишь в 2 текстах – другие существительные (*сестра, свадьба*): *А сва'дбе никакой не было* (Парабель, 2012).

Другие морфологические особенности представлены ещё реже (менее 10% информантов). Среди них отмечаются, в частности, диалектные формы множественного числа одушевлённых существительных со значением родства (*братовья', сватовья'*) и некоторые особенности склонения существительных во множественном числе (формы творительного падежа с окончанием -ими: *карто'шками, доя'ркими*; использование нестандартной формы родительного падежа – *роди'телев, сва'дбев, уте'й*).

Отмечается диалектная специфика в использовании местоимений: выпадение начального н (*у его*), йотация (*е'том*).

Собственно диалектные лексемы в исследуемых материалах достаточно многочисленны и разнообразны, некоторые из них зафиксированы неоднократно (так, слово *кошёвка* ‘сани’ отмечено в речи 7 информантов в Зырянском, Колпашевском, Парабельском районах, *обласо'к* ‘долблёная лодка’ – в речи 10 информантов в северных районах области (Колпашевский, Парабельский), *чирки'* ‘самодельная кожаная обувь’ в речи 6 информантов), многие другие слова зафиксированы в единичных употреблении (*стрежпесо'к* ‘невод’, *серя'нки* ‘спички’, *накомо'дник* ‘скатерть для комода’, *броди'ть* ‘ловить рыбу неводом, бреднем’, *кура'жливый* ‘капризный’ и др.). Всего в новых текстах отмечено более 150 собственно диалектных единиц. При этом нередко они употребляются спонтанно, без вопросов собирателя: [*Смотрит на детский рисунок*] *А чё, правда, на мизгиря'¹ подходит. Это как голова мизгири'на, а это пузо.* (Вершинино, 2013). *А бабы эти веялку крутили, а я, знаете, двухведёрной плицей'², и я отсу'да убрала, и вот так вот сыпала [показывает], в бункер в этот. Десять плиц насыплю, потом пшеницу там отгребая* (Мельниково, 2018).

Особо подчеркнем, что новые материалы включают диалектные лексические единицы, отсутствующие в словарях среднеобских говоров, несмотря на полноту их лексикографической параметризации (с 1964 г. на диалектном материале региона издано более 30 словарей в 56 томах). Так, в записи, сделанной в 2016 г. в г. Колпашево, отмечено слово *трёхстенник*: *Вначале жили... вот домик небольшой у маминых родителей, мы жили там. Потом, значит, дедушка помог маме купить, как это раньше называли, трёхстенник – три стены. [А это как?] А это вот как. Вот, допустим, кто-то строил, а дру... по силе возможности себе какое-то жильё, а другой тоже бы вот надо строить, но денег не хватает – договаривались и строили так: вот, значит, построили три стены, а вот эта стена общая и здесь снова три стены. Вот так вот. И вот значит, дедушка купил нам вот этот вот трёхстенник, а за этой самой, за стеночкой жила женицина, тоже с девочкой одна, без мужа.* В «Словаре русских народных говоров» это слово отмечено в значении ‘пристройка к стене какого-либо строения, дома’ [14. С. 87].

¹ Мизги'рь – паук [12. С. 149].

² Плиц'ца – деревянный или металлический совок для зерна, муки [13. С. 23].

В новых материалах, собранных в 2018 г. в селе Мельниково (Шегарский район), зафиксирована собственно диалектная лексема *оскле'почек*: «А она чем тебе записывать будет?» – *Хоп, хоп по карма[нам]... «Ой, вот, оскле'почек ма'ленькой. Я себе оставляю, а тебе вот этот карандаш. Запишешь, принесёшь, на стол положишь»*. В «Дополнении» к «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» фиксируется однокоренная лексема *осклёпки* 'частицы чего-либо' [15. Ч. 2. С. 51]. Данное слово отсутствует в «Словаре русских народных говоров», однако в «Псковском областном словаре с историческими данными» отмечена единица *осколёпок* со значением «осколок, обломок, отколовшийся кусок чего-н.» [16. С. 378].

Сохраняются в речи жителей региона и некоторые устойчивые обороты, зафиксированные в среднеобских словарях, например: *в девчонках* 'до замужества', *с ночево'й* 'с ночёвкой', *на ку'корках* 'на корточках', *бе'зо время* 'не вовремя'.

Конструкции с повторяющейся частицей *ли* и местоимениями (*ли кто ли, ли кого ли, ли как ли* и т.п.), являющиеся одной из ярких отличительных особенностей изучаемых говоров, в современных материалах встречаются довольно редко (15% информантов).

Статистический анализ. На втором этапе исследования использовался метод дисперсионного анализа (ANOVA). Проверялась гипотеза о влиянии качественных показателей на количество диалектных особенностей. Среди возможных факторов выбраны 3 социолингвистических параметра – пол, возраст, уровень образования информанта и 1 внешний фактор – время записи. Ключевым требованием к материалам для проведения дисперсионного анализа является балансировка исходной выборки материала по исследуемым параметрам. В случае с диалектными текстами создание такой выборки представляет собой непростую задачу, так как, во-первых, преобладают тексты информантов старшего поколения и очень редко встречаются материалы, фиксирующие речь более молодых членов сельского социума; во-вторых, женские тексты преобладают над мужскими; наконец, далеко не всегда есть сведения об образовании информанта. В связи с обозначенными трудностями данная часть работы состояла из двух этапов, а число текстов, используемых на каждом из них, относительно невелико.

На первом этапе исследовалось влияние социолингвистических показателей (пол, возраст, уровень образования) на число диалектных особенностей. При подсчётах учитывались собственно диалектные единицы (*зы'бка* 'колыбель', *пау'т* 'овод'), а также диалектные варианты общерусских слов – фонетические (*ба'ушка* 'бабушка', *вза'муж* 'замуж'), грамматические (*кедра'*, ж.р.), словообразовательные (*трактори'шко*, *капустёнка*). Не учитывались формы, которые можно квалифицировать как разговорные (*чё* 'что', *ско'ко* 'сколько', *кода'* 'когда', *щас* 'сейчас' и т.п.). Кроме того, тексты различны по объёму, поэтому измерялось не общее (абсолютное), а относительное количество единиц с диалектными особенностями (их доля в общем числе словоупотреблений). Для записей 80-х гг. устранялись

фрагменты опроса, где число диалектных единиц резко возрастает, для новых – убирались реплики собирателей.

Всего было проанализировано 38 диалектных текстов (по 19 женских и мужских; 13 текстов от информантов с начальным образованием, столько же – с неполным средним, 12 – со средним специальным, 18 человек в возрасте 39–65 лет, 20 – в возрасте 66–90 лет). Собранные данные были обработаны с помощью программы «Statistica». Результаты анализа представлены на рис. 1–3.

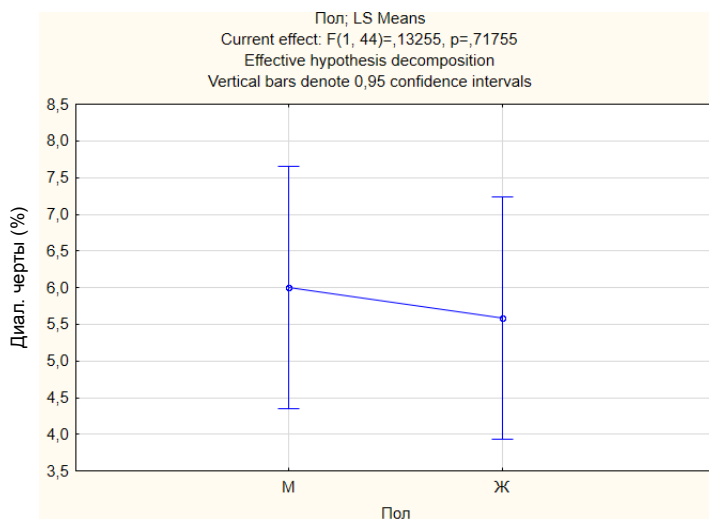

Рис. 1. Влияние фактора «Пол» на количество диалектных особенностей

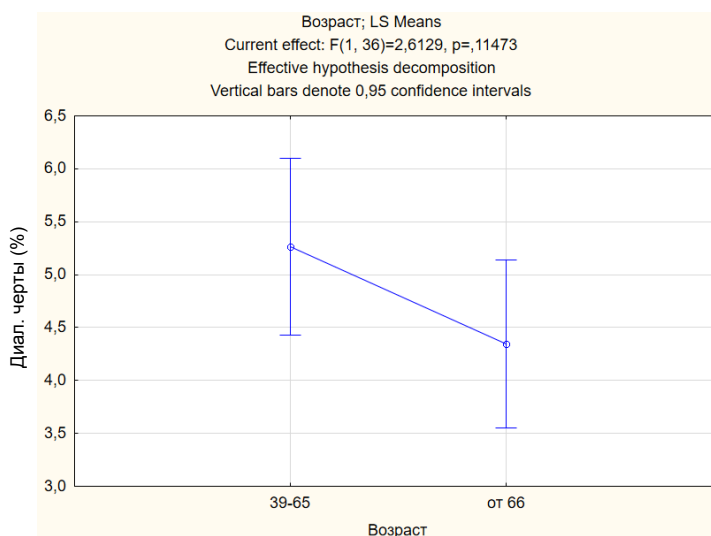

Рис. 2. Влияние фактора «Возраст» на количество диалектных особенностей

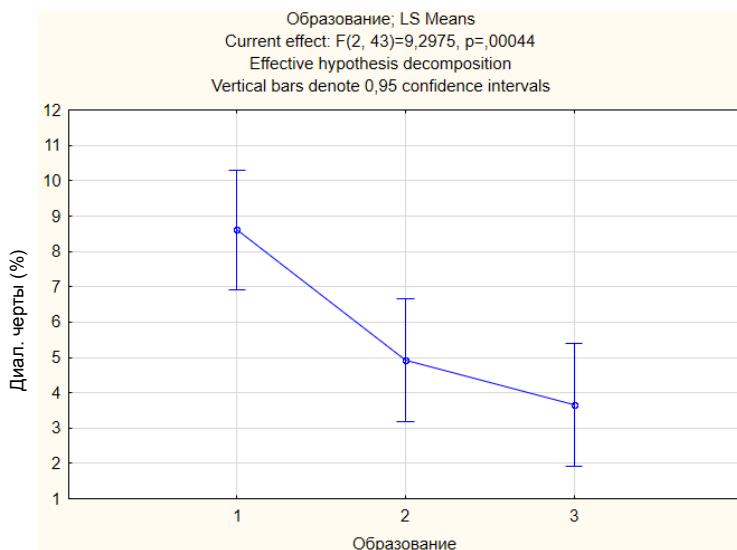

Рис. 3. Влияние фактора «Образование» на количество диалектных особенностей

Результаты дисперсионного анализа показывают, что статистически значимое воздействие на число диалектных особенностей оказывает только уровень образования: чем он выше, тем меньше количество территориально ограниченных элементов в речи. При этом наиболее существенно отличаются данные по информантам, имеющим начальное (1) и среднее (2) образование, между группами «среднее» (2) и «среднее специальное» (3) разрыв существенно меньше.

Возраст и пол информанта, согласно имеющимся данным, не оказывают статистически значимого воздействия на исследуемый количественный показатель. Однако поскольку в нашей выборке были представлены только люди среднего и старшего возраста, при включении молодёжи это соотношение может измениться. Кроме того, важно и установление границы, разделяющей возрастные группы (в нашем материале в качестве таковой принят возраст 65 лет как средний между максимальным и минимальными значениями, представленными в выборке; при этом результаты анализа показывают, что среднее количество диалектных черт незначительно выше в группе более молодых информантов).

Кроме того, необходимо было выяснить, уменьшилось ли количество территориально ограниченных единиц в настоящее время по сравнению с предшествующим периодом. Для анализа взято 50 текстов, из них 25 были записаны в 80-е гг. XX в. и столько же – в период с 2012 по 2018 г. В каждой группе было представлено приблизительно равное число информантов с разным уровнем образования, прочие параметры не учитывались. Более ранние материалы не использовались в связи с тем, что многие из них сделаны от руки и фиксируют выборочно лишь диалектные особенности, а не всю речь информанта.

Количество диалектных особенностей, подсчитанных таким способом, в выбранных текстах варьируется в интервале от 2,6 до 8% для записей 80-х гг. и от 1,6 до 6,8 % для новых текстов.

Эти цифры значительно отличаются от данных, представленных на основе подсчётов по «Вершининскому словарю» (полного типа), где указывалось, что около 40% единиц, зафиксированных в говоре, относится к диалектным (включая собственно диалектные единицы и диалектные варианты общерусских слов) [17. С. 519], а также подсчётов Е.В. Иванцовой на основе материалов к полному словарю диалектной языковой личности, где количество диалектных единиц оценивается как приблизительно 37% [18. С. 43]. Разница, вероятно, обусловлена различием в системе подсчётов: при обработке большого числа текстов нет возможности учесть тонкие семантические различия, которые зафиксированы в диалектных словарях полного типа. Кроме того, как представляется, при оценке доли диалектных единиц в словаре результат обычно будет выше, чем при подсчёте числа соответствующих показателей в тексте, так как общерусские единицы в целом более частотны в речи.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют, что с течением времени число диалектных особенностей снижается, и его уменьшение статистически значимо (рис. 4).

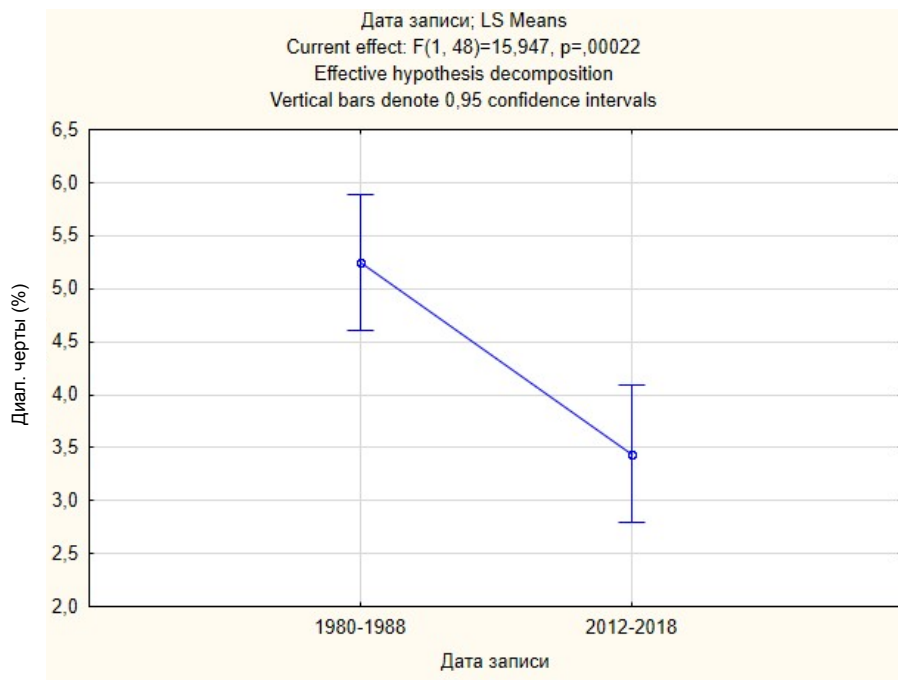

Рис. 4. Влияние фактора «Время записи» на количество диалектных особенностей

Заключение

Анализ современного состояния говоров Среднего Приобья позволяет сделать вывод о сохранении отдельных диалектных особенностей в речи сельских жителей старшего поколения. Выделены языковые черты, характеризующие специфику говоров на современном этапе, – произношение сочетания звуков [ст] как [с] в конце слова (по-видимому, наиболее устойчивая из всех проанализированных диалектных особенностей); произношение у глаголов 2-го спряжения в третьем лице множественного числа окончания [ут], свойственного глаголам 1-го спряжения; долгие твёрдые шипящие; фонетико-морфологическое явление стяжения в формах местоимений и прилагательных; сохранение отдельных лексико-фразеологических единиц. Данные языковые черты распространены как в речи носителей старожильческих говоров, так и в речи новосёлов.

Использование метода дисперсионного анализа позволило установить, что наиболее существенные факторы, влияющие на сохранность говора, – время записи и уровень образования информанта. Закономерно, что число диалектных особенностей уменьшается с течением времени, а также с повышением уровня образования. Возраст и пол говорящего, согласно имеющимся данным, не оказывают статистически значимого воздействия на исследуемый количественный показатель.

Перспективы работы заключаются в следующем: увеличение объёма выборки, а также включение в сферу анализа других факторов (например, места записи); исследование степени распространённости более редких фонетических и морфологических особенностей (таких как переход начального *о* в *и*, твёрдые заднеязычные и др.) на современном этапе; исследование взаимосвязи отдельных грамматических категорий с экстралингвистическими параметрами (пол, возраст, уровень образования информанта) на основе морфологической разметки Томского диалектного корпуса. Одной из масштабных задач является расширение социологической базы исследования, запись речи более молодых информантов, а также описание идиолектов современных жителей села, в том числе носителей литературного языка (примером такого исследования может служить статья [19]).

Литература

1. Демешкина Т.А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку: материалы международной научной конференции. Брно, Чехия, 5–7 мая 2014 г. Брно, 2014. С. 268–278.
2. Крючкова О.Ю. Научные парадигмы в диалектологии и диалектологическая традиция в саратовском университете // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы: К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань, 2017. С. 299–304.
3. Szmracsanyi B. Methods and Objectives in Contemporary Dialectology // Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian ver-

naculars / eds. Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen : Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2014. Vol. 12. P. 81–92.

4. Clua E. New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD) // New perspectives on Romance linguistics. 2006. Vol. 2 (Phonetics, phonology, and dialectology). P. 31–47.

5. Буранова А.И. Анализ высокочастотной лексики диалекта (на материале корпуса диалектных текстов Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 15–17.

6. Создание базы данных по русским диалектам и перспективы диалектометрических исследований / И.И. Исаев [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 11. С. 972–977.

7. Устьянский корпус и изучение языкового варьирования / М.А. Даниэль [и др.] // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф. М., 2018. С. 78–80.

8. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука в конце XX века. М., 1995. С. 144–238.

9. Нефедова Е.А. Из наблюдений над эволюцией одного из говоров Архангельского региона // Севернорусские говоры. 2016. № 15. С. 136–149.

10. Князев С.В., Мальхина П.А. Эволюция диалектной системы безударного вокализма в речи жителей Москвы: 4 поколения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г. 2019. Вып. 18 (25). С. 294–307.

11. Русские говоры Среднего Приобья / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. Ч. 1. 208 с.; 1989. Ч. 2. 332 с.

12. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Т. 2. 232 с.

13. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 3. 250 с.

14. Словарь русских народных говоров. Вып. 45 / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; сост. Н.И. Андреева-Васина и др. ; гл. ред. Ф.П. Сороколетов; отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : Наука, 2012. 343 с.

15. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: (Дополнение) / ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1–2.

16. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 23 / под ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2012. 534 с.

17. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 7. 525 с.

18. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 309 с.

19. Волощина С.В., Шевчик А.В. Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3 (14). С. 20–32.

The Features of the Middle Ob Dialects at the Present Stage of Development and Factors Affecting Their Preservation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 28–39. DOI: 10.17223/19986645/63/2

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com

Keywords: dialectology, statistical methods in linguistics, Russian dialects of Siberia, ANOVA.

The author focuses on the problem of changes in Russian dialects in modern conditions and the loss of dialectal language features. The aim of the article is to study the factors affecting this process. The problem is considered on the basis of the vast factual material of the dialects of the Middle Ob region. The description of the current state of the dialects studied is based on records made over the past decade by Tomsk dialectologists with the active participation of the author of the article. The total number of the material analyzed is more than 250 thousand word usages. The analysis allows concluding that certain linguistic features of the dialect are preserved in the speech of rural residents of the older generation at different levels of the language system. The linguistic features characterizing the current dialect specifics were identified: pronunciation of a combination of sounds [st] as [s] at the end of a word; pronunciation [ut] for endings in verbs of the 2nd conjugation in the third person plural; long hard hushing sounds; the phonetic-morphological phenomenon of contraction in the forms of pronouns and adjectives; the presence of dialect lexical and phraseological units. Quantitative data on the prevalence of dialect traits based on a sample of 60 people are presented. The presence in the new materials of some dialect lexemes that are absent in the published dialect dictionaries of the region is noted. The second stage of the study presents calculations of the number of dialectal features in speech over two time periods. It has been established that the number of word usages of dialect units in the selected texts varies in the range from 2.6% to 8% for records of the 1980s and from 1.6% to 6.8% for records of 2012–2018. At the third stage of the study, the analysis of variation was used. The hypothesis about the influence of such factors as age, gender, educational level, recording time on the number of dialectal features in speech was tested. Its application allowed establishing that the most significant factors affecting the preservation of the dialect are the recording time and level of education. It is logical that the number of dialectal features decreases over time, as well as with an increase in the level of education. According to the available data, the age and sex of the informant do not have a statistically significant effect on the quantitative indicator under study.

References

1. Demeshkina, T.A. (2014) [Development vectors of modern Russian dialectology]. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Current issues of the Russian language teaching]. Proceedings of the International Conference. Brno. 5–7 May 2014. Brno: Masaryk University. pp. 268–278. (In Russian).
2. Kryuchkova, O.Yu. (2017) [Scientific paradigms in dialectology and dialectological tradition at Saratov University]. *I.I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy* [I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and prospects]. Proceedings of the International Conference. Ryazan. 21–23 September 2017. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin. pp. 299–304. (In Russian).
3. Szmrecsanyi, B. (2014) Methods and Objectives in Contemporary Dialectology. In: Seržant, I.A & Wiemer, B. (eds) (2014) *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars*. 12. Bergen: Department of Foreign Languages, University of Bergen. pp. 81–92.
4. Clua, E. (2006) New tendencies in geographical dialectology: The Catalan Corpus Oral Dialectal (COD). *New Perspectives on Romance Linguistics*. 2. pp. 31–47.
5. Buranova, A.I. (2013) Analysis of high-frequency dialect lexis (based on dialect corpus of Saratov region). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*. 1 (13). pp. 15–17. (In Russian).
6. Isaev, I.I. et al. (2016) The Database of Russian Dialects Creation and Perspectives of Dialectometrical Research. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk – Herald of the Russian Academy of Sciences*. 11 (86). pp. 972–977. (In Russian).

7. Daniel', M.A. et al. (2018) [Ustyansk corpus and the study of linguistic variation]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Problems of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 26—28 October 2018. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 78–80. (In Russian).
8. Kubryakova, E.S. (1995) Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka [The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century] In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the end of the 20th century]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 144–238.
9. Nefedova, E.A. (2016) Iz nablyudeniy nad evolyutsiey odnogo iz govorov Arkhangel'skogo regiona [From observations of the evolution of one of the dialects of the Arkhangelsk region]. *Severnorusskie govory – Northern Russian Dialects*. 15. pp. 136–149.
10. Knyazev, S.V. & Malykhina, P.A. (2019) Evolution of dialectal unstressed vowels' system in Moscow: 4 generations. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the Annual International Conference "Dialog" ["Dialogue"]. Is. 18 (25). Moscow. 29 May – 1 June 2019. pp. 294–307. Moscow: RSUH. (In Russian).
11. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian Dialects of the Middle Ob]. Part 1. Tomsk: Tomsk State University.
12. Palagina, V.V. (ed.) (1965) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of old-timers' Russian dialects of the middle part of the river Ob basin]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
13. Palagina, V.V. (ed.) (1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of old-timers' Russian dialects of the middle part of the river Ob basin]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
14. Andreeva-Vasina, N.I. et al. (eds) (2012) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 45. St. Petersburg: Nauka.
15. Blinova, O.I. & Palagina, V.V. (eds) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: (Dopolnenie)* [Dictionary of Russian old-timers' dialects of the middle part of the river Ob basin: (Supplement)]. Parts 1–2. Tomsk: Tomsk State University.
16. Ivashko, L.A., Lutovinova, I.S. & Tarasova, M.A. (eds) (2012) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Is. 23. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.
17. Blinova, O.I. (ed.) (2002). *Vershininskiy slovar'* [Vershinino Dictionary]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
18. Ivantsova, E.V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Phenomenon of Dialect Language Personality]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Voloshina, S.V. & Shevchik, A.V. (2018) A fragment of a speech portrait of a modern Russian village's resident. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 3 (14). pp. 20–32. (In Russian).

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/63/3

И.А. Игнатов

ПЕРСОНА: СЕМАНТИКА СЛОВА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Представлен анализ семантики слова «персона», структурного элемента семантической группы 'персональность'. Анализ производился на материале национального корпуса русского языка с привлечением данных словарей. Было показано, что лексема «персона» с XVIII по XXI в. подвергалась семантическим трансформациям и проходила периоды как сужения, так и расширения своего значения. В настоящее время данное слово демонстрирует высокую активность в языке.

Ключевые слова: семантика слова, лексико-семантические варианты, персона, расширение значения.

Введение

Понятие отдельного человека как социальной индивидуальности выражается в русском языке посредством ряда слов: **индивид**, **индивидуальность**, **лицо**, **личность**, **особа**, **персона**, **человек** и некоторых других, формирующих семантическую группу 'персональность', которая, в свою очередь, является составляющей концепта гипо-гиперонимической структуры ЧЕЛОВЕК. Изучение этой семантической группы в целом и включённых в неё лексем по отдельности является необходимым условием для решения важной лингвистической задачи построения целостного образа человека по данным языка.

Исследования семантической группы 'персональность' или отдельных её компонентов в русском языкознании и смежных с ним дисциплинах достаточно многочисленны. Это работы Ю.Д. Апресяна [1], Н.Д. Арутюновой [2], Д. Вайс [3], В.В. Виноградова [4], Л.В. Калининой [5], Ю.Н. Караулова [6], А.В. Кокорева [7], В.В. Колесова [8], И.Б. Левонтиной [9], Н.С. Сергиевой [10], Ю.С. Сорокина [11], Ю.С. Степанова [12], Н.В. Уфимцевой [13] и др.

Однако изысканий, посвящённых семантическим трансформациям лексемы **персона**, практически нет. А.В. Кокорев рассматривает изменения семантики слова **персона** прежде всего в первой трети XVIII в. [7]. И.Б. Левонтина изучает функционирование этого слова в конце XX, начале XXI в. [9]. В работах В.В. Виноградова [4], В.В. Колесова [8], Ю.С. Сорокина [11], Ю.С. Степанова [12] данная лексема отмечается попутно, основное же внимание обращается на другие члены семантической группы. Причиной не самого пристального внимания исследователей к слову **персона** является, видимо, то, что эта лексема достаточно рано (к концу

XVIII в.) оказалась на периферии своей семантической группы и практически выпала из процесса формирования категории персональности в русском языке [7. С. 308].

Мы, изучая функционирование основных слов семантической группы 'персональность' в современном русском языке (*индивид, индивидуальность, личность*), обнаружили, что все они подвергаются процессу активных семантических трансформаций, и предположили, что и периферийные слова этой группы (*лицо, особа, персона, фигура*) тоже будут демонстрировать семантические изменения.

В данной статье мы рассмотрим семантические трансформации слова *персона* в XVIII–XXI вв., обращая внимание, прежде всего, на современный период функционирования этого слова в языке.

Материалы и методы

Материалом нашего исследования являются представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [14] и содержащие лексему *персона* публицистические и художественные тексты XVIII в. (90 и 10 употреблений соответственно) и XIX в. (84 и 279), публицистические тексты XX в. (237 контекстов), а также современные тексты средств массовой информации, преимущественно федеральных газет (1 003 контекста из 4 454, представленных в газетном подкорпусе XXI в.). Контексты извлекались посредством сплошной (тексты XVIII–XX вв.) и механической (тексты XXI в.) выборки. Для исследования привлекались данные исторических и толковых словарей русского языка: Словарь русского языка XI–XVII вв. (Сл. РЯ XI–XVII вв.) [15], Словарь русского языка XVIII в. (Сл. РЯ XVIII в.) [16], Словарь Академии Российской (САР) [17], Словарь церковнославянского и русского языка (СЦСРЯ 1847 г.) [18], Толковый словарь живого великорусского языка (Даль) [19], Толковый словарь русского языка в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова (СУ) [20], Словарь современного русского литературного языка в 17 т. (БАС) [21], Словарь русского языка в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) [22], Словарь русского языка С.И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (СО) [23], Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ) [24].

Включение нами художественных текстов в массив публицистических текстов XVIII и XIX вв. обусловлено необходимостью обеспечить минимальную репрезентативную выборку (100 единиц) интересующей нас лексики. Использование текстов федеральных газет в качестве материала изучения современного функционирования слова *персона* связано с тем, что в языке СМИ семантические изменения проявляются быстрее всего.

Выбор XVIII в. в качестве исходной точки был определён тем, что к этому времени сложились предпосылки для активного функционирования слова *персона* в языке (см. об этом, напр., [7. С. 305]).

Исследование проводилось на основе лексико-семантического метода, с помощью которого выявлялись значения интересующей нас лексики, а

также контекстуального метода, направленного на выявление того или иного актуального лексико-семантического варианта слова в высказывании и определение его смысловых оттенков.

Результаты

Особенности употребления слова *персона* в XVIII – начале XXI в. получили отражение в словарях русского языка. Обобщим материалы указанных выше словарей обобщены в табл. 1. Словари САР, СЦСРЯ не имеют словарных статей для слова *персона*. В семи других словарях значения этого слова представлены по-разному.

Т а б л и ц а 1

Значения слова *персона* в словарях русского языка¹

№	Значения слова	XVIII в.	XIX – 1 пол. XX в.			XX в.		XXI в.
		Сл. РЯ XVIII в.	Даль	БАС	СУ	МАС	СО	СОШ
1	Личность, особа						+(книжн.)	+(книжн. и ирон.)
	Особа, личность				+ (торж. и ирон.)	+ (устар.)		
	Особа, лицо, человек	+	+					
	Человек, особа; личность			+				
	Действующее лицо, персонаж	+						
	◇ Действующая персона	+						
	◇ Моя, твоя, ваша, его и т. п. персона, т.е. я, ты, вы, он и т.п.	+		+(разг.)				
	◇ Свою персону (т.е. себя)			+(разг.)				
	◇ Собственной персоной (т.е. сам, лично)	+		+(разг.)	+(устар., ирон.)	+		+(ирон.)
	◇ Персона грата – человек, пользующийся у кого-либо особым расположением			+	+	+		+

¹ Арабской цифрой обозначен порядковый номер значения слова, знаком || – оттенок значения, знаком ◇ – устойчивые и фразеологизированные сочетания слов.

№	Значения лова	XVIII в.	XIX – 1 пол. XX в.			XX в.		XXI в.
		Сл. РЯ XVIII в.	Даль	БАС	СУ	МАС	СО	СОШ
	◇ Персона грата (специальное) – дипломатический представитель, пользующийся дипломатическим иммунитетом / лицо, кандидатура которого на пост дипломата в каком-либо государстве одобрена этим государством				+ (чаще ирон.)			
	◇ Персона нон грата (специальное) – дипломатический представитель, которому отказано в доверии и дипломатическом иммунитете со стороны правительства той страны, в которой он пребывает / лицо, кандидатура которого на пост дипломата в каком-либо государстве отклонена этим государством, пребывание которого в этом государстве объявлено нежелательным			+		+		+
	◇ Важная, знатная, видная и т.п. персона			+				
	О лице, облике человека	+						
	◇ В персоне кого (т.е. в ком-либо)	+						
2	Человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа			(1)	+ (устар. или ирон.)	(1) (устар. или ирон.)		
3	Лицо, человек при расчётах обслуживания			+	+ (офиц.)	+		
4	Живописное, скульптурное, чеканное и т.п. изображение чьего-либо лица	+						

Для всех словарей общим является только одно значение ('личность, особа' / 'человек, особа; личность' / 'особа, личность' / 'особа, лицо, человек'), которое мы обозначим по двум наиболее повторяющимся элементам дефиниции: 'личность, особа'. Это значение представлено оттенками и устойчивыми сочетаниями:

1) в пяти словарях (Сл. РЯ XVIII в., БАС, СУ, МАС, СОШ) отмечается устойчивое сочетание «собственной персоной» с пометами «разговорное» и/или «ироническое»;

2) в четырех словарях (БАС, СУ, МАС, СОШ) представлено терминологическое сочетание «персона грата», дефиниции которого несколько варьируются;

3) в трех словарях (БАС, МАС, СОШ) представлено терминологическое сочетание «персона нон грата», дефиниции которого также не до конца совпадают.

В трех словарях (БАС, СУ, МАС) фиксируется значение 'лицо, человек при расчётах обслуживания'.

Обозначим также значение 'человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа' с пометами «устаревшее» или «ироническое», представленное в одном словаре (СУ), а ещё в двух словарях являющееся оттенком значения 'личность, особа' (БАС, МАС).

Данная таблица наглядно демонстрирует тот факт, что к началу XX в. слово *персона* имело семантическую структуру, включающую три лексико-семантических варианта ('личность, особа', 'человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа', 'лицо, человек при расчётах обслуживания'), из которых основным можно считать значение 'личность, особа'. Отметим, что словарем, описывающим состояние лексики к началу XXI в. (СОШ), оно фиксируется уже как единственное.

Хорошо заметно, что за период XVIII – начала XXI в. слово *персона* претерпевает семантическое сужение значений: из четырёх остаётся одно – 'личность, особа'. Кроме того, у этого основного значения наблюдается постепенное семантическое «ухудшение», слово в словарях, фиксирующих состояние лексики во второй половине XIX – первой половине XX в., отмечается как ироническое, разговорное (СУ, БАС), в словарях, отражающих более современный период бытования слова (СО, СОШ), оно и вовсе переходит из разряда общеупотребительных в область книжного функционирования. Это же касается и связанных с данным значением оттенков и устойчивых и фразеологических сочетаний, которые в большинстве своём словарями XX, начала XXI в. не фиксируются.

Теперь выявим семантические трансформации слова *персона*, опираясь на данные языка. Слово *персона* впервые фиксируется в памятниках письменности XVI–XVII вв. [7. С. 307; 15. С. 310–311] (оно имеет также вид *персонъ* [15. С. 310]), входит в русский литературный язык в XVII в. [4. С. 272; 7. С. 306], по всей видимости, из польского через Украину [4. С. 306–307] и употребляется вместе со словом *особа*, прежде всего, для обозначения наиболее значимых, важных лиц в государстве [4. С. 272; 7. С. 307], хотя и обладает ещё четырьмя значениями: 'в богословии – лицо, ипостась'; 'портрет, изображение, фигура'; 'вид, внешность, лицо'; 'театральная роль' [15. С. 310–311].

XVIII в.

В XVIII в.¹ чаще всего (57 словоупотреблений – 57%) слово *персона* употребляется в значении ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’ и в этом смысле вполне является синонимом слова *особа* в том же значении, обозначая знатных людей и людей привилегированных, занимающих высокие посты в государстве: *Все в слободѣ офицеры знатные из иноземцев и торговые не могли единой свадьбы учинить, чтоб его величество не звать и при нем знатных персон на свадьбы* (Б.И. Куракин. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях). Ироническое употребление редкое и появляется к середине века в демократической литературе (Н.И. Новиков и Д.И. Фонвизин): [Цыфиркин:] *...Как фы терсаєте нефешничать перед ушоной персоной?* (Д.И. Фонвизин. Недоросль). В этот период употребление слова *персона* зависит от конкретизаторов, выраженных согласованными и несогласованными определениями (*знатная, знатнейшая, знатная духовная, высокая, превосходительнейшая, сенаторская, неизвестная, мужские и женские, его / её императорского величества, вашего / императорского величества, сенатора, первейших чинов*).

В первой трети XVIII столетия, по данным А.В. Кокорева [7. С. 306], происходит существенное и стремительное развитие семантики этого слова, которому (наряду со словом *особа*) отводится роль обозначения человеческой особи, что обуславливается закреплением процессов, происходящих в обществе и связанных с выделением из коллектива человека «отдельного», обладающего индивидуальными свойствами. Так, сохраняя своё основное значение, *персона* получает расширительное значение ‘лицо, человек’ [Там же. С. 308]. В этом значении (мы его обозначаем как ‘человек, личность’²), имеющем смысловые оттенки, лексема *персона* представлена 33 словоупотреблениями (33%).

Наиболее частотным является оттенок ‘человек как отдельный член общества’ (26 примеров – 26%), который передаётся чаще всего при помощи конкретизаторов, выраженных, как и в значении ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’, согласованными и несогласованными определениями (*обоого пола, вышеозначенная, духовная, офицера, угодная, каждая, а также мужская и женская*): *...честный стыд возбраняет безчестныя слова, которые не токмо благочинны девицам, но и благочинным мужчинам досадают, когда кто сквернословит пред женскими персонами, и молодыми людьми* (Юности честное зерцало). Здесь сло-

¹ В указанный период частотность употребления слова *персона* в XVIII в. низкая (см. табл. 2). Например, в основных произведениях М.В. Ломоносова три словоупотребления, у А.П. Сумарокова и Д.И. Фонвизина – по одному. Такая выборка не даёт возможности точно определить смысловые нюансы значений и сопоставить с выборками за иные периоды, но позволяет ранжировать значения и предоставляет более или менее общую объективную картину семантики слова.

² Мы должны оговориться, что такая формулировка значения носит формальный характер, поскольку для XVIII в. понятие личности в современном смысле ещё не было знакомо.

во **персона** тоже очень зависимо от прилагательного. Отметим, что хотя референтом слова **персона** в этом значении является отдельный человек, но всё же не человек как таковой, не индивид, а представитель правящего класса. По отношению к простолюдинам, не дворянам, это слово, как правило, не применяется: *На том нечаемом приступе побито наших 1 полковник, протчих афицеров 16 персон, салдат с 300 человек, да ранено с 400* (А.М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны).

В связи с этим значения ‘человек, личность’ и ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’ слабо дифференцируются. Видимо, поэтому Сл. РЯ XVIII в. оба эти значения фиксирует как одно. Для того чтобы выявить смысловые различия употребления этого слова, необходимо обращаться к широкому контексту.

Устойчивое сочетание «своей персоной» (т.е. «сам») встречается в единичном контексте: *...чтоб многие из вас не ведали, сколь прилежно и неотступно мною советовано было, августейшему нашему повелителю, чтоб он в войне сей своею персоною присутствовать не изволил* (Л. Хольберг (пер. Ст. Савицкий). Подземное путешествие, представляющее Историю разнородных с удивительными и неслыханными свойствами животных). Сочетания с притяжательными местоимениями как заменитель личных местоимений употребляются в 6 контекстах (6%). Напр.: *Доброта и деятельное участие, с которыми Ваше Императорское Величество на протяжении стольких лет относились к моей персоне* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем...).

Единичным является и оттенок ‘действующее лицо, актёр’: *Чтоб все персоны в ней [комедии] играли благородно... А сцена б все с другой вязалась там одна* (В.К. Тредиаковский. Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало-Депреовых стихами ж).

Из второстепенных значений, появившихся в XVI–XVII вв., в XVIII в. устраняются те, которые выступают в качестве заместителей слова **лицо**, оставшееся – ‘живописное, скульптурное, чеканное и т.п. изображение чьего-либо лица’ – крайне редкое (5 примеров – 5%). Напр.: *Его величество был в мыльне и работал во весь день в токарне; своего мастерства персоною деревянную подарил Шлипенбаха* (А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом).

Единичным контекстом слово **персона** реализует значение ‘внешний вид, личина, скрывающие сущность, содержание кого-, чего-либо’, которое Сл. РЯ XVIII в. не фиксируется: *Ежели <политика> найдёт безумного, то к нему персоною ласкания обращается, а когда ей умной попадётся, то она ему прямое своё лицо кажет* (С.С. Волчков. Придворной человек). Это значение исчезает окончательно в XIX в., на его замену приходит слово **маска** в том же значении.

Слово **персона** представлено 4 примерами употребления (4%) в значении ‘лицо, человек при расчётах обслуживания’. Это значение появляется уже ко второй половине XVIII в. и употребляется по отношению к представителям привилегированного класса: *Щегольство, единственно в Лон-*

доне царствующее, составляют великолепные трактиры, и обыкновенные в них пиры на пять сот, тысячу и более **персон** (Магазинъ общепользныхъ знаний и изобрѣтений... 1795. Янв. – июнь). Слово **персона** в таких контекстах легко заменяется словом **человек**. Ср. употребление в XIX в.: *Кроме торжественных обедов во дворце или у лорда-мэра и других, на сто, двести и более человек (= персон), то есть на весь мир, в обыкновенные дни подают на стол две-три перемены, куда входит почти все, что едят люди повсюду* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»). В дальнейшем это значение закрепляется как фразеологизированное и не участвует в семантических трансформациях слова, хотя в нём и находят отражение изменения в понятии, стоящем за словом **персона** (см. ниже).

В целом видно, что слово **персона** в своих основных значениях ограничено семантически обозначением лиц, имеющих высокое положение в обществе, реализуется главным образом в нейтральных контекстах и во многом независимо от конкретизаторов, без которых, как правило, не употребляется. Модное в первой трети XVIII в. [7. С. 307], начиная с периода нормализации литературного языка это слово постепенно уходит на второй план.

XIX в.

В XIX в. слово **персона** употребляется редко. Ранжированность основных его значений меняется: на первое место выходит значение ‘человек, личность’, которое, по нашим материалам, представлено половиной всех употреблений (184 контекста – 50,7%). Однако содержание этого значения имеет ряд существенных отличий по сравнению с XVIII в.

В большей части контекстов (121 из 184, или 65,7%) реализуются устойчивые сочетания: «моя, твоя, Ваша, его и т.п. персона» – вместо личных местоимений (44 – 12,1%); «свою(ей) персону(ой)» – в качестве заменителя определительного местоимения «сам» и возвратного «себя» (33 – 9,1%); «собственной персоной» – вместо определительного местоимения «сам» (26 – 7,2%) и «собственной персоне(ой)» – в качестве заменителя возвратного местоимения «себя» (17 – 4,7%): *Я прочитал в его глазах глубокое и справедливое презрение к моей персоне, к моему военному мундиру, к выражению лица, к торопливым движениям* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко); *Иван Тимофеевич сам своей персоной стоял перед нами!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия); *...но тут я ему вдруг объявила, что он напрасно беспокоится о своей чести и о своей персоне, напрасно оскорбляется толками о своей невесте – потому что я больше ему не невеста и никогда его женой не буду!* (И.С. Тургенев. Вешние воды); *Барон Адольф Адольфович Розен был тип захудалого прибалтийского барона, высокий как жердь, вечно прилизанный и до приторности чисто одетый, он умышленно растягивал слова при разговоре и непременно был занят собственной персоной* (Н.Э. Гейнце. В тине адвокатуры); *Вопрос этот был сделан при повороте на Вознесенский проспект, как вдруг из-за угла на нас что-то стремительно наскочило. Вглядываемся:*

сам Балалайкин *собственной персоной!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности).

Наиболее употребимым является оттенок ‘человек как отдельный член общества’ (43 – 11,8%). Напр.: [Зеленьков:] *Окроме куфарки – никого* [в квартире]; *две персоны, стало быть; да сын иногда захаживает* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы). Использование слова *персона* в этом оттенке зависит от конкретизаторов, выраженных в основном согласованными определениями (*возвышенная, духовная, чуждая, наблюдательная, доброкачественная* и т.д. для качественной характеристики человека и *такая, оная, некоторая* и др. – в местоименной функции для замещения конкретного лица), которые положительно или нейтрально характеризуют субъекта. Это слово может употребляться свободно, без конкретизаторов (22, или 51,2% от 43), что видно из приведённого выше примера.

В 20 контекстах (5,5%) используется оттенок ‘лицо женского пола’. Напр.: *Корсаков ждал её решения, но господин с букетом подошёл к нему, отвёл на середину залы и важно сказал: «Государь мой, ты провинился: во-первых, подошёл к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса; а во-вторых, взяв на себя самому её выбрать, тогда как в менюэтах право сие подобает даме, а не кавалеру...»* (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого). Ни в XX, ни в XXI в. этот оттенок больше не употребляется, поскольку его полностью «забирает» себе слово *особа* [25. С. 61].

Как видим из примеров, слово *персона* в этом значении уже употребляется расширительно, прилагается к каждому человеку, независимо от его положения в обществе, и используется в качестве синонима слов *человек, лицо* и *женщина*, а также личных местоимений.

Ранг значения ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’ в XIX в. снижается (118 – 32,6%) в сравнении с XVIII в. (57 – 57%). Достаточно часто (54 из 118, или 45,8%), почти в половине случаев, это значение реализуется в иронических контекстах: *Не говорите: вот человек, который... во всю жизнь не знал, что у человека... есть занятия и обязанности, кроме ежедневного осмотра своих сундуков, анбаров и хлебов, есть честолобие выше уверенности, что он первая персона в каком-нибудь захолустье; о, не тратьте так много фраз, так много слов – скажите просто: вот Иван Иванович Перерепенко* (В.Г. Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»)). Объективация этого значения – в иронических и нейтральных контекстах – осуществляется при помощи конкретизаторов, выраженных как согласованными, так и несогласованными определениями (*первая, видная, высшая, знатная, известная, значительная, избранная, благородная, большая, великая, его сиятельства, вашего величества, высокого ранга* и т.д.): *Он вспомнил, что видел его на Променаде; ему называли тогда и фамилию, и сказали, что это – адъютант какой-то важной персоны* (З.Н. Гиппиус. Без талисмана). Однако это слово может употребляться и свободно (38 – 32,2%), в том числе в предикативной функции: *Граф же Линар точно что оказал в сем случае превеликий сикурс, да и вообще надлежит признать, что его сиятельство – персона крайне полезная для поддержания россий-*

ских интересов и различных наших авантажей при иностранных дворах (Е.П. Карнович. Любовь и корона).

Значение 'лицо, человек при расчётах обслуживания' (57 – 15,7%) продолжает использоваться преимущественно по отношению к знатым лицам. Употребление этого значения применительно к каждому человеку, независимо от его положения в обществе, крайне редкое, характерно для демократической литературы и имеет иронический характер: *Опять же и винище это, ишь как полосуете, ровно бы взрослые!.. Нанося! Полуштоф на две **персоны**... Ну, тебе, Васенька [семинарист], ничего, ты силен, бог с тобой!* (А.И. Левитов. Петербургский случай). В XX в. оно уже применяется к любому человеку как члену общества. Напр.: *...на Автозаводе устроили беспсланный рыбный обед на тысячу пятьсот **персон** в рекламных и пропагандистских целях* (В. Катанян. Лоскутное одеяло).

Значение 'живописное, скульптурное, чеканное и т.п. изображение чьего-либо лица' реализуется редко (4 – 1,1%) и только в контекстах тех художественных произведений, которые повествуют о реалиях XVIII столетия («Капитанская дочка», «Последний Новик» и т.д.), т.е. употребляется как устаревшее: [Казак:] *А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на груди: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой **персона** его* (А.С. Пушкин. Капитанская дочка). Ср. также употребление в тексте XX в., повествующем о Петровской эпохе: *Уж восковую **персону** Его Императорского Величества велено по приказу обер-маршала графа фон Левенвольда отдать в Кунсткамеру (куништкамору) к библиотекарису Шумахеру* (А.М. Ремизов. Взвихренная Русь).

Итак, в XIX в. слово **персона** употребляется, как правило, в двух значениях; значение 'внешний вид, личина, скрывающие сущность, содержание кого-, чьего-либо' утрачивается, значение 'живописное, скульптурное, чеканное и т.п. изображение чьего-либо лица' реализуется как устаревшее, значение 'лицо, человек при расчётах обслуживания' – фразеологизированно и имеет узкую область употребления. Частотность использования изначального значения ('человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа') снижается, и нередко оно реализуется в иронических контекстах. Значение 'человек, личность' используется чаще всего в устойчивых сочетаниях. В целом налицо процесс семантического сужения. Вместе с тем нельзя утверждать, что семантические процессы для лексемы **персона** прекращаются, затухают. Это слово начинает употребляться свободно, взаимодействует с другими словами, «борется» за возможность обозначения новых референтов и формирует новые смысловые возможности, реализация которых откладывается до «лучших времён».

XX в.

В XX в. у двух основных значений, частотность которых хотя и падает, но незначительно, наблюдаются изменения в смысловых нюансах. В значении 'человек, личность' (150 – 63%) к концу XX в. появляется новый

оттенок – ‘человек как носитель каких-либо качеств, свойств’, частотность которого пока ещё низка (4 – 1,7%). Здесь словом **персона** обозначается человек как личность, индивидуальность, а значение объективируется контекстом: *Он, режиссер кино, является той **персоной**, ум, талант и воля которого определяют, чем и как занять или развлечь охочую до зрелищ публику* (С. Лунгин. Виденное наяву).

Оттенок ‘человек как отдельный член общества’ сохраняется, но реализуется, как и в XIX в., редко (23 – 9,7%). Слово **персона** в этот период уже непременно обозначает любого человека, независимо от его положения в обществе и принадлежности к тому или иному классу, что, несомненно, детерминировано социально-политическими процессами. Конкретизаторы здесь представлены и согласованными и несогласованными определениями (*странная, определённая, незнакомая, неврастеническая, каждая, никому не известная, гимназического учителя, гауляйлера*): *Первое, что удивило, – это присутствие совершенно незнакомых мне **людей**... Из незнакомых **персон** меня поразил грузный пожилой человек с абсолютно голым черепом, необыкновенно похожий на Фантомаса, – будущий Президент Академии Александров (И.С. Шкловский. Эшелон)*. Слово **персона** может употребляться без конкретизаторов в качестве заместителя слова **человек**: *Королев и Цандер со товарищи: несколько десятков человек в подвале делали то, что целый институт в 10 тысяч **персон** тогда не мог бы и лишь мешал бы, дай им решать вопрос об этой безумной идее и средствах на нее* (Г. Гачев. Жизнемысли).

Возрастает употребление данной лексемы в устойчивом сочетании с притяжательными местоимениями (50 – 21,1%). Контексты здесь имеют полуиронический характер: *По Украинскому телевидению полчаса показывали наш Институт в связи с перестройкой, а больше – мою **персону*** (Н.М. Амосов. Дневник). В основном это устойчивое сочетание замещает личное местоимение первого лица единственного числа (34 из 50, или 68%) и используется, особенно с прилагательными *скромная* и *крошечная*, видимо, как «фигура скромности» [9. С. 592] с целью затушевать чрезмерное выпячивание автором своего «я» в обществе, в котором преобладают идеи коллективизма и соборности.

Устойчивые сочетания «свою(ей) персону(ой)» и «собственной персоне(ой)» не имеют каких-либо изменений, кроме незначительного колебания в частотности употребления.

Минимальным количеством контекстов представлено терминологическое сочетание «персона нон грата» (2 – 0,81%): *Это [заявление Рузвельта] выглядело как объявление <посла СССР в США М.М.> Литвинова **персоной нон грата*** (В. Бережков. Рядом со Сталиным).

Терминологическое сочетание «персона грата» в НКРЯ не фиксируется, но обнаруживается образованное от него общеупотребительное сочетание (4 – 1,6%). Напр.: [Я.М. Уманский:] *Я вам назову десяток имен римских вольноотпущенников, которые стали потом **персонами грата*** (Е.С. Гинзбург. Крутой маршрут). Ни то ни другое нетерминологическое сочетание в текстах начала XXI в. не отражается.

Значение 'человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа' (65 – 27,4%) в XX в. используется, хотя и незначительно, в иронических контекстах, отражающих самоиронию автора, а в некоторых случаях и с оттенком презрения (14 – 21,5% от 65): *И не такая уж я персона, чтобы кто-то специально мною занимался и разыскивал мои документы* (Э. Герштейн. Лишняя любовь). В нескольких контекстах (9 – 13,8%) слово **персона** реализуется как устаревшее. Напр.: *В Европе классическая двухколесная повозка трансформировалась в кареты и коляски (около 1500 года), главной особенностью которых были поворотные передние оси и рессоры, оберегавшие сиятельных персон от колдобин старинных дорог* (А. Винтов. Тысячелетия колеса). В большинстве своём (45 – 69,2%) **персона** – это значительное лицо, о чём свидетельствуют соответствующие конкретизаторы (*важная, большая, блестящая, высокая, царственная, крупная, значительная, высочайшая, высшая, сиятельная, влиятельная, уважаемая, царская, императора, выдающегося государственного значения, чистых кровей, царя*): *Товстоногов, который так не любил любой «официоз», стоял в кулисе справа, откуда должна была появиться царственная персона [принцесса Маргарет], и недовольно сопел, как во время неудачной репетиции* (Т.В. Доронина. Дневник актрисы). Но в ряде случаев (13 – 20%), особенно в контекстах, реализующих презрительное отношение автора к тому или иному лицу, под персоной понимается всякий человек, занимающий высокое место в социальной иерархии. Здесь конкретизаторы иные (*в вытуженном кителе, распоряжающаяся курортами*): *И если бы спрошенный по наивности поторопился рассказать, что его задерживают незаконно... то заглянувшая в тюремную скверну персона [т.е. прокурор] в вытуженном кителе и начищенных до солнечного блеска сапогах брезгливо поджала бы губы* (О.В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца). В двух контекстах персоной называется человек как видный представитель общества, значительное лицо, и, в определённом смысле, слово **персона** сближается со словом **личность**: *Большой человек, персона выдающегося государственного значения, важная, очень важная личность в Советском Союзе – писатель Алексей Толстой* (Ю. Елагин. Укрощение искусств).

Как видим, в XX в. слово **персона** хотя и продолжает использоваться главным образом в устойчивых сочетаниях, но в целом преодолевает процесс семантического сужения, избавляется от стесняющих его рамок иронического употребления; начинается формирование обобщённого, абсолютного значения, которое реализуется для обозначения всякого отдельного человека и человека, обладающего определёнными качествами и свойствами; слово **персона** начинает употребляться не только для называния лиц, обладающих значительным общественным положением, но и лиц, занимающих высокий пост, или видных, почтенных представителей общества. Эти тенденции сохраняются и развиваются в начале XXI в.

XXI в.

В настоящее время самым частотным остаётся употребление слова **персона** в словарном значении ‘человек, личность’ (693 – 69,1%).

В XXI в., в отличие от XX в., увеличивается (100 – 10%) терминологическое употребление слова **персона** – «персона нон грата» (графически оно фиксируется по-разному: *non grata*, *нон-грата*, *нежелательная персона* и т.д.): *История с высылкой российского дипломата, который был объявлен персоной нон-грата в декабре прошлого года, сегодня получила свое развитие* (Комсомольская правда. 12 дек. 2011). Такая частотность употребления сочетания **персона нон грата** обусловлена спецификой текстов СМИ, в которых находит отражение политическая жизнь как внутри страны, так и за её пределами. Термин «персона грата» минимально представлен в текстах (6 – 0,6%) и употребляется только в наименовании организации (юридического агентства).

К значению ‘человек, личность’ примыкают и устойчивые сочетания с притяжательными местоимениями (100 – 10%), устойчивые сочетания «свою(ей) персону(ой)» (49 – 4,9%) и «собственной персоне(ой)» (50 – 5%), частотность которых существенно снижается как относительно предыдущих периодов употребления, так и в сравнении с другими оттенками значения. Это может быть обусловлено и увеличением доли других оттенков, и спецификой текстов СМИ, но может свидетельствовать и об определённых процессах в обществе: некоторого увеличения индивидуализации и изменения отношения к индивидуальности, при которых отпадает необходимость в «фигурах скромности».

Значение ‘человек, личность’ примерно в половине случаев употребления реализуется в оттенках ‘человек как отдельный член общества’ и ‘человек как носитель каких-либо качеств, свойств’. Их, по нашему мнению, можно считать полноценными значениями. Во-первых, объём исходного значения очень велик и включает обозначение референта – человека – по разным основаниям: с одной стороны, как единицы общества, индивида в соотношении с обществом, и как особи, выделяющейся из общей массы, противопоставленной обществу – с другой. Во-вторых, эти оттенки значения, обозначившиеся до XXI в., сами начинают обростать оттенками.

Рассмотрим их отдельно.

1. Значение ‘человек как носитель каких-либо качеств, свойств’, наиболее употребительное (215 – 21,4%), реализуется в пределах диапазона следующих смысловых оттенков: ‘человек с ярко выраженной индивидуальностью’ – на одном полюсе и ‘человек как носитель признака, создающего разницу между кем-либо’ – на другом.

Реализация смыслового оттенка ‘человек с ярко выраженной индивидуальностью’ редкая (13 – 6%), осуществляется при помощи определения: персона наделяется свойствами и качествами, присущими конкретному лицу (несогласованные определения: *В. Золотухина, Д. Менделеева, Рафаэля, Микеланджело* и т.д.) или обозначающими, с точки зрения общества,

выраженную индивидуальность (согласованные определения: *мощная, выдающаяся, значимая, значительная, достойная, яркая* и т.д.): *Эксперты и участники рынка российского кино считают, что интерес к персоне Менделеева со стороны общественности есть, но весь вопрос – в качестве переноса биографии великого ученого на киноленту* (Известия. 2 июля 2014); *«Мы были не только похитителями велосипедов...»* – <документальная картина> *о выдающихся персонах неореалистического кино* (Известия. 11 марта 2014). Наличие конкретизаторов здесь желательно, но объективация оттенка может осуществляться и контекстом.

Лица, названные персонами в оттенке ‘человек, как носитель признака, создающего разницу между кем-либо’, могут быть как выдающимися людьми, так и не обладать значимыми для общества качествами. Единственным их объединяющим критерием является узнаваемость. Ср.: *Кто-то из творческих людей, Дмитрий Быков или Андрей Максимов, отметил недавно главную особенность текущего российского момента: нынче в моде-в цене исключительно персоны, чьи имена на слуху* (Советский спорт, 16 янв. 2012). Объективируется этот оттенок при помощи конкретизаторов, выраженных в основном согласованными (*известная, узнаваемая, публичная, медийная, телевизионная, светская, звёздная* и т.д.) определениями: *Генеральный директор Центра политической информации Алексей Мухин связывает исключение таких медийно заметных персон, как Сванидзе, Канделаки или Потанин из ОП РФ с прошлогодним посланием президента Федеральному собранию* (Известия. 31 янв. 2014); *В Госдуме выступили певцы Григорий Лепс, Стас Михайлов и Валерий Меладзе; они потребовали защитить себя (и прочих публичных персон) от журналистов* (Комсомольская правда, 15 февр. 2013); *Также зрители активно реагировали на выступления известных персон – Ирины Хакамады, журналиста Андрея Норкина, писателя Сергея Лукьянова – и ответы президента на их вопросы* (Известия. 21 апр. 2014); *Представителями Владимира Путина стали около 500 общественных деятелей, среди которых известные дрессировщики Аскольд и Эдгард Запашные, пианист Денис Мацуев, джазмен Игорь Бутман, резидент «Камеди Клуб» Гарик Харламов и многие другие популярные персоны* (Известия. 9 апр. 2013).

Наиболее частотными являются сочетания *публичная персона* (31 – 14,4%), *медийная персона* (43 – 20%) и *известная персона* (39 – 18,1%), которые представляют собой, видимо, заимствования из английского языка (*public figure, public person* и *media person*). На первый взгляд кажется, что лексема *персона* входит в язык в новом значении, которое мало связано со старым, однако как неологизм она не воспринимается – мы уже видели, что собственные семантические возможности для реализации этого оттенка у слова есть. Благодаря такому повторному заимствованию интенсифицируется семантический процесс этого слова.

2. При употреблении слова *персона* в значении ‘человек как отдельный член общества’ (128 – 12,8%) речь идёт об отдельных людях, свойства и качества которых не выдвигаются на первый план; это могут быть и рядо-

вые члены общества, и лица с высоким общественным статусом, однако лексема **персона** не употребляется для того, чтобы подчеркнуть этот статус, выделить человека на основании его исключительного или высокого положения в обществе. В этом оттенке нередко отсутствуют конкретизаторы. Здесь это слово выступает в одном ряду со словами **индивид** и **человек** в соответствующем значении: *Играет джазовый оркестр из трех **персон**! (Ну, все как на балу у Воланда)* (Комсомольская правда. 8 нояб. 2013); *Ими оказались довольно любопытные **персоны**. Полицейским попались: 30-летний уроженец Надтеречного района Чеченской Республики Ризван Махаев и 41-летний житель Грозного Руслан Батаев* (Комсомольская правда. 18 февр. 2013); *То есть **человек** не просто испытывает физическое влечение к кому-либо, но и понимает, как много эта **персона** для него значит* (Комсомольская правда. 21 июня 2012). Учитывая, что лексема **индивид** употребляется в языке нечасто и детерминологизация её значений не завершилась (см.: [26. С. 157]), можно предположить, что слово **персона** компенсирует необходимость наименования человека как отдельного члена общества, хотя полностью её и не вытесняет.

В целом в контекстах, реализующих эти значения, ироническое употребление практически не встречается, отрицательные коннотации отсутствуют. Понятие персоны тесно пересекается со значениями слов **индивид** и **индивидуальность**. Персоной может быть назван всякий человек, но в настоящее время слово **персона** используется, как правило, для обозначения людей публичных, известных.

Вторым по частотности является употребление слова **персона** в значении 'человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа' (287 – 28,6%). Данное значение реализуется в рамках, ограниченных следующими смысловыми оттенками: 'человек, занимающий высокий официальный пост' (110 – 38,3%) и 'видный представитель общества, почтенный человек' (26 – 9,1%). Персонами называют как первых лиц государства, представителей финансово-промышленного капитала, так и представителей региональных элит, местного истеблишмента: *Персоны разного калибра – от уездного чиновника до депутата Госдумы – то предлагают нам называть матерей-одиночек известным словом на букву "б", то жить со свекровью в одной квартире, то запретить аборт и суррогатное материнство* (Комсомольская правда. 10 июня 2014); *Среди 20 **персон**, чьи североамериканские активы должны быть заморожены, только четверо не занимают государственных постов* (РБК Дейли. 31 марта 2014). Подобная ситуация наблюдается и в синонимичном ЛСВ у слова **особа** (см.: [25. С. 60]).

Персоной называется и любой человек, независимо от его социального положения, являющийся видным общественным деятелем или лицом с высоким общественным статусом, это деятели искусства, ученые, космонавты и т.д.: [Михаил Виноградов:] *Да и для Совета Федерации такие **персоны**, как Валентина Терешкова, добавляют авторитета* (Известия. 9 авг. 2013). Этот оттенок очень сильно сближается с оттенком 'человек как носитель каких-либо качеств, свойств'.

Оттенок ‘важное лицо, особенное по значимости’ практически не реализуется (5 – 1,7%) и употребляется для обозначения правителей, лиц, имеющих монаршие титулы, членов их семей: *Приходил к Ждановой участковый. Да толку-то. Послала Катерина беднягу, причем далеко. Ни за что не поверить, что **персона** особых кровей* (Комсомольская правда. 16 дек. 2011).

Впрочем, представленная нами дифференциация оттенков не носит абсолютного характера, они легко смешиваются друг с другом, даже в пределах контекста: *Его [парфюм] создала знаменитая итальянская парфюмер Сильвана Казоли (кстати, среди ее клиентов такие **персоны**, как испанский король Хуан Карлос, Мадонна, Sting)* (Комсомольская правда. 17 марта 2012).

Объективация того или иного оттенка часто (180 – 62,8%) осуществляется при помощи конкретизаторов в форме согласованных (качественные прилагательные: *масштабная, историческая, влиятельная, знатная, видная, известная, топовая, высшая, мега, звёздная, высокопоставленная, знаменитая, значимая, очень богатая*; относительные прилагательные: *политическая, начальственная, федеральная, особо охраняемая*) и несогласованных (с большой буквы, *при власти, топ-уровня, высокого ранга, особых кровей, князя Владимира, короля Хуана Карлоса*) определений. И только в 34 контекстах (11,8%) конкретизаторы или отсутствуют, или не являются показателями статуса референта, поэтому значение слова восстанавливается из контекста.

Отметим, что 73 случая употребления (25,4%) представлены заимствованным фразеологизированным и тавтологическим сочетанием «вип-персона» (графическая запись может быть разной: *вип-персона, ВИП-персона, VIP- и vip-персона*), которое стало общеупотребительным. Это сочетание широко используется и реализует оттенки ‘видный представитель общества, почтенный человек’ и ‘человек, занимающий высокий официальный пост’ даже в рамках одного контекста: *Московские игры в феврале посетят министр спорта Нидерландов Эдит Схипперс и четырехкратный олимпийский чемпион по прыжкам в воду Грег Луганис, ведутся переговоры с другими **вип-персонами*** (РБК Дейли. 12 февр. 2014).

В указанном значении слово **персона** в большинстве своём нейтрально в отношении характеристики человека. Ранг этого значения установился. Оттенок ‘важное лицо, особенное по значимости’, после длительного периода его реализации в иронических контекстах, по всей видимости, утрачивается и передаётся слову **особа**. Основное употребление осуществляется в оттенке ‘человек, занимающий высокий официальный пост’, и это узкое значение официального положения лица, возможно, закрепится за словом окончательно.

Отдельно обозначим сближение слов **персона** и **фигура**. Лексема **персона** употребляется в качестве заменителя лексики **фигура** (45 – 4,5%), обозначая действующее лицо, например человека как участника игры: *Бывший нападающий «Спартака» Валерий Рейнгольд назвал пять ключевых **персон** (=фигур) предстоящего матча сборной России с командой Португалии* (Советский спорт. 6 июня 2013). Отдельные попытки замеще-

ния слова **фигура** делались в XIX и XX вв. (табл. 2), однако в настоящее время этот процесс стал более явным вследствие увеличения интенсивности взаимодействия данных слов, которые зачастую вступают в синонимические отношения, вторгаясь с семантические области других лексем общей семантической группы. Так, оба слова реализуют оттенок ‘человек как носитель каких-либо качеств, свойств’, характерный для слова **индивидуальность**, называющего человека, который обладает отличающими его от других людей свойствами и качествами: *Посмотрите хотя бы на то, сколько заметных тренерских персон (=фигур), ярких, содержательных, есть в хоккее!* (Советский спорт. 14 мая 2011).

Т а б л и ц а 2

Развитие семантики слова *персона* в русском языке XVIII–XXI вв.

№	Значения	XVIII в.		XIX в.		XX в.		XXI в.	
			%		%		%		%
1	Человек, личность	33	33	184	50,7	150	63,3	693	69,1
	Действующее лицо, актёр	1	1	–	–	–	–	–	–
	Человек как отдельный член общества	26	26	43	11,8	23	9,7	128	12,8
	Человек как носитель каких-либо качеств, свойств	–	–	–	–	4	1,7	215	21,4
	В качестве синонима слова фигура	–	–	1	0,3	2	0,8	45	4,5
	Лицо женского пола	–	–	20	5,5	–	–	–	–
	◇ С притяжательными местоимениями в качестве заменителя личных местоимений (моя персона, т.е. я)	6	6	44	12,1	50	21,1	100	10
	◇ Свою(ей) персону(ой) – в качестве заменителя определительного местоимения «сам» и возвратного «себя»	1	1	33	9,1	17	7,2	49	4,9
	◇ Собственной персоной – в качестве заменителя определительного местоимения «сам»	–	–	26	7,2	17	7,2	31	3,1
	◇ Собственной персоне – в качестве заменителя возвратного местоимения «себя»	–	–	17	4,7	21	8,9	19	1,9
	◇ Персона грата – человек, пользующийся у кого-либо особым расположением (чаще ирон.)	–	–	–	–	4	1,6	6	0,6
	◇ Персона нон грата (специальное) – дипломатический представитель, которому отказано в доверии и дипломатическом иммунитете со стороны правительства той страны, в которой он пребывает, и пребывание которого в этом государстве объявлено нежелательным	–	–	–	–	2	0,8	100	10

№	Значения	XVIII в.		XIX в.		XX в.		XXI в.	
			%		%		%		%
	◇ Персона нон грата – человек, пользующийся у кого-либо неприязнью, общество которого нежелательно (чаще ирон.)	–	–	–	–	10	4,2	–	–
2	Человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа	57	57	118	32,6	65	27,4	287	28,6
	Видный представитель общества, почтенный человек	–	–	–	–	2	0,8	26	2,6
	Человек, занимающий высокий официальный пост	–	–	–	–	13	5,4	110	10,1
	Важное лицо, особенное по значимости	57	57	118	32,6	15	6,3	5	0,5
3	Лицо, человек при расчётах обслуживания	4	4	57	15,7	21	8,9	23	2,3
4	Живописное, скульптурное, чеканное и т.п. изображение чьего-либо лица	5	5	4	1,1	1	0,4	–	–
5	Внешний вид, личина, скрывающие сущность, содержание кого-, чьего-либо	1	1	–	–	–	–	–	–
Итого		100		363		237		1003	

Это становится возможным вследствие того, что слово *индивидуальность* в настоящее время употребляется прежде всего для обозначения качества, которое делает человека отдельным, не похожим на других, а человек как носитель такого качества редко становится референтом этого слова, следовательно, функция обозначения носителя отличительных качеств и свойств должна передаваться другим словам, в числе которых оказываются и лексемы *персона* и *фигура*.

Сближение слов *персона* и *фигура* происходит и в оттенке ‘человек, занимающий высокий официальный пост’ [27. С. 79]: *В администрации президента пояснили «Известиям», что при мониторинге городов будет учитываться не персона самого мэра, а положение дел в городе — его социальные, экономические и инвестиционные показатели* (Известия. 25 окт. 2013).

Отметим ещё одну особенность современного функционирования слова *персона*. До второй половины XX в. оно преимущественно не употреблялось с глаголами действия, а в настоящее время свободно с ними взаимодействует. Персона становится действующим лицом: *Сам законопроект принимался под впечатлением от более ранних событий, когда некоторые медийные персоны заявляли о целесообразности отделения от России некоторых регионов* (Известия. 5 мая 2014); *...отдельные медийные персоны позволяют себе ставить под сомнение героический подвиг советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками* (Известия. 1 нояб. 2013); *Но, когда одна и та же популярная персона агитирует сразу за двух кандидатов в президенты, — это, согласитесь, чересчур* (Комсомольская правда. 14 февр. 2012).

Выводы

Итак, семантическая структура слова *персона* на протяжении периода с XVIII по XXI в. претерпевает изменения, которые сосредоточиваются в области двух основных её значений: 1) персона как отдельный человек и 2) официальное положение лица, а также само это лицо.

В первой трети XVIII в. наблюдается семантическое расширение слова; слово начинает употребляться не только по отношению к исключительным по важности, влиятельным лицам государства, выделяющимся из своей среды, но и в расширительном значении, обозначая человека как индивида, однако не любого, а принадлежащего к привилегированному классу.

С 30–40-х гг. XVIII в. происходит явное «ухудшение» семантики. Ко второй половине XIX в. лексема *персона* практически выключена из формирующейся семантической группы ‘персональность’, несмотря на происходящие в общественной жизни процессы и попытки найти слово, обозначающее свободного, социально развитого человека. Значение ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’ уходит на второй план и используется в иронических контекстах. Значение ‘человек, личность’ становится более употребительным, но зачастую реализуется в словосочетаниях, которые являются заменителями личных, возвратных и определительных местоимений. В этот период слово *персона* употребляется и в узком значении: для обозначения лица женского пола, женщины. И всё же семантические процессы этого слова не «затухают», носители языка испытывают его семантические возможности, слово *персона* начинает обозначать уже всякого человека как индивида, употребляясь свободно, без конкретизаторов.

В первой половине XX в. процесс семантического сужения останавливается. Из значения ‘человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа’ после утраты иронического употребления выхолащивается компонент исключительной важности лица, и слово *персона* начинает использоваться расширительно, для обозначения любого человека, занимающего высокий пост или высоко оцениваемого обществом. Значение ‘человек, личность’ хотя и становится наиболее употребительным, но оттенок, обозначающий в общем смысле человека как отдельного члена общества, занимает скромное место, поскольку увеличивает свою частотность в сравнении с XIX в. употребление этой лексемы в качестве заменителя личного местоимения первого лица. Это значение получает к концу XX в. новый оттенок, определяющий человека с точки зрения присущих ему качеств и свойств.

В настоящее время в употреблении слова *персона* формируется новое направление, предпосылки которого возникли ранее: персоной обозначается всякий человек, обладающий качествами и свойствами, отличающими его от других людей. Это новое употребление, видимо, испытывает влияние со стороны английского языка, из которого происходит повторное заимствование слова, обозначающего в устойчивых сочетаниях человека с

точки зрения его узнаваемости в обществе (*медийная персона, популярная персона*). Узнаваемость связывается с наличием у индивида качеств и свойств, которые делают его неповторимым, запоминающимся, но необязательно являются лучшими, общественно значимыми.

Значение 'человек, занимающий видное положение в обществе, важная особа' все интенсивнее отодвигается на задний план и оказывается в узкой нише, обозначая в сочетаниях «важная персона», «высокопоставленная персона», «влиятельная персона» лицо, занимающее официальный, высокий пост. Сочетание «вип-персона», образованное от заимствованной аббревиатуры, достаточно легко освоилось в этом значении, обозначая важное или официальное положение лица.

В современном русском языке, таким образом, семантические границы данного слова определяются соотношением со словами *индивид, индивидуальность, личность*. Слово *персона* употребляется для обозначения отдельного человека с точки зрения его характера, поведения и общественного положения. Нередко персоной называют человека известного, популярного. Интенсивно сближается это слово со словом *фигура*, обозначающая человека как деятеля, действующее лицо.

Как видим, слово *персона*, обладая хорошим семантическим потенциалом, способно в определённые периоды функционирования уходить на задний план, не участвуя в обозначении общественно значимых понятий, затем возвращаться, раскрывая свои возможности. Семантические трансформации слова *персона*, активное его взаимодействие с другими словами семантической группы 'персональность' помогут нам точнее определить механизмы развития этой группы в русском языке.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка (попытка системного описания) // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Вайс Д. Человек, лицо, личность и особа: четыре неравных соперника // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М., 1999. С. 81–98.
4. Виноградов В.В. Личность // Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 271–305.
5. Калинина Л.В. Семантика и функционирование существительных «человек», «человечество», «человечина» и «человечность» в современном русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 81–86.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. Кокорев А.В. Из истории русского литературного языка первых десятилетий XVIII века // Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 305–309.
8. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.
9. Левонтина И.Б. Структура семантического поля персональности в русской лексике // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М., 2010. С. 585–598.

10. *Сергиева Н.С.* Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб. : Наука, 2009. 316 с.
11. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
12. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
13. *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98–111.
14. *Национальный корпус русского языка.* URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.10.2018).
15. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 14 (Отрава – Персона) / гл. ред. Д.Н. Шмелёв. М. : Наука, 1988. 311 с.
16. *Словарь русского языка XVIII века* / Рос. акад. наук. Ин-т лингв. иссл. ; гл. ред.: З.М. Петрова. Вып. 19. (Пенат – Плангерд). СПб. : Наука, 2011. 239 с.
17. *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный.* Ч. 4: О–П. СПб., 1822. 1536 стб.
18. *Словарь церковно-славянского и русского языка* : в 4 т. / сост. 2-м отд. Императорской академии наук. СПб., 1847. Т. 3. 590 с.
19. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3: П– Р. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 576 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=q-VEQPw7r9gC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 11.10.2018).
20. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. 1424 стб. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 11.10.2018).
21. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. Т. 9. 1482 стб.
22. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1987. Т. 3. 752 с.
23. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1983. 816 с.
24. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2009. 941 с.
25. *Игнатов И.А.* Семантика и функционирование слова «особа» в русском языке // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 4. С. 57–63.
26. *Игнатов И.А.* Человек ты или индивид?: Особенности употребления слов «индивид» и «индивидуум» в современной речи // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2016. С. 151–159.
27. *Игнатов И.А.* Есть ли у фигуры лицо? Развитие семантики слова «фигура» в русском языке // Семантика. Функционирование. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Киров, 2017. С. 74–82.

The Word “Person”: Its Semantics and Functioning in the Russian Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 40–63. DOI: DOI: 10.17223/19986645/63/3

Ivan A. Ignatov, Komi Republican Academy of State Service and Administration (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com

Keywords: word semantics, lexical-semantic variants, person, meaning widening.

The article is devoted to the study of semantic transformations of the word “person”. The need for the research is determined by the fact that currently the semantic group “personality”, which includes this lexeme, is actively developing. A complete description of the semantic group is necessary for constructing an integral structure of the HUMAN concept and a better

understanding of the processes taking place in society. The research was carried out on the basis of data of the Russian National Corpus (texts of the 18th—21st centuries) using lexical-semantic and contextual methods. The word “person”, known from the 16th—17th centuries, began to be actively used in the first third of the 18th century and had two main meanings: “a person who holds a prominent position in society, an important person” and “a person, individual” with a touch of “a person as a member of society”, which was used to refer to the privileged classes. The latter meaning was new to the 18th century. Its appearance marks the expansion of the semantics of the word. In the 19th century, the semantic processes weaken, the meaning “a person who holds a prominent position in society, important person” acquires an ironic meaning. The meaning “a person, individual” came to the fore, which then referred to any individual. In this sense, “person” was often used as a substitute for personal pronouns, the reflexive pronoun “oneself” and the definitive pronoun “sam” [on one’s own]. There were attempts to use the word to refer to the female person. In the 20th century, the meaning “a person, individual” retained its position. The word “person” began, on the one hand, to be applied to a person as a carrier of individual qualities and properties, on the other hand, to denote the body image of a person, drawing closer to the lexeme “figure”. The meaning “a person who holds a prominent position in society, an important person” is deprived of an ironic connotation. Currently, the meaning “a person, individual” has two meanings: “a person as having some qualities, properties” and “a person as a member of society”. Thus, the lexeme “person” tends either to the word “individual”, or to the words “personality”, “individuality”, with the latter most close in meaning. There was a rapprochement with the word “figure”, which was also used to refer to a person as a carrier of individual properties and qualities. In the meaning “a person who holds a prominent position in society, an important person” there was a variation between two shades of meaning: “a significant person; a prominent representative of something” and “a person occupying a high position”. The latter was more preferred. The frequency of this meaning was low. This meaning gradually passed to the word “osoba” [lit. person] and was realized, first of all, in fixed phrases “VIP-person”, “important person”, “high-ranking person”, “influential person”. Thus, by the 21st century, the word “person” returns to the group of words with normal semantics, it interacts with the words of the semantic group “personality” and actively participates in its development.

References

1. Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka (popytka sistemnogo opisaniya)* [The image of a person according to the language (an attempt to describe the system)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 37–67.
2. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.
3. Vays, D. (1999) *Chelovek, litso, lichnost’ i osoba: chetyre neravnykh sopernika* [Man, face, personality and person: four unequal rivals]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka: Obraz cheloveka v kul’ture i yazyke* [Logical Analysis of Language: The image of a person in culture and language]. Moscow: Indrik. pp. 81–98.
4. Vinogradov, V.V. (1999) *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 271–305.
5. Kalinina, L.V. (2007) *Semantika i funktsionirovanie sushchestvitel’nykh “chelovek”, “chelovechestvo”, “chelovechina” i “chelovechnost” v sovremennom russkom yazyke* [The semantics and functioning of the nouns “chelovek”, “chelovechestvo”, “chelovechina” and “chelovechnost” in modern Russian]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 17. pp. 81–86.
6. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost’* [Russian Language and Language Personality]. 7th ed. Moscow: LKI.

7. Kokorev, A.V. (1999) Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka pervykh desyatiletiy XVIII veka [From the history of the Russian literary language of the first decades of the 18th century]. In: Vinogradov, V.V. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 305–309.
8. Kolesov, V.V. (1986) *Mir cheloveka v slove Drevney Rusi* [The Human World in the Word of Old Russia]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Levontina, I.B. (2010) Struktura semanticheskogo polya personal'nosti v russkoy leksike [The structure of the semantic field of personality in Russian vocabulary]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Prospekt aktivnogo slovary russkogo yazyka* [Prospectus of the active dictionary of the Russian language]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 585–598.
10. Sergieva, N.S. (2009) *Prostranstvo i vremya zhiznennogo puti v russkom yazykovom soznanii* [Space and Time of Life Journey in the Russian Language Consciousness]. St. Petersburg: Nauka.
11. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language in the 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Ufimtseva, N.V. (2009) Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [The image of the Russian world: systemacity and content]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 98–111.
14. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 11.10.2018).
15. Shmelyov, D.N. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Is. 14. Moscow: Nauka.
16. Petrova, Z.M. (ed.) (2011) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Is. 19. St. Petersburg: Nauka.
17. Saint Petersburg Academy of Sciences. (1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poriyadku raspolyozhenny* [The dictionary of the Academy of Russia organized in the alphabetical order]. Pt. 4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
18. Saint Petersburg Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk.
19. Dahl, V.I. (2001) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Moscow: OLMA-PRESS. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=q-VEQPw7r9gC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (Accessed: 11.10.2018).
20. Ushakov, D.N. (ed.) (1939) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Accessed: 11.10.2018).
21. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1959) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1983) *Slovar' russkogo yazyka: ok. 57 000 slov* [Dictionary of the Russian language: about 57,000 words]. 14th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2009) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS.

25. Ignatov, I.A. (2017) Semantics and functioning of the word “osoba” in Russian language. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 4. pp. 57–63. (In Russian).

26. Ignatov, I.A. (2016) Are you a human or an individual? Features of use of the words “individual” and “individuum” in the language of mass-media. In: *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst* [Semantics. Functioning. Text]. Kirov: OOO “Izdatel’stvo “Raduga-PRESS”. pp. 151–159. (In Russian).

27. Ignatov, I.A. (2017) Est’ li u figury litso? Razvitie semantiki slova “figura” v russkom yazyke [Does figure have a face? The development of the semantics of the word “figure” in Russian]. In: *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst* [Semantics. Functioning. Text]. Kirov: OOO “Izdatel’stvo “Raduga-PRESS”. pp. 74–82.

УДК 81-13

DOI: 10.17223/19986645/63/4

Д.М. Миронова

К ВОПРОСУ О СИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

Раскрываются эвристические возможности когнитивной лингвистики в изучении языка как системного феномена. Интерпретируются теоретико-методологические установки когнитивно-дискурсивного подхода в плане их соответствия универсальным основаниям системологии. Особое внимание уделяется различным аспектам концептуальной трактовки лексики, которые соотносятся с универсальными принципами существования систем. По итогам анализа обосновывается научный вклад лингвокогнитологии в понимание системной языковой природы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуализация и категоризация мира в языке, лексическая семантика, принципы существования систем, системология, теория систем, язык как система.

Введение. Постановка проблемы

Построение интегративного описания языка более полувека остаётся актуальной задачей лингвистической науки и сегодня получает развитие в русле антропоцентрического подхода к своему объекту. Введение в поле научного внимания координаты человеческого фактора создало благоприятную почву для обновлений в постановке вопроса о единстве языковой системы, соотношении в ней частей и целого, выделения новых аспектов этого соотношения и качественного своеобразия целого относительно частей. Таким образом, установка на анализ языка в сопряжении со свойствами его пользователя стимулировала дальнейшую разработку холистической проблематики языкознания.

Холизм (от др.-греч. ὅλος – ‘целый, цельный’), или философия целостности, имея своим истоком античное наследие, была предложена в первой половине XX в. южноафриканским философом Я. Смэтсом. Основу этой онтологической концепции составил тезис о качественном отличии и приоритете целого по отношению к его частям; в противоположность механистической интерпретации с созданием новых целостностей связывалось эволюционное движение. Из этого следовала закономерная установка изучать объект как целое прежде его отдельных составляющих и свойств [1. Т. 4. С. 299–300]. Позднее, по мере практической апробации этих идей, холистический философский принцип воплотился в универсальную составляющую объективной модели мира, получившую наиболее представительное выражение в общей теории систем – междисциплинарной области, направленной на выявление структурно-функциональных закономерностей систем различной природы.

В этой преемственной связи системологии с философией целостности некоторые исследователи усматривают возврат к синкретическому мировоззрению мифологического сознания, свершившийся, однако, на новой интеллектуально-технической базе [2].

История научного знания свидетельствует об интенсивном формировании системных представлений с середины 19 века через преодоление аналитических методов познания, господствующих в естественных науках того времени. «Назрела необходимость целостного подхода к объяснению материала, накопленного в результате аналитического подхода к предмету» [3]. Накопление знаний и совершенствование методов познания стали движущей силой зарождения и развития научных истолкований системности. Этому способствовала организованность человеческой практики и мышления, проистекающая из системности самого мироздания.

Ко второй половине XX столетия понятие о системе получило статус научной категории, а системный анализ приобрёл широкий аппликативный потенциал как в естественных, так и в гуманитарных науках, поскольку сложные объекты и тех и других обнаружили изоморфные системные характеристики устройства, функционирования и эволюции. В начале XX в. на изоморфизм физических, биологических и социальных феноменов одним из первых указал А.А. Богданов, поместив в фокус научного внимания единые образные связи, организующие природную системность мира [4].

Пришло осознание того, что известные отрасли науки, равно как и сами направления внутри единой дисциплины, «исследуют лишь различные качества одного и того же целостного объекта – *системы*» на своём «участке» окружающего мира, и, таким образом, системный взгляд способен послужить фундаментальным (инвариантным) исследовательским инструментарием для обеспечения концептуального единства, объяснительности и эвристичности научных описаний [5; 6; 7. С. 5–6]. В этой роли системология предлагает дедуктивные абстрактные схемы и алгоритмы интеллектуального проникновения в существо частнонаучных объектов. Тем самым «все... дисциплины “стягиваются” из своих автономных закоулков в единый иерархический “организм-знание”, в единую системно организованную науку» [5].

С развитием мировой науки изучение процедурно замкнутых систем сменилось интересом к реальным, открытым системам, формирующим свои характеристики во взаимодействии со средой, в процессе обмена с ней веществом, энергией и информацией [8. С. 21; 9. С. 94; 10]. К этому времени выработалось несколько пониманий системности соответственно её интерпретациям в онтологическом, гносеологическом или методологическом ключе [11. С. 173–176]. Первая из них исторически первична и наиболее связана с реальностью. Относя системность к сущностным качествам мироздания, она сосредоточена на внешнем проявлении закономерностей и признаков системной природы, существенных для решения некоторого круга задач. Показательной иллюстрацией такого взгляда может служить дефиниция системы, сформулированная В.И. Вернадским:

«...совокупность взаимодействующих... функциональных единиц (биологических, человеческих, машинных, информационных, естественных), связанная со средой и служащая достижению некоторой общей цели...» (цит. по: [8. С. 115]). Ср. также: «...системы суть функционально определённые, структурно упорядоченные и адаптивно реорганизующиеся множества элементов» [5].

Адаптация универсальной платформы теории систем к анализу естественного языка способствовала формированию системного подхода лингвистики (системной лингвистики [12. С. 18–19]), в свете которого язык предстаёт как сложная самонастраивающаяся система, обладающая определёнными функциями. В силу сложности состава, структуры и функций постулируется множественность её описания с помощью построения разноаспектных моделей. По этой причине с очевидностью продуктивным видится объединение достижений, полученных разными направлениями языкознания, что создаёт оправданные предпосылки для взаимодополняющего контакта научных парадигм, когда «ставка делается не на конфронтацию, а на координацию подходов, которая обеспечивает объемное и объективное видение» [13. С. 14].

Вместе с тем наблюдается дифференциация существующих эвристик по охвату системно-языковых признаков и способности последовательно и с разной степенью чёткости реализовывать контакт между положениями системологии и конкретными методиками исследования языкового материала. В этом отношении когнитивная теория языка представляется нам по меньшей мере одной из наиболее адекватных и репрезентативных научных программ, открывающих возможность осмыслить системную природу языкового феномена в причинной взаимосвязи ряда её сторон и принципов. По заключению Е.Ю. Смотрицкого, именно необходимое «понимание внутренних связей и механизмов тех или иных процессов в системах», выявление среди них первостепенных, ведущих относительно других закономерностей составляет наиболее сложную проблему системного изучения объектов [2; 14. С. 28].

Существенный вклад лингвокогнитологии в разработку этих вопросов во многом предсказывает сама её центральная задача – построение интегративной теории мыслительно-языкового взаимодействия, «репрезентации и оперирования знанием в языке» [15. С. 5]. Очевидно, что эта приоритетная задача означает сознательный выход исследования в среду функционирования языковой реальности – когнитивный мир человека и, таким образом, предполагает рассмотрение языка как системы открытого типа. По сравнению с подходами традиционной и структурной лингвистики избранный ракурс имеет безусловные преимущества для объяснительной интерпретации устройства и предназначения языковой системы в *речемыслительной* деятельности.

Важно отметить, что такая «системно-когнитивная» интерпретация языковых фактов отвечает не только успехам отечественной системологии, но и «методологическим основам советской лингвистики, т.е. пониманию того, что развитие языка и сознания неразрывно связано с развитием обще-

ства, с историей народа – носителя языка» [9. С. 93]. По мысли Е.С. Кубряковой, признание когнитивной лингвистики в нашей стране обусловлено её обращением к таким неизменно актуальным темам отечественного языкознания, как соотношение языка и мышления, роль человека в языке и языка для человека, ключевые функции языка [16. С. 11].

Онтологический аспект описания системы в когнитивной лингвистике: общие положения

В приложении к лингвистике онтологический аспект научного описания естественного языка основывается на выделении характеристик его системной природы, относительно которых осмысливаются конкретные факты субстанции, устройства и функционирования языковой системы, устанавливаются закономерности и делаются прогнозы о развитии тех или иных явлений в составе целого. Осуществляется специализация общей теории систем в проекции на лингвистические задачи исследования, её экстенсинальный переход к частнонаучному применению общесистемных принципов, которые наполняются узкоспециальным содержанием [8. С. 56].

Эвристические возможности этой специализации в когнитивной лингвистике определило программное для названной отрасли знаний рассмотрение естественного языка в кругу когнитивных способностей человека, которые сами по себе системны. Значительную роль сыграла вытекающая отсюда постановка вопроса о многоплановом влиянии концептуальной среды на вербальную коммуникацию и, как следствие, о сущностной корреляции мыслительного и языкового. Последовательный учёт этого свойства языка как открытой адаптивной системы, возведение его в ранг основополагающей детерминанты (что весьма характерно для лингвокогнитологии) позволяют с большей полнотой и объяснительной силой охватить различные стороны системно-языковой онтологии, показать глубинное единство, казалось бы, разрозненных фактов антропоцентризма языковой системы, формирование и актуализация которых происходят в неразрывной связи с когницией.

Как свидетельствуют работы лингвокогнитивного порядка, отмеченная природная сопряжённость, существующая между языковой семантикой и миром когниции, на структурном и функциональном уровнях затрагивает целый комплекс характеристик языка, присущих ему как системе. В частности, это иллюстрирует когнитивная трактовка лексического значения, включённого в антропоцентрическую парадигму языкознания. Остановимся подробнее на содержании общесистемных принципов, как оно учтено и представлено в концептуальном анализе лексики.

Аксиомы системологии в зеркале лингвокогнитивных исследований

Универсальные принципы, или аксиомы, существования систем концентрируются вокруг онтологических признаков, которые в совокупности охватывают элементный, структурный, функциональный и регуляционный (кибернетический) срезы описания всякой системы.

Принцип функциональности, наряду с постулатом *взаимозависимости системы и среды* [17. Т. 3. С. 327–328], обладает главенствующим конститутивным значением, несмотря на то что упоминание о функции, цели появляется в дефинициях системы позже, чем признаки дискретности, структурности и взаимодействия со средой. Сформулированный в трудах П.К. Анохина [3], он обосновывает необходимость целевого содействия элементов системы, полагая, что такая взаимодейтельность ограничивает и упорядочивает связи между ними. Согласно закону композиции Урманцева этот критерий является наиболее ясным, ведущим при выделении системных сущностей в окружающей среде (функциональный критерий качества системы) [18. С. 42]. В этом отношении показательно высказывание Э. Косериу о языке как функциональной системе. По выражению исследователя, язык необходимо понимать «сначала как функцию, а потом как систему <...> поскольку язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определённой цели» (выделено нами. – Д.М.) [19. С. 156].

Функциональное предназначение системы, по *принципу целеполагания*, задаётся надсистемой [6] и может быть направлено на самоорганизацию либо изменения в самой надсистеме. Абстрактные (символические) системы, к числу которых относится язык, в своём функционировании ориентированы, прежде всего, на моделирование материальных фрагментов человеческого опыта и в этом смысле призваны «обслуживать» мыслительную деятельность как вторичные реальности, дающие возможность отражать и творить мир. Важнейшей из подобных систем, безусловно, является язык, чья историческая устойчивость в филогенезе ярко свидетельствует об эффективности использования лингвосемиотических средств в процессе когнитивной деятельности (см. *принцип оценки качества системы относительно задач надсистемы* [20. С. 78, 80]). С точки зрения теории концептуальных исследований в лингвистике главная предпосылка единства его процессов и элементов заключается в способности, взаимодействуя разными «гранями» с концептуальной средой, выполнять когнитивную функцию, т.е. содействовать структурированию сознания, формированию картины мира для наилучшей ориентации человека в окружающей среде [21. С. 235; 22. С. 7]. Следовательно, под ролью посредника между миром и человеком подразумевается такая взаимодейтельность системы языка с концептуальной метасистемой, которая обеспечивает оптимальное включение его носителя в окружающую действительность (природную, социальную) – метасистему более высокого порядка. При выполнении этой задачи язык выступает как уникальная «кодовая» подсистема сознания и мышления, опосредующая для человека реальность. Как следствие, отношение лексических значений к внеязыковому миру также опосредовано его ментальными репрезентациями, концептуально обусловленными структурами [23. С. 151]. Таким образом, когнитивная природа языка и вербальная объективация результатов познавательных процессов соотносятся как сущность и явление.

«Сквозь призму» когнитивной функции в русле обсуждаемого подхода осмысливаются коммуникативная функция языка и роль лексики в ней, поскольку, во-первых, процесс общения всегда задействует определённые когнитивные процессы: «...посредством слова мы... указываем направление процессов концептуализации и категоризации, стремимся “пробудить” знание соответствующих категорий и отношений репрезентации между ними» [24. С. 72]. Во-вторых, принятие экстралингвистических условий и норм общения в конечном счёте достигается также благодаря языковому опыту. На основе этого опыта упорядочивается коммуникативное сознание [25. С. 48–49], направляющее выбор лексических средств при осуществлении дискурсивных практик.

Таким образом, по признаку *ведущей цели функционирования*, понимаемой как системообразующий фактор, обсуждаемый подход акцентирует когнитивно-коммуникативную природу языка. Она гармонично сочетает в себе значимые для лингвистики аспекты информационного моделирования мира, принципиально нового для сложных систем: психическую репрезентацию данных о мире и передачу знаний в обществе [26. С. 63; 27. С. 11]. В соответствии с этой сущностной логикой новые словесные обозначения «создаются не только для того, чтобы фиксировать результаты познавательной и эмоциональной деятельности человека, но и для того, чтобы сделать эти результаты достоянием других людей» [21. С. 63]. Опираясь на изложенные выше позиции, когнитивная лингвистика признаёт за словом единство сознания, обозначения и коммуникации [28. С. 78].

Реализация в слове этого единства обусловлена характером связи между когнитивным и языковым универсумом. *Принцип обратной связи* в системологии утверждает причинность поведения систем на основе действия обратной связи, которая задаёт направления адаптивного изменения системных характеристик при воздействии внешних факторов, в частности соотношение внутренней устойчивости (гомеостатичности) и качественной динамики системы [5, 20]. Естественный язык, ориентированный в своём функционировании на ментальную деятельность человека, процессы концептуализации и категоризации мира, демонстрирует «синхронизацию» возможностей структуры и состава с требованиями мыслительных процессов: «...знаки должны удовлетворять требованиям мысли», поэтому язык непрерывно преобразуется в процессе познавательной работы человека [9. С. 96]. Соответственно, допустимо вести речь о природно обусловленной положительной обратной связи языковой системы с когнитивной средой, что имеет в своей основе *информационный* обмен двух систем и, следовательно, носит характер *ресурсной* связи. Одновременно внутрисистемное синергетическое приспособление языка под нужды когниции служит примером *связей преобразования* [20. С. 105].

Частный случай такой положительной «афферентации» представляет факт формирования лексического значения слова с опорой на систему знаний. Тем более предсказуемо, что в истории отечественной науки именно семантический анализ стал отправной точкой, послужил предтечей кон-

цептуальных исследований. Результаты этих исследований на более глубоком объяснительном уровне свидетельствуют о том, что содержательная, собственно репрезентативная [15. С. 7–8], сторона лексики наиболее чувствительно откликается на концептуальные изменения и служит своего рода «входом» воздействия компонентов среды на язык. Конституирующую роль играет основная оперативная единица знания – концепт, поскольку обеспечивает дискретную вербализацию мира и, кроме того, «транслирует» часть своих характеристик с помощью семантических компонентов, явленных в актуальном (речевом) или виртуальном («словарном») виде. Поэтому акт использования слова в речи есть акт лексико-семантической репрезентации концепта.

Обобщая достижения лингвокогнитивных поисков, укажем существенные для лингвистики аспекты положительной обратной связи лексической системы с функциональной стороной концепта.

1. В соответствии с задачей концепта структурировать информацию в сознании носителей языка значение слова обобщённо фиксирует в себе отправные концептуальные признаки, позволяющие человеку классифицировать и различать окружающие объекты при анализе действительности. Стоящие за интегральными (идентифицирующими) семами когнитивные классификаторы лежат в основе мыслительных рубрик опыта, служат ориентирами для конструирования логических категорий разных уровней абстракции и устанавливают взаимосвязи между концептами. Ср.: *Смородина* – ‘1. Ягодный **кустарник**’, *абрикос* – ‘1. Южное плодовое **дерево**’; *шкаф* – ‘1. Род **мебели**...’, *комод* – ‘Род невысокого **шкафа**...’; *аккуратность* – ‘**Свойство** по знач. прил. **аккуратный**’, *вдохновение* – ‘1. **Состояние** творческого подъема’ [29].

Помимо этого, как полагают исследователи, дефиниционно выраженные признаки, как правило, отмечены наивысшей психологической яркостью, т.е. носят прототипический характер и принадлежат образцовому элементу естественной категории [21. С. 106] на базовом уровне категоризации. Как следствие, именно они используются при истолковании номинаций видовых членов категории [24. С. 55].

Таким образом, «усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний...» [30. С. 33].

2. С конструктивной функцией концепта связана также способность лексических значений передавать определённую «когнитивную топологию», или формат знания (чувственный образ, представление или схема, понятие, пропозиция, матрица и нек. др.), что оправдывает введение в лингвистический обиход термина «языковой формат знания». Для сравнения приведём ряд единиц номинативного поля концепта СИСТЕМА, выражающих различные концептуальные форматы с участием лексического значения: *множество*, *группа* (формат представления), *укреплять систему*, *построение системы* (сценарий), *обнаружить систему в чём-либо* (инсайт), *многоступенчатая*, *централизованная система*, *система-*

лабиринт, очередь, решётка, пирамида (ассоциаты-схемы), система здравоохранения, системная оппозиция в политике (понятие / фрейм) [31. С. 54, 74, 95, 106, 145, 149].

Изучение языковой конфигурации знаний помогает объяснить наличие в языке связи строения с точки зрения «сопряжённости концептов», которая на уровне лексической семантики объективируется разнообразными оппозициями [32. С. 28–29]. Так, например, установлено, что парадигматически связанные между собой слова, скажем синонимы, антонимы, члены ЛСГ или тематической группы, характеризуются принадлежностью одному концептуальному пространству, общей категории или единому фрейму [33. С. 103–104; 34. С. 40; 35. С. 384–385].

В русле когнитивных исследований лексическая полисемия, наряду с фрейм-структурами, трактуется как оптимальный способ хранения «в одной упаковке» информации о связанных фрагментах человеческого опыта [36. С. 24]. Отдельные значения слова упорядочены в естественную категорию и в полевой структуре памяти ранжируются по ядерно-периферийному принципу [37. С. 125; 38. С. 134; 39. С. 16]. Такая организация сочетает в себе гибкость и стабильность, благоприятствуя эффективному познанию вариативного, изменяющегося мира [40. С. 288].

Развитие значений, а с ними и самой категориальной структуры соотносимо с движением мысли от некоторого центрального концепта – актуального прототипа, явленного исходным значением, к периферийным членам категории, реализованным семантически мотивированными ЛСВ. В свою очередь, механизмы развития категории, концептуальная метафоризация и метонимизация, манифестированы явлениями лексической метафоры и метонимии; профилирование / перспективизация и дефокусирование – изменением семного состава значений.

Регулярные способы адаптации языковых структур к выполнению коммуникативно-познавательных задач составляют устойчивую композиционную основу для связи с когнитивной средой и, по *принципу структурности* [17. С. 327–328], обеспечивают успешное функционирование языковой системы [23. С. 151; 27. С. 14]. Структура – важнейшая из характеристик систем любой природы, настраиваемая с помощью специальных механизмов.

3. В свою очередь, лексическая репрезентация многообразного содержания когнитивных структур отвечает предназначению концепта, формируя информационную базу сознания, манифестировать познаваемое в комплексе разных сторон сообразно ступеням концептуализации [41. С. 79], а также в соответствии с различными источниками (чувственный, предметно-практический, научно-теоретический опыт) [42. С. 628] и сенсорными каналами восприятия информации. Так, в дополнение к тому, что один и тот же объект может быть представлен разными по содержанию форматами, психологически реальное значение слова нередко сочетает в себе коллективные и индивидуальные, понятийные и энциклопедические, перцептивно-образные и рациональные признаки. В частности, это иллюстрирует

фрагмент полученного нами ассоциативного поля лексемы «система»: *Порядок 70, операционная 38, структура 36, государство, механизм 27, власть 19, связь 17, компьютер, политика, солнечная, строй, уравнений 16, врач, группа System of Down, интеграция, компонент, музыкальный строй, паутина, решётка, робот, сбора данных, числа 2, воля, запутанность, ложеск, небоскрёб, окутывающий, осей, дифференциальных уравнений, Сосюр, университет 1.*

Структурно-содержательная калейдоскопичность концепта [43], семиотически закреплённая в слове, обеспечивает наиболее адекватную «когнитивную обработку стандартных ситуаций» [44. С. 59]. Многокачественность концепта и его номинантов, получившая последовательное освещение в трудах по лингвокогнитологии, представляет нам пример *полиморфической* модификации компонентов системы и подчиняется *принципу её многообразия* (чем многообразнее система, тем она устойчивее) [6; 18. С. 80].

4. Выполняя номинативную функцию и реферируя к отдельным сущностям, лексический знак поддерживает концептуальную фрагментарность информационной базы нашего сознания. Следовательно, выделяемость слова в языковой системе имеет предпосылкой его функциональную специфичность в отношении когнитивной деятельности.

5. В своём целом лексическая семантика языка репрезентирует отражательно-ориентированную (феноменологическую) часть концептосферы [21. С. 314; 45. С. 42–43], поэтому функционирует как основное средство аккумуляции и передачи *национальной картины мира*, т.е. «исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива... совокупности представлений о мире, определённого способа концептуализации действительности» [46. С. 35].

Наполнение лексической картины мира обыденным или специальным содержанием детерминировано познавательными интенциями носителей языка, имеющими место в ходе повседневно-практической ориентации в мире, с одной стороны, и профессиональной деятельности – с другой. Следующие из этих интенций способы получения, глубина отражения и обработки информации предопределяют вербализованный результат, объективирующий теоретически систематизированное либо несистематизированное знание.

6. Понятийный минимум лексического значения, представленный словарной дефиницией, содействует функции концептов организовывать деятельность и поведение человека. Стоящий за словарным значением концепт-минимум (термин А. Вежбицкой) фиксирует минимальный набор признаков, необходимый для существования концепта [47. С. 45]. Тем самым создаётся связующее информационное основание, которое способствует взаимопониманию между участниками языкового коллектива [48; 49. С. 50–51]. Фокусируемая в дефиниции сторона объекта представлена аспектом значения слова [50. С. 45, 51].

7. Стратегические модификации концептов с учётом социокультурных и прагматических факторов получают языковое выражение на уровне раз-

граничения значения и смысла, или актуального (языкового) и виртуального (речевого, контекстуального) значений в рамках широкой концепции семантики [51. С. 14, 55]. Включаясь в тот или иной дискурс, лексический знак подвергается актуализационным когнитивным операциям и репрезентирует так называемый ситуативный операционный концепт [15. С. 9, 10]. Этот концепт ориентирован на широкомасштабный экстралингвистический контекст и объединяет в своём составе не только знания говорящего о предмете речи, в том числе фоновые, интерпретирующие концептуальные признаки, но и знание релевантных параметров текущей коммуникативной ситуации.

Вследствие антропоцентричности как сознания, так и мышления человека кооперативная работа двух систем при формировании смысла проявлена по линии языковой интерпретации, т.е. передачи говорящим субъективных аспектов обсуждаемого с опорой на индивидуальный опыт миропонимания. При участии интерпретирующих категорий в процессе вторичной концептуализации смысловая сторона слова обогащается, часто имплицитными, оценочными, экспрессивными, эвиденциальными или иными модусными признаками [52. С. 14–16]. Предельность, интенциональность и избирательность (селективность) внимания как предпосылки индивидуального «членения» мира находят вербальные следы в семном составе и внутренней форме слова, в существовании разноаспектных синонимических обозначений, особенно распространённых в диалектных формах языка. Ср., скажем, наименования корзины, профилирующие её функциональные, вещественные, формальные или объектные признаки: *бралочка, набирушка; плетёнка, берестянка; двуушка, каднуха; грибовница, ягодница* [53. С. 247–248].

Возрастающий интерес концептуальных исследований языка к интерпретирующей активности мышления и субъективному фактору в языке согласуется с *принципом неопределённости* в теории систем. Не отрицая превосходства организованности над хаотичными изменениями (флуктуациями), он призывает вместе с тем учитывать вероятностные связи и случайности в системе [54], которые применительно к языку во многом обусловлены зависимостью антропоцентрической модели мира не только от первичного информационного потока, но и от структуры психики [6; 20. С. 110]. Функционирование языковой системы при участии индивидуальных когнитивных черт является самодостаточным критерием для отнесения её к числу *сложных* системных феноменов.

Установка лингвокогнитологии на объяснительный анализ интегративных качеств языка прокладывает путь к более глубокому осмыслению такого свойства холистической организации языка, как эмерджентность. Представление о том, что система – это не конгломерат отдельных частей, а связанная совокупность разнокачественных, но совместимых элементов, взаимодействующих по тем или иным параметрам, было очерчено в концепции Л. фон Берталанфи на примере живых организмов [55]. Спустя десятилетия оно получило широкое хождение в исследованиях иных систем

и, маркируя обязательный характер целостности, воплотилось в общенаучных дефинициях системы. В системологии *принцип целостности* подчёркивает не только взаимозависимость элементов и их неразрывное единство с целым, но и принципиальную несводимость общего качества системы к сумме свойств её составляющих при любом способе декомпозиции. Это качество генерируется специфическим взаимоналожением параметров, нивелировкой одних из них либо усилением, модификацией других в составе целого [3; 17. С. 327–328; 54].

Анализ предпосылок эмерджентности как в статике результата, так и в динамике с успехом осуществляется концептуальными исследованиями, в том числе применительно к лексической семантике. В поле научного внимания оказываются механизмы интеграции концептов и ментальных пространств, служащие основой непрерывного развития когнитивной среды бытования языка в процессе освоения мира человеком и, как следствие, языковой семантики. В этой связи существенно отметить, что вслед за А.А. Богдановым [4] именно интеграция, т.е. возникновение новых структур из уже имеющихся по *принципу развития* [54], признаётся одним из главных механизмов эволюции. Подобным образом концептуальная деривация означает «наращение» концептуальной системы за счёт появления новой структуры знания на базе исходных концептов и концептуальных структур [56. С. 132]; при этом согласование, или аккомодация, их характеристик не сводится к суммарному содержанию интегрируемых единиц [57. С. 20].

Ключ к пониманию одного из ярких проявлений языковой целостности – семантической уникальности новообразованной знаковой единицы даёт ономаσιологический взгляд на словопроизводство при учёте когнитивных механизмов номинации. В случае первичной номинации закрепление новой пропозитивной структуры знания средствами лексической деривации сопровождается объединением концептов, стоящих за ономаσιологическими категориями признака, базиса и предидирующей связки производного слова [21. С. 407, 425]. Актуализация энциклопедических характеристик этих концептов и их последующее согласование с участием механизмов достраивания или развития передаваемой структуры знания могут наделять значение слова эмерджентным свойством фразеологичности (*столбенеть, регулировщик, попугайничать; ginhound 'привычный пьяница'* [56. С. 136–137] и многие другие).

В свою очередь, при семантическом словопроизводстве языковой механизм вторичной (метафорической) номинации есть манифестация конвенционального или субъективного проецирования характеристик / структур опорного концепта (области-источника) на уточняемый концепт (область-мишень) [58. С. 107]. В этом случае специфика метафорического ЛСВ по сравнению с исходным, по мнению Л.А. Сергеевой, сводится к механизмам обработки опорного фрейма, среди которых полная / частичная активизация слотов (выделение, наведение одних и элиминирование других), преобразование содержания слота «под нужды» области-мишени и нало-

жение изменённых фреймов (модификация / амальгирование слотов) [34. С. 88–89]. Так, ассоциативная связь значений ‘Хищное млекопитающее сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом’ и ‘О хитром, лстивом человеке’ в семантической структуре слова «лиса» устанавливается совмещением фреймов ЛИСА и ЧЕЛОВЕК при помощи механизмов выделения слота ‘повадки’ опорного фрейма, его модификации (‘повадки животного’ → ‘поведение человека’) и амальгирования с характеристиками поведенческого слота целевого фрейма [Там же. С. 164].

Речевая, в том числе интерпретирующая, актуализация лексических средств составляет другую сравнительно разработанную область описания *целостных* свойств языка в терминах концептуальной интеграции и семантического расширения. На фоне словарного значения актуальный смысл слова рассматривается как целостный продукт установления межконцептуальных связей в соответствии с интенциями говорящего при развёртывании речи. Конструируемое ментальное пространство при смыслообразовании представляет собой итог ситуативного развития стоящего за словом концепта, «динамическую сущность, которая не дана заранее, а возникает в процессе... концептуальной обработки прошлой или текущей ситуации на основе уже имеющихся знаний и опыта, в том числе индивидуального опыта» [59. С. 35].

Заключение

Проведённый анализ на примере некоторых аспектов концептуального изучения лексики позволил более развёрнуто представить достоинства теоретических позиций лингвокогнитологии с точки зрения их адекватности системным свойствам языка. Оправданный выбор когнитивного фактора в качестве системообразующего выразился в преодолении ограничений, характерных для узкого эмпиризма и господствующего структурализма доантропоцентрической лингвистики в историческом движении познания от элементарной (субстанциональной) ступени через структурную к собственно системной. Развиваемый в лингвокогнитологии подход привёл к возможности моделировать факты языка на перекрёстке системных принципов, раскрывать его характеристики как открытой системы на едином основании – в соотнесённости с процессами концептуализации и категоризации мира, а значит, и проникать в глубинную сущность языковых явлений, выявляя их причинность, предсказывая векторы развития. Одновременно он способствует более целостному охвату материала, позволяет методологически выверенно сопрягать в исследовании разные аспекты языковой реальности, ингерентные и коммуникативные факторы; гармонично сочетать «структурно-функциональную организованность и структурно-функциональную изменчивость» языковой природы [9. С. 94–95]. В совокупности всё это приближает исследователей к разгадке «чёрного ящика» организованной сложности естественного языка. В свете вышесказанного когнитивная лингвистика рисуется как проявившийся на новом

парадигмальном уровне шаг в становлении системных исследований языка, что, на наш взгляд, дополнительно подкрепляет её состоятельность и научную стройность.

Литература

1. *Холизм* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 4. 736 с.
2. *Смотрицкий Е.Ю.* Становление системного мышления в первой половине XX века. URL: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html>
3. *Анохин П.К.* Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm>
4. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. М. : Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.
5. *Борзенко И.М.* Наука глазами системолога. URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html>
6. *Ермак В.Д.* Системы. Системные принципы. Системный подход. URL: http://www.fonema.ru/library3.php?iq=show&lb_id=16
7. *Rousseau D.* On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles // Systems. 2018. Vol. 6 (1). P. 1–17.
8. *Уёмов А.И.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
9. *Арнольд И.В.* Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. СПб., 1999. С. 92–105.
10. *Сосновский Д.Р.* Человек как система // Свобода лучше несвободы? URL: <http://drsosnov.ru/System.html>
11. *Агошкова Е.Б., Ахлибинский Б.В.* Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
12. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1991. 140 с.
13. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М. : Школа Языки русской культуры, 1998. 768 с.
14. *Карпов В.А.* Язык как система. Минск : Выш. шк., 1992. 302 с.
15. *Болдырев Н.Н.* Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5–13.
16. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
17. *Система* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3. 692 с.
18. *Урманцев Ю.А.* Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. М., 1988. С. 38–124.
19. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 143–343.
20. *Крайновичко И.В., Попов В.П.* Системное мировоззрение: Теория и анализ. Пятигорск.: ИНЭУ, 2005
21. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
22. *Тармаева В.И.* Когнитивная гармония и асимметричный знак в повествовательном дискурсе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Серия «Филология». 2010. № 3. С. 7–15.
23. *Fauconnier G.* Domains and connections // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 151–174.
24. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 25–77.
25. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314 с.

26. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2005. Вып. 30. С. 43–72.
27. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
28. Шарандин А.Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 75–81.
29. Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas>
30. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28–34.
31. Миронова Д.М. Концептуальные основы репрезентации системности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016. 257 с.
32. Гольдберг В.Б. Динамический аспект лексической оппозиции как когнитивная основа образного сравнения // Взаимодействие мыслительных и языковых структур. Тамбов, 2010. С. 28–34.
33. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.
34. Сергеева Л.А. Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. Вып. 12. С. 163–166.
35. Janda L.A., Solovyev V.D. What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20-2. P. 367–393.
36. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
37. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Русский язык: исторические судьбы и современность : сб. тез. М., 2001. С. 124–128.
38. Langacker R.W. A usage-based model // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1988. P. 127–161.
39. Taylor J.R. Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison // R. Dirven, J. Vanparys (eds.). Current Approaches to the Lexicon. Frankfurt-am-Main etc. : Peter Lang, 1995. P. 3–26.
40. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–322.
41. Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 78–96.
42. Langacker R.W. A dynamic view of usage and language acquisition // Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20-3. P. 627–640.
43. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. 104 с.
44. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука, 2008. 296 с.
45. Красных В.В. Лингво-когнитивный подход к коммуникации // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2000. Вып. 12. С. 41–45.
46. Вежицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
47. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М. : Академия, 2003. 320 с.
48. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. URL: <https://www.twirpx.com/file/329535/>
49. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М. : АПН РСФСР, 1956. 519 с.
50. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с.

51. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 352 с.
52. Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014. 42 с.
53. Шумилова А.А. Словообразовательно-пропозициональная синонимия русского языка // Кемеровская дериватологическая школа: Традиции и новаторство. М., 2011. С. 244–256.
54. Гумгарц Р.Д. Принципы системного подхода. URL: <http://mei07.narod.ru/index/0-9>
55. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y. : George Braziller, Inc., 1968. 289 p.
56. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 128–149.
57. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
58. Гольдберг В.Б. Способы концептуализации в лексике // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. 4. С. 97–127.
59. Козлова Л.А. Авторская метафора и её роль в репрезентации доминантного смысла текста (на материале эссе Джона Фаулза «The Tree») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 34–40.

On the Systemological Adequacy of a Cognitive Approach to Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 64–82. DOI: DOI: 10.17223/19986645/63/4

Diana M. Mironova, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: mir-lina@yandex.ru

Keywords: cognitive linguistics, language conceptualization and categorization of world, lexical semantics, principles of systems existence, systemology, general systems theory, language as system.

The study deals with systemological foundations underlying a cognitive-discursive approach to language that contributes to the heuristic value of linguocognitology for a deeper comprehension of the language systemic nature. The exploratory interest in this problem is stimulated by the relevance of a full-fledged and adequate description of language's essential properties, which can be achieved in compliance with the general scientific tools of the systems theory. System analysis has acquired a wide applicative potential and has now confirmed its explanatory validity due to the discovery of isomorphic characteristics of natural, humanitarian and social sciences in the second half of the 20th century. The focus is placed on the ontological aspect in the interpretation of systematicity, aimed at uncovering consistent patterns in organizing the unity of natural language, related to identification lines of multilateral and causal relationships of its composition, structure and functions. From this viewpoint, the article considers system characteristics, such as functionality, emergence, polymorphism and some others, which have been developed in the framework of linguocognitive conceptions about the thought–language interaction. The analysis involves the maxims of the systems existence that specify lexical phenomena in the close connection between language and cognition. The research is carried out on the material of theoretical and methodological principles of the cognitive-discursive paradigm in linguistics, which are presented in Russian and foreign works. A special attention is paid to concept-oriented knowledge of the word and its practical application to the study of language facts. The selection, comparison and systemology identification of the material were made using the descriptive research method implemented by actions of observation; comparison, generalization, and interpretation, respectively. The descriptive method was supplemented with elements of lexical units' conceptual analysis when it came to selecting and presenting illustrations. According to the aim, at all stages of the examination, a combination of deduction, system and axiomatic methods is used. The results of the analysis have revealed the mutual congruence of the systemological and linguistics.

tic-cognitive principles and thus have allowed to discover a clearly systemic character of scientific inquiry realized by linguocognitology. Its background is ontologically commensurable choice of the backbone, mental, factor of linguistic unity with consideration of language among cognitive abilities. The allowance for the environment of the language system “habitation” promotes finding new and productive rethinking of already known phenomena and features of the language from the perspective of thought–language interaction, a leading quality which determines the ways of their formation and functioning in the open system. This shift in research emphasis creates a ground for overcoming the limitations of narrow empiricism and the dominant structuralism of pre-anthropocentric linguistics in the historical movement of cognition from the substantial stage through the structural to the holistic-system approach.

References

1. Nikiforov, A.L. (2010) Kholizm [Holism]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Mysl’.
2. Smotriskiy, E.Yu. (n.d.) Stanovlenie sistemnogo myshleniya v pervoy polovine XX veka [The formation of systemic thinking in the first half of the 20th century]. *Metodolog.ru*. [Online] Available from: <http://www.metodolog.ru/00510/00510.html>.
3. Anokhin, P.K. (1973) *Printsipial’nye voprosy obshchey teorii funktsional’nykh sistem* [Fundamental questions of the general theory of functional systems]. [Online] Available from: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm>.
4. Bogdanov, A.A. (1989) *Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tektology: General Organizational Science]. Book 1. Moscow: Ekonomika.
5. Borzenko, I.M. (2001) *Nauka glazami sistemologa* [Science through the eyes of a systems analyst]. [Online] Available from: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/papers/science-through-the-eyes-of-the-systems-analyst.html>.
6. Ermak, V.D. (2003) *Sistemy. Sistemnye printsipy. Sistemnyy podkhod* [Systems. System principles. System approach]. [Online] Available from: http://www.fonema.ru/library3.php?iq=show&lb_id=16.
7. Rousseau, D. (2018) On the Architecture of Systemology and the Typology of Its Principles. *Systems*. 6 (1). pp. 1–17.
8. Uyomov, A.I. (1978) *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [Systems Approach and General Theory of Systems]. Moscow: Mysl’.
9. Arnol’d, I.V. (1999) Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodeystviya sistemy i sredy [Modern linguistic theories of the interaction of the system and the environment]. In: Bukharkin, P.E. (ed.) *Semantika. Stilistika. Intertekstual’nost’* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 92–105.
10. Sosnovskiy, D.R. (n.d.) *Svoboda luchshe nesvobody?* [Is freedom better than unfreedom?] [Online] Available from: <http://drsosnov.ru/System.html>.
11. Agoshkova, E.B. & Akhlibinskiy, B.V. (1998) Evolyutsiya ponyatiya sistemy [The evolution of the concept of a system]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 7. pp. 170–179.
12. Arnol’d, I.V. (1991) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of Scientific Research in Linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”.
14. Karpov, V.A. (1992) *Yazyk kak sistema* [Language as a System]. Minsk: Vysshaya shkola.
15. Boldyrev, N.N. (2013) On the integrative theory of linguistic representation of knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 5–13. (In Russian).
16. Kubryakova, E.S. (2004) Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual’nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the precepts of cognitive science and current

problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 6–17.

17. Sadovskiy, V.N. (2010) Sistema [System]. In: Stepin, V.S. et al. (eds) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.

18. Urmantsev, Yu.A. (1988) Obshchaya teoriya sistem: sostoyanie, prilozheniya i perspektivy razvitiya [General Theory of Systems: state, applications and development prospects]. In: Tyukhtin, V.S. & Urmantsev, Yu.A. (eds) *Sistema, Simmetriya, Garmoniya* [System, Symmetry, Harmony]. Moscow: Mysl'. pp. 38–124.

19. Koseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]. In: Zvenigtsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Is. 3. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. pp. 143–343.

20. Kraynyuchenko, I.V. & Popov, V.P. (2005) *Sistemnoe mirovozzrenie. Teoriya i analiz* [Systemic worldview. Theory and analysis]. Pyatigorsk: Institute of Economics and Management.

21. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

22. Tarmaeva, V.I. (2010) The cognitive harmony and asymmetric sign in a narrative discourse. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. Seriya "Filologiya" – Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V.P. Astafev. Series: Philology*. 3. pp. 7–15. (In Russian).

23. Fauconnier, G. (1990) Domains and connections. *Cognitive Linguistics*. 1 (1). pp. 151–174.

24. Boldyrev, N.N. (2009) Conceptual basis of language. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 25–77. (In Russian).

25. Popova, Z.D. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok–Zapad.

26. Cherneyko, L.O. (2005) Bazovye ponyatiya kognitivnoy lingvistiki v ikh vzaimosvyazi [Basic concepts of cognitive linguistics in their interconnection]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 30. Moscow: OOO "MAKS Press". pp. 43–72.

27. Evans, V. & Green, M. (2006) *Cognitive Linguistics. An introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

28. Sharandin, A.L. (2013) The dynamic character of conceptualization and categorization as a basis of a human's speech activity. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 75–81. (In Russian).

29. *Malyy akademicheskyy slovar'* [Small Academic Dictionary]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/mas>.

30. Kubryakova, E.S. (2001) Razmyshleniya o sud'bakh kognitivnoy lingvistiki na rubezhe vekov [Reflections on the fate of cognitive linguistics at the turn of the century]. *Voprosy filologii*. 1 (7). pp. 28–34.

31. Mironova, D.M. (2016) *Kontseptual'nye osnovy reprezentatsii sistemnosti v sovremennom russkom yazyke* [Conceptual foundations of representation of systemacity in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Tambov.

32. Gol'dberg, V.B. (2010) [The dynamic aspect of the lexical opposition as the cognitive basis of figurative comparison]. *Vzaimodeystvie myslitel'nykh i yazykovykh struktur* [Interaction of mental and linguistic structures]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tambov. 28 May 2010. Tambov: Derzhavin Tambov State University. pp. 28–34. (In Russian).

33. Efremov, V.A. (2009) Teoriya kontsepta i kontseptual'noe prostranstvo [Theory of the concept and conceptual space]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 104. pp. 96–106.

34. Sergeeva, L.A. (2017) Metaphor as a cognitive mechanism of forming of axiological concepts. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 163–166. (In Russian).
35. Janda, L.A. & Solovev, V.D. (2009) What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS. *Cognitive Linguistics*. 20–2. pp. 367–393.
36. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and language extension mechanisms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
37. Abramov, V.P. (2001) [Theory of associative field]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Fate and Modernity]. Proceedings of the I International Congress of Russian Language Researchers. Moscow. 13–16 March 2001. Moscow: Lomonosov Moscow State University. pp. 124–128.
38. Langacker, R.W. (1988) A usage-based model. In: Rudzka-Ostyn, B. (ed.). *Topics in Sognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. pp. 127–161.
39. Taylor, J.R. (1995) Approaches to word meaning: The network model (Langacker) and the two-level model (Bierwisch) in comparison. In: Dirven, R. & Vanparys, J. (eds.). *Current Approaches to the Lexicon*. Frankfurt-am-Main etc.: Peter Lang. pp. 3–26.
40. Rakhilina, E.V. (1998) Kognitivnaya semantika: Istoriya. Personalii. Idei. Rezul'taty [Cognitive semantics: History. Personalities. Ideas. Results]. In: Uspenskiy, V.A. (ed.) *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Is. 36. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 274–322.
41. Magirovskaya, O.V. (2009) Urovni kontseptualizatsii v yazyke [Levels of conceptualization in language]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 78–96.
42. Langaker, R.W. (2009) A dynamic view of usage and language acquisition. *Cognitive Linguistics*. 20–3. pp. 627–640.
43. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
44. Maslova, V.A. (2008) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
45. Krasnykh, V.V. (2000) Lingvo-kognitivnyy podkhod k kommunikatsii [Linguistic-cognitive approach to communication]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Is. 12. Moscow: Izdatel'stvo Dialog-MGU. pp. 41–45.
46. Vezhbitskaya, A. (2000) Yazykovaya kartina mira kak osobyi sposob reprezentatsii obraza mira v soznanii cheloveka [Linguistic worldview as a special way of representing the worldview in human consciousness]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 33–38.
47. Frumkina, R.M. (2003) *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiya.
48. Ivanova, S.V. (2003) *Lingvokul'turologicheskiy aspekt issledovaniya yazykovykh edinit* [Linguoculturological aspect of the study of linguistic units]. Philology Dr. Diss. Ufa. [Online] Available from: <https://www.twirpx.com/file/329535/>.
49. Vygot'skiy, L.S. (1956) *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech'* [Selected Psychological Research: Thinking and Speech]. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences.
50. Sternin, I.A. (1985) *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [The lexical meaning of the word in speech]. Voronezh: Voronezh State University.
51. Kobozeva, I.M. (2009) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: LIBROKOM.
52. Panasenکو, L.A. (2014) *Interpretiruyushchiy potentsial leksicheskikh kategoriy* [Interpretative potential of lexical categories]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

53. Shumilova, A.A. (2011) Slovoobrazovatel'no-propozitsional'naya sinonimiya russkogo yazyka [The word-formation-propositional synonymy of the Russian language]. In: Araeva L.A. et al. *Kemerovskaya derivatologicheskaya shkola: Traditsii i novatorstvo* [Kemerovo Derivatological School: Traditions and Innovation]. Moscow. pp. 244–256.
54. Gutgarts, R.D. *Printsipy sistemnogo podkhoda* [The principles of a systems approach]. [Online] Available from: <http://mei07.narod.ru/index/0-9>.
55. Bertalanffy, L. von. (1968) *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller, Inc.
56. Babina, L.V. (2009) Kontseptual'nye osnovy slovoobrazovaniya [Conceptual foundations of word formation]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 128–149.
57. Boldyrev, N.N. (2006) Linguistic categories as a format of knowledge. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 5–22. (In Russian).
58. Gol'dberg, V.B. (2009) Sposoby kontseptualizatsii v leksike [Methods of conceptualization in vocabulary]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 4. Tambov: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov". pp. 97–127.
59. Kozlova, L.A. (2015) The author's metaphor and its role in representing the dominant concepts of the text (on the material of John Fowles' essay "The Tree"). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 1. pp. 34–40.

УДК 81'13

DOI: 10.17223/19986645/63/5

С.Т. Нефёдов, В.Е. Чернявская

КОНТЕКСТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ: ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Анализируются возможности и ограничения контекстуализации как опоры на неязыковые факторы при интерпретации смысла высказывания. Теоретические основы заданы в лингвистике текста, прагматике, когнитивной лингвистике, социальных теориях дискурса. Констатируется изменение представлений о речевой системности и перемещение фокуса на социальное взаимодействие и роль языка в коммуникативных практиках. Перспективы связываются как с методологией лингвистики, так и с социально ориентированными теориями.

Ключевые слова: контекст, контекстуализация, дискурсивный анализ, коммуникативная ситуация, социальная практика.

Введение

Предметом критического анализа является контекстуализация как динамическая сторона контекста. Под контекстуализацией понимается речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом некоторых составляющих контекста как основных и существенных смысловых опор, задающих рамки и перспективу для интерпретации коммуницируемого в форме речевых структур содержания. В духе прагмалингвистических и дискурсивно-аналитических исследований контекст осмысливается здесь как экстралингвистическое окружение целого текста, создающее его прагматическую и социокультурную релевантность. Это, прежде всего, социальный контекст и составляющие идентичности использующего язык человека: гендер, возраст, национальность, социальный, профессиональный статус и др. Контекст является объектом изучения социологии, философии, культурологии, культурной антропологии [1; 2. Р. 39–67; 3–8] и лингвистики в том числе.

Формулируя так, мы заостряем фокус внимания на ряде методологических проблем. Изучение языка и речевых структур всегда происходило в тесной связи с контекстом их употребления, ср.: «context-sensitive dimensions of language» [2. Р. 39], и потому контекстуализация может и должна рассматриваться как условие текстуальности. Действительно, следует исходить из того, что экстралингвистический контекст – основа для адекватной интерпретации смыслов и языковой деятельности вообще. Именно в точке взаимодействия конвенционального значения, идущего от системы языка, с релевантными параметрами контекста происходит семантизация языковых выражений и возникает актуальный, ситуативно обусловленный

смысл. Развитие и усиление интерпретативных подходов в лингвистике, противостоящих формально-структурным методам, связано именно с вовлеченностью в анализ все большего количества внешних факторов. Экспансионизм применительно к языковым исследованиям означает все большую контекстуализацию. При этом выявление релевантных, т.е. значимых для адекватного извлечения смыслов составляющих контекста, не обладает достаточной определенностью, не поддается формализованной процедуре как последовательности однозначных, воспроизводимых операциональных шагов исследователя. Как определить релевантные отношения между социокультурным контекстом и языковыми структурами – ключевой для исследователя и в то же время допускающий разные решения вопрос. Он ставит в фокус дискуссии несколько сложных проблем: недостаточное или, наоборот, избыточное расширение профиля дисциплины, ср.: underspecification, overgeneration of a discipline [9. Р. 79]; гиперинтерпретация; достижение доказательного характера лингвистики, баланса между формализованными и интуитивными подходами к языковому материалу [10, 11].

Цель анализа в рамках публикации в том, чтобы критически рассмотреть возможности и показать ограничения контекстуализации, т.е. опоры на внешние неязыковые факторы при интерпретации и реконструкции интенции автора и смысла высказывания. Теоретический контекст задан здесь исследованиями и дискуссиями 2000–2018 гг. (и отчасти в ранних публикациях) в лингвистике текста, когнитивной лингвистике, в интеракционной социолингвистике, социальных теориях дискурса. Проведенный анализ позволяет констатировать, во-первых, расширение предметного профиля лингвистики и изменение теоретических представлений о речевой системности; во-вторых, перемещение в фокус исследовательского интереса новых знаний об организации социального взаимодействия и роли языка в коммуникативных практиках.

Контекст в прагматическом и дискурсивном измерении

Операционализация контекста затрагивает, во-первых, уровень прагматической интерпретации высказывания и, во-вторых, уровень дискурсивного процесса его порождения и восприятия.

Связь речевой структуры с экстралингвистическим контекстом осмыслялась на протяжении последней трети XX в. как функционально и прагматически ориентированный вектор в лингвистике. Грамматика текста и новая дисциплина – лингвистика текста отходили от чисто структурного подхода именно через расширение объяснительных возможностей экстралингвистического контекста для анализа семантики слова и, далее, предложения. В анализе речевой структуры именно текст, а не слово или предложение становится основополагающим. При этом текст рассматривается в динамической проекции как постоянная семантизация многих значений, которые могут актуализироваться или не актуализироваться в конкретной

ситуации. Всякая языковая единица рассматривается не как семантическая постоянная с заданным лексиконом значением, но как переменная контекстно зависимая величина. Семантизация и понимание смысла языковых единиц происходят не только с опорой на их системно-языковые характеристики, но исходя из межтекстовых связей и контекстуальных характеристик. Таким образом, именно текст, а не слово и предложение является единицей коммуникации. Текст является знаком целой ситуации [12–14]. Ситуативный экстралингвистический контекст в прагмалингвистическом понимании включает время, место, отношения адресанта и адресата друг к другу – возрастные, профессиональные, личные, гендерные, культурно-специфические, а также фоновые и энциклопедические знания о мире, разделяемые участниками коммуникативной ситуации (подробнее см.: [15, 16]).

Прагматизация лингвистического анализа, т.е. расширение объема и количества экстралингвистических параметров, принимаемых во внимание при интерпретации речевой структуры, возрастает в дискурсивно ориентированных исследованиях (см., напр., [17]). В дискурсивном анализе и лингвистике дискурса особым образом реализуется текстоцентрический принцип языкового анализа, ушедшего от структурно-грамматического к функциональному, прагматически обусловленному пониманию текста. Дискурсивный анализ вскрывает влияние различных факторов коммуникативно-речевой деятельности на формирование речевых закономерностей.

Вообще, развитие и оформление лингвистического (не социально или философски ориентированного!) понимания дискурса стало следствием и продолжением прагматически ориентированной лингвистики, ср. точку зрения в [2. Р. 2]. Лингвистика дискурса – это выход за рамки грамматики текста в сторону все большей прагматизации и более широкого и многофакторного контекста. Лингвистика дискурса продолжает методологический принцип прагматически ориентированной лингвистики в изучении различных межтекстовых связей, эксплицитных и имплицитных.

Исследовательский вопрос «Как операционализировать контекст?» означает выбор исследовательской позиции относительно того, как можно определить его релевантные аспекты, действительно значимые для анализа данной (такой, а не иной) коммуникативной ситуации и текстовой структуры. Мера вовлечения экстралингвистических факторов в интерпретацию речевой структуры влияет на выводы интерпретатора. В современных дискуссиях вопрос, насколько далеко может зайти лингвист, интерпретируя речевую структуру внутри коммуникативной практики, предполагает две полярные позиции.

Одна позиция имеет в виду максимальное увеличение исследовательского обзора лингвиста, расширение его объекта и уровней анализа, использование методов, «традиционно» не использовавшихся для лингвистического анализа, в целом акцент ставится не на структуре, а на коммуникативной ситуации. Как следствие, можно констатировать расширение предметных границ лингвистики, изменение теоретических представлений о речевой системности; перемещение в фокус интереса знаний о роли иных

семиотических кодов в организации социального взаимодействия. Новыми объектами лингвистики становятся дискурс, интердискурсивность, медийность, поликодовость.

Есть и другая, во многом противоположная этой позиция, которая связывается сегодня с «неоструктурализмом» и методологической строгостью лингвистических подходов. Основной тезис: лингвисты уходят слишком далеко к тому, что не могут непосредственно наблюдать и к чему не могут получить доступ, основываясь на своей методике. Лингвисты часто действуют по принципу «я так вижу», не задумываясь о строгости своих методов и объяснительных возможностях и ограничениях этих методов. Ср.: «Часто (может быть, даже по большей части) отсылка к методам и методикам носит чисто декларативный характер. Гуманитарное знание (за очень небольшими исключениями) не озабочивается доказательностью и объективностью» [18. С. 21].

Известная мозаичность и эклектичность подходов дает основание для критики со стороны специалистов. При этом существование нестрогих и недоказательных разработок само по себе не суть современных дискуссий вокруг проблемы доказательности гуманитарного знания вообще и лингвистики в частности. Этот вопрос кристаллизует действительно сложные задачи, как избежать гиперинтерпретации, в понимании У. Эко, или неоправданного сужения или чрезмерного расширения дисциплинарного профиля, в терминах современных исследователей [9], и как методологически отделить одно от другого. Применительно к контексту как объекту анализа представляется значимым следующее.

Вовлечение экстралингвистических факторов зависит от методологической позиции и исследовательской задачи лингвиста. Если лингвист работает с текстовой структурой в научной и технической коммуникации и решает задачи извлечения информации из текстов в условиях ее автоматизированной обработки, то ключевую роль играют именно языковые средства связности и когерентности. Приоритетна формализация лингвистического знания в объяснительных возможностях лингвистического инструментария. Опора на внешний контекст сводится к минимуму. Если же лингвист хочет понимать и интерпретировать сложные тексты, например художественные, и сложные коммуникативные ситуации, то опора на чисто лингвистическое знание языковых средств когезии и когерентности, грамматико-синтаксических моделей становится малоинформативной.

Действительным, реально изучаемым объектом сегодня являются не отдельная речевая структура, но коммуникативная ситуация и коммуникативная практика. Исследователи подчеркивают, что происходит и усиливается конвертация дискурсивных исследований в междисциплинарные с обязательным изучением социокультурной практики. При этом интересующие лингвиста текстовые структуры являются лишь частью дискурсивного анализа. В такой ситуации изучение языковых явлений перестает быть исключительной компетенцией лингвистов: изучением коммуникативных практик могут активно заниматься и специалисты других дисциплин.

плин, см. детальный анализ в работе Е.Н. Молодыченко [11]. Это по-новому, на новом витке обсуждений ставит вопрос о том, какие методы в рамках лингвистического анализа позволяют достичь доказательного анализа смысла высказывания и вносить свой дисциплинарный вклад в действительно комплексные и междисциплинарные феномены.

В таком исследовательском ракурсе объяснительные возможности и одновременно ограничения «чисто» лингвистического анализа зависят от степени маркированности связей между отдельной структурой / текстом и «вокругтекстовым» фоном. Они могут быть, во-первых, эксплицитными, явно выраженными автором в речевой структуре; во-вторых, намеренно не выраженными в тексте, скрытыми автором сообщения; в-третьих, не выраженными в тексте, но выявляемыми аналитически. В первом и втором случае межтекстовые связи выявляются методами семантического анализа текста, анализа формы изложения (функционально-смыслового типа речи): аргументативного, нарративного, экспликативного, дескриптивного, анализа скрытых смыслов связной речи – пресуппозиций и имплицатур, интертекстуального анализа цитат, косвенной речи, анализа словарных дефиниций как способа экспликации семантики слова и другими методами.

На прагматическом уровне процесс понимания предполагает три основных этапа соотнесения ключевых исследовательских вопросов с процедурой их обоснования. Вопрос «О чем высказывание?» предполагает установление референции, т.е. корректного соотнесения знака / текста и соответствующей ситуации / фрагмента действительности. Вопрос «Как элементы высказывания связаны?» предполагает описание средств когезии и когерентности, т.е. формально-грамматической и содержательной целостности высказывания. Вопрос «Каков смысл высказывания?» получает ответ через инференцию, когнитивную операцию установления связей между тем, что и как выражено средствами языка, и фоновым знанием коммуникантов о ситуации и о мире. Здесь контекст является составляющей для рутинного понимания. Например, форма высказывания 'Я был вчера с моим псом у ветеринара. Он его укусил' не порождает действительной неоднозначности в понимании, кто кого укусил, поскольку коллективные энциклопедические знания о мире регулируют адекватную референцию: пес укусил ветеринара. Контекст как совокупность актуальных, здесь и сейчас разделяемых коммуникантами фоновых знаний, однозначно направляет и поддерживает семантизацию и корректное понимание смысла. Возможная двусмысленность может быть отнесена только к риторическому эффекту, но не создает действительной неоднозначности декодирования смысла.

Выявление скрытых, т.е. не маркированных автором, но потенциально возможных связей между высказываниями и смыслами становится действительно сложной задачей, когда контекст перестает быть «здесь и сейчас» актуальным. В такой ситуации исследовательские и методологические проблемы возникают вследствие несводимости семантики и прагматики высказывания / текста.

Так, понимание популярной в 1970-е гг. в советское время песни «Ромашки спрятались» предполагает ответ на вопрос «Зачем она сняла пиджак? Что это означает?». Ср.:

Ромашки спрятались, поникли лютики.
Когда застыла я от горьких слов.
Зачем вы, девочки, красивых любите,
Не постоянная у них любовь.
Сняла решительно пиджак сброшенный,
Казаться гордою хватило сил.
Ему сказала я: «Всего хорошего!»,
А он прощения не попросил.

Процесс понимания текстового целого начинается с понимания значения языковых элементов: «пиджак» – это часть мужской одежды, в отличие от «жакета», части женской одежды. Семантика других единиц в тексте создает картину отношений между влюбленной парой: он и она. Адекватное понимание текстового целого возможно только с опорой на знание релевантного контекста – типичного для 1960–1970-х гг. стиля общения и поведения, когда влюбленная пара узнавалась во время прогулок по мужскому пиджаку на плечах девушки как свидетельство того, что она допускает и принимает внимание от идущего рядом человека. Снятый пиджак – это маркер в драматургии отношений, а именно знак разрыва отношений. Этот текст может и должен рассматриваться как репрезентант соответствующей дискурсивной практики, отражающий коллективные представления о правильном, типичном, о специфических культурных моделях поведения и связанных с ними культурных кодах. Когда та или иная практика перестает по разным причинам быть актуальной, текст становится герметичным и трудноинтерпретируемым, что и происходит с современным адресатом. Контекст производства текста перестает быть узнаваемым.

Контекстуализация как дискурсивная компетентность

Контекст понимается здесь как конструируемая категория, предполагающая понимание участниками коммуникации значения определенного аспекта ситуации для ее адекватного анализа. Контекст не может быть сведен к понятию непосредственного ситуативного контекста, идентифицируемого на основе принципа кооперации. Контекст не является статичным, т.е. предзаданным набором внешних факторов, способных влиять на осмысление и понимание. Он формируется автором высказывания и прочитывается адресатом по мере развития коммуникации. Это означает, что в конкретной коммуникативной ситуации происходит распознавание и выдвижение некоторых составляющих социальной практики как сильнодействующих и основных для интерпретации семантики языковых единиц. Осмысление речевой структуры происходит в ее широких социальных связях. Языковая компетентность носителя языка и его способность к интер-

претации могут быть представлены как дискурсивная компетентность, т.е. как возможность и способность определить, какие потенциально возможные связи актуальны и адекватны для интерпретации смысла. Дискурсивная компетентность – это способность выводить замысел отправителя сообщения, его имплицатуры и пресуппозиции на основе интертекстуального знания, владения общими кодами и социокультурными конвенциями. В практике лингвистического анализа изучается не формально-структурное, но динамическое взаимодействие смысла текста как сложного знака, соотнесенного с дискурсом, и смысла адресата, контролируемое дискурсивной компетенцией последнего.

Дискурсивная компетентность в таком ее понимании формируется социальной практикой. Наблюдая конкретные проявления коммуникации, исследователь ставит себя в позицию коммуникантов и может делать вывод о модулах человеческого взаимодействия в социуме («sociation», по Г. Зиммелю). Принцип конструктивизма в отношении контекста отражает общую тенденцию и методологическую установку гуманитарного знания ориентироваться на ценности, познавательные установки и культурную специфику в анализе образа реальной действительности, зафиксированного в языке и текстах. Конструктивизм активно используется с 1980-х гг. для обозначения конструируемой социальной реальности, продолжая и развивая введенное В. Дильтеем понятие. Конструктивистский подход стал в том числе следствием критического осмысления лингвистического поворота и проявляется в фокусировании дискурсивного характера интерпретации и понимания, см. также [19, 20].

Интерпретация высказывания может иметь разное целеполагание. Целью может быть выявление интенции отправителя сообщения в том виде, в котором она кодируется в тексте и передается лингвистическими средствами: «С какой целью хотел сказать автор то, что он сказал?». Это приоритетно для прикладной лингвистики, работающей с коммуникативными ситуациями и дискурсами, ориентированными на воздействующий эффект, – политическая, рекламная коммуникация, и для практики лингвистической экспертизы.

Лингвистическая теория осмысляет и другую перспективу: рецептивные процессы, их диалогичный характер, «текст в голове адресата», т.е. возникающие перлокутивные эффекты – «что говорит текст этому конкретному адресату». Разделение методологических подходов и применяемого инструментария проходит как раз по линии операционализации контекста, когда прагматика накладывает «рамку восприятия» на семантику. Внутри лингвистической теории действительно возможны и сосуществуют очень широкие подходы, допускающие полифонию, вариативность восприятия, множественность смыслов. И здесь лингвистика взаимодействует с блоком смежных дисциплин – с психологией, социологией, литературоведением в объяснении рецептивных эффектов. В прикладном аспекте в коммуникативной практике следует принимать во внимание, что восприятие и оценка высказывания имеет социально значимые эффекты и институционально контролируемые последствия.

Признание контекста конструируемой категорией предполагает разграничение в операциональном анализе, с одной стороны, контекста порождения высказывания, с другой – контекста восприятия высказывания реципиентом.

Контекст восприятия может активно конструироваться. Практически не существует ограничений для того, чтобы принять какой-либо внешний фактор релевантным для контекста речевого акта, ср.: *There is no limit in principles to what might be included in a given context, to what might be shown to be relevant to the performance of a particular speech act* [21. Р. 124]. Констатируя это, мы имеем в виду следующее.

Контекст может активно формироваться исследователем в зависимости от выбранной методологической позиции. Так, контекст с разной мерой допущения внешних экстралингвистических факторов операционализируется в разных концепциях дискурсивного анализа. Исследователь, руководствуясь заданными целями, может выдвигать определенные контекстно зависимые характеристики в семантике и прагматике текста. В таком ракурсе дискурс становится для исследователя инструментом обнаружения тех внешних социально обусловленных факторов, которые он, исследователь, усматривает за использованием языка. Именно такой подход заявляется в критическом анализе дискурса (*Critical Discourse Analysis*), по Н. Фэрклафу, Р. Водак и др., когда в интерпретации текста намеренно прослеживается зависимость языковых форм от идеологических, властных отношений в обществе. Изучается не язык как таковой, но представления о широком идеологическом контроле и социальном доминировании. Связь идеологии и определенного употребления языка не всегда осознается как таковое участниками коммуникации. Заявляемая цель критического анализа дискурса – отразить эту связь как очевидную, регулярно действующую. Основной темой критического анализа дискурса являются социальное неравенство, латентный антисемитизм, расистские, гендерные предубеждения в среде интеллектуалов, в академической среде, которые исследователи, практикующие КДА, прослеживали в том числе на уровне обыденной коммуникации в тривиальных высказываниях. Критический анализ дискурса хочет высветить различные формы ксенофобии и социального неравенства, в том числе те, которые отрицаются или замалчиваются.

В новых разработках последних десятилетий такое целеполагание и выводы критического дискурс-анализа вызывают возражения как редукционистский и ангажированный подход, при котором идеологический аспект приобретает характер абсолютной детерминированности. Анализ реализуется как заданный поиск проявлений идеологически обусловленной идентичности в текстовых структурах [2. Р. 21–38; 22. Р. 23; 23; 24].

Одновременно с таким предзаданным конструированием контекста восприятия существует другая проблема, а именно восприятие и понимание высказывания в рамках актуальной «здесь и сейчас» социальной практики. Контекст восприятия подвижен, изменчив в силу исторической изменчивости и культурной динамики социальных, политических, экономи-

ческих, этических связей в обществе. В актуальной практике происходит выдвижение одних его составляющих и погашение и исключение других.

Например, выдвижение идеологического контекста как основы прочтения всякого, в том числе утилитарного, высказывания было характерно для практик контроля и цензуры, например, в советский период. В СССР существовало Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), осуществлявшее придирчивый контроль за рутинными высказываниями и художественными произведениями, заподозренными в нелояльном к советским государственным структурам подтексте. Идеологически ориентированная критика вычитывала рутинные языковые единицы и объясняла их употребление как политически мотивированное иносказание. Литература для детей, сказки К. Чуковского, песни становилась объектом для приписывания нелояльных иносказаний. Так, например, советские песни в 1970-е гг. придирчиво критиковались как содержащие нелояльные намеки. Строки из песни про зайцев из кинофильма «Бриллиантовая рука» «А нам все равно, а нам все равно...» понимались как фрондерское высказывание против советской действительности, слова «Есть только миг между прошлым и будущим» как легковесные, ставящие под сомнение цели строителей коммунизма. Песня «И не надо зря портить нервы. Вроде зебры жизнь, вроде зебры. Черный цвет, а потом будет белый цвет. Вот и весь секрет» вообще не вошла в финальную версию фильма «Двенадцать стульев» в 1971 г. с доводом, что советские люди могут услышать это как высказывание про черную полосу в современный им советский период (см.: выпуск памяти поэта Л. Дербенева на Первом канале 04.2016 г. (www.1tv.ru/doc/stati/leonid-derbenev-etot-mir-priduman-ne-nami)).

Единичные высказывания могут прочитываться как типичные и серийные потому, что намеренно создается и поддерживается ценностное пространство, в котором они воспринимаются как типичные и серийные. Принципиально значимым в понимании и объяснении сути контекстуализации является фокус на доминирующем «прочтении», на коллективной практике понимания. Возникает «рамка дискурса», отсекающая все то, что не попадает в ее пространство. Отсекаются возможности для появления альтернативных, «чужих» смыслов; одни тексты (смыслы, понятия) притягиваются в рамочное пространство дискурса как близкие, «свои», другие исключаются как нерелевантные и «чужие». Создаются «лингвистические фильтры», возникающие в результате системного отбора стереотипизированных, конвенциональных языковых средств, приемов для выражения типичных смыслов и узнаваемых адресатом автоматически.

Представляя эти суждения, отметим, что опора на социокультурную практику в объяснении процессов контекстуализации представляет один из возможных подходов. Исследовательские усилия объяснить механизмы отбора и актуализации неких внешних факторов для адекватного понимания конкретной коммуникативной ситуации связаны в том числе с когнитивным подходом и моделированием контекста на основе данных когнитивных наук. Идея о существовании «когнитивного интерфейса» как свя-

зующего звена между общественной практикой, речевой коммуникацией и дискурсом представлена в работах Т. ван Дейка и его последователей. В соответствии с когнитивным подходом контекст может быть теоретизирован как ментальная модель, а именно как когнитивная конструкция, включающая уникальный опыт участника коммуникации и коллективное знание, разделяемое всеми представителями лингвокультурного сообщества. Контекстные модели, по ван Дейку, контролируют производство и понимание дискурса и постоянно адаптируются к динамичной социокультурной среде при интерпретации актуальной ситуации (см.: [25, 26]).

Такая теория контекстуальных моделей остается дискуссионной, подробнее анализ и обзор литературы см. в работе [27]. Открыт вопрос, как именно субъект адаптирует множество внешних факторов и, главное, как можно зафиксировать для анализа процесс отбора участником коммуникации релевантных, с его точки зрения, факторов при взаимодействии с заданной ситуацией. Доказательность достижима на основе новых данных, которые связаны с прорывами в нейро- и когнитивных науках, моделирующих сложные процессы речемыслительной деятельности.

Признание социально конструируемого характера коммуникативной практики вообще и контекста в частности ставит акцент на симультанно действующих в коммуникативных практиках форматах медиальности, нормах и стратегиях объективации смысла в знаково-символических формах. Одновременно это выдвигает в центр внимания вопрос контроля над каналами передачи информации. Формат, или в иной терминологии, медиальность, как канал передачи информации является одним из аспектов ситуации, способных программировать определенное направление внимания адресата, подробнее см.: [28]. Формат канализирует содержание. Это тот дополнительный параметр ситуации, который направляет интерпретацию и понимание сообщения. Можно утверждать, что формат становится фактором выдвижения определенного смысла, при этом выдвижение актуализируется не отдельными языковыми средствами – риторическими приемами и структурной организацией внутри текста, но коммуникативным форматом. «The medium is the message» – известный афоризм Г.М. Маклюэна, сформулированный в 1964 г., точно определяет суть выдвижения за счет канала сообщения в эпоху средств массовой информации.

Выводы

1. В объяснительных подходах к контекстуализации выделимы два различных исследовательских фокуса: когнитивный фокус, т.е. исследования в связи с когнитивными процессами, детерминирующими понимание ситуации как когерентного целого, и социальные теории дискурса, в соответствии с которыми на когерентность существенно влияют социальные практики, т.е. социокультурный контекст. В качестве основного объяснительного подхода здесь избран и представлен второй, а именно интеракционный социально ориентированный подход. Для лингвиста в практике

лингвистического анализа это означает следующее: работать с контекстом – значит, опираясь на речевые структуры и через речевые структуры, восстанавливать динамическую сторону контекстуализации, чтобы доказательно объяснять выбор языковых средств: их коммуникативную уместность или неуместность, манипулятивное использование языка, косвенные и имплицитные способы выражения коммуницируемых смыслов и т.д. Это, в свою очередь, предполагает определение и включение в анализ речевых структур значимых характеристик актуальной практики в ее культурной, исторической, локальной обусловленности.

2. Теоретические дискуссии и, как следствие, выбор теоретической позиции значимы для прикладной лингвистики тем, что по-новому определяют роль исследовательского инструментария в анализе коммуникативных ситуаций. Контекст не поддается формализации, его анализ не может быть представлен как система очевидных языковых маркеров и исследовательских процедур. Применение лингвистического инструментария дает возможность, основываясь на формах вербализации, устанавливать с достаточной мерой строгости и достоверности интенцию автора высказывания с опорой на контекст порождения высказывания. При этом следует подчеркнуть, что опора на семантику языковых единиц оказывается во многих анализируемых лингвистом ситуациях единственным доказательным инструментом и источником информации о том, как протекает процесс когниции – восприятия, понимания, оценочной реакции человека. Лингвистика не может быть однозначной при выявлении речевых эффектов в связи с контекстом восприятия текста, не обладает методиками доказательства того, как именно высказывание понимается и оценивается реципиентом, с какими потенциально возможными смыслами, кодами, темами единичное высказывание может быть связано в «голове реципиента», в его, реципиента, дискурсивном контексте.

3. Когерентность создается не только семантикой языковых единиц и ситуативными знаниями коммуникантов, но в большой мере основывается на значимости для участника коммуникации того или иного аспекта ситуации. А это ставит в центр внимания коллективную практику восприятия и понимания, так называемое доминирующее прочтение смыслов в актуальном социокультурном контексте. Релевантность внешних, действующих на понимание факторов не может быть определена только лингвистическим инструментарием. Перспективы теоретизации контекста очевидно связаны не только и не именно с методологическими возможностями лингвистики, но с аналитическим потенциалом социальных теорий дискурса и с данными нейро- и когнитивных наук. Контекстуализация, понимаемая как социально управляемый процесс, включает в себя проблемы контроля над каналами передачи информации.

Литература

1. Auer, P., and Di Luzio, A. (Eds.) *The Contextualization of Language*. Amsterdam : John Benjamins, 1992. 402 p.
2. Blommaert J. *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 299 p.

3. *Duranti A., Goodwin Ch.* (Eds.) *Rethinking Context: An Introduction // Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language)*. Cambridge University Press, 1992. P. 1–42.
4. *Schegloff E.* Whose text? Whose context? // *Discourse and Society*. 1997. № 8. P. 165–187.
5. *Dijk T.A. van.* *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London ; New York : Longman, 1977. 261 p.
6. *Dijk T.A. van.* Discourse, context and cognition // *Discourse Studies*. 2006. № 8 (1). P. 159–177.
7. *Cicourel A.* The interpenetration of communicative contexts // *Duranti A., Goodwin Ch.* (Eds.) *Rethinking context*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. 291–310.
8. *Widdowson H.G.* Text, context, pretext: Critical issues in discourse analysis. (language in society). Wiley Online Library, 2004. 200 p.
9. *Spitzmüller J., Warnke I.* Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations // *Critical Discourse Studies*. 2011. Vol. 8 (2). P. 75–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2011.558680>.
10. *Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.* Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 77–84.
11. *Молодыхенко Е.Н.* «Свой и чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция чужого в американской президентской риторике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 59.
12. *Beaugrande R. de.* *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, NY, 1997. 670 p.
13. *Esser J.* *Introduction to English Text-linguistics*. Peter Lang. Frankfurt/M. 2009. 209 p.
14. *Чернявская В.Е.* Текст в медиальном пространстве. М. : УРСС, 2014. 232 с.
15. *Gumperz J.* Sharing Common Ground // *Keim I., Schütte W.* (Eds.). *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Tübingen : Narr, 2002. P. 47–55.
16. *Auer P.* Context and contextualization // *Verschueren J., Östman J.-O.* (Eds.). *Key Notions of Pragmatics*. Amsterdam : Benjamins, 2009. P. 86–101.
17. *Нефёдов С.Т.* Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>
18. *Баранов А.Н.* Лингвистика в лингвистической экспертизе: метод и истина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*. 2017. Т. 16, № 2. С. 18–27. DOI.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2
19. *Молодыхенко Е.Н.* Аксиология дискурса консьюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2015. № 6 (38). P. 55–66. DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. *Molodychenko E.N.* Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis // *St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social sciences*. 2017. Vol. 8, № 3. P. 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312
21. *Culler J.* *On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism*. London : Routledge and Kegan Paul, 1983. 307 p.
22. *Warnke I., Spitzmüller J.* (Hg.). *Methoden der Diskurslinguistik*. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2008. 236 S.
23. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
24. *Чернявская В.Е.* Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного под-

ходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. Р. 31–37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37

25. Dijk T.A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008. 267 p.

26. Dijk T.A. van. Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 287 p.

27. Чернявская В.Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. № 9 (4). С. 83–93. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93

28. Чернявская В.Е. Поликодовость vs «логоцентризм» в речевом воздействии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 2. С. 3–9. DOI: 10.20339/PhS.2-16.003

Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5

Sergei T. Nefedov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nefedovst@gmail.com

Valeria E. Chernyavskaya, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tchernyavskaya@rambler.ru

Keywords: context, discourse analysis, communicative situation, social practice.

This article raises some methodological issues that are currently discussed within the discourse-linguistic branch with regard to context and contextualization. Problems lie in the arbitrary way in which contexts are referred to. The author focuses on the question about what people in a given situation and social setting need to know in order to understand each other. She argues that the notion of context is outlined in sociolinguistics, linguistic anthropology, cultural studies, text linguistics and is also integrated in modern pragmatics and linguistic discourse analysis, which separates these approaches from formal linguistics. The article discusses the explanatory merits and limitations of contextualization, e.g., the extent to which different extralinguistic factors can be effectively used in text interpretation and meaning-making. The author's aim is to contribute to the on-going methodological debate on underspecification and overgeneration of linguistic analysis. How to indicate and to define extralinguistic aspects relevant in explanation of text meanings is a key question both in modern text linguistics and discourse linguistics. In a broader dimension, the article might contribute to evidence-based interpretation of linguistic facts. The context is discussed as a sociocultural environment of a text structure. It is stressed that in a sociolinguistic approach to meaning-making, context cannot ontologically be separated from language, for it is a fundamental part of the meanings constructed in language. Context is what turns language into a "social fact". From that perspective, the author argues that the notions of context are built on social practice and on the understanding of the place of social actors and activities therein. This article shows that the operationalization of a context is to explain as a discursive competence of language speakers sharing social practice and cognitive framework. It is social practice that causes and affects the operationalization of relevant context aspects and thus the adequate understanding of text meanings. To operationalize context means to take into consideration features of actual practice in specific cultural, historical, political, etc. conditions. The discursive competence controls all the relevant aspects of the production and comprehension of discourse that vary with the social situation. The article stresses the continuously evolving, multi-scale and dynamic aspects of context, as well as the intrinsic unity of context and action.

References

1. Auer, P. & Di Luzio, A. (eds) (1992) *The Contextualization of Language*. Amsterdam: John Benjamins.
2. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) (1992) Rethinking Context: An Introduction. In: *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon* (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language). Cambridge University Press. pp. 1–42.
4. Schegloff, E. (1997) Whose text? Whose context? *Discourse and Society*. 8. pp. 165–187.
5. Dijk, T.A. van. (1977) *Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London; New York: Longman.
6. Dijk, T.A. van. (2006) Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*. 8 (1). pp. 159–177.
7. Cicourel, A. (1992) The interpenetration of communicative contexts. In: Duranti, A. & Goodwin, Ch. (eds) *Rethinking context*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 291–310.
8. Widdowson, H.G. (2004) *Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis*. (Language in Society). Wiley Online Library.
9. Spitzmüller, J. & Warnke, I. (2011) Discourse as a ‘linguistic object’: methodical and methodological delimitations. *Critical Discourse Studies*. 8 (2). pp. 75–94. DOI: 10.1080/17405904.2011.558680
10. Belyaeva, L.N. & Chernyavskaya, V.E. (2016) Evidence-Based Linguistics: Methods in Cognitive Paradigm. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3. pp. 77–84. (In Russian).
11. Molodychenko, E.N. (2019) “Us” vs “Them” in Political Discourse: The Instrumental Function of the “Evil Other” in American Presidential Rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 67–86. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/5
12. Beaugrande, R. de. (1997) *New Foundations for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society*. Norwood, NY: Praeger.
13. Esser, J. (2009) *Introduction to English Text-Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang.
14. Chernyavskaya, V.E. (2014) *Tekst v medial'nom prostranstve* [Text in the Medial Space]. Moscow: URSS.
15. Gumperz, J. (2002) Sharing Common Ground. In: Keim, I. & Schütte, W. (eds) *Soziale Welten und kommunikative Stile*. Tübingen: Narr. pp. 47–55.
16. Auer, P. (2009) Context and contextualization. In: Verschueren, J. & Östman, J.-O. (eds) *Key Notions of Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins. pp. 86–101.
17. Nefedov, S.T. (2017) Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 14 (4). pp. 599–610. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.408
18. Baranov, A.N. (2017) Linguistics in Forensic Linguistic Expertise (Method and Truth). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie – Science Journal of VolSU. Linguistics*. 16 (2). pp. 18–27. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.2
19. Molodychenko, E.N. (2015) Axiological Dimension in the Discourse of Consumerism: The Role of Evaluative Language in the Lifestyle Genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 55–66. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/38/5
20. Molodychenko, E.N. (2017) Identity and Discourse: From Social Theory to Practice of Discourse Analysis. *St. Petersburg State Polytechnic University Journal. Humanities and Social Sciences*. 8 (3). pp. 122–133. DOI: 10.18721/Jhss.8312

21. Culler, J. (1983) *On Deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism*. London: Routledge and Kegan Paul.
22. Warnke, I. & Spitzmüller, J. (Hg.) (2008) *Methoden der Diskurslinguistik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
23. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9
24. Chernyavskaya, V.E. (2018) Missing Evidence-Based Link? Towards Qualitative and Quantitative Approaches in Language Studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 31–37. (In Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37
25. Dijk, T.A. van. (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press.
26. Dijk, T.A. van. (2009) *Society in Discourse. How Context Controls Text and Talk*. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of Context in Discourse Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 9 (4). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93
28. Chernyavskaya, V.E. (2016) Multimodality vs “Logocentrism” in Persuasion. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2. pp. 3–9. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.2-16.003

УДК 811.16271

DOI: 10.17223/19986645/63/6

Т.И. Петрова, О.П. Кормазина

КАТЕГОРИЯ АВТОРИЗАЦИИ В НЕКОДИФИЦИРОВАННЫХ СФЕРАХ РУССКОЙ РЕЧИ: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОГЕНЕЗЕ РЕЧЕЖАНРОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматриваются особенности выражения категории авторизации в текстах двух типов некодифицированной русской речи – разговорном рассказе-воспоминании и детском игровом квазидialoge. Данная категория определяет специфику названных жанров, являясь своеобразным маркером уровня сформированности речежанровой компетенции. В статье представлено описание особенностей каждого из названных жанров в аспекте выражения категории авторизации.

Ключевые слова: авторизация, чужая речь, персуазивность, разговорная речь, детская речь, речевой жанр, речежанровая компетенция, речевой онтогенез.

Введение

Закономерным для любого высказывания, как известно, является соединение информации двух планов: объективной действительности и субъективного мира говорящего. Субъективная информация находит свое воплощение в модусе – «выражении коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [1. С. 44]. Одним из аспектов выражения субъективного отношения говорящего к содержанию своего высказывания является характеристика данного содержания с точки зрения оппозиции «свое – чужое», о которой М.М. Бахтин писал: «Всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово» [2. С. 268]. Названная оппозиция составляет основу модусной категории авторизации, исследование которой в антропоцентрическом языкознании приобретает особую актуальность. К числу малоисследованных относится проблема выражения категории авторизации в сфере живой речи, весьма разнообразной в жанровом отношении.

Объектом нашего исследования стали тексты двух типов некодифицированной русской речи, отличающихся спорностью их статуса: являясь результатом непринужденной устной речевой деятельности, они соединяют в себе признаки как монолога, так и диалога. Это два типа текстов, различных по своей жанровой природе и отражающих разные этапы речевого онтогенеза: 1) тексты воспоминаний – одно из ярких проявлений разговорного дискурса и 2) тексты инсценированных диалогов в ситуациях одиночной ролевой игры – наиболее яркое проявление детского персонального дискурса.

Несмотря на очевидную разнородность названных речевых феноменов, считаем возможным их сопоставление в аспекте категории авторизации, поскольку обнаруживается некоторое сходство в коммуникативно-прагматической характеристике данных феноменов, обусловленное такой их отличительной особенностью, как наличие в тексте чужой речи – «текста в тексте». Целесообразным в данном случае представляется использование подхода к описанию чужой речи в разных типах устных текстов, предложенного М.В. Китайгородской [3]. В контексте нашего исследования наиболее значимыми, определяющими сходство анализируемых жанров, являются следующие параметры: форма коммуникации, тип коммуникации, текстовые функции чужой речи. Тексты воспоминаний и детские игровые диалоги относятся к одной и той же форме коммуникации: это спонтанная устная речь, предполагающая совмещение двух коммуникативных планов – реального (с совпадением автора и говорящего) и воспроизводимого, моделируемого (с несовпадением автора и говорящего). Объединяет эти жанры и тип коммуникации: их общим свойством является отнесенность к сфере некодифицированной живой речи, что обнаруживается в специфике речевого поведения – в частности, использовании приема речевой маски, реализуемого прежде всего средствами спонтанной экспрессивной просодии, маркирующей чужую речь. Кроме того, следует отметить сходство текстовых функций, выполняемых чужой речью в обоих типах дискурсов. Обращают на себя внимание две функции, выделенные М.В. Китайгородской: интерпретационная (использование «контекста чужой речи» для наглядного представления воспроизводимой коммуникации) и конструктивная (функция «упрощения построения плана выражения, что может сопровождаться процессами семантической конденсации») [3. С. 77–78]. В условиях спонтанной речевой деятельности обе функции используемой чужой речи свойственны как тексту воспоминания, так и детскому игровому диалогу, несмотря на различие их природы.

Но функциональная нагрузка чужой речи в названных дискурсах оказывается различной. Детский игровой диалог основан исключительно на воспроизведении чужой речи, поэтому автор-ребенок скрыт за масками придуманных им персонажей (их речевые партии отражают усвоенный из окружающего социума ролевой репертуар) и лишь в единичных случаях становится говорящим. В текстах же воспоминаний наблюдается четкая дифференциация речи говорящего как непосредственного рассказчика, с одной стороны, и чужой речи в моделируемой им ситуации – с другой. Таким образом, возникают основания для детального рассмотрения особенностей выражения категории авторизации в каждом из представленных типов естественной устной речи, жанровая специфика которых обусловлена онтогенетически.

Речевой жанр, по мнению К.Ф. Седова, является «универсальной лингвофилософской категорией, исследование которой должно во многом прояснить природу дискурсивного поведения и мышления языковой личности». В процессе онтогенеза «система жанровых фреймов становится им-

манентной сознанию структурой, которая одновременно отражает представления о социальных формах взаимодействия людей и речевых нормах коммуникативного оформления этого взаимодействия»; определенное развитие при этом получает и «смысловое восприятие чужого высказывания» [4. С. 240]. Следовательно, в круг лингвистических исследований попадает и проблема выражения категории авторизации в контексте онтогенеза речежанровой компетенции.

Материалом для проведения исследования послужили два корпуса текстов живой звучащей речи: во-первых, это расшифрованные аудиозаписи неофициального диалогического общения, содержащего рассказы-воспоминания (общий объем записей, сделанных с использованием включенного и скрытого наблюдения, составляет около 20 часов; в ситуациях записи участвовало около 50 информантов); во-вторых, это полученные на основе скрытого наблюдения расшифрованные аудиозаписи детской речи в ситуациях одиночного игрового инсценирования диалогического общения¹ – такой тип речи определяем как инсценированный квазидialog [5] (записана речь 10 информантов общей продолжительностью около 15 часов). Далее будут описаны особенности выражения категории авторизации в текстах названных жанров.

Категория авторизации в контексте жанровой специфики воспоминания

Речевой жанр воспоминания имеет достаточно давнюю традицию изучения – в первую очередь в контексте диалектологических исследований [6–11], где он рассматривается как в статусе самостоятельного жанра, так и в качестве элемента комплексного речевого жанра «автобиографический рассказ» [12]. В настоящее время затрагивается проблема реализации жанра воспоминания и в наддиалектных формах языка: рассказ-воспоминание как жанровая разновидность фатических монологов [13], воспоминания в естественной письменной речи – «народные мемуары» [14, 15], устный рассказ-воспоминание, представляющий собой фольклорный текст – «меморат» [16, 17]. Однако при всем многообразии подходов к пониманию этого жанра можно выделить ряд инвариантных признаков, обеспечивающих целостность данного феномена. В контексте нашего исследования наиболее значимыми представляются следующие: психологическая обусловленность (воспоминание – всегда мнемическое переживание прошлого опыта), нарративная форма текстовой организации, характерные для данного жанра собственно языковые особенности (наличие особого метакон-

¹ В исследовании использованы записи речи детей 6–8 лет – возраста, когда основанная на инсценировании сюжетно-ролевая игра достигает наивысшего уровня развития. Это возраст активной социализации ребенка, который, во-первых, стремится следовать образцам соответствующего социальной роли речевого поведения и, во-вторых, начинает овладевать различными типами дискурса.

понента, разнообразные средства репрезентации прошлого, средства пространственной локализации воспроизводимых событий и т.п.). Обладая набором инвариантных свойств, жанр воспоминания представляет собой систему вариативных форм, реализующихся как в плане выражения (монолог или диалог), так и в плане содержания [18].

В плане содержания разнообразие жанровых форм воспоминания обусловлено таким значимым инвариантным признаком, как категория авторизации, которая выполняет функцию маркера излагаемой информации как своей, авторской, или чужой. В связи с этим в дискурсе воспоминания различаются две нарративные линии: говорящего – рассказчика, непосредственно участвующего в коммуникации, и автора – того, чьи воспоминания являются диктумной основой повествования. Названные линии могут совпадать, если автором воспоминания является сам говорящий, но могут и находиться в более сложном соотношении, если говорящий не является автором воспоминания, а лишь пересказывает чье-то повествование. Вследствие этого можно говорить о существовании двух модусных типов жанра: 1) собственные воспоминания и 2) чужие воспоминания.

В процессе реализации воспоминаний первого типа рассказчик излагает события из прошлого, свидетелем или участником которых был он сам (модусная рамка – «я это делал», «я это говорил», «я это видел»). Как правило, апелляция к собственной памяти маркируется глаголом *помнить* в форме первого лица единственного числа. Например: *А потом/ значит/ я помню/ у соседей появились новые жильцы/ какая-то женищина/ майор; Был случай/ едем с сыном/ на девятнадцатое февраля/ как это помню/ хорошо/ дровишек привезли на машине; Я помню шикарный случай/ когда Маша разбила вазу/ а наказали меня.* При этом стоит отметить, что показатели авторизации могут и отсутствовать, если говорящий не считает нужным подчеркивать свое авторство, так как оно является очевидным: *Я/ в прошлом году/ упала вообще на асфальте// Вот в принципе даже льда не было/ а я умудрилась упасть; Мы тоже ещё писали сочинение в школе/ когда выпускались// ЕГЭ не было ещё; Бегали мы в школу босиком/ обуви никакой не было.*

Второй из названных типов – чужие воспоминания – имеет модусную рамку «мне об этом рассказывали»; в подобных случаях говорящий пытается несколько отстраниться от описываемых событий, подчеркивая тот факт, что он не является их свидетелем. Имеющийся в нашем распоряжении корпус текстов позволил сделать вывод, что типичным признаком чужого воспоминания является наличие специальных маркеров авторства: *Там жили нанайцы/ но я не помню/ со слов бабушки знаю/ что там Хазара жили; Он говорит мне ещё рукой помахал/ мне мама рассказывала/ а я ничё не помню/ чё там полтора года!; Я ж сильно не знаю/ я всё токо помню по словам мамы/ бабушки/ там шо папа рассказывал/ и я токо вот это; В каком-то году тоже/ я не помню/ мама говорила/ в каком году/ была холера и т.п.* Кроме того, нередко рассказчик акцентирует внимание на том, что он и не мог быть свидетелем или участником описываемых

мых событий, так как они происходили еще до его рождения: *Он был коммунист/ он был такой/ мама говорила/ я его не видела! Он умер я ишо не родилась када; Дед Василько женился/ говорила мама/ ещё до моего рождения/ они сюда приезжали/ ио красивая баба/ у диди Васильки и др.* Важно отметить, что в некоторых ситуациях возможно и отсутствие формально выраженных показателей «чужого» авторства – в этом случае данный модусный тип воспоминания маркируется контекстуально: например, на него указывает значительная временная удаленность описываемого события (*И в тыщу/ девятьсот уже десятом году/ переселилась Ярына сюда/ и с четырьмя сынами// Из них три сына были/ парубки/ не женаты/ и мой дедушка Иунат/ уже был женат на бабушке*).

Категория авторизации, в основе которой лежит оппозиция «свое – чужое», оказывается тесно связанной с категорией персуазивности, выражающей уверенность или неуверенность говорящего в достоверности излагаемой им информации. С этой точки зрения, собственные воспоминания обычно характеризуются высокой степенью достоверности, так как говорящий, вспоминая события своей жизни, стремится подчеркнуть истинность сказанного. Например: *Вот/ пришли/ в часов десять вечера/ я как вот сейчас вижу/ два солдата/ с ружьями/ забрали этого Ивана Игнатенко/ и всё; Тут жила шаманка/ бабка Манхалиха// Помню внешность/ платочком завязанная вот так по самые брови/ сюда вот так/ назад платочком/ вообще лицо/ щёчки опущенные/ глазки маленькие/ помню хорошо/ сгорбленная спинка и ноги абсолютным колесом// Очень хорошо помню.* В свою очередь, анализируя специфику проявления категории персуазивности в текстах чужих воспоминаний, нельзя не согласиться с Т.В. Шмелевой, отмечавшей, что «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому “чужая” всегда под некоторым сомнением» [19. С. 33]. Вследствие этого выражение неуверенности в излагаемой информации оказывается характерным признаком чужих воспоминаний. Например: *Мне/ мой папа рассказывал/ но я не знаю насколько это правда// Тётя Галя/ говорили что у неё где-то даже на плече клеймо/ что она девочкой была у кого-то рабыней/ у тех же китайцев; Де-то с конца девятнадцатого века/ ну это по рассказам конечно/ старых-престарых людей// Я через сорок лет/ почти/ токо родилась/ вот/ я могла забыть/ потому что это очень давно/ я это слыхала/ я это рассказываю своими словами.*

Еще одна особенность чужих воспоминаний – усложнение коммуникативного и событийного планов дискурса. В отличие от собственных воспоминаний, включающих в себя два временных плана – время реальной коммуникативной ситуации («я – ты – здесь – сейчас») и время описываемых событий прошлого («кто – где – когда»), в чужих воспоминаниях возникает и третий план – время предыдущей коммуникативной ситуации («я – он – там – тогда»).

Продемонстрируем сказанное на примере: *(дочь рассказывает матери о своей недавней беседе с их родственницей) Она мне опять рассказывала/ как я маленькая Аньку на танцы отпускать не хотела// Говорит/ «всё*

прыгала вокруг неё/ *“Аня/ ты куда? Аня/ ты куда?”*» – Ага// *Она любит вспоминать это.* В приведенном тексте, содержащем фрагмент чужого воспоминания, обнаруживаются три временных плана: 1) реальная коммуникативная ситуация (общение матери и дочери); 2) коммуникативная ситуация, имевшая место в недавнем прошлом (беседа дочери с родственницей: *она мне опять рассказывала*); 3) ситуация описываемого события (эпизод из детства дочери, о котором она сама не помнит: *я маленькая Аньку на танцы отпускать не хотела*).

Неотъемлемой частью текстов воспоминаний – как собственных, так и чужих – является чужая речь, т.е. «речь, не принадлежащая говорящему, а лишь воспроизведенная (пересказанная) им, а также речь самого говорящего, если она сопровождается комментарием, характеризующим говорящего как участника диалога» [20. С. 485]. Основной способ введения чужой речи в текстах воспоминаний – прямая речь, в которой авторский план существует отдельно от плана чужой речи и синтаксически с ним не связан. Главным маркером ввода чужой речи служат глагольные формы *говорит / говорю*, наиболее характерные для устной разговорной речи; при этом следует различать два типа данных глагольных форм – «говорит»-вводящее и «говорит»-вводимое. Согласно определению Н.В. Максимовой «говорит»-вводящее представляет собой «полнозначный глагол говорения со всеми лексико-грамматическими признаками», который подчеркивает принадлежность речи не автору, а герою. В свою очередь, «говорит»-вводимое «включается непосредственно в прямую речь, перебивая таким образом чужую речь словами, принадлежащими рассказчику» [21. С. 70–71]. В текстах воспоминаний обнаруживаются маркеры обоих типов.

Приведем пример: *(рассказчица вспоминает о поездке на море автомобилем) И он [машинист] говорит «ладно»/ машинист grit/ «ладно/ я вас довезу» grit/ «до Песчаного/ а там/ до “Бригантины” нужно будет чпать ещё короче там сколько-то километров»// И мы grit/ «ну хоть так».* В представленном фрагменте можно выделить как «говорит»-вводящее (*Машинист grit/ «ладно...»*; *И мы grit/ «ну хоть так»*), так и «говорит»-вводимое (*«Ладно/ я вас довезу» grit/ «до Песчаного...»*). При этом использование вводимого глагола *говорить* в форме настоящего времени, «разрывающего» прямую речь, можно рассматривать в качестве маркера самого «события рассказывания», посредством которого рассказчик постоянно «напоминает о себе» непосредственному адресату. Кроме того, данный прием служит показателем осознанного моделирования имевших место в прошлом событий: при помощи вводящих и вводимых глаголов говорящий сознательно дифференцирует себя как рассказчика в текущей коммуникативной ситуации и как одного из персонажей, участвующих в коммуникативной ситуации из прошлого.

Наши наблюдения показали, что в качестве «вводимой» глагольной формы традиционно используется глагол *говорить*, тогда как аналогом «говорит»-вводящего в текстах жанра воспоминания могут выступать и другие глаголы речемыслительной деятельности: *спрашивать, отвечать,*

писать, думать, хвалить, ругать, кричать и др. Например: *Меня моя племянница двоюродная на мой выпускной не могла найти/ я стояла/ ну среди других выпускниц/ а она ходила ей наверно годика четыре было/ и **кричала** «Оля/ Оля/ Оля»; Я купила [компьютер]/ всё/ все прям **хвалили**/ «такой у тебя красивый нетбук»; Когда/ в автобусе с острова Русского/ ко мне подходит девушка и говорит «а я вас знаю»// Я такая **думаю**/ «ну ладно/ куча мероприятий/ мало ли»; Где-то остается уже месяца три/ я такой Тёме **пишу** «блин/ Тёма/ надо что-то делать/ иначе мы не сдадим ничего».*

В качестве маркера ввода чужой речи может выступать и местоименный лексический актуализатор «такой» (см.: [22. С. 359]), сопровождающий интонационное членение высказывания и, как правило, используемый в речи современной молодежи: *Упала/ и так короче как-то страшно больно обидно/ я такая/ лежу/ и папа такой/ выбегает из машины/ и **такой**/ «Асенька/ Асенька»; И продащица **такая**/ «Ну что/ Вы выбрали что-нибудь? Вы уже час смотрите!»*

Возможны и случаи, когда основным маркером «смены ролей» оказываются просодические средства, например: *Мама за разбитую вазу стояла ругалась на меня/ меня **отчитали**/ меня наказали уже/ ребёнок подходит/ (говорит «детским» голосом) «**Мамочка/ ну это я**»/ (меняет интонацию, подражая ласковому голосу матери) «**ой/ моё солнышко/ иди**».*

Чужая речь в текстах воспоминаний также характеризуется в аспекте проявления категории персуазивности. Не вызывает сомнения тот факт, что говорящий, даже являясь автором воспоминания, не точно воспроизводит ситуацию общения, имевшую место в прошлом, а лишь определенным образом моделирует её. При этом степень приближенности «разыгрываемого» диалога к реальной ситуации непосредственно зависит от коммуникативных намерений рассказчика, его памяти и речевых способностей. В свою очередь, при пересказе чужих воспоминаний степень достоверности передачи чужой речи оказывается значительно ниже, поскольку говорящий не имеет реального представления об описываемом событии. В этом случае рассказчик «разыгрывает» определенную ситуацию из прошлого на основе своих знаний о ее участниках, самостоятельно «додумывая» те или иные детали. Приведем пример: *(рассказчица в беседе с внучкой вспоминает историю о том, как ее бабушка женила одного из своих сыновей) Это рассказывала бабушка// Ну зашли/ всё// Батько делае плыту/ хозяин/ аҕа// Ну/ значить/ а якась дивчинка забеуае/ ну лет двенадцать/ и в по доле кирпичи/ значить/ ссыпала батьку/ и снова побирла// А-а/ мы значить «ну/ значить/ у вас товар/ у нас купэць/ аҕа/ сказали шо у вас дивка е»// Батько/ бабушка потом рассказывала/ смеялась/ говорит/ батько кинув [кинул] печку/ сив [сел]/ говорит/ руки вытэр/ «уапка! Иды на суды»// Аҕа// уапка та заходэ/ вот эта дивчинка/ аҕа// «Ну/ от дывытыся/ люды добры/ ось она дивка// Ну дайтэ/ нэхай она хоть вырастэ/ она ж мálенька/ ей двенадцать/ куды я за вашеро бууая её замуж отдам!»*

Разыгранный рассказчицей диалог между ее бабушкой и отцом «невесты» в реальности мог и не быть, однако достоверной является переданная

информация в целом, достоверно воспроизведены и те особенности речи коммуникантов, которые хорошо знакомы рассказчице, но не свойственны ей в повседневной речевой деятельности. Кроме того, рассказчица сознательно подчеркивает реальность описываемой ситуации, указывая на момент передачи ей данной информации (*бабушка потом рассказывала/ смеялась*).

Таким образом, категория авторизации является инвариантным жанрообразующим признаком воспоминания, позволяющим выделить два его модусных варианта – собственные воспоминания и чужие воспоминания. Названные варианты различаются степенью достоверности излагаемой информации, а также количеством временных планов в рамках одного дискурса. Значимым элементом текстов воспоминаний оказывается чужая речь, обычно маркируемая теми или иными формальными показателями – интонационными, произносительными, лексико-грамматическими. Посредством ввода чужой речи рассказчик моделирует имевшую место в прошлом коммуникативную ситуацию, при этом сознательно отделяя ее от ситуации осуществления рассказа-воспоминания.

Категория авторизации в контексте жанровой специфики инсценированного квазидialogа

Инсценированный квазидialog является жанром исключительно детской речи. Его уникальность заключается в пересечении речи эгоцентрической («речь для себя») и социальной (инсценирование реплик полноценного диалогического общения). Вследствие того, что игровой квазидialog создается в условиях неполноценной коммуникативной ситуации (при отсутствии синхронного адресата), его отдалают от диалога и приближают к монологу следующие признаки: невозможность естественного реплицирования, отсутствие «момента подновления апперцепирующей массы», невозможность конфликтного типа речевого взаимодействия, сохранение тематического единства. Однако по языковой форме такой тип речи является диалогическим, представляя собой обмен высказываниями-репликами; в нем наблюдаются характерные для диалога межрепликовые смысловые связи, а основу его структуры – как всякого диалогического текста – составляют минимальные диалоги. Интракоммуникативной природой инсценированного квазидialogа обусловлены особенности, отличающие его как от диалога, так и от монолога: специфичен способ представления говорящего (говорящий-персонаж), специфичен адресат речи (квазиадресат-«маска»), закономерны проявления внутренней речи – эгоцентрические высказывания, а также фрагменты «бесконтрольной» речи. Продемонстрируем сказанное на примере: *Ася, 6 лет, говорит негромко, занимаясь подготовкой к игре* Так// Здесь будут коробки/ здесь коробка/ сюда надо поставить коробку/ здесь коробка и здесь коробка// *(говорит громче, произнося реплику персонажа)* Ой! Какой красивый день! Король! – *(изменяет тембр голоса, воспроизводя реплику другого персонажа)* Зрители! Зрители! Садитесь! Садитесь зрители поскорей/ поживей! Садитесь// Сиди-

тесь садитесь/ не бойтесь мадам! – (говорит «от лица мадам») Я/ сяду на потом// – (меняет голос) Ладно// – (меняет голос) А вы не падайте! Я король/ так что/ расскажу вас//

Представленный фрагмент является результатом речевой деятельности ребенка, спонтанно инсценирующего диалогическое общение персонажей придуманного им сюжета. Смена ролевых реплик обнаруживается по изменению интонационной окраски голоса, причем эгоцентрические высказывания («неролевая речь»: *Так// Здесь будут коробки/ здесь коробка/ сюда надо поставить коробку/ здесь коробка и здесь коробка*) отличаются понижением громкости звучания и нейтральной интонацией.

В отличие от жанра воспоминания, основанного на изложении реальных событий, детский квазидialog представляет собой «фикциональный текст» с ирреальной событийностью (событийность же обнаруживается в динамике эпизодов инсценируемого сюжета). По замечанию Вольфа Шмида, термин «фикциональность» характеризует специфику текста, тогда как «понятие “фиктивный” (или “вымышленный”) относится к онтологическому статусу изображаемого в фикциональном тексте» [23. С. 18]. Игровая деятельность позволяет ребенку моделировать отношения взрослых, а затем включаться в эти отношения и действовать внутри модели, что дает ему возможность прикоснуться к таким сторонам жизни, которые в реальной действительности пока остаются для него недостижимыми. Это та сфера, в которой у детей максимально активизируется творческое воображение. По словам Л. С. Выготского, «игра ребенка не есть простое воспоминание о пережитом, но творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой деятельности, отвечающей запросам и влечениям самого ребенка» [24. С. 63]. Тематический репертуар игровых квазидialogов отражает круг детских наблюдений за реальной действительностью и связан с различными социальными отношениями людей. Это, например, профессиональная деятельность («Строительство гаража», «Урок в школе», «Воспитание детей в детском саду», «Прием больных» и т.п.); семейно-бытовые отношения («Телефонный разговор внучки с бабушкой», «Уход за больным ребенком» и т.п.); различные отношения в свободное время («Путешествие», «Подготовка к путешествию», «Новогодний праздник», «Дачный отдых» и т.п.). Причем той или иной темой обусловлен и определенный тип инсценируемого дискурса. Такие, например, темы, как «Строительство гаража», «Новогодний праздник», «Подготовка к путешествию» и подобные, предполагающие многоголосье, развиваются ребенком в полилогах; инсценированный телефонный разговор близких, как правило, включает обсуждение семейно-бытовых тем; темы, связанные с воспитанием детей, реализуются в диалогах с асимметричным соотношением реплик (ведущей является партия «взрослого»).

Поскольку жанр инсценированного квазидialogа реализуется в ситуации интракоммуникации, специфичными оказываются как способ выражения говорящего, так и характер соотношения автора и говорящего.

Основным способом выражения говорящего в игровом квазидialoge является говорящий-персонаж. Персонажи, речевые действия которых воспроизводит ребенок, представлены как разнообразные «маски автора», существующие в плане ирреальном при наличии синхронного адресата. Иначе говоря, на основе творческого воображения ребенком в точности воспроизводится разговорный дискурс. Например: *(Дима, 7 лет, инсценирует диалог покупателя и продавца) Дайте пожалуйста/ кусочек колбасы/ и/ и яблочко// – Щас дадим// Так// – Спасибо// Вот Вам денежки// – Давайте денежки.* Таким образом, авторская речь ребенка растворяется в речи созданных им персонажей, в связи с чем инсценированный квазидialog можно рассматривать как особый способ передачи чужой речи.

Подобное явление в сфере художественных текстов Е.В. Падучевой названо «свободным косвенным дискурсом», противопоставленным традиционному нарративу. Если в традиционном нарративе «аналогом говорящего» является повествователь (автор), то в свободном косвенном дискурсе эту роль выполняет персонаж; свободный косвенный дискурс представляет собой прямое воспроизведение голоса персонажей, тогда как в традиционном повествовании все о персонажах рассказывает повествователь [25. С. 206–337]. В детском квазидialoge, возникающем при отсутствии реального слушающего, также непосредственно воспроизводятся голоса персонажей, но, в отличие от свободного косвенного дискурса, это не повествовательный текст, а разговорный дискурс, созданный и инсценированный одним автором – ребенком. При этом «событийная речевая партия» (термин И.Н. Борисовой) инсценированного диалога может прерываться и собственно речью ребенка-автора, повествователя. Например: *(Ася, 6 лет, инсценирует диалог в больнице) Черепаха/ проявите мне/ укол/ с клюквой// Черепаха! (говорит тише, с нейтральной интонацией) Они лежали/ в родильном отделении// Лечила там/ Ар.../ Арметьевна/ лечила там Арметьевна/ а прибавляла хозяйство/ Тирбетьевна// Вот поехала черепаха к Тирбетьевне// – (инсценирует реплику персонажа А.) Тирбетьевна! Дай/ нам/ два/ шприца// – (инсценирует реплику персонажа Б.) Ладно/ Жи/ Жирбетьевна// Счас// Садись и т.д.* Однако, по нашим наблюдениям, фрагменты речи ребенка-повествователя во время одиночной сюжетно-ролевой игры не являются типичными. Они отражают процесс постепенного зарождения нарративной формы речи с собственно авторской линией повествования, разграничивающей речь свою и чужую.

Типично же для игровой деятельности ребенка исполнение всех речевых партий придуманных им персонажей, в результате чего реальная неполноценная коммуникация преобразуется в полноценную ирреальную: *(Наташа, 6 лет, инсценирует диалог матери с ребенком) Надо одеться доча// – Я хочу погуля-а-ать! – Нельзя// – Почему-у-у? – Мы сейчас обедавать будем; (Надя, 7 лет, инсценирует диалог учительницы с детьми) Так дети/ сегодня мы рисуем// Сели все хорошо// Сережа не вертись! Что тебе/ Леночка? Возьми карандаши у меня// – А можно фломастером рисовать? – Можно// Так/ вот рисунок// и т.п.* Иногда моноинсценирование

прерывается эгоцентрическими высказываниями ребенка, которые, как правило, сопровождают его практические действия и выполняют планирующую функцию – в таком случае происходит отождествление говорящего с автором. Например: *(Надя, 6 лет, высыпает кубики, отбирая нужный материал для строительства домика) Окошки нам не надо/ дверь нам не надо.../* (инсценирует – говорит сердито) *Что там копаешься? И ты что там/ копаешься? (произносит тише) Они будут возле...;* *(Наташа, 6 лет, инсценирует диалог матери с дочкой) Мама/ я хочу гулять! – Сейчас доча// (произносит тише, с нейтральной интонацией; вероятно, сопровождая действие) Щас мы это/ вот так/ сделаем// Поправим/ всё//* (с «маминой» интонацией) *Надо одеться/ доча.* В условиях одиночной игры возможны и проявления речи неконтролируемой, часто будто лишенной смысла. Например, это бессмысленные песенки, которые служат для заполнения пауз, возникающих во время инсценирования, а могут и завершать игру: *(Надя, 6 лет, начиная играть, раскладывает игрушки; не то декламирует, не то поет) Хорошо/ что меня взяли домой// Улыбнись.../ Что ты делаешь/ когда ты в домике? Домик ни/ разломается/ голос поломается// Стулик очень хороши/ потому что так смеши/ рассмеши рассмеши* и т.д. Речь играющего в одиночестве ребенка в условиях полной свободы от контроля позволяет, таким образом, приблизиться к трудноуловимому феномену внутренней речи, неосознанно-безадресатной.

Соотношение автора и говорящего в детской квазидиалогической речи может приобретать еще одну – особую – форму, характерную именно для данного речевого жанра. Это явление, которое В.Н. Волошинов назвал «речевой интерференцией». Заключается оно в том, что высказывание «входит одновременно в два пересекающихся контекста, в две речи: в речь автора-рассказчика и в речь героя» [26. С. 134]. В нашем случае контекст реальной интракоммуникации пересекается с контекстом ирреальной коммуникации, которую ребенок инсценирует как полноценную ситуацию общения: референтное содержание речи «для себя» (как правило, обусловленной конситуацией) переносится в реплики персонажей – речь «для других». Например: в процессе игры семилетняя Ася нечаянно роняет импровизированную телефонную трубку; поиски предмета, заменяющего трубку, девочка сопровождает спонтанно возникающим диалогом между действующими в ее игре персонажами – Карлсоном и Малышом: *Ой! Моя телефонная трубка! Я сейчас прилечу// (лезет под кушетку, на которой играла, в поисках «телефонной трубки», продолжая инсценировать) – Я не знаю/ куда она делась// – Не знаешь? Поищи получше! – Я не знаю/ где// Я её не вижу// – Поищи получше// Как о стенку горохом! – Да ладно/ я её вижу// – Нашёл? – Нашёл// (в этот момент Ася выбирается из-под кушетки с найденным предметом).* В приведенном фрагменте собственно авторская – эгоцентрическая – речь ребенка преобразуется в диалог придуманных ею персонажей.

Природой инсценированного квазидialogа как «фикционального текста» обусловлена и специфика выражения категории персуазивности. Игра

предоставляет фантазии ребенка полную свободу при создании инсценируемых им коммуникативных ситуаций, поэтому он может осуществлять референцию не только в реальном мире, но и в мире вымышленном. Референты вымышленного мира – это, как правило, персонажи, не существующие в реальном мире: персонажи-животные (*Собачка, Тигренок, Львенок, тетя Хрюшка, дядюшка Бегемот*); персонажи мультфильмов и произведений художественной литературы (*Коты-аристократы, Микки-Маус, Незнайка, Карлсон*); персонажи-предметы (*Контрабасик, Шарик*); персонажи, придуманные ребенком (*Тирбетьевна, Жирбетьевна, Сусавет*). Кроме того, при моделировании ребенком ситуаций взрослой жизни обнаруживается невладение теми реалиями, которые «стоят за словом». Следствием этого становятся своеобразные пустые формы – аномальные детские высказывания с искаженным пропозициональным содержанием: фактически неточные высказывания (*Не надо/ а то ещё пожалеется мэру// – А кто такой мэр? – Он выше короля*) или высказывания с нарушением лексической сочетаемости (*инсценируется речь хореографа*) *Костя! Почему колени не держишь? Все коленочки натянуты/ для отдельной струночки; (инсценируется речь врача) Черепаха/ проявите мне.../ укол.../ с клюшкой; (инсценируется речь учителя) Ну кто же/ скажет/ в объединительном этом пространстве/ кто?* и т.п. Такая форма персуазивности отражает определяющую особенность данного жанра возрастную характеристику автора.

Таким образом, жанровая специфика инсценированного квазидialogа непосредственно связана с категорией авторизации, формы выражения которой отчетливо маркируют онтогенетически обусловленную природу этого жанра. В процессе одиночной сюжетно-ролевой игры ребенок-автор прежде всего непосредственно воспроизводит диалогическую речь придуманных им персонажей и значительно реже выступает в роли собственно повествователя, дифференцирующего в высказывании «свое» и «чужое». В ситуации интракоммуникации ребенок максимально раскован и свободен в своей речевой деятельности, что сопровождается закономерными для таких условий проявлениями эгоцентрической речи, а иногда и фрагментами речи глубинно-внутренней, представляющей собой своеобразные наброски возможных для инсценирования ситуаций.

Заключение

Категория авторизации, являясь одним из жанрообразующих признаков, определяет специфику рассказа-воспоминания и инсценированного квазидialogа, функционирующих в некодифицированной устной речи, и выступает в роли своеобразного маркера уровня сформированности рече-жанровой компетенции. Если взрослый носитель языка сознательно маркирует высказывание как собственное или чужое (что определяет, в частности, и варьирование жанра воспоминания), то проигрывание ребенком ролей различных персонажей в процессе игры является бессознательным,

представляя собой поток речи, в котором «свое» и «чужое» слиты воедино (за исключением фрагментов эгоцентрической речи ребенка).

Сознательность речевой деятельности рассказчика в процессе реализации жанра воспоминания обнаруживается и в использовании маркеров достоверности передаваемой информации: осознавая воспоминание как собственное или чужое, говорящий оценивает большую или меньшую степень его достоверности. Совершенно иное выражение категория персуазивности получает в детском игровом квазидialoge, природа которого обусловлена творческим воображением ребенка: данный речевой жанр основан на вымышленной событийности.

Таким образом, динамика становления категории авторизации в процессе онтогенеза речевых жанров проявляется в постепенном формировании способности к речевой рефлексии относительно соотношения нарративных линий говорящего и автора. От игрового квазидialoga – комплексного жанра, основанного на бессознательном растворении авторской речи ребенка в репликах созданных им персонажей, ребенок постепенно переходит к сознательной дифференциации «своего» и «чужого», что обнаруживается в дальнейшем овладении жанрами, требующими этой дифференциации. Показательно, что уже в персональном дискурсе дошкольника зарождается жанр воспоминания, предполагающий разграничение информации по типу авторизации. По нашим наблюдениям, первичными при этом оказываются именно собственные воспоминания, т.е. репродукция непосредственно пережитых автором событий (способность к репродукции в тексте воспоминаний чужого опыта характеризует более поздний этап онтогенеза). Перспективным в данном контексте представляется выявление специфики онтогенеза жанра воспоминания, отражающей процесс постепенного осознания собственного авторского начала в нарративном дискурсе.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
3. Китайгородская М.В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 65–89.
4. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
5. Петрова Т.И. Инсценированный квазидialog как особый жанр детской речи (на материале речи детей 6–8 лет) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2000. 185 с.
6. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
7. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века», Кемерово, 1–3 декабря 1997 г. Томск, 2001. С. 167–174.

8. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.
9. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
10. Оглезнева Е.А. Тематическое своеобразие жанра «воспоминание» в русских говорах Приамурья // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 2. С. 62–68.
11. Лагута Н.В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
12. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
13. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М. : Научный мир, 2005. 493 с.
14. Сухотерина Т.П. Речевой жанр «народные мемуары» в повседневной коммуникации // Язык и культура. Новосибирск. 2012. № 3. С. 38–42.
15. Сухотерина Т.П., Дмитриева Е.Ф. Графико-пространственная характеристика воспоминаний как речевого жанра // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12-1 (67). С. 122–126.
16. Мамонова М.А., Веккесер М.В. Живая история в речевом жанре мемората // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2015. Т. 6, № 6. С. 58–67.
17. Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 89–92.
18. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016. 249 с.
19. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994. 47 с.
20. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М. : Наука, 1980. 709 с.
21. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 317 с.
22. Русская разговорная речь / Е.А. Земская (отв. ред.). М. : Наука, 1973. 484 с.
23. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
24. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк. М. : Просвещение, 1991. 93 с.
25. Падучева Е.В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.
26. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1930. 151 с.

Authorization Category in Uncodified Spheres of Russian Speech: Discussing the Ontogenesis of the Speech Genre Competence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 98–114. DOI: 10.17223/19986645/63/6

Tatyana I. Petrova, Olga P. Kormazina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: petrova27@mail.ru / olga.kormazina@mail.ru

Keywords: authorization, someone else's speech, persuasion, colloquial speech, child's speech, speech genre, speech genre competence, speech ontogenesis.

The article is devoted to the category of authorization, whose research is especially relevant in the context of anthropocentric linguistics. Little-investigated there is the problem

of the expression of authorization category in live speech, which differs in the genre variety. Texts of two types of uncodified Russian speech, different by its genre and reflecting different stages of speech ontogenesis, became the object of this research: (1) texts of recollections as one of the brightest manifestations of colloquial discourse; (2) texts of staged dialogues in situations of a single role-playing game as the brightest manifestation of the child's personal discourse. These speech phenomena are dissimilar, but it is possible to compare them because of a certain communicative-pragmatic similarity. This similarity is due to the presence in the text of someone else's speech, primarily, the generality of the form and type of communication (this is spontaneous oral speech, which involves the combination of two communication plans: real and reproducible, as well as the use of the speech mask). However, the function of someone else's speech turns out to be different, which gives reason for a detailed consideration of authorization category peculiarities in each of the presented types of natural oral speech, the genre specificity of which is ontogenetic. The material for this research was the transcribed records of recollection stories in situations of informal communication (about 20 hours) and the child's speech in situations of a single role-playing game (about 15 hours). As one of the genre-forming feature, the category of authorization determines the specifics of both the colloquial recollection story and the child's game quasi-dialogue, and it is a peculiar marker of the level of formation of the speech genre competence. When an adult native speaker consciously marks a statement as one's own or someone else's, the playing of roles of various characters in a child's game is unconsciousness, it is the speech flow in which one's own and someone else's merge (except for fragments of the egocentric child's speech). The ontogenetic specificity is also found in the expression of persuasion category. An adult speaker, realizing recollection as one's own or someone else's, estimates the greater or lesser degree of its reliability. The category of persuasion gets a different expression in the child's game quasi-dialogue, whose nature is caused by the creative imagination of the child: this speech genre is based on fictional eventfulness. Thus, the dynamics of the formation of authorization category in the ontogenesis of the speech genre competence is manifested in the gradual formation of ability to a speech reflection concerning the ratio of the narrative lines of the speaker and the author. There is a gradual transition from the genre of the game quasi-dialogue, based on an unconscious dissolution of the author's speech of the child in the lines of the characters he or she created, to a conscious differentiation of "one's own" and "someone else's", which is further necessary for mastering the genres that require this differentiation.

References

1. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
2. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow. pp. 237–280.
3. Kitaygorodskaya, M.V. (1993) Chuzhaya rech' v kommunikativnom aspekte (na materiale ustnykh tekstov) [The other's speech in a communicative aspect (based on oral texts)]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii: Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning: Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka. pp. 65–89.
4. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and Personality: the evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint.
5. Petrova, T.I. (2000) *Instsenirovanny kvazidialog kak osobyy zhanr detskoj rechi (na materiale rechi detey 6–8 let)* [Staged quasidialogue as a special genre of children's speech (based on the speech of 6–8 year-old children)]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
6. Demeshkina, T.A. (2000) *Teoriya dialektного высказывания: Aspekty semantiki* [Theory of Dialect Utterance: Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.

7. Gyngazova, L.G. (2001) [On the speech genre of memory (based on the material of the personality language)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki* [Topical Directions of Functional Linguistics]: Proceedings of the All-Russian Conference "Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka" ["The Linguistic Situation in Russia at the End of the 20th Century"]. Kemerovo. 1–3 December 1997. Tomsk: Tomsk State University. pp. 167–174. (In Russian).
8. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect linguistic personality in the genre aspect]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Myznikova, Ya.V. (2014) Communicative specificities of the dialect speech genre "reminiscence story". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (28). pp. 66–72. (In Russian).
10. Oglezneva, E.A. (2005) Tematicheskoe svoeobrazie zhanra "vospominanie" v russkikh govorakh Priamur'ya [Thematic peculiarity of the "recollection" genre in Russian dialects of the Amur region]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [Word: Folklore-dialectological almanac]. Is. 2. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 62–68.
11. Laguta, N.V. (2005) O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale russkikh govorov Priamur'ya) [On the speech genre of recollection (based on the material of Russian dialects of the Amur region)]. In: Oglezneva, E.A. & Arkhipova, N.G. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh* [Word: Folklore-dialectological almanac]. Is. 3. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 86–101.
12. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [The speech genre of autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2005) *Rech' moskvicey: Kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [Muscovites' speech: Communicative-cultural aspect]. Moscow: Nauchnyy mir.
14. Sukhoterina, T.P. (2012) Rechevoy zhanr "narodnye memuary" v povsednevnoy kommunikatsii [The speech genre "folk memoirs" in everyday communication]. *Yazyk i kul'tura* (Novosibirsk). 3. pp. 38–42.
15. Sukhoterina, T.P. & Dmitrieva, E.F. (2012) Grafiko-prostranstvennaya kharakteristika vospominaniy kak rechevogo zhanra [Graphic and spatial characteristics of memories as a speech genre]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya – Almanac of Modern Science and Education*. 12–1 (67). pp. 122–126.
16. Mamonova, M.A. & Vekkesser, M.V. (2015) Live history in a speech genre of a memorat. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve*. 6 (6). pp. 58–67. (In Russian).
17. Golovanov, I.A. (2013) Ustnyy rasskaz-vospominanie v sovremennoy kommunikatsii kak fol'klorny tekst [Oral story-recollection in modern communication as a folklore text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Study of Art*. 2 (293). pp. 89–92.
18. Kormazina, O.P. (2016) *Vospominanie kak zhanr razgovornoy rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov)* [Recollection as a genre of colloquial speech (based on the speech of the Far Easterners)]. Philology Cand. Diss. Vladivostok.
19. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic Syntax: Lectures of the "Modern Russian Language" course]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
20. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
21. Maksimova, N.V. (2005) "Chuzhaya rech'" kak kommunikativnaya strategiya ["Alien speech" as a communicative strategy]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
22. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka.

23. Schmid, W. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Vygotskiy, L.S. (1991) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste: psikhologicheskiy ocherk* [Imagination and Creativity in Childhood: a psychological essay]. Moscow: Prosveshchenie.
25. Paducheva, E.V. (1996) *Semanticheskie issledovaniya: (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research: (Semantics of time and type in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
26. Voloshinov, V.N. (1930) *Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke* [Marxism and the Philosophy of Language: The main problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad: Priboy.

УДК 81'33; 81'27

DOI: 10.17223/19986645/63/7

Н.В. Смирнова, И.Ю. Щемелева

**«НЕ ТО ЧТОБЫ Я ЭТО КАК-ТО ИССЛЕДУЮ, ПРОСТО МЕНЯ
ИНТЕРЕСУЕТ ЭТОТ ВОПРОС»: СОЗДАНИЕ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА В ЖАНРЕ
RESEARCH PROPOSAL КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

В свете теорий о социальной природе языка рассмотрены «недискурсивные» аспекты порождения жанра проекта научного исследования (research proposal) на английском языке. На примере данных интервью со студентами мы показываем, что владение английским языком как ресурсом тесно связано с письмом как социальной практикой, однако не является ее ключевым аспектом. Напротив, наиболее значимыми «недискурсивными» аспектами являются: наличие доступа к ресурсам, роль медитаторов грамотности, восприятие жанра, ценности автора.

Ключевые слова: письменная речь как социальная практика, жанр проекта научного исследования, идентичность, ценности, академическая грамотность, академическое письмо.

Введение

В исследованиях по корпусной и компаративной лингвистике внимание традиционно уделяется изучению формальных аспектов письменного научного текста, его лингвистическим характеристикам, их частотностям в тексте. Исследователи социальной природы языка уделяют внимание изучению языка как «поведения» (behavior), деятельности (activity), социальной практики (practice) с целью выявить сложный, процессуальный, изменчивый характер семиотического ресурса, зависимость языка от контекста(ов) порождения (подробнее см. [1–4]).

В нашем исследовании мы опираемся на теорию академической грамотности и определяем письменную речь как вид социальной практики. Признавая достоинства и важную роль корпусных исследований научного текста, мы опираемся на социолингвистические исследования и делаем попытку изучить «недискурсивные» [2, 3] аспекты создания научного произведения, так как придерживаемся теоретического положения о том, что любой научный текст не является продуктом одного автора. Текст рождается в результате сложного взаимодействия совокупности контекстуально зависимых аспектов. Эти аспекты помогают ответить на вопросы о том, как, зачем, при помощи кого или чего он создается. Наиболее важными недискурсивными аспектами порождения научного текста, освещенными в современной литературе, являются: 1) наличие материально-технологической базы (например, наличие компьютера, программных приложений);

2) наличие доступа к ресурсам (доступ к современной библиотеке, владение английским языком, опыт исследовательской работы, возможность осуществлять международные и локальные научные контакты). Еще одним аспектом являются «медиаторы грамотности» (т.е. люди, которые принимают участие в создании и редактировании текста: автор, коллеги, редакторы, переводчики), ценностные установки самих авторов текстов, которые влияют на порождение текста (академические ценности и ценность порождения знания, ценность материальных благ, ценность реализации своих интересов) [5]. Вместе с тем, опираясь на положение, что грамотность локальна и обусловлена локальными аспектами, мы делаем предположение о том, что изучение практик создания научного текста в новом контексте позволяет выявить новые характеристики письменной речи как социальной практики и лучше понять социальную природу письма.

В меняющемся образовательном контексте появляются новые жанры письменной коммуникации на английском языке. Интернационализация высшего образования в мире в целом и в России в частности является одной из причин становления английского языка как основного инструмента для научной коммуникации [6]. Рост международной академической мобильности, введение дисциплин, читаемых на английском языке, ориентация на западные образовательные практики и стандарты влияют на риторические традиции, которые исторически сформировались в том или ином регионе мира. Жанр проекта научного исследования (research proposal, далее по тексту ПНИ) является жанром научной коммуникации студентов старших курсов обучения в бакалавриате в англоговорящих странах. Освоение жанра позволяет студентам подавать заявки на поступление в магистратуру и аспирантуру для дальнейшего обучения в любом университете мира. Согласно исследованиям [7, 8] основные функции жанра ПНИ – необходимость убедить читателя в качестве предлагаемого научного проекта, аргументировать выбор исследовательского вопроса, теоретических рамок, методологии исследования.

Цель нашего исследования – выявить недискурсивные аспекты практики создания текста ПНИ русскоговорящими студентами на английском языке в социально-гуманитарных дисциплинах «Менеджмент» и «Востковедение». В нашем исследовании мы ставим следующие вопросы:

1. *Какие ресурсы являются важными для создания текста в жанре ПНИ и есть ли у студентов доступ к этим ресурсам?*

2. *Какие медиаторы грамотности участвуют в создании жанра ПНИ и почему?*

3. *Как студенты воспринимают жанр ПНИ и каковы их ценностные установки, которые влияют на практику создания текста ПНИ?*

Создание англоязычного текста ПНИ как социальная практика и ее аспекты

В условиях интернационализации высшего образования, лидерами-ориентирами которого являются англоговорящие страны [6], все больший исследовательский интерес вызывает изучение процесса создания автора-

ми – не носителями английского языка научного текста на английском языке, а также выявление сходств и различий риторических традиций в разных культурах письма. Важными становятся исследования, рассматривающие язык как социальную сущность и его дискурсивную природу: язык не универсален и его ресурсы используются участниками коммуникации в зависимости от существующего социального контекста [9–11].

Осмысление дискурсивной природы письменной речи можно проследить в ряде работ отечественных и зарубежных социолингвистов, и это осмысление осуществлялось в рамках разных научных школ, идеологий и локальных контекстов (подробнее см. [1, 12]). Работы Мишеля Фуко и Михаила Бахтина, их определения понятия «дискурс» послужили толчком к развитию новых трактовок понятия дискурс, усложнили поиски ответа на вопросы о связи текста и дискурса и их взаимозависимости. Последователи структурализма и постструктурализма использовали понятие «дискурс» для обозначения (демаркации) нового понимания языка как сложной системы со своими правилами и нормами, которая определяет, как человек думает и как выражает свои мысли [13]. Главной задачей стало выявление связей между текстом и контекстом, его порождающим, а также их оснований (см., например, [1, 11]). Рассмотрим более подробно основные положения, которые позволяют выявить недискурсивные (иными словами, контекстуальные, неязыковые) аспекты письменной речи как социальной практики.

В нашем исследовании мы опираемся на традиции социолингвистики, возникшие на стыке знаний лингвистики и культурной антропологии, и делаем попытку расширить знания о недискурсивных аспектах (в отличие от данных структурной лингвистики) процесса порождения письменного текста. Мы опираемся на теорию критического анализа дискурса, признавая то, что социальные институты воспроизводят социальные практики и сами ими воспроизводятся. Письменная речь является видом социальной практики и служит воспроизводству доминирующего типа дискурса, воспроизводству идеологии и отношений власти.

Согласно теории социальной природы письменной речи она представляет собой тип социальной практики, т.е. традиционный, устоявшийся способ осуществления действия в сообществе. Эти практики регулируются социальными институтами и всегда связаны с отношениями власти. Например, в ситуации межкультурного научного общения ученые создают тексты на английском языке, который не является для них родным, и социальный и экономический климат в конкретной стране напрямую влияет на осуществление учеными письма как социальной практики: отсутствие доступа к международным научным публикационным базам и базам данных, финансовой поддержки международной мобильности (которые являются важными ресурсами для проведения и распространения результатов научного исследования) не позволяет ученым полноценно осуществлять иноязычную письменную практику и конкурентоспособно участвовать в глобальной научной коммуникации [3].

Еще одним теоретическим положением нашего исследования, является то, что производство научного знания и практика научного письма тесно связаны с тем, что научный текст (в первую очередь научная статья) представляет собой вид символического капитала в современной экономике знаний. Например, исследование [3] указывает на то, что при оценке публикационной деятельности сотрудников университетов в мире статус жанра научной статьи на английском языке гораздо выше, чем статус аналогичной публикации на национальном языке, поскольку глобальные рейтинги университетов основаны на учете публикационной производительности института, измеряемой прежде всего в англоязычных научных статьях [14].

Опора на теорию академической грамотности позволяет лучше понять, как порождается письменный текст в конкретном контексте, кто, что, когда и почему влияет на его порождение [15]. Локальная природа грамотности, ее неуниверсальность, позволяет выявить скрытые аспекты порождения текста в конкретном контексте. Например, опираясь на теорию лингвистического империализма, Canagarajah [2] изучает важные социально-экономические ресурсы для создания научного текста учеными Шри-Ланки. Canagarajah [Ibidem] приходит к выводу, что создание научного текста на английском языке тесно связано с материальной базой, доступом к ресурсам (современная научная библиотека, гранты на участие в конференциях, владение английским языком), которые имеют ученые.

Согласно теории академической грамотности создание письменного текста связано не столько с уровнем функциональной грамотности студента, сколько с чертами идентичности и производством нового смысла в создаваемых текстах [16]. Грамотность, таким образом, всегда зависит от социального контекста. Важным понятием, связанным с понятием грамотности, является понятие «медиатор грамотности» (посредник, literacy broker) [4, 5]. Ресурсы для овладения грамотностью, письменной речью распределяются через таких посредников, которые чаще всего находятся в позиции власти (учителя, научные руководители) по отношению к обучаемым студентам. Роль медиаторов грамотности оказывается существенной в международной научной коммуникации ученых, так как эти люди (например, редакторы журналов и рецензенты, соавторы, для которых английский язык является родным) оказывают решающее влияние на дальнейшую публикационную судьбу научного текста, давая или ограничивая доступ к ресурсам.

Дискурсивную природу письма необходимо изучать через призму формирующейся идентичности. Пример исследования в этой области – работа Ivanič [4], которая выявляет черты идентичности студентов – авторов письменных текстов, применяя метод интервью. Результаты исследования демонстрируют, что авторы текстов транслируют свои ценности в создаваемых ими текстах и участвуют в «невидимой борьбе» с доминирующим типом дискурса, с разной долей успеха отстаивают то, что для них важно в тексте. К аналогичным результатам приходит и Lillis [5], описывая практики письма студентов в университете на примере жанра эссе.

Выше обозначенные нами теоретические положения о дискурсивной природе письменной речи свидетельствуют о том, что исследование недискурсивных аспектов создания текста определенного жанра, требует учета: 1) наличия доступа к ресурсам, которые имеют авторы текста; 2) влияния медиаторов грамотности на практику письма; 3) прагматики жанра ПНИ; 4) ценностных установок и интересов студентов. В следующем разделе нашей статьи мы рассмотрим жанр ПНИ и его характеристики.

Жанр ПНИ: лингвистические и недискурсивные аспекты

Swales понимает жанр как «класс коммуникативных событий, участники которых имеют общие цели коммуникации... признанные экспертными членами этого дискурсивного сообщества» [17. Р. 58]. Это означает, что цели коммуникации формируют текст на уровне как лингвистических параметров текста, так и более глубоких слоев дискурса. Они определяют и ограничивают выбор языковой формы, содержания и стилистического оформления текста. Текст ПНИ относится к группе академических жанров текстов [8, 17], которые характеризуется четкой структурой, наличием аргументации автора и функциональной нагрузкой. Основная функция жанра ПНИ – продемонстрировать понимание научного проекта в письменном тексте будущего исследования для поступления на программу магистратуры или аспирантуры в англоговорящих образовательных контекстах.

С одной стороны, текст ПНИ близок к жанру научной статьи, так как содержит основные разделы (введение, обзор теории, методология, результаты и выводы, заключение). С другой стороны, это проект еще не реализованного исследования, и его отличает меньший объем (например, обзор теории является наиболее объемным). Текст ПНИ может содержать требуемый бюджет исследования и характеристику студента, так как некоторые университеты выделяют финансирование исследований и дальнейшего обучения студентов [8]. Cadman [8], изучая методику оценки работ студентов в жанре ПНИ, приходит к интересным заключениям. Данные опроса преподавателей показывают, что три наиболее важных критерия оценки текста – это логика аргументации, четкие исследовательские вопросы и цели, глубина знания темы исследования («начитанность» студента). Уровень владения английским языком находится на предпоследнем месте в списке из 13 критериев.

Социолингвистические исследования дискурсивной природы жанра ПНИ свидетельствуют о том, что создание текста ПНИ означает борьбу за финансирование исследования и дальнейшее обучение и воспринимается студентами как «важный» (high-stake genre) [4]. Исследование Myers [18] показало, что текст ПНИ является индивидуальным, а не коллективным продуктом работы дискурсивного сообщества ученых. Посредством сравнения версий черновиков ПНИ, написанных двумя биологами, Myers показал, как при создании и редактировании текста ученые работали с комментариями рецензентов и достигали консенсуса. В своей книге Prior [19], на

основании этнографических данных, определил «коллективную» (mediated) природу письма. Важным становится статус жанра в конкретном университете, поскольку к нему предъявляются различные требования, определяемые локальным профессиональным сообществом.

При создании текста авторы функционируют на трех уровнях дискурса: на уровне текста (как отрезок языкового материала) [20], на уровне языковой личности [1] и на уровне человека как члена общества, деятельность которого регулируется и регулируется дискурсом [11]. Большинство зарубежных исследований уделяют внимание вопросам изучения лингвистических характеристик текста, прагматике выбора языковых ресурсов, оценивания и обучения жанру [7, 8]. Для российского образования жанр ПНИ на английском языке является новым, а исследования жанра ПНИ на английском языке, затрагивающие его недискурсивные аспекты, на данный момент отсутствуют. В нашей работе мы ставим цель выявить значимые недискурсивные аспекты практики создания текста ПНИ на английском студентами, для которых родным языком является русский.

Методология исследования

Выше обозначенные нами теоретические положения свидетельствуют о том, что исследование дискурсивной природы создания текста жанра ПНИ требует учета недискурсивных аспектов: 1) доступа к ресурсам, которые имеют авторы текста; 2) роли медиаторов грамотности и их влияния на практики письма; 3) специфики жанра ПНИ; 4) ценностей и интересов самих студентов.

Исследование контекста (который всегда локален, уникален, сложен и многослоен) порождения текста ПНИ может осуществляться на базе метода полуструктурированного интервью (semi-structured) (см. работы социолингвистов [6, 21]). Интервью в данном случае представляет рассказ автора о своем опыте создания текста («a narrative of a lived identity», [6]), транслирует взгляды и ценности самого автора текста, который становится равноправным участником исследования и порождения смысла. Наш собственный опыт академического письма и многолетнее обучение / осмысление жанру ПНИ свидетельствует о том, что роль интервьюера чрезвычайно важна для понимания и разработки типов вопросов. Глубинное интервью выявляет, какие недискурсивные аспекты становятся важными для авторов в создании текста ПНИ, почему это происходит, существуют ли различия в специальных дисциплинах. В разработке вопросов, с одной стороны, мы опираемся на уже известные недискурсивные аспекты создания академического текста (наличие доступа к ресурсам, роль медиаторов грамотности), а с другой – оставляем пространство для выражения мнения самими участниками диалога и тем участвуем в порождении знания («meaningful conversation» [5]). Тем не менее мы признаем, что выбор метода изучения дискурсивной природы письма будет иметь ограничения (подробнее см. [1, 5]).

Интервью содержит вопросы на русском языке о целях, процессе создания текста ПНИ (прил. 1). Интервью были записаны на аудиорекордер и транскрибированы. Мы применяли метод контент-анализа при работе с данными интервью [22] для выявления повторяющихся тем, которые заложены в вопросы интервью, и наиболее важных тем, которые были обозначены самими участниками в ходе беседы.

Участники интервью. Были приглашены студенты 4-го курса бакалавриата образовательных программ «Менеджмент» и «Востоковедение» одного из российских научно-исследовательских университетов. Мы ограничились интервью с 10 студентами. Данный объем мы посчитали репрезентативным (в совокупности 10 интервью, длительность интервью 40 минут, совокупный объем текстов интервью 56 305 слов). Однако проведение исследования в другом образовательном, социокультурном контексте может требовать сбора иного объема информации, который будет репрезентативен в конкретных условиях формирования академической грамотности и осуществления письма как социальной практики [5].

Все 10 студентов успешно защитили текст ПНИ на английском языке объемом 2500–3000 слов в рамках итоговой аттестации. Все студенты имели возможность консультироваться по вопросам создания текста ПНИ со своим научным руководителем. Текст ПНИ оценивался преподавателем факультатива «Академическое письмо» и научным руководителем студента. Для русскоговорящих участников исследования английский язык является иностранным. В целях анонимности участников были использованы псевдонимы.

Результаты и обсуждение

В исследовании создания текста ПНИ в двух дисциплинах мы изучили недискурсивные аспекты, которые влияют на практику письма: 1) доступ к ресурсам, которые имеют авторы текста; 2) роль медиаторов грамотности и их влияние на практику письма; 3) специфику жанра ПНИ; 4) ценностные установки и интересы студентов.

1. Роль доступа к ресурсам в создании текста ПНИ. Результаты интервью свидетельствуют о том, что основными ресурсами для осуществления практики написания текста ПНИ на английском языке для всех студентов являются: 1) владение академическим английским языком; 2) эмпирические данные для проведения исследования; 3) время для его выполнения. Различия в том, как осуществляется поиск и доступ к обозначенным ресурсам, представляют интерес.

Студенты обоих направлений считают, что знание академического английского языка важно для успешной учебы в вузе и поиска будущей работы. Студенты-востоковеды, говоря о владении письменным английским языком, отмечают, что он является привычным языком коммуникации. Например, регулярное чтение профессиональной литературы на английском создает ситуации, когда «писать текст на английском на самом деле

проще, чем на русском, и быстрее, чем на русском...» (Александр, востоковедение). Для студентов-менеджеров, письменный английский не является основным языком коммуникации, но во время интервью они говорили о достаточности уровня владения английским языком для написания текста ПНИ. Интересно, что под достаточностью имелась в виду способность перевода текста ПНИ с родного на иностранный язык. Это означает, что студенты компенсируют данный ресурс практикой перевода: «Я могу рассказать, обосновать, объяснить особенно хорошо, если это можно сделать по-русски... потом переводила это [текст ПНИ] на английский язык» (Дарья, менеджмент). В случае со студентами-востоковедами успешный доступ к ресурсу осуществляется через регулярное чтение профессиональной литературы, а в случае со студентами-менеджерами важной становится практика перевода текста при создании текста ПНИ.

Данные для проведения исследования являются ресурсом для создания текста ПНИ, однако, существуют ограничения в доступе к этому ресурсу. Для студентов-востоковедов барьером служит отсутствие необходимого финансирования для проведения полевого исследования за рубежом (страны Востока и Азии). Получение ресурса связано с борьбой за финансирование для создания текста ПНИ: «...кто нам денег столько даст – поехать в условный Египет хотя бы на неделю и собрать материал... Мы... ездили в экспедицию на Кавказ с московскими коллегами, и это тоже была ужасная война за финансирование» (Александр, востоковедение). Студенты-востоковеды не осознают отсутствие доступа к данному ресурсу и в интервью говорят о том, что их не «учат описанию методологии в научном тексте» (Александр, востоковедение). Однако ответы свидетельствуют о том, что проблема кроется не в отсутствии обучения научному письму, а в непредставлении доступа к данным для проведения исследования. При подобной ограниченности доступа к данным у студентов появляется практика замещения этого ресурса: студенты как бы заново «изобретают университет» [5]: «Нужно это [методологию] просто очень красиво структурировать» (Александр, востоковедение). Вторым вариантом компенсации ресурса становится поиск работы (часто бесплатной, волонтерской), которая позволяет получить доступ к данным: «Просто мне потом дали доступ к большей коллекции... когда я им (музею) предлагаю как бы за бесплатно поисследовать» (Кирилл, востоковедение).

Студенты-менеджеры, говоря о доступе к данным для проведения исследования, отмечают важность работы по специальности. Все студенты трудоустроены и планируют собирать эмпирические данные в компании. Однако часто возникает ситуация ограничения доступа к ним: «Я оказалась на рабочем месте, я просто поняла, что у меня не будет доступа к каким-то данным, что что-то в компании не делается или мне не дадут сделать...» (Дарья, менеджмент). Студенты планируют получить эмпирические данные, но компании, в силу разных причин, часто не предоставляют доступ. Такое ограничение существенно влияет на практику производства знаний и их дальнейшую трансляцию в научном тексте ПНИ.

Ресурс времени на создание текста ПНИ является важным для студентов, и их комментарии о совмещении работы и учебы сопровождались смехом, который сигнализирует о наличии важной и сензитивной темы разговора. Данные интервью свидетельствуют о том, что ограниченность ресурса времени на создание текста ПНИ связана с ранним трудоустройством и неравномерным распределением учебной нагрузки в вузе. Все студенты-востоковеды, участвовавшие в опросе, имели опыт работы, как правило, не по специальности и говорили о сложности совмещения работы и учебы. Необходимость работы связана с социально-экономической ситуацией в России, когда заработок каждого члена семьи важен для семейного бюджета, хотя студенты транслируют это как «дополнительный опыт работы»: «Хотелось получить какой-то опыт, на самом деле... Меня никто не заставлял, просто хотелось внести свой вклад в бюджет» (Светлана, востоковедение). Ответы студентов-востоковедов свидетельствуют о том, что при этом существует некий кризис профессии. Их ответы демонстрируют отсутствие определенности в дальнейших планах учиться или работать по специальности после окончания бакалавриата. Это отсутствие определенности является обоснованным, так как студенты понимают существующие возможности трудоустройства и дальнейшей учебы (как и отсутствие таковых): «Пока что я не планирую поступать в магистратуру, но в случае если спустя год или, может быть, два я решусь, скорее всего, это будет за границей» (Светлана, востоковедение). Подобная ситуация неопределенности лишает студентов ресурса времени и негативно влияет на создание текста ПНИ.

Студенты-менеджеры также отмечают нехватку времени на создание текста ПНИ в силу занятости на работе и неравномерного распределения учебной нагрузки. Результаты интервью свидетельствуют о том, что трансформация высшего образования в России характеризуется перегруженностью студентов и неравномерной нагрузкой, и ресурс времени на создание текста ПНИ становится еще более ограниченным, если студенты работают. Выбор студента-менеджера совмещения работы с учебой связан с улучшением финансового состояния (как и у студентов-востоковедов) и одновременно с получением опыта работы по специальности и становлением в профессии. Происходит некий обмен ресурса учебного времени на ресурс профессионального опыта: «Это мне дало больше пользы, чем какого-то вреда... появились какие-то стажировки именно по профессии... по моей, я стала понимать, зачем нам что-то дают» (Дарья, менеджмент). Время является важным ресурсом для осуществления практики создания текста ПНИ, и его нехватка, как правило, сказывается на физическом и психологическом здоровье студентов. Студенты компенсируют нехватку ресурса времени для создания текста ПНИ, лишая себя сна «[смеется]... Не спала» (Дарья, менеджмент).

Таким образом, анализ интервью подтвердил ранее полученные данные о дискурсивной природе письма и роли разного плана ресурсов при написании ПНИ на английском языке. Студенты обеих специальностей используют английский язык как ресурс по-разному. Необходимым условием для

успешного написания текста является доступ к эмпирическим данным для проведения исследования (студенты имеют четкое представление, о чем писать, например, в разделах по методологии), а его отсутствие студенты пытаются компенсировать, «изобретая университет заново» или посредством раннего трудоустройства. Большое влияние на создание текста ПНИ оказывает нехватка времени, связанная с совмещением учебы и работы (по разным причинам) и с неравномерным распределением учебной нагрузки.

2. Медиаторы грамотности в создании научного текста проекта исследования. Недискурсивным аспектом создания письменного текста является роль медиаторов (посредников) грамотности, которые могут способствовать или мешать осуществлению практики письма. В создании текста ПНИ принимают участие различные медиаторы грамотности, что подтверждается результатами интервью. Комментарии студентов-востоковедов свидетельствуют о том, что научный руководитель играет доминирующую роль в выборе темы исследования ПНИ. Lillis [5] описывает это явление как «игнорирование мнения студента» («silencing student's voices»), когда личные интересы и предпочтения студента не учитываются: «Изначально я хотела писать про кино... и мне не разрешили. Потом я подумала, что меня еще может интересовать из моей области, и я написала про цензуру в Китае... Не то чтобы я это как-то исследую, просто меня, в общем, интересует этот вопрос» (Юлия, востоковедение).

Влияние научного руководителя на саму практику создания англоязычного текста ПНИ студентами-востоковедами оказалось незначительным, а в ряде случаев отсутствовало. Помощь студентам в работе непосредственно с текстом ПНИ на английском языке, по разным причинам, могут оказать не все научные руководители. Студенты объяснили этот факт в том числе и тем, что «очень мало кто может помочь с этой работой... То есть мало кто умеет хорошо писать на английском языке... Даже среди преподавателей» (Екатерина, востоковедение). Комментарии студентов свидетельствуют о том, что сообщество отечественных востоковедов, с одной стороны, вовлечено в процесс интернационализации науки, с другой – написание научных работ и результатов исследований традиционно происходит, прежде всего, на русском языке: «Мой научный руководитель настаивал на том, чтобы это была очень такая исследовательская работа... но найти какие-то исследования, которые были бы связаны с моим исследованием, было достаточно сложно. На русском языке их вообще нет, на английском их очень ограниченное количество, и авторы этих исследований – они либо очень пожилые люди, либо их уже нет с нами. Поэтому даже обратиться к ним за какой-то консультацией и помощью было невозможно» (Екатерина, востоковедение).

В отличие от студентов-востоковедов научные руководители студентов-менеджеров дают свободу в выборе научного направления и темы исследования ПНИ. Это положительно оценивается студентами, так как позволяет им реализовывать свои профессиональные интересы: «Эту тему предложил научный руководитель... так как мне интересно развиваться

больше в сфере медиа, то это очень подходит» (Вероника, менеджмент). Роль научного руководителя в создании текста ПНИ на английском языке студенты отмечают как незначительную: «Даже с научным руководителем не обсуждала... она говорила, что ей это не очень важно... «Если ты уверена в работе, то пиши»» (Ольга, менеджмент). Недостаточная вовлеченность научного руководителя объяснялась как отсутствием включенных в нагрузку консультационных часов, так и приоритетом написания дипломной работы на русском языке.

Преподаватели факультатива «Академическое письмо» играют важную роль медиаторов грамотности в практике создания текста ПНИ. Студенты-востоковеды посещали факультатив и были удовлетворены языковой поддержкой: «...они [тексты] регулярно правятся, мы регулярно с преподавателем в контакте, часто приходят замечания, ты исправляешь, пишешь преподавателю: «Я вот исправил, посмотрите, хорошо или нет»» (Александр, востоковедение). При невозможности посещения занятий студенты использовали компенсаторные стратегии – сотрудничество с одногруппниками или самостоятельную работу над текстом на базе интернет-ресурсов. Студенты-менеджеры практически не посещали факультатив из-за занятости на работе и также сотрудничали с одногруппниками («Я ориентировалась на умных одногруппников» (Дарья, менеджмент); «На самом деле мы всегда с однокурсниками обсуждаем какие-то проблемы... Ну, что сложно что-то сформулировать или там у тебя проблемы с определением темы» (Ольга, менеджмент). Комментарии студентов свидетельствуют, что медиаторами грамотности являются научный руководитель, преподаватель академического письма, и одногруппники, при этом все они выполняют разные роли и по-разному вовлечены в процесс создания текста ПНИ.

3. Восприятие студентами жанра ПНИ. Интересно, что студенты обеих дисциплин, отвечая на вопрос, зачем они пишут текст ПНИ, говорят о его функции инструмента контроля знаний («чтобы проверить знание английского языка» (Дарья, менеджмент)). Частыми ответами были комментарии студентов о том, что написание англоязычного текста ПНИ – это подготовка к написанию русскоязычного текста диплома: «Это развернутый план... очень сильно структурирует твоё научное мышление и позволяет... понимать, чем ты будешь заниматься, когда ты будешь, наконец, писать этот диплом» (Александр, востоковедение). Вместе с тем студенты-востоковеды отмечают отличие текста выпускной квалификационной работы (ВКР, диплома) на русском языке и текста ПНИ на английском. Одна студентка так описала это: «...совершенно не то, что мы пишем на русском языке... Поэтому, когда мы начали погружаться в это, это было прям открытие нового мира» (Светлана, востоковедение).

Восприятие жанра ПНИ происходит сложно, и ни один студент не обозначил опыт создания текста на английском языке как ресурса для дальнейшего обучения в России или за рубежом [8]. Создание обзора литературы и выражение критического мнения были сложны для восприятия студентов. Они отмечали отличие обзора литературы в тексте ПНИ, который суще-

ственно больше по объему, чем в русскоязычной дипломной работе. Высказывание критического мнения является важным для построения научного текста не только на русском, но и на английском языке. Студентам было непривычно выражать свое мнение, и они не были готовы к этому. Например, комментарий студента-востоковеда говорит о том, что не соглашаться с точкой зрения какого-либо автора не принято: «...нужно было дать общий обзор, о чем эта книга, и при этом, если ты не согласен, нужно это сказать, чтобы это понятно было, что «вообще-то он неправ»... это непривычно, потому что я такого ни разу не писала на русском. То есть я не уличала авторов в том, что они неправы» (Светлана, востоковедение). Освоение жанра ПНИ, как показали ответы студентов обеих дисциплин, происходит, если в практике создания текста, авторы получают обратную связь (по содержанию и по оформлению текста), способны организовать процесс письма и учесть интересы читателя текста. Примечательно, что жанр ПНИ является новым и для преподавателей академического письма на английском языке, которые имеют свое представление о тексте и его характеристиках: «...преподаватели по академическому письму дают разные вариации... ты не понимаешь, какой именно вариант правильный» (Дарья, менеджмент).

Студенты-востоковеды и студенты-менеджеры воспринимают жанр ПНИ как некий «описательный» текст, основная функция которого – представить краткое содержание текста ВКР, пишущейся на русском языке. Характерно, что ни один студент не видит основной целью текста ПНИ убеждение читателя в актуальности исследования, аргументирование выбора методологии.

4. Ценностные установки студентов в создании текста ПНИ. В практике создания текста ПНИ ценности студентов-авторов играют большую роль. Студенты-востоковеды ориентируются, прежде всего на то, что им важно (например, самостоятельный выбор образовательной программы, применимость результатов исследования на практике). Они говорят о важности современной материальной базы и определенного «правильного» климата, который стимулирует учебу и достижения: «...важно, чтобы в университете был сделан ремонт, чтоб был вайфай... чтобы люди были, которые... работают, чтоб ни у кого Совка в голове не было... мне очень важно, чтобы атмосфера, в которой я учусь или работаю, была правильная» (Александр, востоковедение). При этом комментарии свидетельствуют о том, что у некоторых студентов есть неудовлетворенность обучением и непонимание планов на дальнейшую учебу / работу. Сложности дальнейшего профессионального становления и трудоустройства по профессии влияют на восприятие функции текста ПНИ: «Планы – учиться в Европе в магистратуре и работать удаленно... Но если это все не получится, в России, к сожалению, некуда поступать» (Александр, востоковедение).

Студенты-менеджеры также ориентируются на то, что им важно, но у них есть больше возможностей и планов по реализации своих интересов, в отличие от студентов-востоковедов. Наличие интересной работы по специальности является ценным в создании текста ПНИ. Важны заинтересован-

ность в изучаемой области знаний и желание профессионально развиваться. Учеба в магистратуре, по их мнению, отдаляет возможность «практики» и включенность в профессию. Подобная ориентация влияет на восприятие англоязычного жанра ПНИ: «...скажу честно, я слышу негативные отзывы, что магистратура не дает абсолютно ничего... нет возможности какого-то развития профессионального, реального» (Дарья, менеджмент).

Данные интервью свидетельствуют о том, что важными ценностными установками студентов-востоковедов, которые влияют на восприятие и успешное создание англоязычного текста ПНИ, являются: заинтересованность в области знаний, материальная база вуза, стимулирующая образовательная среда, прикладной характер исследований. Студенты-менеджеры ценят возможность получения профессионального опыта работы. Все это должно найти отражение при создании англоязычного текста ПНИ.

Заключение

Создание академического текста на английском языке часто ассоциируется с лингвистическими сложностями, которые испытывают студенты, для которых английский язык является иностранным [21]. Цель нашего исследования — выявить значимые недискурсивные аспекты практики создания текста ПНИ русскоговорящими студентами на английском языке в дисциплинах «Менеджмент» и «Востоковедение», которые помогают / мешают успешному созданию текста ПНИ на английском языке.

Опираясь на теоретическое положение, что письмо как социальная практика требует доступа к различным ресурсам для ее реализации ([5], [23]), мы обнаружили, что владение студентами английским языком тесно связано с практикой создания текста ПНИ на английском языке, но не является ключевым. Доступ к данным исследования – необходимый ресурс для написания текста ПНИ, а отсутствие доступа становится препятствием, которое студенты пытаются компенсировать, «изобретая университет заново» [5] или посредством поиска работы по специальности. Большое влияние на создание текста ПНИ оказывает нехватка времени, связанная с совмещением учебы и работы (по разным причинам) и с неравномерным распределением учебной нагрузки.

Комментарии студентов свидетельствуют, что медиаторами грамотности являются научный руководитель, преподаватель академического письма, и одноклассники, при этом все они выполняют разные роли и по-разному вовлечены в процесс создания текста ПНИ. Мы обнаружили, что в процессе написания текста ПНИ в разной степени происходит регулирование «самовыражения» («voices») студентов научными руководителями как медиаторами грамотности [24], которые влияют на процесс порождения смысла и текста. Вместе с тем научные руководители в обеих образовательных программах мало вовлечены в создание текста ПНИ, что может свидетельствовать о том, что практики создания англоязычного текста жанра ПНИ еще формируются. Высокая вовлеченность в создание текста ПНИ и

предоставление ресурсов была отмечена со стороны преподавателей факультатива по академическому письму и со стороны одноклассников.

Студенты воспринимают жанр ПНИ как некий текст-описание, основная функция которого – представить краткое содержание ВКР, которая пишется на русском языке, и это восприятие свидетельствует о недостаточном понимании функции жанра в контексте образовательной среды конкретного вуза. Ценностные установки студентов влияют на успешное создание англоязычного текста (хотя они различны для двух категорий студентов). Создание текста ПНИ должно отражать эти ценности и позволять их реализовывать в процессе научной работы.

На основании проведенного исследования мы делаем вывод, что обучение созданию англоязычного текста ПНИ важно строить исходя из положения, что иностранный язык не является ключевым ресурсом для порождения успешного текста, что соответствует критике ключевой роли владения языком в концепции дефицита грамотности («*deficiency literacy*» [5], [15]). Выявление ресурсов для осуществления социальной практики и обеспечение к ним доступа и учет влияния медиаторов грамотности, специфики жанра, ценностных установок авторов позволяют обеспечить условия для создания текстов ПНИ на английском языке.

Литература

1. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Смешанные языки // Социолингвистика и социология языка : учеб. пособие. СПб., 2004.
2. Canagarajah A.S. “Nondiscursive” requirements in academic publishing, material resources of periphery scholars, and the politics of knowledge production // *Written Communication*. 1996. Vol. 13, № 4. P. 435–472.
3. Lillis T.M., Curry M.J. *Academic Writing in a Global Context : The Politics and Practices of Publishing in English*. Routledge, 2010. 210 p.
4. Ivanič R. *Writing and Identity. The Discoursal Construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam : Benjamins, 1998. 387 p.
5. Lillis T. *Student Writing. Access, Regulation, Desire*. London : Routledge, 2001. 220 p.
6. *The global academic rankings game : Changing institutional policy, practice, academic life* / ed. by M. Yudkevich, P.G. Altbach, L.E. Rumbley New York : Routledge, 2016.
7. Nesi H., Gardner S. *Genres Across the Disciplines : Student Writing in Higher Education*. 2012. Cambridge University Press, 2012. 293 p.
8. Cadman K. English for Academic Possibilities : the research proposal as a contested site in postgraduate genre pedagogy // *Journal of English for Academic Purposes*. 2002. Vol. 1, № 2. P. 85–104.
9. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Harvard University Press, 1991. 311 p.
10. Foucault M. *The Order of Things : An Archaeology of the Human Sciences*. Tavistock, 2000. 387 p.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Флинта : Наука, 2016.
12. Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 540 с.
13. Mills S. *Discourse*. Routledge, 1997. 177 p.
14. Bernstein B. Vertical and Horizontal Discourse: An essay // *British Journal of Sociology of Education*. 1999. Vol. 20, № 2. P. 157–173.

15. *Lea M.R., Street B.V.* Student writing in higher education: An academic literacies approach // *Studies in Higher Education*. 2006. Vol. 23, № 2. P. 157–172.
16. *Смирнова Н.В.* Академическая грамотность как фактор иноязычной профессиональной подготовки // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 1. С. 140–147.
17. *Swales J.* Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.
18. *Myers G.* The social construction of two biologists' proposals // *Written Communication*. Vol. 2, № 3. P. 219–245.
19. *Prior P.A.* Writing/ Disciplinary: A Sociohistoric Account of Literate Activity in the Academy. Taylor & Francis, 1998. 220 p.
20. *Gee J.P.* Social linguistics and literacies: Ideology in discourses. 2nd ed. London : Taylor and Francis, 1996. 218 p.
21. *Flowerdew J.* Discourse in English language education. New York : Routledge, 2013, 230 p.
22. *Bryman A.* Social research methods. Oxford : Oxford University Press, 2008.
23. *Blommaert J.* Discourse: A Critical Introduction. Belgium : Universiteit Gent, 2005.
24. *Lillis T.* New Voices in Academia?: The Regulative Nature of Academic Writing Conventions // *Language and Education*. 1997. Vol. 11, № 3. P. 182–199.

Благодарность

Благодарим всех студентов, которые согласились принять участие в нашем исследовании.

Приложение

Вопросы интервью

- *Что такое research proposal?*
- *Какова основная функция этого текста?*
- *Зачем Вы писали этот текст?*
- *Что было сложным в подготовке текста? Приведите примеры.*
- *Был ли это для Вас ценный опыт? Почему?*
- *Как написать хороший текст, на Ваш взгляд?*
- *Как Вы писали текст? Вам кто-то помогал в подготовке текста? Приведите примеры.*
- *Если сформулировать основную цель проекта в одном предложении, закончите следующее высказывание: «При написании текста research proposal самое важное – это...».*
- *На какого читателя Вы ориентировались при создании текста проекта?*
- *Вам пригодится опыт написания проекта в будущем?*
- *Работаете ли Вы? Почему? Связана ли тема Вашего исследования с Вашей работой?*
- *Как Вы заинтересовались темой своего исследования?*
- *Что Вам мешало работать над текстом проекта? Приведите примеры.*
- *Почему Вы поступили на Вашу программу обучения? Удовлетворены ли Вы обучением на данном этапе, когда Вы почти закончили учебу?*
- *В дальнейшем Вы планируете учиться или работать? Почему?*

“It’s Not That I Am Researching It, It’s Just That I Am Interested in It”: Writing a Research Proposal in English as a Social Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 115–131. DOI: 10.17223/19986645/63/7

Natalia V. Smirnova, Irina Yu. Shchemeleva, Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: smirnovan@hse.ru / ishemeliova@hse.ru

Keywords: writing as social practice, research proposal genre, identity, values, academic literacies, academic writing.

In the study, the authors address the problem of how to study socially bound aspects of a written text production and make an attempt to explore non-discursive aspects of research proposal genre production. They explore how Russian students produce an English-medium research proposal text in social sciences and humanities and raise the following empirical research questions: (1) What resources are important for research proposal production and do students have access to them? (2) What literacy brokers influence text production and why? (3) How do students perceive the research proposal genre and what values influence their writing practices? The authors' key methodological orientation is that academic writing is a type of social practice and is rooted in critical discourse and academic literacies theories. Literacy is local, and exploration of writing practices in a particular context brings insights into key aspects of a written text production as well as advances our understanding of the social nature of writing. The authors draw on the idea that any research text production is significantly influenced by contextual aspects and is not produced individually. They employed semi-structured interviews with senior students (in two fields of knowledge, Management and Eastern Studies) to learn about how and why they produced the research proposals and who took part in that process. In the study, interview is "a narrative of a lived identity" as it renders beliefs and values of the writer, who becomes an equal participant of the research as the process of meaning-making. The key findings of the study are the following. Writing as a social practice is linked to access to resources. The authors found out that the English language proficiency is important for the research proposal production but is not the primary resource. Access to research data is crucial for producing a research proposal text. Students compensate this resource by "reinventing the university" or by seeking employment when there is a lack of access to data. Lack of time also significantly impedes writing practices of students. The main literacy brokers are the scientific supervisor, academic English instructor and groupmates of students and their roles vary significantly in the process of research proposal production. Students see the research proposal genre as a descriptive one and misinterpret its function in the given educational context. Finally, writers' values significantly influence English-medium text production of the particular genre.

References

1. Vakhtin, N.B. & Golovko, E.V. (2004) Smeshannyye yazyki [Mixed Languages]. In: *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and Sociology of Language]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya.
2. Canagarajah, A.S. (1996) "Nondiscursive" requirements in academic publishing, material resources of periphery scholars, and the politics of knowledge production. *Written Communication*. 13 (4). pp. 435–472.
3. Lillis, T.M. & Curry, M.J. (2010) *Academic Writing in a Global Context: The Politics and Practices of Publishing in English*. Routledge.
4. Ivanič, R. (1998) *Writing and Identity. The Discoursal Construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam: Benjamins.
5. Lillis, T. (2001) *Student Writing. Access, Regulation, Desire*. London: Routledge.
6. Yudkevich, M., Altbach, P.G. & Rumbley, L.E. (eds) (2016) *The Global Academic Rankings Game: Changing Institutional Policy, Practice, Academic Life*. New York: Routledge.
7. Nesi, H. & Gardner, S. (2012) *Genres Across the Disciplines: Student Writing in Higher Education*. Cambridge University Press.

8. Cadman, K. (2002) English for Academic Possibilities: The Research Proposal as a Contested Site in Postgraduate Genre Pedagogy. *Journal of English for Academic Purposes*. 1 (2). pp. 85–104.
9. Bourdieu, P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Translated from French by Peter Collier. Harvard University Press.
10. Foucault, M. (2000) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. Translated from French. London: Tavistock.
11. Chernyavskaya, V.E. (2016) *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of Text. Linguistics of Discourse]. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka.
12. Shiryaeva, T.A. (2008) *Kognitivnoe modelirovanie institutsional'nogo delovogo diskursa* [Cognitive Modeling of Institutional Business Discourse]. Philology Dr. Diss. Krasnodar.
13. Mills, S. (1997) *Discourse*. Routledge.
14. Bernstein, B. (1999) Vertical and Horizontal Discourse: An Essay. *British Journal of Sociology of Education*. 20 (2). pp. 157–173.
15. Lea, M.R. & Street, B.V. (2006) Student writing in higher education: An academic literacies approach. *Studies in Higher Education*. 23 (2). pp. 157–172.
16. Smirnova, N.V. (2017) Academic Literacy in ESP Teaching. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 140–147. (In Russian).
17. Swales, J. (1990) *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Myers, G. The social construction of two biologists' proposals. *Written Communication*. 2 (3). pp. 219–245.
19. Prior, P.A. (1998) *Writing/Disciplinarity: A Sociohistoric Account of Literate Activity in the Academy*. Taylor & Francis.
20. Gee, J.P. (1996) *Social Linguistics and Literacies: Ideology in Discourses*. 2nd ed. London: Taylor and Francis, 218 p.
21. Flowerdew, J. (2013) *Discourse in English Language Education*. New York: Routledge.
22. Bryman, A. (2008) *Social Research Methods*. Oxford: Oxford University Press.
23. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A Critical Introduction*. Belgium: Universiteit Gent.
24. Lillis, T. (1997) New Voices in Academia?: The Regulative Nature of Academic Writing Conventions. *Language and Education*. 11 (3). pp. 182–199.

УДК 81'322

DOI: 10.17223/19986645/63/8

М.И. Солнышкина, Г.М. Гатиятуллина

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОРПУСОВ)¹

Предложена авторская периодизация формирования и развития англоязычных корпусов, базирующаяся на принципах Г. Кеннеди (1998), в соответствии с которой выделяем четыре основных периода: доэлектронный – до 1960-х гг. (архивы), I – с 1960-х по 1990-е гг. (корпусы), II – с 1990-х по 2000 г. (мегакорпусы), III началось в 2000-е гг. (гигакорпусы). Предложено описание периодов разработки программного обеспечения корпусов: программ-конкордансеров и автоматизированной обработки текстов.

Ключевые слова: история лингвистики, корпусы текстов, корпусная лингвистика, поколения корпусов, классификация корпусов.

Корпусная лингвистика как наука зародилась в конце 1970-х гг., однако методы, лежащие в ее основе, были известны с XIII в. Так, в зависимости от объема и принципов отбора текстов в развитии корпусов выделяют несколько периодов [1, 2]². Эпоха **доэлектронных корпусов** началась в XIII в. и завершилась к началу 1960-х гг. [1–3]. Понятие «корпус» в его лингвистическом значении появилось только к концу доэлектронной эпохи, поскольку им признавалось отдельное религиозное или литературное произведение или собрание сочинений одного автора, к которому вручную составлялся конкорданс³, формируемый преимущественно для теологических, литературоведческих и лексикографических исследований.

А. Круден называет конкордансами словарь или указатель к Библии, в котором все слова, использованные в «боговдохновенном писании», расположены в алфавитном порядке, а также указано место, в котором употребляется данное слово, чтобы можно было легко найти стих с этим словом и сравнить несколько значений, в которых оно употребляется [4]. Все конкордансы доэлектронной эпохи отличались от современных и представляли собой некий указатель места употребления слова или словосочетания. Такого рода конкордансы также именуют каталогами или алфавит-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00436.

² Здесь и далее перевод с английского выполнен авторами статьи.

³ В настоящее время конкордансом называют алфавитный список всех употреблений конкретного слова в корпусе. Обязательным является также указание контекста слова, как правило, от двух до пяти, реже семь слов справа и слева от искомого слова [2. Р. 42]. Определяя задачи конкорданса, П. Бейкер, А. Харди и Т. Макинери обращаются к учению Дж.Ферса (1957) о коллокациях как «реальных словах» в привычном окружении. По их мнению, конкорданс призван определить наиболее частотные коллокации [Ibid. P. 36].

ными указателями (indexes), а сам процесс – индексацией (indexing) [1]. Конкорданс состоит из «узловых слов» (node words) и контекста их употребления [5]. Объем контекста конкорданса обычно ограничивался восемью – десятью словами, поэтому объем конкорданса к Библии составил 2 370 000 словоупотреблений и по объему превышал объем Библии [6].

Первый конкорданс был составлен в XIII в. монахом Антонием Падуанским к латинской версии Библии V в. «Vulgate». Этот конкорданс назывался *Concordantiae Morales*. Примерно в то же время в Париже кардинал Гуго де Сен-Шер с помощью монахов прихода Святого Джеймса за два года составили алфавитный указатель слов к Библии Vulgate [7. Р. 3]. Также известны попытки создания конкорданса в XV в. Джоном Марбеком [6. Р. 2]. В 1737 г. А. Круден опубликовал первое издание «Полного конкорданса к Святому Писанию», в котором узловое слово располагалось на отдельной строке, а далее следовало указание названия книги и главы в Библии, где употреблено данное слово [4]. В тексте цитаты узловое слово сокращено до первой буквы. Все цитаты представлены на отдельной строке. Левосторонний и правосторонний контексты не превышают двух – пяти слов. «Полный конкорданс к Святому Писанию» А. Крудена также содержит полную цитату из Библии с данным словом (рис. 1).

DRY

Ezek.17.24¹. Made d.tree flourish
a. devour every d.tree
30. 12 I will make the rivers dry
37.2 bones d. || 4. O ye d. bones

Рис. 1. A. Cruden A Complete Concordance to Holy Scriptures (1737)

А. Круден отдельно выделял словоформы: например, глагол «dry» и его форма прошедшего времени «dried» указывались отдельно. В качестве узловых в конкордансе А. Крудена выделялись как однословные единицы (существительное, глагол), так и многословные (устойчивые сочетания) (рис. 2).

DRY ground

Gen.b.13 face of the ground was d.
E.red. 14.16. on d.gr. in sea
Josh.3.17. Riests stood firm on d.ground in Jordan
2. Kin.2.8. Elisha went over on d.g.
Psal. 107.33. water-springs into d.g.

DRY verb

Job. 12.13. waters, they d.up
flame d.up his branches
Isa. 42.15. will d.up herbs, pools
d. up thy rivers || 50.2. sea
DRIED

Рис. 2. Конкордансы к устойчивым словосочетаниям А. Крудена

¹ Элементы метаразметки, включающие название книги, главу и стих, представлены на каждой строке.

В 1890 г. Дж. Стронг публикует «Исчерпывающий конкорданс к Библии» (*Strong's Exhaustive Concordance of the Bible*), в котором приведены этимологические сведения для 8 674 слов из Ветхого Завета, корни которых происходят из иврита, и 5 624 слова с корнями греческого происхождения в Новом Завете. К каждому слову дается информация о количестве (частотности) и месте употребления [8].

После публикации первого издания конкорданса А. Крудена в 1737 г. по такому же принципу стали составляться конкордансы к произведениям великих писателей. Так, важной работой для развития корпусной лингвистики стал «Конкорданс к произведениям У. Шекспира во всех редакциях» (1787) А. Беккета, поскольку в нем помимо информации о месте употребления того или иного слова (пьесы, акта и действия) был представлен отрывок произведения, в котором употреблялось данное слово (рис. 3). Узловое слово содержало все словоформы. Например, вместе со словом «dream» указана и форма множественного числа «dreams». Объем иллюстрирующего отрывка по усмотрению автора мог содержать от одной до пяти строк [9. Р. 167–183].

DREAM

My spirits as in a dream are all bound up <i>Tempest</i> , A.1, S.2	I have heard (but not believ'd) the spirits of the dead
– we are such stuff	May walk again; if such things be, thy mother
As dreams are made on, and our little life	Appeared to me last night; for ne'er was dream
Is rounded with sleep. <i>Tempest</i> , A.4, S.1	So like a walking. <i>Winter's Tale</i> A.3, S.3
– Dreams are toys:	
Yet, for this once, yea, superstitiously,	
I will be squar'd by this <i>Winter's Tale</i> , A.3, S.3	

Рис. 3. А. Becket "A Concordance to Shakespeare suited to all the editions" (1787)

Известны также конкордансы к произведениям У. Шекспира, составленные М. Коуден-Кларк (1847) и С. Ойскотом (1790). Статья конкорданса С. Ойскота содержит следующие зоны: узловое слово, контекст, а также место употребления данного слова (пьеса, акт, сцена, страница, колонка и строчка). Узловое слово также содержит все словоформы (рис. 4) [10].

		A.	S.	P.	C.	L.
<i>Disorder</i> , that hath spoil'd us, befriend us now	<i>Henry v.</i>	5	5	533	1	45
– Fear frames disorder, and disorder where it should guard	<i>2 Henry vi</i>	5	2	601	2	29
– But his own disorders deferv'd much less ad- vancement	<i>Lear.</i>	2	4	944	2	53
<i>Disparage</i> . I will disparage her no farther	<i>M. Ado About Noth</i>	3	2	133	2	59
– not the faith thou dost not know	<i>Mids. Night's Dream</i>	3	2	186	2	31

Рис. 4. S. Ayscough "Dramatic works with Explanatory notes" (1790)

Конкорданс, предлагаемый М. Коуден-Кларк, также создан по типу конкорданса А. Крудена, однако как и в конкордансе С. Ойскота, узловое слово представляет все словоформы (рис. 5) [11].

FEMALE – poor females mad *Mid.N's Dream*, iii.2.
 the female ivy so enrings the – iv.1
 a female: or for thy *Love's I...Lost*, 3.1. (letter)
 the boy is fair, of female favour.. *As you like it*, iv.3.
 of this female, which in the common ... – v.1.
 abandon the society of this female – v.1.

Рис. 5. М. Cowden-Clarke (1845) *The Complete Concordance to Shakespeare: Being a Verbal Index to All the Passages in the Dramatic Works of the Poet*¹

Традиция составления конкордансов вручную к произведениям художественной литературы сохранялась вплоть до 1995 г. и была реализована в следующих работах: Конкорданс к «Секретному агенту» Дж. Конрада *The Concordance to Conrad's The Secret Agent* (Bender, 1979), Конкорданс к «Дейзи Миллер» Генри Джеймса *A Concordance to Henry James's Daisy Miller* (Bender, 1987), Конкорданс к полному собранию пьес и поэм Т.С. Эллиота *A Concordance to the Complete Poems and Plays* (Dowson, 1995) [12. Р. 169].

На рубеже XIX и XX вв. было организовано несколько проектов по сбору эмпирического материала для лексикографических целей. На их основе были составлены «Словарь американского варианта английского языка» под редакцией Н. Вебстера (*Noah Webster's An American English Dictionary*) (1828) и «Оксфордский словарь английского языка» (*The Oxford English Dictionary, OED*) (1884). Для создания исследовательской базы «Оксфордского словаря» две тысячи читателей-добровольцев собрали около пяти миллионов цитат общим объемом примерно 50 миллионов словоупотреблений для того, чтобы проиллюстрировать значения и употребление 414 825 слов в словаре. На основе собранных текстов английской диалектной речи Дж. Райт составил «Словарь английских диалектов» *The English Dialect Dictionary* (1898–1905) [1].

Эмпирический материал О. Есперсена, который включал фрагменты из произведений О. Хаксли, Дж. Остин, У. Черчилля, Ч. Дарвина, Г. Филдинга, Э. Хемингуэя, Р. Киплинга, Дж. Локка, Г. Менкена, П. Шилли, Дж. Пристли, Х. Уолпола, В. Вульф, имел особое значение для преподавания практической грамматики английского языка, основанной на дескриптивных, не предписывающих принципах [13].

Поворотным моментом в истории развития конкордансов стала разработка методики использования ключевых слов (key words) в системе Keyword out of context (KWOC) ключевых слов вне контекста или Keyword in title ключевые слова в названии (1856) А. Крестадоро для систематизации каталогов в государственной библиотеке г. Манчестера. В 1958 г. Х.П. Лун доработал данную методику и ввел в компьютерную технологию под названием keywords in context (KWIC) «ключевые слова в контексте», в соответствии с которой ключевое слово располагалось в центре, а линии конкорданса можно было расположить слева или справа от ключевого сло-

¹ В иллюстрациях сохранена пунктуация первоисточника.

ва, включая необходимый контекст [14. Р. 151]. Формат KWIC дает возможность составить список коллокаций слова в алфавитном порядке, а также список частотности каждого словоупотребления. П. Бейкер, А. Харди и Е. Макинери считают термин конкорданс синонимичным термину «ключевые слова в контексте» (key words in context, KWIC).

Электронный конкорданс *Index Tomisticus* общим объемом более 10,6 миллиона словоупотреблений, созданный монахом Р. Бусой к трудам Фомы Аквинского, стал первой работой, в которой были применены элементы машинной обработки текстов [15]. Конкорданс создавался в течение пяти лет: с 1962 по 1966 г. Для удобства работы с конкордансом и его краткости Р. Буса решил представить в нем к качеству ключевого слова только лемму, или заголовочное слово, со всеми ее словоформами. Для этого он осуществил лемматизацию текстов, которая проходила в два этапа: объединение всех словоформ с флексиями под одной леммой и прикрепление кода с соответствующей частью речи для каждой леммы и ее словоформы. Лемматизация проводилась на основе Латинского машинного словаря *Lexicon Electronicum Latinum*, который Р. Буса и десять священников составляли в течение двух лет. Электронный словарь представлял собой таблицу с леммами, на основе которой компьютер осуществлял лемматизацию текстов. Данный метод работы на основе электронного словаря или списка позже во многом определил принцип электронной обработки текстов. В 1973 г. был опубликован первый том *Index Tomisticus*, в 1970-е гг. было опубликовано более 40 томов *Index Tomisticus* с алфавитными указателями, таблицами с указанием частотности слов и др. [17].

Последним корпусом доэлектронной эпохи стал смешанный корпус устной и письменной речи Р. Кверка «Обзор практического употребления английского языка» *The Survey of English Usage, SEU*, Р. Кверка, разработанный в Лондонском университете [16]. Р. Кверк называл собранный исследовательский материал «исходным материалом» или «текстами». Я. Свартвик утверждает, что в 1960 г. термин «корпус» почти не употреблялся и на конференции ученые долго спорили о множественном числе слова «корпус» (*corpuses*, *corpora* или даже *corpi*) [17. Р. 15]. Данный корпус оказался наиболее хорошо структурированным и систематическим корпусом доэлектронной эпохи. Устная и письменная формы речи были представлены текстами различных жанров, при этом источниками служили как сфера формального, так и неформального общения. Корпус состоял из 200 фрагментов текстов, каждый объемом 5000 словоупотреблений. Данный корпус ознаменовал собой переход из доэлектронной эпохи в электронную.

Таким образом, в доэлектронную эпоху были созданы все предпосылки перехода к корпусам электронной эпохи. Были разработаны первые конкордансы, которые понимались как синоним словарей и указателей. Первые конкордансы имели огромное значение для дальнейшего развития корпусной лингвистики, поскольку в составе статьи конкорданса обязательными считались указание искомого слова, места его употребления,

контекст использования зафиксированных единиц языка. Кроме того, была разработана система иллюстраций контекста в конкордансе «ключевое слово в контексте». В корпусах отсутствовали единый принцип сбора текстов, единые правила составления конкордансов. Их объем и источники также сильно различались: корпусом могли быть тексты священных книг (переводы Библии, произведения богословов), а также отдельные произведения художественной литературы. С современной точки зрения, такого рода тексты являются не корпусами, а архивами или собраниями отдельных текстов. Отсутствовал также и сам термин «корпус».

Электронная эпоха (с 1960-х гг. по настоящее время). С. Йоханссон утверждает, что, несмотря на уже опубликованные в 1960-х гг. работы Р. Бусы и появление первого электронного корпуса, ученые стали активно интересоваться корпусной лингвистикой лишь в 1970-е гг. [18. Р. 39]. По его мнению, настоящая корпусная лингвистика зародилась именно в 1970-е гг. с созданием первых лабораторий и центров, в которых над общими проблемами лингвистики и способами обработки текстов стали работать лингвисты и программисты. Центры компьютерной лингвистики, нацеленные на сбор, хранение и обработку текстов корпуса, были открыты в Италии, США, Англии, Германии, Канаде, Франции, Швеции, Норвегии. К середине 1970-х гг. были созданы первые базы для хранения и распространения электронных корпусов: Оксфордский архив машиночитаемых текстов ОТА (Oxford Text Archive) (1976) и Международный архив электронных текстов современного английского языка ICAME (International Computer Archive of Modern English) (1977).

Корпусы первого поколения. В начале 60-х гг. XX в. впервые появились электронные корпуса. Первым электронным корпусом признан так называемый «Брауновский корпус» (The Brown corpus), названный по имени университета США The Brown University, штат Род-Айленд. Его название официально включало термин «корпус». Группа ученых под руководством Г. Кучеры и Н. Френсиса работала над созданием корпуса в период с 1961 по 1964 г. [19]. В создании данного корпуса также приняли участие Р. Кверк, П. Оконнор и Дж. Керролл, а также Филипп Б. Гоув, редактор третьего издания словаря Уэбстера [1]. Брауновский корпус был корпусом письменной американской английской речи и содержал один миллион словоупотреблений из 500 текстов, изданных только в 1961 г. В корпусе представлены следующие пятнадцать жанров письменной речи американского варианта английского языка: газетные статьи, научные труды, объявления, книги о хобби, религиозная литература, биография, эссе, художественная литература (детективы, приключения и вестерны, научно-популярная литература, любовные романы, фельетоны). Тексты в «Брауновском корпусе» наносились на перфокарту, которая содержала информацию о месте расположения текста, его названии, а также о количестве строк в тексте.

В 1968 г. Ф. Бэгли впервые ввел термин «метаразметка» (metadata) для обозначения всех данных о текстах в корпусе [20. Р. 195]. С середины 1960-х гг. появились первые программы-конкордансеры на основе KWIC:

«Атлас создания конкорданса и подсчетов корпуса» (COCOA, COunt and CONcordance Generation Atlas) (1967) и «Коллокации» (CLOC, CoLOCation) (1978) [5. Р. 2]. При их создании машинная обработка текстов сопровождалась ручной разметкой, т.е. «прикреплением» кода (или тега) к единице текста с информацией о ней [2. Р. 154]. Об автоматической разметке текста стали говорить, когда в 1971 г. Б. Грин и Дж. Рабин написали программу автоматизированной разметки текстов TAGGIT, первая апробация которой представляла собой разметку Брауновского корпуса. TAGGIT осуществляла разметку при помощи 86 тегов, выделяющих в тексте знаменательные и служебные слова, знаки препинания и отдельные морфемы. Программа «не снимала омонимию», и 23% слов в корпусе оказались размеченными одновременно несколькими тегами [3].

В 1978 г. А. Эллегард осуществил синтаксическую разметку части Брауновского корпуса вручную: было выделено три уровня синтаксической разметки – простые предложения внутри сложных предложений (clause structures in sentences), составляющие клаузалы конструкций (constituent structures of clauses), часть речи каждого слова (word class of individual word). После нескольких лет проверок и исправлений работа по частеречной разметке Брауновского корпуса в 1979 г. была завершена. Б. Грин и Дж. Рубин опубликовали все данные о морфологическом анализаторе TAGGIT с тем, чтобы другие ученые могли ее доработать и усовершенствовать [18. Р. 46]. Программы-конкордансеры первого поколения COCOA и CLOC создавались для каждого отдельного компьютера и отдельной задачи, т.е. всякий раз «приходилось заново изобретать колесо» [3. С. 35]. Именно эта проблема поставила необходимость создания конкордансеров следующего, второго поколения. Ученые считают, конец 1970-х гг. временем официального признания термина «корпусная лингвистика» [17. Р. 12].

В 1980-х гг. продолжается доработка и усовершенствование программы TAGGIT, в 1983 г. в университете Ланкастера группа ученых под руководством грамматиста Дж. Лича и программиста Р. Гарсайда апробировала и внедрила обновленный вариант морфологического анализатора под названием CLAWS (the Constituent Likelihood Automatic Word-tagging System, букв. Автоматическая система разметки составляющих на основе сходства) [3].

«Брауновский корпус» стал стандартом для составления корпусов как по объему, так и по спектру представленных в нем стилей и жанров письменной речи. С публикацией «Брауновского корпуса» в середине 1970-х гг. стали появляться подобные корпуса сначала в Великобритании, потом и в других странах. Например, в 1976 г. был опубликован совместный корпус университетов Ланкастера, Осло и Бергена (The Lancaster-Oslo-Bergen corpus (LOB) (1961–1978) [21]. В начале 1990-х гг. стали создаваться аналогичные корпуса объемом не менее одного миллиона словоупотреблений, состоящие из 500 текстов пятнадцати различных жанров письменной речи. При этом в каждом тексте должно было быть представлено не менее 2000 словоупотреблений. Такими являлись, например, корпус Австралий-

ской английской речи, The Australian Corpus of English, ACE (1986), Веллингтонский корпус новозеландской английской речи, The Wellington Written English, WWE (1986), Корпус американской английской речи университетов Фрайбурга и Брауна, The Freiburg-Brown Corpus, FROWN (1991–1992), Корпус британской английской речи университетов Фрайбурга, Лондона, Осло и Бергена, The Freiburg London-Oslo / Bergen corpus, F-LOB, (1991–1992), Колхатурский корпус индийского варианта письменной английской речи, The Kolhapur corpus Indian English (1978) [1, 2]. Эти корпуса получили общее название «Семейство корпусов Браун» [22]. Различие данных корпусов состояло лишь в том, что корпуса содержали тексты одного из вариантов письменной английской речи: американского, британского, австралийского, новозеландского, индийского (таблица).

Содержание и объем корпусов Семейства Браун (The Brown Family)

Корпусы									
Код	Brown	Frown	LOB	F-LOB	Pre-LOB	Kolhapur	ACE	WWC	LCMC
Количество текстов отдельных жанров									
A	44	44	44	44	44	44	44	44	44
B	27	27	27	27	27	27	27	27	27
C	17	17	17	17	17	17	17	17	17
D	17	17	17	17	17	17	17	17	17
E	36	36	38	38	38	38	38	38	38
F	48	48	44	44	44	44	44	44	44
G	75	75	77	77	77	77	77	77	77
H	30	30	30	30	30	37	30	30	30
J	80	80	80	80	80	80	80	80	80
K	29	29	29	29	29	59	29	29	29
L	24	24	24	24	24	24	15	24	24
M	6	6	6	6	6	2	7	6	6
N	29	29	29	29	29	15	8	29	29
P	29	29	29	29	29	18	15	29	29
R	9	9	9	9	9	9	15	9	9
S	–	–	–	–	–	–	22	–	–
W	–	–	–	–	–	–	15	–	–

Код соответствует следующим жанрам: А – репортаж, В – редакторская колонка, С – обзорная статья, D – религиозный текст, Е – хобби и полезные советы, F – массовая культура, G – биография и эссе, H – отчеты и документы, J – научная проза, K – художественная литература, L – детектив, M – научная фантастика, N – вестерн и приключенческий роман, P – роман и любовная проза, R – сатира и юмор, S – исторический роман, W – женский роман [24].

Корпусы устной речи. Корпусы устной речи появились значительно позже письменных, их впервые начали публиковать в 1990-е гг.

Корпус London-Lund (LLC) был разработан в период с 1975 по 1990 г. Я. Свартвиком, Р. Кверком, С. Гринбаумом и К. Хофландом на основе двух проектов: корпус SEU (1959–1989) (см. доэлектронную эпоху) и Корпус устной английской речи (SSE, 1975). Корпус LLC состоит из 100 за-транскрибированных текстов устной монологической и диалогической ре-

чи по 5000 словоупотреблений каждый. Диалогическая речь зафиксирована в текстах разговорного стиля между друзьями и коллегами, в беседах и телефонных разговорах. Монологическая речь представлена спонтанной (комментарии и рассказы), а также подготовленной речью, не читаемой с листа [22. Р. 408–409]. Помимо грамматической разметки тексты в корпусе размечены на просодическом уровне, т.е. содержат информацию о тоновых единицах, начале звука (onset), места ядра (слова, синтагмы), направлении ядерных тонов (восходящий, нисходящий, ровный, восходяще-нисходящий), высоте тона, паузе (короткая и длинная), ударе (обычное и выделенное). Тексты из проекта SEU имеют детальную просодическую разметку: указания на различный уровень громкости и темпа (быстрая, прерывистая, манерно-растянутая), модификации качественных характеристик голоса (высота, ритм, напряжение и т.д.), дополнительные характеристики (шепот, хрип) [23].

Источником корпуса устной английской речи (The Spoken English Corpus, SEC) общим объемом 53 000 словоупотреблений послужили тексты эфиров радиовещания, записанные в период с 1984 по 1987 г. и характеризующиеся жанровым многообразием: комментарии, новости, лекции для небольшой аудитории, лекции для большой аудитории, радиопередачи на религиозные темы, включая литургии, репортажи о светской жизни, телефонные разговоры с радиослушателями и др. [22].

Одним из первых размеченных (или аннотированных) корпусов устной английской речи является также машиночитаемый вариант корпуса SEC, MARSEC (Machine readable spoken English corpus) (1992–1994) – совместный проект Лаборатории компьютерных исследований английского языка (The Unit for Computer Research on the English Language, UCREL), университетов Ланкастера и Лидза, а также научного центра IBM в Винчестере. MARSEC в отличие от SEC был доработан фонологической разметкой: были размечены паузы, длина слова во временном отрезке, звуковое содержание, а также тоновое ударение [Ibid. Р. 408–409].

С разработкой Брауновского корпуса появилось понятие «референтный корпус», которым стали характеризовать все перечисленные корпуса, поскольку исследователи проверяли свои предположения и теории (так называемые “intuitive data”) с помощью этих корпусов. Референтный корпус определяли как корпус, создаваемый для проведения частотного анализа текстов, а также для сравнения текстов большого спектра жанров или источников [2. Р. 137]. Именно в этот период было доказано, что объем в миллион словоупотреблений нерепрезентативен для изучения низкочастотных слов, поскольку они могут отсутствовать в корпусе [1].

Кроме того, в этот период начинает формироваться ряд устных корпусов для распознавания и синтеза устной речи, разрабатываемых по заказу Агентства Министерства обороны США по передовым научно-исследовательским проектам (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA).

В 1984 г. компанией Texas Instruments была собрана база данных устной английской американской речи TI-DIGITS, которая содержала 77 зачитанных вслух цифровых последовательностей. В качестве дикторов выступили 111 мужчин, 114 женщин, 50 мальчиков и 51 девочка. Данный корпус был создан для автоматического распознавания цифровых последовательностей в устной речи [24, 25].

В 1990 г. для акустико-фонетических исследований, разработки и оценки автоматических систем распознавания речи был создан корпус устной слитной речи TIMIT Acoustic-Phonetic Continuous Speech Corpus. В разработке корпуса принимали участие Массачусетский технологический институт (MIT), Стэнфордский научно-исследовательский институт (SRI) и компания Texas Instruments. Корпус содержит тексты на восьми основных диалектах устной английской американской речи 630 дикторов (70% мужчин и 30% женщин), которые зачитывали вслух по десять предложений. Для тестирования систем распознавания речи корпус TIMIT включает три типа текстов: диалектные (1 260 предложений), фонетически насыщенные (compact), т.е. покрывающие весь фонематический состав и отдельные сочетания фонем, представляющие определенную трудность распознавания (3 150 предложений), и фонетически разнообразные тесты (diverse) с повтором каждой фонемы в различном контексте (1 890 предложений). Для третьей части корпуса TIMIT использовались тексты Брауновского корпуса, а также из диалогов театральных постановок того времени. Данный корпус включает орфографическую, подробную фонетическую транскрипцию, а также транскрипцию каждого отдельного слова с временной соотношенностью. Каждый диктор зачитывал пять предложений из подкорпуса с фонетически насыщенными текстами, три предложения из подкорпуса с фонетически разнообразными текстами и по два предложения из подкорпуса диалектных текстов. Корпус TIMIT поделен на две части: 20–30% корпуса составляет оценочно-тестовая часть и 70–80% – тренировочная. Повтор предложений и дикторов как в тестовой, так и в тренировочной частях был минимизирован. Тестовая часть была также поделена на две части: основная оценочная подборка Core Test Set (192 текста, произнесенных 24 дикторами: 16 мужчинами и 8 женщинами) и подборка для заключительной оценки Complete Test Set (1 344 предложений или 168 дикторов (112 мужчин и 56 женщин) по 8 предложений). Тренировочная часть включает весь языковой материал, не вошедший в тестовую часть. Тренировочная часть содержит 4 620 предложений, зачитанных 462 дикторами (73% дикторов корпуса) [26].

Корпус Управление ресурсами (Resource management corpus) (1988) для тестирования систем распознавания слитной речи включает более 25 000 высказываний более 160 респондентов, говорящих на различных региональных диалектах американского варианта английского языка. Корпус включает два подкорпуса: RM1 и RM2. Подкорпус RM1 состоит из трех частей. Тренировочная часть с подбором говорящего (Speaker-dependent) включает речь 12 лиц, каждый из которых зачитывает вслух

600 «тренировочных» предложений на двух диалектах и десять предложений для «быстрой адаптации» (rapid adaptation sentences). 600 предложений подобраны таким образом, что они покрывают 97% лексического материала корпуса. Общий объем данного подкорпуса составляет 7 344 предложения. Подкорпус “Speaker independent” содержит 3 360 предложений, зачитанных вслух 80 лицами на двух диалектах, и по 40 предложений, взятых из основного корпуса RM. Тестовая часть RM содержит 1 600 предложений, зачитанных вслух двумя дикторами. Тестовая часть снабжена диагностическим и оценочным программным обеспечением. Подкорпус RM2 представляет собой дополненную версию подборки RM1 Speaker-dependent. Подкорпус содержит 10 508 предложений, зачитанных двумя мужчинами и двумя женщинами (по 2 652 предложения каждый). В данный подкорпус вошли 600 стандартных тренировочных предложений из подкорпуса RM1, 2 диалектных предложения, 10 предложений быстрой адаптации, 1800 дополнительных тренировочных предложений, 120 дополнительных предложений для промежуточных испытаний (development-test sentences), 120 оценочных предложений (evaluation test sentences) [27].

Корпус информационной службы (Air Travel Information Service Corpus, ATIS) (1990) был разработан для изучения спонтанной речи и синтеза речи. Корпус также делится на тренировочную и тестовую части. ATIS содержит тексты разговора людей с автоответчиком “I would like a ticket to...”, “I want to fly to Boston from New York next week”. На основе данного корпуса позже были созданы диалоговые системы, которые могли ответить на вопросы типа “Does Air Canada fly from Toronto to Dallas?” [28].

Данные корпуса, разработанные по военному заказу, показали возможность обучения машин автоматическому распознаванию речи и дали новые термины: токенизация (разделение слитной речи на отдельные слова), сегментация (разделение слитной речи на предложения и синтагмы), парсер (синтаксический анализатор), нормализация (приведение к фонетической норме слов, произнесенных с различными индивидуальными особенностями говорящего) на основе временной соотнесенности фразы (time alignment).

Характеризуя типы корпусов, Г. Кеннеди утверждает, что все корпуса текстов отдельных жанров различных исторических эпох, тексты речи представителей отдельных профессиональных сообществ, возрастных групп либо региональных диалектов являются примерами корпусов первого поколения, поскольку их цель заключается в изучении речи отдельной формы языка, а не языка в целом во всем его многообразии [1]. Таким образом, согласно его классификации мультимедийные корпуса, которые стали разрабатываться с середины 2000-х гг., вне зависимости от их технической составляющей считаются корпусами первого поколения, так как являются специальными корпусами и преимущественно репрезентируют отдельные жанры устной речи.

В 1960–1990-е гг. постепенно формируются требования к корпусам: обязательным стало привлечение текстов письменной речи общим объемом до миллиона словоупотреблений. Однако при этом привлекались пре-

имущественно тексты наиболее распространенных жанров письменной речи, объем каждого фрагмента текста составлял примерно 2 000 словоупотреблений. Характерным признаком этого времени является также тот факт, что корпуса содержали не полные тексты письменной речи, а фрагменты с фиксированным объемом слов.

1970-е гг. стали определяющими в развитии корпусной лингвистики: появились центры и лаборатории по разработкам электронных средств обработки текстов. Методика KWIC позволила систематизировать форму представления конкорданса, позднее появились первые программы-конкордансеры, такие как COCOA (COunt and COncordance Generation Atlas) и CLOC (CoLOCation). Электронная обработка корпусов поставила перед учеными проблему точности электронной обработки текстов, которая давала хорошие результаты только совместно с ручной разметкой.

К середине 1970-х гг. с развитием техники и, как следствие, доступности записи звучащей речи начали формироваться корпуса для более широкого спектра исследовательских целей. В 1980-х гг. разработан морфологический анализатор текстов CLAWS (the Constituent Likelihood Automatic Word-tagging System). К 1990-м гг. были опубликованы два корпуса устной речи, при этом спектр представленных жанров не был богат и сводился к следующим: беседы в неформальной обстановке, разговоры по телефону, радио, выступления на лекции. Объем корпусов также значительно уступал письменным. Создание корпусов устной речи поставило вопросы адекватной транскрипции и разметки. Корпусы устной речи также составлялись в военных целях для разработки систем распознавания и синтеза живой звучащей речи. В данный период закрепилось современное толкование значений таких терминов, как «корпус», «корпусная лингвистика», «разметка», «метаразметка», «конкордансер», «морфологический анализатор». При изучении устной речи появились термины «токенезация», «токены», «сегментация», «нормализация», «временная соотнесенность» (time alignment).

Корпусы второго поколения, мегакорпусы. В начале 1980-х гг. был разработан язык разметки текстов, или метаязык SGLM (Standard Generalized Markup Language, *букв.* Единый стандартный язык разметки), который представляет собой набор тегов, стандартизирующий разметку текстов [2. Р. 149]. Данный формат оставался эталонным до 2007 г., когда ему на смену пришел упрощенный формат XML с более унифицированной и строгой формой разметки для предотвращения дублирования разметки, как это имело место в SGML [Ibid. Р. 71; 3. С. 76–77].

В 1990-х гг. ученые Университета Ланкастера разработали ряд программ для следующих уровней разметок: разметка анафорических референтных связей (1992), просодическая разметка (1993), семантическая разметка (1993), (2004), художественно-стилистическая (1996 и 2004), прагматическая разметка (2003) и разметка ошибок говорящих (1999, 2003) [3. Р. 78, 83; 29].

Изучение устной речи показало необходимость исследования описания прагматики высказывания, поскольку смысл высказывания в полной мере

может быть понят и представлен при условии фиксации речи (текста) в прагматическом контексте с указанием повышения или понижения голоса, жестикуляции, движения головы и др. [30, 31]. Прорывной явилась разработка программы ELAN (EUDICO Linguistic Annotator, 2006), позволяющая размечать тексты на уровне жестов, однако решение этой проблемы подняло вопрос этики [32, 33].

Т. Макинери и А. Харди утверждают, что 1990-е стали эпохой программ-конкордансеров второго поколения. Конкордансеры второго поколения работали на платформе IBM, поэтому могли использоваться на персональных компьютерах, поддерживающих операционную систему IBM. Конкордансеры второго поколения, такие как Micro-OSR (1988), Longman Mini-Concordancer (1989), Kaye concordancer (1990), также работали на основе методики KWIC и осуществляли следующие функции: составление алфавитного списка конкордансов с контекстным окружением слов справа и слева, составление списка слов корпуса, элементарные описательные статистические данные, такие как подсчет словоупотреблений, соотношение количества слов и словоупотреблений (type-token ratio). Совмещение функций отрицательно сказалось на мощности и производительности конкордансеров второго поколения. В качестве дополнительных причин такого положения указываются следующие: отсутствие единого формата, стандартов представления символов и разметок [3. Р. 40].

В 1987 г. на конференции в Колледже Вассара в г. Пафкипси, штат Нью-Йорк, было основано сообщество Инициатива по кодированию текстов (Text Encoding Initiative, TEI), которое поставило проблему разработки единых стандартов составления, транскрипции и разметки корпусов [34]. Появление большого количества корпусов, созданных на основе различных типов текстов, привело к необходимости создания единого свода правил, в котором бы содержались все правила по сбору, транскрипции и аннотации текстов как устного, так и письменного дискурсов. Кроме того появились вопросы этики и передачи авторских прав. Так, если в 1970-е гг. использование скрытых микрофонов для записи речи, указание личных имен и адресов считалось приемлемым, то к 1990-м гг. использование подобных методов стало вызывать вопросы [1. Р. 76–78; 3. Р. 60–69]. Таким сводом правил стали выпущенные Инициативой TEI документы TEI (Text Encoding Initiative Principles¹) [2. Р. 157].

В 1991 г. некоммерческая компания «Уникод консорциум» разработала стандарт кодирования символов Уникод (Unicode) для ASCII (American Standard Code for Information Interchange), предназначенный для всех типов письменных языков мира, а также для кодирования непечатных символов

¹ В период с 1990 по 2018 г. Инициатива TEI опубликовала пять редакций данного документа с соответствующей нумерацией P1–P5. В редакциях P1–P3 (1990–1999) SGML был рекомендованным языком разметки. В редакции P4 (2002) составителям предоставлялся выбор между SGML и XML. В редакции P5 (2007) единственно рекомендованным языком разметки является XML. С ноября 2007 г. документ TEI стал обновляться дважды в год [35, 36].

(транскрипции, математических формул и др.). В настоящее время UTF-8 является наиболее распространенной спецификацией Unicode [2, 37, 38].

Попытки стандартизации составления корпусов были также предприняты Европейской консультационной группой по стандартам обработки языка – Expert Advisory Group on Language Engineering Standards (EAGLES) (1993), которая предложила свой стандарт сбора и разметки текстов в корпусе Corpus Encoding Standard (CES) (1998), имевший в своей основе сначала язык разметки SGML (1998), в настоящее время – язык разметки XML – XCES (2000) [2. Р. 50].

Для решения вопроса о необходимости стандартизации разметок для всех языков в четвертой редакции TEI P4 (2002) составителям предоставлялся выбор между SGML и более строгим и унифицированным языком разметки XML. В пятой редакции TEI P5 (2007) единственно рекомендованным языком разметки является XML [3].

В 1993 г. Дж. Лич опубликовал максимы для составления метаразметки, т.е. метатекста, или текста о тексте, с указанием полной экстралингвистической информации. По мнению Дж. Лича, метаразметка должна соответствовать установленным требованиям и включать следующую информацию о критериях и источниках отбора текстов: 1) возможность доступа к исходному варианту материала; 2) отдельное хранение метатекста от основного текста; 3) перечисление всех использованных принципов разметки в отдельном документе; 4) доступность информации об авторах разметки и основные характеристики разметки (ручная / автоматизированная¹, программное обеспечение и т.д.); 5) понимание разметки как авторской интерпретации, ее относительности; 6) обязательное изложение в разметке максимально полной информации о тексте на основе общепринятых лингвистических принципов; 7) недопустимость признания ни одной разметки как эталонной [39].

Во вторую эпоху развития корпусной лингвистики с конца 1990-х гг. по 2000-е гг. были разработаны и внедрены конкордансеры третьего поколения (WordSmith 0.4 (1996), MonoConc (2000), AntConc (2005)). Данные программы характеризуются способностью обрабатывать большой объем текстов любой письменности, а также выполнять сложный статистический анализ. Кроме того, программы-конкордансеры начала XXI в. отличает их высокая функциональность: одна программа способна быстро составить список ключевых слов, конкордансы, выполнить частотный анализ и анализ коллокаций [3. Р. 35].

Таким образом, с начала 1990-х гг. технические возможности позволили ученым компилировать и разрабатывать корпуса больших объемов. Цель данных корпусов состояла в охвате большого спектра форм языка, манифестируемых как в письменной, так и в устной речи, представляя таким образом все многообразие языка. Стало возможным автоматически

¹ До сих пор автоматически размеченные тексты проходят процедуру post-tagging – ручную выверку разметки.

размечать устные корпуса на просодическом, фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях. Более того, появился целый ряд программ для автоматизированной обработки конкордансов. Г. Кеннеди [1], П. Бейкер, А. Харди, Т. Макинери [2. Р. 35] называют корпуса, разработанные в период с конца 1980-х гг., корпусами второго поколения, или мегакорпусами, поскольку их объем приблизился к 100 миллионам словоупотреблений. К таким корпусам традиционно относят сеть корпусов Логман, The Longman Corpus Network (1991), Банк английского языка, The Bank of English, BoE (1993), Британский национальный корпус, The British National Corpus, BNC (1994), Американский национальный корпус, The American National Corpus, ANC (2008).

Одним из наиболее масштабных проектов, разработанных в конце 1980-х гг., стала Collins Birmingham University International Language Database (Международная база данных языка при Бирмингемском университете и компании Коллинз), или Корпус COBUILD. Корпус создавался группой ученых под руководством Дж. Синклера. В проекте использована так называемая Бирмингемская коллекция текстов (The Birmingham Collection of Texts), включающая 20 миллионов словоупотреблений текстов письменной и устной речи. Объем основного корпуса составил 7,3 миллиона словоупотреблений, а объем так называемого «резервного корпуса» – 13 миллионов словоупотреблений. Корпус на 75% состоит из текстов письменной речи, на 25% – устной речи. Корпус COBUILD содержит тексты, опубликованные в период с 1960-х гг. до 1982 г. Письменная речь преимущественно представлена прозаическими художественными текстами. В корпусе зафиксирована устная кодифицированная речь, в которой используется только общеупотребительная неспециальная лексика. 75% устной речи – речь мужчин старше 16 лет, 25% – речь женщин. 20% корпуса составляют тексты американского варианта английского языка. По мнению С. Йохансона, проект COBUILD был прорывным для своего времени по ряду причин: 1) объем корпуса превышал 20 миллионов словоупотреблений; 2) источниками служили полные тексты, а не короткие фрагменты; 3) он был наиболее репрезентативным и включал тексты устной и письменной речи различных жанров. COBUILD стал самым объемным корпусом своего времени и лег в основу Словаря английского языка издательства Коллинз, The Collins COBUILD Dictionary of English (1987) [40].

По завершении проекта COBUILD в 1991 г. Дж. Синклер стал писать о том, что объем корпусов должен быть максимально большим [41]. В 1990-х гг. ученый объявил о проекте по расширению корпуса COBUILD и созданию на его основе корпуса «Банк английского языка» (The Bank of English, BoE). Цель нового проекта состояла в создании «динамического» корпуса объемом несколько сот миллионов словоупотреблений, который непрерывно пополнялся бы новыми текстами английской устной и письменной речи. Такого рода корпус также именовался «мониторный корпус», поскольку ожидалось, что подобный корпус поможет отслеживать изменения, происходящие в языке [1. Р. 47; 2. Р. 65, 116]. Как и COBUILD, корпус

ВоЕ состоит на 75% из текстов письменной речи и 25% – устной речи, при этом 70% являются текстами британского варианта английского языка, 20% – американского варианта и 10% – других национальных вариантов английского языка. К 1997 г. объем корпуса «Банк английского языка» составил 300 миллионов словоупотреблений. Корпус стал впервые по-настоящему динамичным: ежегодно в состав корпуса добавляли новые тексты. Г. Кеннеди пишет, что подобный тип корпуса поставил перед учебными новые задачи обработки текстов: ежемесячно из каждой газеты-источника поступало до 2,5 миллиона словоупотреблений [1. Р. 47]. И хотя разработчики еще не были до конца уверены в целесообразности использования мониторинговых корпусов, тем не менее корпусы COBUILD и ВоЕ сформировали новый стандарт в составлении корпусов – сбалансированность и репрезентативность. Сбалансированность как принцип формирования корпуса, по мнению П. Бейкера, может быть реализована только в больших референтных корпусах, в которых должна быть представлена как устная, так и письменная формы высокого, формального и низкого регистров [2. С. 18]. В настоящее время корпус называется Word Banks Online и содержит 259,4 миллиона словоупотреблений британского английского языка (41,4 миллиона словоупотреблений устной речи) и 189,4 миллиона словоупотреблений американского английского языка (33,1 миллиона словоупотреблений устной речи) [42].

Обосновывая необходимость репрезентативности корпуса, Д. Байбер пишет, что поскольку понятие «общий язык» есть абстрактная категория, а язык – это система различных жанров или стилей, референтный корпус должен включать все стили и жанры речи, а также территориальные говоры и диалекты. Говоря о социальной представленности языка, Д. Байбер утверждает, что в корпусах необходимо фиксировать территориальный и региональный диалекты, социолекты и профессиональные языки. Кроме того, Д. Байбер заявляет, что язык должен быть представлен в историческом ракурсе, т.е. включать тексты всех исторических эпох [43. Р. 12, 246–250; 44]. Таким образом, репрезентативность рассматривается Д. Байбером как представленность в корпусе текстов широкого спектра жанров и функциональных стилей.

Исследователи признают, что полную репрезентативность достичь невозможно [43–46]. П. Бейкер пишет, что понятие репрезентативности тесно связано с понятием валидности или соответствием полученных данных реальному состоянию языка в данной сфере употребления [2. Р. 140]. Д. Байбер считает, что репрезентативность корпуса связана со сбалансированностью, пропорциональной представленностью жанров и стилей языка всех слоев общества, которая соответствует существующей в реальности [43. Р. 246–250].

Д. Байбер также выдвигает два вида репрезентативности текстов в корпусе: лингвистический (представленность всех грамматических и лексических форм в тексте, жанре и корпусе) и ситуационный фактор (представленность ситуаций) [39]. В соответствии с точкой зрения Дж. Синклера он

утверждает, что главным критерием отбора текстов для корпуса должны стать внешние или экстралингвистические факторы (коммуникативные ситуации), а не фактор представленности той или иной грамматической конструкции или лексемы в тексте (их он называет внутренними, или лингвистическими факторами) [40]. После публикации революционных работ Дж. Синклера и Д. Байбера репрезентативность стала обязательным условием для создания корпуса.

Еще одним мегакорпусом, формирование которого было начато в конце 1980-х гг. группой под руководством Д. Саммерс, является Сеть корпусов издательства Лонгман, The Longman Corpus Network. Данная сеть корпусов в настоящее время является коммерческой базой данных, состоящей из пяти основных корпусов: 1) Лонгманский корпус речи изучающих английский язык, The Longman Corpus of Learners' English (10 миллионов словоупотреблений); 2) Лонгманский корпус письменной американской английской речи, The Longman Written American Corpus (100 миллионов словоупотреблений); 3) Лонгманский корпус устной американской английской речи, The Longman Spoken American Corpus (5 миллионов словоупотреблений); 4) Совместный корпус письменного английского языка, издательства Лонгман и Ланкастерского университета The Longman / Lancaster English Language Corpus (30 миллионов словоупотреблений) и 5) Лонгманский корпус устной британской английской речи, The Spoken British Corpus (10 миллионов словоупотреблений) [49]. Г. Кеннеди пишет, что хотя каждая из частей Сети корпусов Лонгман (The Longman Corpus Network) была собрана для специальной цели, объединенный корпус стал мощным инструментом, в котором зафиксировано большое разнообразие текстов различных жанров речи, созданных носителями и неносителями английского языка. Данный тип корпусов использовался для создания словарей и учебников по коммуникативной грамматике английского языка. Позднее корпус устной английской речи вошел также в состав устной части Британского национального корпуса [48].

Британский национальный корпус (British National Corpus, BNC) составлялся с 1991 по 1995 г. в Оксфордском и Ланкастерском университетах. Целью проекта явилось создание сбалансированного и репрезентативного корпуса устной и письменной английской речи для академических, лексикографических и коммерческих целей. Корпус объемом 100 миллионов словоупотреблений включает 10% транскриптов устной речи и 90% текстов письменной речи второй половиной XX в. 75% текстов письменной речи – тексты информативного жанра: научные статьи и монографии, политические, деловые, культурные (музыка, театр) и светские новости, религиозные и философские тексты, статьи из журналов о спорте и домоводстве. 25% корпуса – произведения художественной литературы. Сбалансированная устная часть корпуса разделена на так называемые «контекстуальные» и «демографические» тексты. «Контекстуальная» часть (“the context-governed texts”) подкорпуса устной английской речи содержит тексты различных жанров и стилей устной речи: научно-информативный

стиль (лекции, новости, обсуждения в классе, научные консультации); деловой (торговые выставки, встреча с профсоюзами, медицинские, юридические и профессиональные консультации, интервью); публичный (проповеди, политическая речь, заседания советов, парламентские чтения, судебные слушания); досуг (спортивные комментарии, разговоры после ужина, собрания в клубах, звонки радиослушателей). В «Демографическом подкорпусе» (“Demographic texts”) представлены тексты устных записей региональных диалектов (южный, центральный и северный диалекты) английского языка. Для записей диалектов по возрастному, половому, социальному и территориальному признакам были отобраны 124 добровольца из южных, центральных и северных графств Британии. Тексты в корпусе были размечены с помощью программы автоматизированной разметки CLAWS 5 Tagset¹, разработанной в университете Ланкастера. Разметка текстов осуществлена при помощи языка разметки SGML по стандартам TEI [24, 48, 49].

Еще одним амбициозным проектом своего времени стал Корпус национальных вариантов английского языка – The International Corpus of English (ICE), разработанный в Университетском колледже Лондона под руководством С. Гринбаума в 1996 г. Цель проекта состояла в сборе текстов региональных вариантов английского языка. Подкорпусы включают тексты устной и письменной речи региональных вариантов английского языка Британии (ICE-GB), Восточной Африки, Индии, Новой Зеландии, Сингапура, Канады, Гонконга, Ямайки, Филиппин, США, Камеруна, Фиджи, Ирландии, Кении, Мальты, Малайзии, Пакистана, Сьерра Леоне, Шри Ланки, Тринидада и Тобаго. В качестве респондентов избирались лица старше 18 лет, получившие среднее школьное образование в англоязычной школе. Все подкорпусы содержат 60% текстов письменной речи и 40% транскриптов устной речи. Подкорпус диалогической речи включает следующие жанры устной речи: частные беседы (личные встречи и телефонные разговоры) и публичные (уроки, беседы на радио и телевидении, теле- и радиоинтервью, парламентские дебаты, деловые переговоры, очные ставки. Подкорпус монологической речи разделен на две части. Первая включает высказывания спонтанной речи (комментарии, речь на демонстрациях и в суде). Вторая часть содержит подготовленную читаемую с листа речь (теле- и радионОВОСТИ, теле- и радиобеседы (ток-шоу). Морфологическая разметка выполнена на основе программы CLAWS7 (C7) Tagset², семантическая – с помощью программы UCREL Semantic Analysis System (USAS)³.

¹ CLAWS 5 tagset – пятая версия программы автоматической частеречной разметки CLAWS, имеющая 57 тегов для лексического списка, списка суффиксов и списка фразеологизмов [50].

² CLAWS 7 tagset – седьмая версия программы автоматической частеречной разметки CLAWS, автоматически размечающая 137 тегов для лексического списка, списка суффиксов и списка фразеологизмов [51].

³ UCREL Semantic Analysis System (USAS) – программа автоматической семантической разметки [52].

С 2006 г. в состав корпуса начинают включать аудиозаписи речи. В подкорпусе ICE-Gb (1996) выполнена частеречная и лексическая разметки. Подкорпусы (сингапурского, индийского, филиппинского, новозеландского) вариантов английского языка не размечены [24, 53].

Таким образом, корпуса второго поколения – это корпуса объемом не менее ста миллионов словоупотреблений, цель которых предполагает репрезентацию всего многообразия письменной и устной речи. Составители стремились представить как можно больше жанров и стилей устной и письменной речи различных слоев населения. Как правило, это корпуса, доступные онлайн, собранные и размеченные по требованиям TEI. Национальные корпуса стали мониторинговыми и составлялись на основе принципов репрезентативности отбора текстов и по правилам, характерным для корпусов второго поколения.

В 1990-е гг. в качестве нового образца корпусов использовался Британский национальный корпус, а стандартом составления корпусов стал TEI, который рекомендовал язык разметки SGML. В период с 1987 по 2004 г. были разработаны правила сбора корпусов, составления метаразметки, а также программы автоматизированной разметки текстов.

Корпусы третьего поколения, или гигакорпусы. Начало 2010-х гг. ознаменовано появлением больших технических возможностей: разработаны конкордансеры четвертого поколения BNCweb (2009), CQPweb (2012), SketchEngine (2013), Wmatrix (2013), функционально схожие с конкордансерами третьего поколения. Конкордансеры четвертого поколения были разработаны с целью решения следующих проблем: ограниченная мощность персональных компьютеров, несовместимость операционных систем персональных компьютеров и правовые ограничения распространения корпусов. Для решения правовых вопросов и упрощения процедуры получения доступа корпусы перешли на онлайн-версии, что увеличило скорость обработки запросов и расширило количество пользователей. Непосредственный доступ стал доступен через веб-браузер, снабженный онлайн-поиском [3. Р. 35; 54]. Четвертое поколение конкордансеров работает онлайн и позволяет осуществить контрастивный анализ небольшого частного корпуса с корпусами BNC или текстами из Интернета. М. Девис называет конкордансеры четвертого поколения гибридными корпусами, поскольку их интерфейс представляет собой некое общее поле для создания корпуса и проведения частотного анализа на морфемном, лексическом, синтаксическом и фразовом уровнях [55].

Тенденция к увеличению объема корпусов продолжилась и после 2000-х гг. А. Мауранен [56] С. Кублер и Х. Цинсмайстер [57. Р. 10] характеризуют данное поколение девизом «чем больше корпус, тем лучше», а Л. Флауэрдью первой начинает именовать данную эпоху эпохой поколения гигакорпусов¹ [58]. В это время появился ряд новых корпусов (COCA, Google

¹ Гигакорпусы (от греч. гига – миллиард) – корпуса объемом несколько миллиардов словоупотреблений.

Books Ngram) (см. ниже), объем которых составил несколько миллиардов словоупотреблений. Большой объем корпусов позволил проводить частотные исследования более масштабно и изучать коллокации, состоящие из трех, четырех и более слов. Такого рода коллокации Д. Байбер [59] и К. Хайленд [60] называют «лексическими пучками» (lexical bundles), где одно слово может быть переменным. Например, в коллокациях из пяти слов *in the beginning of the*, *in the end of the*, *in the form of the* переменным является третье слово. Впоследствии эти коллокации получили название n-граммы, где биграммы – это коллокации, состоящие из двух слов, триграммы – коллокации, состоящие из трех слов, а n-граммы – это коллокации, состоящие из n слов [61]. В настоящее время фиксация подобных коллокаций стала возможной благодаря созданию больших гигакорпусов, часто рассматриваемых как сама сеть Интернет (Google Ngram, Google Books, COCA и др.). Кроме того, подобные корпуса предлагают возможность построения графиков частотности n-грамм для различных периодов времени с 1800 до 2010 г.

В 2008 г. был опубликован Корпус современной американской английской речи (The Corpus of Contemporary American English (COCA), общий объем которого на данный момент составляет примерно 400 миллионов словоупотреблений. Корпус содержит тексты устной и письменной речи. Письменная речь представлена такими жанрами, как художественная литература: короткие рассказы и пьесы из литературных журналов, детская литература, первые главы книг, опубликованные с 1990 г., а также сценарии к фильмам (113 миллионов словоупотреблений); тексты из популярных журналов взяты из *Time*, *Cosmopolitan*, *Men's Health*, *Good Housekeeping*, *Fortune*, *Christian Century*, *Sports Illustrated* (118 миллионов словоупотреблений); тексты жанра газетной статьи взяты из 10 газет со всей Америки: *USA Today*, *New York Times*, *Atlanta Journal Constitution*, *San Francisco Chronicle* (114 миллионов словоупотреблений); тексты жанра научная статья взяты из 100 рецензируемых журналов по различным областям науки (112 миллионов словоупотреблений)¹ [62]. В корпусе COCA объем текстов устной речи составляет 118 миллионов словоупотреблений. Данный подкорпус содержит транскрипты, видео- и аудиозаписи широкого спектра радио- и телепередач: *All Things Considered* (радиостанция NPR), *Newshour* (телеканал PBS), *Good Morning America* (телеканал ABC), *Today Show* (телеканал NBC), *60 Minutes* (телеканал CBS), *Hannity and Colmes* (телеканал Fox). Корпус COCA является динамичным и ежегодно пополняется на 20 миллионов словоупотреблений. Частеречная разметка текстов осуществляется при помощи программы CLAWS. К корпусу прилагается программа-конкордансер WordAndPhrase [Ibidem].

В 2009 г. опубликован корпус оцифрованных текстов книг Google Books Ngram Viewer, в котором представлены тексты более одного миллиарда электронных книг, опубликованных в период с 1500 по 2008 г.

¹ На данный момент объем корпуса увеличен до 520 миллионов словоупотреблений.

В 2011 г. объем корпуса Google N-gram Corpus превысил 200 миллиардов словоупотреблений [63]. В 2014 г. выпущена вторая версия корпуса Google Books, в которой письменный американский дискурс на английском языке представлен 155 миллиардами словоупотреблений, а британская английская речь – 34 миллиардами словоупотреблений [64]. В корпусе Google Books кроме текстов на английском языке в значительно меньшем объеме представлены тексты на 6 языках: испанском, французском, русском, немецком, итальянском и иврите [Ibidem].

Корпус Global Web-based of English (GloWbE) (2013), как и корпус второго поколения ICE, ставит целью представить как можно больше региональных вариантов английского по всему миру. Этот корпус содержит тексты веб-страниц и веб-сайты 20 региональных вариантов английского языка. Объем корпуса GloWbE превышает объем корпуса ICE в 100 раз: его объем составляет 1,9 миллиарда словоупотреблений [65].

Объем корпуса News on the Web (NOW) (2016) на данный момент превышает 5,7 миллиарда словоупотреблений. Авторы пишут, что корпус содержит англоязычные тексты с «2012 г. по вчерашний день» [64]. Ежедневно объем корпуса пополняется текстами на 4–5 миллионов словоупотреблений. Каждую ночь с 22:00 до 1:00 тексты загружаются в корпус: программа HTTrack считывает интернет-адреса (URL) из ресурса Google News и загружает в корпус 9–10 тысяч текстов, затем при помощи программы JusText повторяющиеся и шаблонные тексты удаляются. Разметка и лемматизация текстов осуществляется с помощью программы CLAWS 7, тексты добавляются к основному составу корпуса. На сайте можно, например, отследить самое популярное слово дня или года [66].

Появление мега- и гигакорпусов показало, что большие референтные корпуса непригодны для изучения речи отдельных профессий или жанров речи, поскольку большие корпуса, несмотря на их огромный размер, содержат преимущественно тексты наиболее распространенных жанров устной и письменной речи [47, 53, 56, 58, 67]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. было доказано, что принципы репрезентативности специальных корпусов соблюдаются при значительно меньших объемах, поскольку частотность как терминов, так и нейтральных слов остается стабильной и равномерной [46, 47]. В этой связи Л. Флауэрдью пишет, что репрезентативность необходимо рассматривать как более важный аспект, чем объем корпуса, и для корпусов письменной профессиональной речи объем может варьироваться от 20 000 до 250 000 словоупотреблений [58]. Характеризуя различия устных и письменных корпусов, А. Кестер утверждает, что устный корпус объемом миллион словоупотреблений считается большим корпусом, а корпус письменной речи объемом 5 миллионов словоупотреблений считается маленьким [67]. Л. Флауэрдью уточняет, что письменные корпуса объемом меньше 250 000 словоупотреблений принято считать небольшими [58]. Если же рассматривать специальный корпус, то количество текстов, как правило, будет варьировать от семи до одиннадцати. А. Кестер считает, что количество текстов одного жанра или типа дискурса должно состав-

лять минимум пять текстов. Если количество текстов меньше пяти, то корпус не является репрезентативным. А. Кестер также отмечает, что тексты, записанные в одной организации, не будут репрезентативными для того или иного жанра вообще, но будут представлять данный жанр в данной организации [67].

Таким образом, этот период характеризуется слиянием методов корпусной лингвистики со Всемирной сетью: созданы программы автоматической загрузки текстов из Интернета, как в случае с корпусами NOW и GloWbE, отношение ко Всемирной сети как к корпусу (частный случай, корпус Google Books), выход самих инструментов во Всемирную сеть (SketchEngine, BNCweb). Рассуждения об n-граммах на данном этапе получили более предметный характер. Кроме того, стало возможным отслеживать развитие употребления того или иного слова на больших массивах данных, например изменение формы и значения слова в течение времени в письменной (Google Books) либо в устной речи (COCA, NOW, GloWbE). Появление корпусов с большими массивами текстов не уменьшило актуальность вопроса необходимости и репрезентативности малых корпусов профессиональной речи.

Заключение. Авторская классификация корпусов, дополняющая классификацию электронных корпусов Г. Кеннеди, имеет в своей основе два параметра: объем корпуса и принципы отбора материала. Корпусы доэлектронной эпохи (до 1960 г.) в современном представлении являются собранием текстов или архивом, в них отсутствует единая система сбора текстов, их объем и источники сильно варьируются. Эти же черты свойственны и для конкордансов того времени. В доэлектронную эпоху, были заложены основы принципов составления корпусов и формирования конкордансов. К концу доэлектронной эпохи уже существовали термины «конкорданс», «ключевые слова в контексте», «лемматизация». Развитие информационных технологий электронной эпохи (с 1960 г.) во многом определило развитие корпусной лингвистики.

Характерной чертой электронных корпусов первого поколения является их нацеленность на изучение текстов отдельных жанров и/или речи социальных групп. Они содержат фрагменты текстов длиной не более 2 000 словоупотреблений. Объем корпусов первого поколения не превышал миллиона словоупотреблений. Брауновский корпус и корпус LOB являются первыми референтными корпусами, на основе которых были проведены первые корпусные исследования лексики и грамматики устной речи. Среди наиболее актуальных вопросов того времени следует указать проблему разработки программ автоматической разметки, программ-конкордансеров. Именно в 1980-е гг. закрепились такие термины, как «корпус», «корпусная лингвистика», «разметка», «метаразметка», «конкордансер», «морфологический анализатор». При изучении устной речи также появились термины «токенизация», «токены», «сегментация», «нормализация», «синтаксический анализатор» (парсер), «временной интервал» (time alignment).

Проблема единого стандарта разметки, а также стандартизации сбора и составления корпусов была решена созданием Инициативы по кодированию текстов. Корпусы второго поколения, создаваемые по правилам TEI, в конце 1990-х гг. имели морфологическую, синтаксическую, семантическую и другие виды разметки. Середина 2000-х гг. ознаменовалась тремя достижениями: разработка программ разметки видеозаписей на уровне жестов, внедрение удобных в использовании конкордансеров второго и третьего поколений высокой производительности. Так же как и корпусы первого поколения, мегакорпусы являются референтными корпусами, однако их составление впервые базировалось на принципах репрезентативности и сбалансированности с целью представления всего многообразия языка. Они включали широкий спектр жанров письменной и устной речи различных форм языка. Главным критерием отбора признается экстралингвистический аспект, т.е. коммуникативная ситуация. BNC и ANC имели объем около ста миллионов словоупотреблений.

Объем корпусов третьего поколения, или гигакорпусов, составляет несколько миллиардов словоупотреблений (COCA, Google Books). Это динамические корпусы, объем которых постоянно пополняется новыми текстами. Они могут содержать устные или письменные тексты на нескольких языках и охватывать несколько исторических периодов. Программное обеспечение представляет возможность проследить развитие того или иного слова в различные исторические периоды, а также изучать коллокации в контексте. Появление гигакорпусов послужило основанием для создания корпусов специализированной речи, объем которых, как и корпусов первого поколения, не превышает одного миллиона словоупотреблений. Конкордансеры четвертого поколения предлагают больший спектр функций с возможностью составлять свой корпус и сравнивать полученные результаты с результатами референтных корпусов.

Литература

1. *Kennedy G.* An Introduction to Corpus linguistics. Addison Wesley Longman limited, 1998. 315 p.
2. *Baker P., Hardie A., McEnery T.* Glossary of Corpus Linguistics. Edinburgh University Press, 2006. 192 p.
3. *McEnery T., Hardie A.* Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge university press, 2012. 312 p.
4. *Cruden A.* A Complete Concordance to Holy Scriptures of Old and New Testament. 1737. 756 p.
5. *Stubbs J.* Notes on the History of Corpus Linguistics and Empirical Semantics // Collocations and Idioms / eds by M. Nenonen, S. Niemi. Joensuu: Joensuun Yliopisto, 2007. P. 317–329.
6. *Meyer Ch.F.* Pre-electronic corpora // Corpus Linguistics: An International Handbook / ed. by A. Ludeling, M. Kyto. 2008. P. 1–14.
7. *McCarthy M., O'Keeffe A.* Historical perspective: What are corpora and how have they evolved? // The Routledge handbook of corpus linguistics / ed. by A. O'Keeffe and M. McCarthy. 2010. P. 3–13.
8. *Strong J.* Strong's Exhaustive Concordance of the Bible. 1890. 1807 p.

9. *Becket A.* A concordance to Shakespear: suited to all the editions. 1787. 470 p.
10. *Dramatic Works with Explanatory Notes. A New Ed., to which is Now Added a Copious Index to the Remarkable Passages and Words by Samuel Ayscough.* 1790. Vol. 2. 558 p.
11. *Cowden Clarke M.V.* The Complete Concordance to Shakespeare: being a verbal index to all the passages in the dramatic works of the poet. 1847. 890 p.
12. *Tribble C.* What are concordances and how are they used // The Routledge handbook of corpus linguistics / ed. by A. O'Keeffe, M. McCarthy. 2010. P. 167–183.
13. *Jespersen O.* A modern English grammar: on historical principles. 1949. 542 p.
14. *Korycinski C., Newell A.F.* Text indexing: the problem of significance // Computers and writing. State of the Art / ed. by P.O. Holt [et al.]. 1992. P. 149–171.
15. *Busa R.* The Annals of Humanities Computing: The Index Tomisticus // Computers and the Humanities. 1980. Vol. 14. P. 83–90.
16. *Quirk R.* A grammar of contemporary English. 1972. 1120 p.
17. *Svartvik J.* Corpus linguistics 25+ years // Corpus Linguistics 25 Years On / ed. by R. Faccinetti. 2007. P. 11–27.
18. *Johansson S.* Some aspects of the development of corpus linguistics in the 1970-s and 1980-s // Corpus Linguistics: An International Handbook / ed. by A. Ludeling, M. Kyto. 2008. P. 33–53.
19. *The Brown Corpus.* URL: https://www1.essex.ac.uk/linguistics/external/clmt/w3c/corpus_ling/content/corpora/list/private/brown/brown.html (дата обращения: 20.06.2018).
20. *Nguen T.H., Nunavath V., Prinz A.* Big Data Metadata Management in small Grids // Big Data and Internet of Things: A Roadmap for Smart Environments. 2014. P. 189–215.
21. *The LOB Corpus.* URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/LOB/index.html> (дата обращения: 20.06.2018).
22. *Xiao R.* Well-known and influential corpora // Corpus Linguistics: An International Handbook / ed. by A. Ludeling, M. Kyto. 2008. P. 383–457.
23. *The LLC.* URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/LLC/index.html> (дата обращения: 20.06.2018).
24. *Lamel L., Cole R.* Spoken Language Corpora // Survey of the State of the Art in Human Language Technology. 1997. P. 338–391.
25. *TIDIGITS.* URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC93S10> (дата обращения: 20.06.2018).
26. *DARPA TIMIT Acoustic-Phonetic Continuous Speech Corpus.* CD-ROM / J.S.Garofolo [et al.]. 1993. 94 p.
27. *Resource Management Corpus.* URL: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC93S3C> (дата обращения: 20.06.2018).
28. *Tur G.* Spoken Language Understanding: Systems for Extracting Semantic Information from Speech / ed. by G. Tur, R. De Mori. 2011. 470 p.
29. *Corpus annotation.* URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/annotation.html> (дата обращения: 20.06.2018).
30. *McNeill D.* Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought. Chicago : University of Chicago Press, 1992.
31. *Rowley-Jolivet E.* Visual discourse in scientific conference papers A genre-based study // English for Specific Purposes. 2002. Vol. 21, iss. 1. P. 19–40.
32. *ELAN.* URL: <https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/release-notes> (дата обращения: 20.06.2018).
33. *Crawford Camiciottol B., Fortanet-Gómez I.* Multimodal Analysis in Academic Settings: From Research to Teaching. Routledge, 2015. 251 p.
34. *Lou Burnard.* The Evolution of the Text Encoding Initiative: From Research Project to Research Infrastructure // Journal of the Text Encoding Initiative. June 2013. Is. 5. Online since 21 June 2013, connection on 01 April 2018. URL: <http://journals.openedition.org/jtei/811>; DOI: 10.4000/jtei.811
35. *TEI Guidelines.* URL: <http://www.tei-c.org/Guidelines> (дата обращения: 20.06.2018).

36. *Introducing the guidelines*. URL: <https://tei-c.org/support/learn/introducing-the-guidelines/>. (дата обращения: 20.06.2018).
37. *Meyer Charles F.* English Corpus Linguistics: An Introduction. Cambridge University Press, 2004. 168 p.
38. *Kubler H., Zinsmeister S.* Corpus linguistics and linguistically annotated corpora. 2015. 320 p.
39. *Leech G.* Corpus annotation schemes // *Literary and Linguistic Computing*. 1993. № 8 (4). P. 275–281.
40. *The history of COBUILD*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/cobuild/> (дата обращения: 20.06.2018).
41. *Sinclair J.* Corpus, Concordance, Collocation. Oxford University Press, 1991.
42. *Word Bank Online (Bank of English)* режим доступа. URL: https://corpus.byu.edu/coca/old/help/compare_boe.asp (дата обращения: 20.06.2018).
43. *Biber D., Conrad S., Reppen R.* Corpus linguistics: Investigating language structure and use. Cambridge University Press, 1998.
44. *Biber D.* Representativeness in corpus design // *Literary and Linguistic computing*. 1993. Vol. 8 (4). P. 243–257.
45. *Sinclair J.* Corpus and Text – Basic Principles // *Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice* / ed. by M. Wynne. 2005. P. 1–16.
46. *Tognini-Bonelli E.* Corpus linguistics at work. Amsterdam : John Benjamins, 2001.
47. *The Longman Corpus Network*. URL: <http://www.longmandictionary-esusa.com/longman/corpus> (дата обращения: 20.06.2018).
48. *The British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 20.06.2018).
49. *Leech G.* A brief users' guide to the grammatical tagging of the British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/gramtag.html> (дата обращения: 20.06.2018).
50. *UCREL CLAWS5 tagset*. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/claws5tags.html> (дата обращения: 20.06.2018).
51. *Introduction by word-class to the claws7 tagging scheme*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/claws7.html#Toc334867959> (дата обращения: 20.06.2018).
52. *UCREL Semantic Analysis System (USAS)*. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (дата обращения: 20.06.2018).
53. *The International Corpus of English*. URL: <http://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/ice.htm> (дата обращения: 20.06.2018).
54. *Laurence A.* A critical look at software tools in corpus linguistics // *Linguistic Research*. 2013. № 30 (2). P. 141–161.
55. *Davies M.* Corpora: an introduction // *The Cambridge handbook of Corpus Linguistics* / ed. by D. Biber, R. Reppen. Cambridge University Press, 2015. P. 11–31.
56. *Mauranen A.* Speaking professionally in L2 // *Variation and change in spoken and written discourse: Perspectives from Corpus Linguistics* / ed. by J. Bamford, S. Cavalereri, G. Diani. 2013. P. 5–31.
57. *Kuebler S., Zinsmeister H.* Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora. London : Bloomsbury Publishing, 2015. 320 p.
58. *Flowerdew L.* The argument for using English specialized corpora to understand academic and professional language // *Discourse in professions: perspectives from Corpus Linguistics* / ed. by U. Connor, T. Upton. 2004. P. 11–33.
59. *Biber D.* University Language: A Corpus-based Study of Spoken and Written Registers. Amsterdam : John Benjamins, 2006. 261 p.
60. *Hyland K.* As it can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation // *English for Specific Purposes*. 2008. Vol. 27. P. 4–21.
61. *Rayson P.* Computational tools and methods for corpus compilation and analysis // *The Cambridge handbook of English corpus linguistics* / ed. by D. Biber, R. Reppen. Cambridge university press, 2015. P. 32–49.

62. *The Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 20.06.2018).
63. *The Google Books Corpora*. URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/GoogleBooks/> (дата обращения: 20.06.2018).
64. *Google Books*. URL: <https://googlebooks.byu.edu/> (дата обращения: 20.06.2018).
65. *Google Books Ngram Viewer*. URL: <https://books.google.com/ngrams/info> (дата обращения: 20.06.2018).
66. *GloWbE*. URL: <https://corpus.byu.edu/glowbe/> (дата обращения: 20.06.2018).
67. Koester A. Building small specialized corpora // *The Routledge handbook of corpus linguistics*. 2010. P. 66–80.

The History of Corpus Linguistics (On the Example of the English Language Corpora)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 132–160. DOI: 10.17223/19986645/63/8

Marina I. Solnyshkina, Galiya M. Gatiyatullina, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: mesoln@yandex.ru / ggaliya-m@mail.ru

Keywords: history of linguistics, text corpora, corpus linguistics, corpus generations, corpus classification.

The aim of the research is to review the milestones in the development of corpus linguistics and present an original classification of the main periods in formation and development of English-language corpora which includes the following four periods: (a) the “pre-electronic” period or the period of text archives which lasted for over several centuries and finished in the 1960s; (b) “the first generation” covers the period from the 1960s to the mid-1990s; (c) “the second generation” period of megacorpora corresponds to the last decade of the 20th century; (d) the third generation period of gigacorpora started in the mid-2000s. The pre-electronic corpora and concordances lacked a unified system of text collection, views on representative size, and sources of corpora. In this period, there were developed the basic principles of concordance collection, the KWIC system, lemmatization. The first generation corpora were mostly compiled for the study of certain genres and/or speech of certain groups of people. These corpora typically contained texts with a limited number of tokens, usually no more than 2,000. Among the most significant achievements of that period are The Brown Corpus and the London-Oslo-Bergen corpus, the first reference corpora, which were used for lexical and grammatical studies of “language in use”, the first concordance software (CLOC, COCOA), and the first automatic tagging software (TAGGIT). By the early 1990s, the following terms were introduced, specified and defined: “corpus linguistics”, “metatext”, “tagging”, “concordancer”, “POS-tagging”, “tokenization”, “segmentation”, “parsing”. The problem of a standardized corpus, its compilation, and tagging were addressed in the project of Text Encoding Initiative (1987). The annotation patterns of that period began requiring POS, syntactic, semantic, and other tagging. Concordances of the mid-2000s became faster and more user friendly. Representativeness in corpora was achieved by the presence of texts of spoken and written speech in various communicative events. Therefore, the referential corpora of the second generation (BNC, ANC) represent the national language with a wide range of both written and spoken genres in many territorial dialects. The size of the third generation corpora or gigacorpora (COCA, Google Books) was increased to several billion tokens, and they became dynamic. The installed software enables tracking the form, meaning, and use of words and n-grams in written and spoken texts in a number of languages covering several historical periods. Modern concordances are also tools for compilation of small subcorpora and contrasting the obtained results with those of the larger corpora (BNC, COCA).

References

1. Kennedy, G. (1998) *An Introduction to Corpus linguistics*. Addison Wesley Longman limited.

2. Baker, P., Hardie, A. & McEnery, T. (2006) *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh University Press.
3. McEnery, T. & Hardie, A. (2012) *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge University Press.
4. Cruden, A. (1737) *A Complete Concordance to the Holy Scriptures of Old and New Testament*. London.
5. Stubbs, J. (2007) Notes on the History of Corpus Linguistics and Empirical Semantics. In: Nenonen, M. & Niemi, S. (eds) *Collocations and Idioms*. Joensuu: Joensuun Yliopisto. pp. 317–329.
6. Meyer, Ch.F. (2008) Pre-electronic corpora. In: Ludeling, A. & Kyto, M. (eds) *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Walter de Gruyter. pp. 1–14.
7. McCarthy, M. & O’Keeffe, A. (2010) Historical perspective: What are corpora and how have they evolved? In: O’Keeffe, A. & McCarthy, M. (eds) *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge. pp. 3–13.
8. Strong, J. (1890) *Strong’s Exhaustive Concordance of the Bible*. The Methodist Book Concern.
9. Becket, A. (1787) *A Concordance to Shakespear: Suited to all the Editions*. Printed for G.G.J. and J. Robinson.
10. Shakespear, W. (1790) *Dramatic Works with Explanatory Notes*. A New Ed., to which is Now Added a Copious Index to the Remarkable Passages and Words by Samuel Ayscough. London : Printed for John Stockdale.
11. Cowden Clarke, M.V. (1847) *The Complete Concordance to Shakespeare: being a verbal index to all the passages in the dramatic works of the poet*. Bickers and Son.
12. Tribble, C. (2010) What are concordances and how are they used. In: O’Keeffe, A. & McCarthy, M. (eds) *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge. pp. 167–183.
13. Jespersen, O. (1949) *A Modern English Grammar: On Historical Principles*. Copenhagen: George Allen & Unwin Ltd.
14. Korycinski, C. & Newell, A.F. (1992) Text indexing: the problem of significance. In: Holt, P.O. et al. (eds) *Computers and Writing. State of the Art*. Springer. pp. 149–171.
15. Busa, R. (1980) The Annals of Humanities Computing: The Index Tomisticus. *Computers and the Humanities*. 14. pp. 83–90.
16. Quirk, R. (1972) *A Grammar of Contemporary English*. Addison-Wesley Longman Ltd.
17. Svartvik, J. (2007) Corpus linguistics 25+ years. In: Faccinetti, R. (ed.) *Corpus Linguistics 25 Years On*. Rodopi. pp. 11–27.
18. Johansson, S. (2008) Some aspects of the development of corpus linguistics in the 1970-s and 1980-s. In: Ludeling, A. & Kyto, M. (eds) *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Walter de Gruyter. pp. 33–53.
19. *The Brown Corpus*. [Online] Available from: https://www1.essex.ac.uk/linguistics/external/clmt/w3c/corpus_ling/content/corpora/list/private/brown/brown.html. (Accessed: 20.06.2018).
20. Nguen, T.H., Nunavath, V. & Prinz, A. (2014) Big Data Metadata Management in Small Grids. In: Bessis, N. & Dobre, C. (eds) *Big Data and Internet of Things: A Roadmap for Smart Environments*. Springer. pp. 189–215.
21. *The LOB Corpus*. [Online] Available from: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/LOB/index.html>. (Accessed: 20.06.2018).
22. Xiao, R. (2008) Well-known and influential corpora. In: Ludeling, A. & Kyto, M. (eds) *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Walter de Gruyter. pp. 383–457.
23. Varieng. (n.d.) *The LLC*. [Online] Available from: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/LLC/index.html>. (Accessed: 20.06.2018).
24. Lamel, L. & Cole, R. (1997) Spoken Language Corpora. In: Varile, G.B. et al. *Survey of the State of the Art in Human Language Technology*. Cambridge University Press. pp. 338–391.

25. Leonard, G.R. & Doddington, G.R. (1993) *TIDIGITS*. [Online] Available from: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC93S10>. (Accessed: 20.06.2018).
26. Garofolo, J.S. et al. (1993) *DARPA TIMIT Acoustic-Phonetic Continuous Speech Corpus*. CD-ROM. Gaithersburg, MD.
27. *Resource Management Corpus*. [Online] Available from: <https://catalog.ldc.upenn.edu/LDC93S3C>. (Accessed: 20.06.2018).
28. Tur, G. (2011) *Spoken Language Understanding: Systems for Extracting Semantic Information from Speech*. John Wiley and Sons.
29. UCREL. (n.d.) *Corpus Annotation*. [Online] Available from: <http://ucrel.lancs.ac.uk/annotation.html>. (Accessed: 20.06.2018).
30. McNeill, D. (1992) *Hand and Mind: What Gestures Reveal About Thought*. Chicago: University of Chicago Press.
31. Rowley-Jolivet, E. (2002) Visual discourse in scientific conference papers A genre-based study. *English for Specific Purposes*. 21 (1). pp. 19–40.
32. ELAN. [Online] Available from: <https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/release-notes>. (Accessed: 20.06.2018).
33. Crawford Camiciottol, B. & Fortanet-Gómez, I. (2015) *Multimodal Analysis in Academic Settings: From Research to Teaching*. Routledge.
34. Burnard, L. (2013) The Evolution of the Text Encoding Initiative: From Research Project to Research Infrastructure. *Journal of the Text Encoding Initiative*. 5. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/jtei/811>. DOI: 10.4000/jtei.811
35. TEI. (n.d.) *TEI Guidelines*. [Online] Available from: <http://www.tei-c.org/Guidelines>. (Accessed: 20.06.2018).
36. TEI. (n.d.) *Introducing the Guidelines*. [Online] Available from: <https://tei-c.org/support/learn/introducing-the-guidelines/>. (Accessed: 20.06.2018).
37. Meyer, Ch.F. (2004) *English Corpus Linguistics: An Introduction*. Cambridge University Press.
38. Kubler, H. & Zinsmeister, S. (2015) *Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora*. Bloomsbury Academic.
39. Leech, G. (1993) Corpus annotation schemes. *Literary and Linguistic Computing*. 8 (4). pp. 275–281.
40. Collins. (n.d.) *The History of COBUILD*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com/cobuild/>. (Accessed: 20.06.2018).
41. Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press.
42. *Word Bank Online (Bank of English)*. [Online] Available from: https://corpus.byu.edu/coca/old/help/compare_boe.asp. (Accessed: 20.06.2018).
43. Biber, D., Conrad, S. & Reppen, R. (1998) *Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use*. Cambridge University Press.
44. Biber, D. (1993) Representativeness in corpus design. *Literary and Linguistic Computing*. 8 (4). pp. 243–257.
45. Sinclair, J. (2005) Corpus and Text – Basic Principles. In: Wynne, M. (ed.) *Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice*. Oxbow Books. pp. 1–16.
46. Tognini-Bonelli, E. (2001) *Corpus Linguistics at Work*. Amsterdam: John Benjamins.
47. *The Longman Corpus Network*. [Online] Available from: <http://www.longmandictionary-esusa.com/longman/corpus>. (Accessed: 20.06.2018).
48. *The British National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (Accessed: 20.06.2018).
49. Leech, G. (n.d.) *A Brief Users' Guide to the Grammatical Tagging of the British National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/gramtag.html>. (Accessed: 20.06.2018).
50. UCREL. (n.d.) *UCREL CLAWS5 tagset*. [Online] Available from: <http://ucrel.lancs.ac.uk/claws5tags.html>. (Accessed: 20.06.2018).

51. UCREL. (1996) *Introduction by word-class to the claws7 tagging scheme*. [Online] Available from: http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/claws7.html#_Toc334867959. (Accessed: 20.06.2018)
52. UCREL *Semantic Analysis System (USAS)*. [Online] Available from: <http://ucrel.lancs.ac.uk/usas/>. (Accessed: 20.06.2018).
53. *The International Corpus of English*. [Online] Available from: <http://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/ice.htm>. (Accessed: 20.06.2018).
54. Laurence, A. (2013) A critical look at software tools in corpus linguistics. *Linguistic Research*. 30 (2). pp. 141–161.
55. Davies, M. (2015) Corpora: an introduction. In: Biber, D. & Reppen, R. (eds) *The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics*. Cambridge University Press. pp. 11–31.
56. Mauranen, A. (2013) Speaking professionally in L2. In: Bamford, J., Cavalereri, S. & Diani, G. (eds) *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from Corpus Linguistics*. Amsterdam: Benjamins. pp. 5–31.
57. Kuebler, S. & Zinsmeister, H. (2015) *Corpus Linguistics and Linguistically Annotated Corpora*. London: Bloomsbury Publishing.
58. Flowerdew, L. (2004) The argument for using English specialized corpora to understand academic and professional language. In: Connor, U. & Upton, T. (eds) *Discourse in the Professions: Perspectives From Corpus Linguistics*. Amsterdam: Benjamins. pp. 11–33.
59. Biber, D. (2006) *University Language: A Corpus-based Study of Spoken and Written Registers*. Amsterdam: John Benjamins.
60. Hyland, K. (2008) As it can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation. *English for Specific Purposes*. 27. pp. 4–21.
61. Rayson, P. (2015) Computational tools and methods for corpus compilation and analysis. In: Biber, D. & Reppen, R. (eds) *The Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics*. Cambridge University Press. pp. 32–49.
62. *The Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <https://corpus.byu.edu/coca/>. (Accessed: 20.06.2018).
63. *The Google Books Corpora*. [Online] Available from: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpo-ra/GoogleBooks/>. (Accessed: 20.06.2018).
64. *Google Books*. [Online] Available from: <https://googlebooks.byu.edu/>. (Accessed: 20.06.2018).
65. *Google Books Ngram Viewer*. [Online] Available from: <https://books.google.com/ngrams/info>. (Accessed: 20.06.2018).
66. *GloWbE*. [Online] Available from: <https://corpus.byu.edu/glowbe/>. (Accessed: 20.06.2018).
67. Koester, A. (2010) Building small specialized corpora. In: O’Keeffe, A. & McCarthy, M. (eds) *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge. pp. 66–80.

УДК 81-144 + 81-112
DOI: 10.17223/19986645/63/9

О.А. Солопова

КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ТЕКСТОВ О РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)¹

Представлен фрагмент исследования модели будущего России, проведенного с использованием инструментария лингвополитической прогностики. Источником материала является оцифрованный корпус The British Newspaper Archive; хронологические рамки охватывают период Великой Отечественной войны (1941–1945). Автором приведены результаты ретроспективного анализа системы метафорических моделей с элементами диахронического сопоставления с данными исследований британского дискурса XIX и XXI вв.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика, будущее, прогностический смысл, Великая Отечественная война, метафора.

Введение

Интерес к изучению дискурса Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее неотъемлемой и ключевой составляющей вызван их колоссальными последствиями, которые, в частности, привели к формированию современной геополитической системы. Переосмысление официальных концепций событий, пересмотр роли СССР в разгроме фашизма не могут не волновать специалистов, занимающихся исследованием дискурса названных периодов как в рамках конкретных дисциплинарных парадигм, так и в русле междисциплинарных подходов.

Особенности современной историографии состоят в активном расширении корпуса источников благодаря рассекречиванию архивных материалов, появлению факсимильных баз данных и технологий цифровой реставрации, которые обеспечивают не только сохранность документов, но и доступ к их полнотекстовым версиям. Архивные документы представляют собой уникальный исторический источник, который позволяет реконструировать «реальность» прошлого, получить представление об особенностях исторической концептуализации периода, выбранного для анализа, об оценке современниками переживаемых ими событий, о доминирующих в ту или иную эпоху образах и моделях, которые детерминировали восприятие прошлого.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192.

Анализ фактического языкового материала британского архива, который ранее не был объектом лингвистических исследований, нацелен на обогащение исторической памяти о Великой Отечественной войне, на возрождение интереса к событиям данного периода в нашей стране и за рубежом.

Методы исследования. Исследование выполнено с использованием инструментария лингвополитической прогностики, объектом изучения которой является политическое будущее государства. Целесообразность исследования будущего обусловлена тем, что именно сосредоточенность на будущем дает настоящему и прошлому подлинное существование и оценку, задавая определенную структуру политического времени. Научный исследовательский интерес к будущему России неразрывно связан с ее местом в системе глобальных отношений: Россия – один из ключевых игроков на мировой арене, и это обстоятельство является устойчивой и долговременной характеристикой мировой системы, не зависит напрямую от конкретной политической или экономической ситуации в стране.

Инструментарий лингвополитической прогностики включает матрицы (статические и динамические), системы метафорических моделей в синхронии и диахронии, синхронные и диахронные прогностические сценарии с условным разветвлением на две «предельные» альтернативы развития – «светлое» будущее и «мрачное» будущее [1].

Поскольку в политической сфере происходит наиболее тесное взаимодействие различных слоев общества и разных видов знания (от наивного до научного), проявляющегося в виде метафорических формул, в политическом прогностическом тексте ключевой единицей познания, формирования и репрезентации категории прогностичности считается когнитивная метафора. Перефразируя высказывание Э. Кассирера [2. Т. 1], можно сказать, что мир дан нам дважды – один раз в действительности, другой – в метафорах, заслуживающих пристального изучения. В прогностическом исследовании метафора соотнесена с познавательной деятельностью человека с учетом того, что он постоянно приспосабливается к изменяющимся историческим условиям. В процессе жизнедеятельности человек занят переконструированием «матрицы значений» [3. С. 100], тем самым обеспечивая описание прошлого и настоящего метафорами, необходимыми для освоения потока будущей информации. Представляется, что именно метафора является конститутивным свойством предвосхищающего мышления [4–6], интерпретируя прошлое и настоящее, структурируя видение будущей реальности, организуя прогноз, управляя им, направляя его по «светлому пути» либо выбирая «мрачную» альтернативу.

Комплекс исследовательских методов включает метод метафорического моделирования, который дает возможность проанализировать систему метафорических моделей в каждом синхронном срезе; когнитивно-дискурсивный анализ, позволяющий описать специфику функционирования метафорических моделей и иных лингвистических средств в политическом дискурсе в зависимости от исторической ситуации анализируемой эпохи; ретроспективный анализ, направленный на исследование метафо-

рики, характерной для определенного исторического периода (в данной работе – периода Великой Отечественной войны); диахронический анализ, который состоит в сопоставлении синхронной системы и ретроспективных систем метафорических моделей, реализующихся в политическом дискурсе при конструировании образа будущего России. Выявление внутрисистемных сходств и различий на уровне систем метафорических моделей позволяет зафиксировать архетипичные метафоры – когнитивные константы, неизменно востребованные в дискурсе на протяжении длительного периода, значимые в каждом синхронном срезе, выбранном для анализа, обладающие определенным «иммунитетом» к изменениям, вносимым временем [1, 4, 6–9], и установить вариативные характеристики метафорической репрезентации будущего России, проявляющиеся в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи.

Исследование конструкторов будущего, их метафорического осмысления, сопоставление способов моделирования прогностического смысла в политических дискурсах различных стран на разных этапах развития общества позволяют выявить и описать прогностический потенциал метафоры в статике и динамике и представляют интерес для определения инструментов политических технологий и для изучения ресурсов явного и скрытого управления общественным сознанием.

Хронологические рамки и материал исследования. В предыдущих работах с использованием инструментария лингвополитической прогностики были проанализированы филологически представительные массивы данных британского дискурса XIX и XXI вв. [8, 9]. Выбранный для ретроспективного анализа период Великой Отечественной войны интересен и показателен тем, что в отличие от двух исследованных ранее синхронных срезов, в которых образ России моделировался исключительно в антагонистическом аспекте, что обусловлено, в частности, несовпадающими стратегическими интересами государств, в данном периоде фрагментации две страны принадлежат к одному союзническому геополитическому лагерю, что должно подтвердить или опровергнуть выводы о субъективности и дискурсивности модели будущего, о наличии архетипичных метафор и клишированных образов, задействованных в репрезентации будущего России, о существовании стереотипных негативных моделей восприятия нашей страны и ее будущего в британском политическом дискурсе. Такой анализ позволит взглянуть сквозь текст на часть прошлой реальности, которая лежит за этим текстом, глазами британцев, современников одного из самых трагических и одновременно героических периодов в истории России, установить особенности восприятия и концептуализации будущего в период Великой Отечественной войны, определить степень влияния факторов объективного и субъективного порядка на конструирование модели будущего России и актуализацию определенных лингвистических средств, востребованных в ее создании.

Источником материала является оцифрованный полнотекстовый одноязычный коммерческий корпус The British Newspaper Archive

(21 497 726 газет и журналов с 1700 по 2017 г.), представляющий собрание письменных текстов Великобритании (Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса) [10]. Архив обеспечен корпусным менеджером, автоматизированным многоаспектным тематическим поиском, который предоставляет возможность получения из корпуса необходимой информации (в частности, позволяет идентифицировать запрашиваемый документ, просмотреть его на экране и получить копию его факсимильного изображения в отдельном файле). Полнотекстовая выборка в архиве осуществлялась по словоформам и словосочетаниям «(the) USSR, Russia, future» в изданиях, вышедших в заданном временном диапазоне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.), с условием отбора текстов, в которых присутствуют все запрашиваемые словоформы (рис. 1).

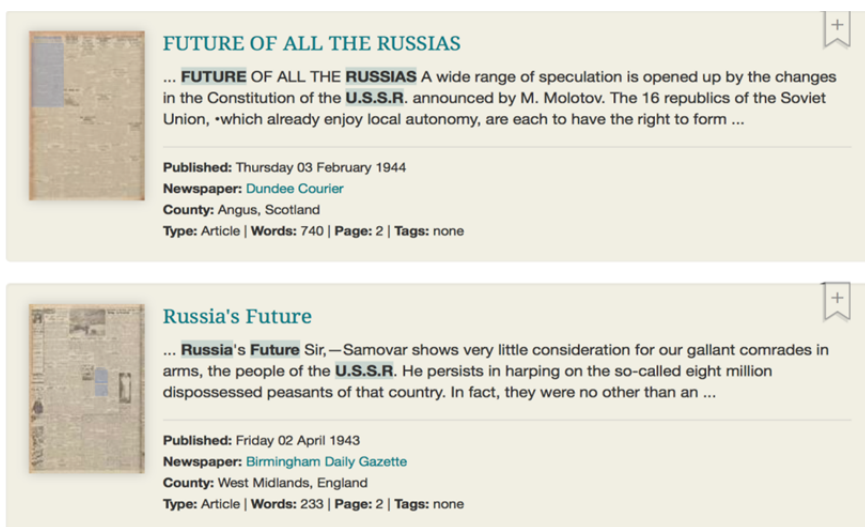

Рис. 1. Фрагмент выдачи корпусом данных, соответствующих условиям запроса

Экстралингвистические метки корпуса включают следующие сведения о тексте: дата опубликования, название издания, место издания (графство и страна), жанр публикации, ее объем, размещение в номере.

Результатом выборки является сформированный иллюстративный корпус, включающий 3373 текста (рис. 2), которые при дальнейшем исследовании обрабатывались вручную по ряду причин.

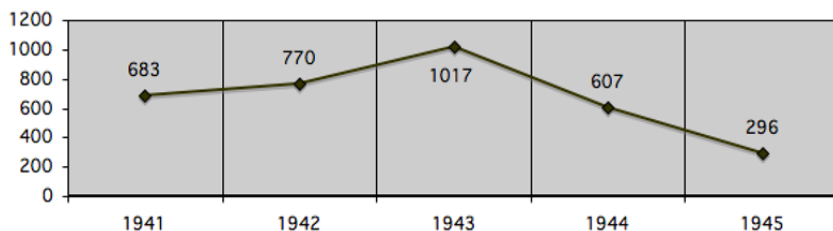

Рис. 2. Результаты выборки в заданном временном диапазоне

Во-первых, существующие программные решения автоматизированного поиска метафор в корпусе текстов, ориентированные на извлечение лексических единиц с близким значением [11], единиц в первичном и переносном значении [12], глаголов в метафорическом значении [12–14], существительных и прилагательных в переносном значении [15], конвенциональных, «стертых» метафор [16], глагольных метафор в конструкциях глагол – субъект, глагол – прямое дополнение, глагол – косвенное дополнение [17], групп существительных с метафорическим значением (noun clustering) [18], нацелены на фиксацию регулярно встречающихся (наиболее частотных) метафорических паттернов в различных корпусах и типах дискурса современного хронологического среза. В настоящей работе анализу подлежит ретроспективный срез, источником материала является оцифрованный архив.

Во-вторых, большинство профессиональных систем оптического распознавания текста (CuneiForm, WinScan2PDF, ABBYY FineReader, Readiris), предназначенных для конвертации отсканированных и сфотографированных текстов, могут преобразовывать оригиналы в редактируемый формат преимущественно с бумажных носителей. Кроме того, качество конвертируемых в текстовый формат файлов с помощью продуктов ABBYY FineReader 12 и системы оптического распознавания текстов (OCR) корпуса The British Newspaper Archive зависит от множества факторов: состояния оригинального источника, качества бумаги, формата документа, блеклости документа, дефектов цветности и т.д. Общее физическое состояние архивных документов, датируемых 1941–1945 гг., а также различные виды повреждений бумаги и текста обуславливают то, что преобразованный текстовый файл часто некорректно отображает содержание оригинального документа, что значительно затрудняет автоматизированную обработку материала и подтверждает необходимость «ручной» выборки контекстов из оцифрованного текста.

В-третьих, в ходе скрупулезного и трудоемкого анализа лингвиста количество метафор нередко оказывается выше, чем число единиц, выявленных в ходе автоматизированного поиска, поскольку часто стертая метафора, лишённая образности, воскрешает ее и генерирует другие метафорические образы, ассоциативно связанные с ней, что достигается за счет повторения или интенсификации метафоры с обогащением контекстной семантики, парадигматических и синтагматических отношений метафорической единицы с другими единицами контекста, синтаксической «упаковки» высказывания, интертекстуальных связей и других способов акцентирования метафоры в тексте.

Собранный иллюстративный корпус изучался с привлечением трехуровневой методики анализа, включающей исследование лингвополитической матрицы, системы метафорических моделей и лингвопрогнозных сценариев. В следующем разделе кратко представлены основные результаты ретроспективного исследования доминантных метафорических моделей, использующихся в британском дискурсе периода Вели-

кой Отечественной войны при репрезентации будущего России, с элементами диахронического анализа.

Основные результаты исследования. В настоящей работе ретроспективный анализ системы метафорических моделей проводится по следующим параметрам: количество метафорических моделей, задействованных в конструировании модели будущего; доминантные для хронологического среза модели; прагматические смыслы, которые они профилируют; способность метафор продуцировать «светлые» и «мрачные» образы будущего. Задача исследователя в рамках данного раздела – показать, как прогностические смыслы, транслируемые политической метафорой, как стертой, так и индивидуально-авторской, поддерживаются, дублируются и акцентируются другими лингвистическими средствами, работающими на семантику будущего и служащими формальной организации прогностического контекста. В контекстах, приводимых в статье, сохранены орфографические, морфологические, синтаксические особенности и шрифтовые выделения оригинальных текстов британского политического дискурса периода Великой Отечественной войны.

В собранном иллюстративном корпусе рассматриваемого хронологического среза, включающем 3 373 текста, зафиксировано 1154 контекста, активизирующих 19 метафорических моделей (табл. 1, где ММ – метафорическая модель, полужирным шрифтом обозначены процентные показатели пяти доминантных моделей, реализуемых при репрезентации будущего, о которых пойдет речь в настоящей статье).

Т а б л и ц а 1

Система метафорических моделей, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании анализируемого среза

№	Название метафорической модели (ММ)	100 % – 1 154
1	ММ неживой природы	14,0%
2	ММ пути	12,7%
3	ММ дома	12,5%
4	ММ родства	11,3%
5	ММ строительства	9,7%
6	Физиологическая ММ	8,6%
7	ММ механизма	8,0%
8	Зооморфная ММ	4,1%
9	Милитарная ММ	3,9%
10	Педагогическая ММ	2,7%
11	Экономическая ММ	2,6%
12	ММ болезни	2,5%
13	Монархическая / Феодальная ММ	2,4%
14	Фитоморфная ММ	1,3%
15	Спортивная ММ	1,2%
16	ММ Игры	0,9%
17	Театральная ММ	0,6%
18	Инструментальная ММ	0,5%
19	Криминальная ММ	0,5%

Как отмечалось в предыдущих исследованиях [1, 8, 9], одной из архетипичных в репрезентации будущего является метафора неживой природы в силу своей способности моделировать неопределенность, непредсказуемость и стихийность грядущего. Основные смыслы, в большинстве своем негативные, транслируемые метафорами модели при концептуализации будущего, обычно связаны с отсутствием возможности предугадать будущее, повлиять на ход событий, противостоять масштабным катастрофам и стихийным разрушительным силам будущего (табл. 2, где ММ – метафорическая модель. Данные, полученные в ходе анализа британского дискурса периода Великой Отечественной войны, выделены цветом и приведены в порядке убывающей частотности. Арабские цифры (в скобках) показывают распределение моделей на шкале частотности в каждом из хронологических срезов. Частотность каждой метафорической модели, выявленной при исследовании ретроспективного среза (1941–1945) указана в табл. 1).

Таблица 2

Диахронический статистический анализ метафорических моделей неживой природы, пути, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании

№	Название метафорической модели (ММ)	XIX в. 100 % – 1 345	XX в. 100 % – 1 154	XXI в. 100 % – 1 917
1	ММ неживой природы	5,4% (8)	14,0% (1)	7,8% (5)
2	ММ пути	16,6% (1)	12,7% (2)	10,4% (4)

Тем не менее дискурсивность политической метафоры, ее зависимость от экстралингвистического контекста, позволяет «переворачивать» конвенциональный сценарий модели, нивелируя традиционно негативные прагматические смыслы, обуславливая ее способность реализовываться в «светлом» варианте: *Soviet Avalanche. VAST forces of the Red Army are chasing the fleeing Germans off their feet. The Soviet is going forward like an avalanche*¹. Portsmouth Evening News, 25 July 1944. Метафора лавины нацелена на концептуализацию бескрайних и значительных сил Красной Армии, направленных против общего врага, их динамичность и активность, что изначально задает доминантную положительную оценочность образа. Начав свое движение, эта сила, словно лавина, уже не может остановиться, сметая на своем пути фашистских захватчиков. Акцентированию метафоры лавины и профилируемых ею смыслов масштаба, напора, постоянного движения способствуют употребление метафорической единицы *Soviet Avalanche* в сильной позиции текста (в заглавии статьи); введение в контекст прилагательного *VAST* (very great in size, amount, degree, intensity, or especially in extent or range [19]; огромный, обширный, громадный, бескрайний, безбрежный, бесконечный [20]), его шрифтовое выделение; глагол движения *go forward* в настоящем длительном времени (Present Conti-

¹ Советская лавина. БЕСКРАЙНИЕ силы Красной Армии преследуют спасающихся бегством немцев по пятам. Советский народ движется вперед словно лавина.

puous), подчеркивающим континуальность, непрерывность действия, его направленность в будущее – к победе, единственному условию, которое может остановить движение лавины. Обращает на себя внимание согласование субстантивированного прилагательного Soviet, употребленного с определенным артиклем, с глаголом в единственном числе. Как известно, полная субстантивация прилагательного позволяет использовать его в единственном числе с неопределенным артиклем в значении отдельного представителя нации (a Soviet – гражданин СССР) и во множественном числе с определенным артиклем, обозначая нацию и страну в целом (the Soviets – Советский Союз, граждане СССР). В приведенном контексте заместительное использование грамматической формы единственного числа с определенным артиклем (the Soviet is) стилистически маркировано; соединение двух функциональных значений, на взгляд автора, может трактоваться как грамматическая метафора, транслирующая смыслы небывалого единения государства, армии и народа, совместных усилий, общей и единственной цели («все как один»), что согласуется с общей тональностью британского дискурса периода Великой Отечественной войны о нашей стране.

Другой доминантной метафорой, востребованной в концептуализации будущего, является метафора пути, единицы которой занимают второе место на шкале частотности в корпусе текстов анализируемого хронологического среза: *Russia Will Change. One of the great nations of the world, a pioneer in history, the country that made history in the war – Russia is on the march. The best we can do for the future of humanity is to see Russia, together with other United Nations, enter new paths which would be a benefit to humanity*¹ / The Scotsman, February 15, 1945. Архетипичность метафоры пути в моделировании будущего как темпорального отрезка детерминирована линейным восприятием времени человеком как движения из прошлого через настоящее в будущее. Метафора пути связывает временную триаду в единое целое, где прошлое предопределяет настоящее, а настоящее влияет на будущее. В иллюстративном контексте прошлое, настоящее и будущее России также выстроены в линейной последовательности в концептуальном и синтагматическом планах. Характеристика великого прошлого страны, открывающая текстовый фрагмент, приведена в обособленном приложении (*one of the great nations of the world, a pioneer in history, the country that made history in the war*), которое является дополнительной ремой высказывания [21, 22], логически и эмоционально подчеркивая значимость прошлых заслуг, свершений и побед России. Пунктуационно выделенная «тире» позиция обособленного приложения в начале предложения придает данному члену больший синтаксический и прагматический вес [23], вы-

¹ Россия изменится. Одна из ведущих наций мира, пионер в истории, страна, которая вошла в историю войны, Россия постоянно находится в развитии. Самое лучшее, что мы можем сделать для будущего человечества, – увидеть, как Россия вместе с другими странами Организации Объединенных Наций вступит на новый путь, который принесет пользу человечеству.

двигая характеристику прошлого страны в коммуникативный фокус текстового фрагмента. Метафора пути *a pioneer* (пионер, первопроходец) репрезентирует Россию как страну, вписавшую новую страницу в историю мира, что позволило ей добиться успехов не только на военном поприще, но и в собственном, отличном от других развитии и что определяет ее настоящее (*Russia is on the march*). Интересна метафора *on the march*, непосредственно связанная с военным временем, передвижением войск, успешными военными кампаниями, которая одновременно транслирует смыслы постепенного прогрессивного пути (эволюции). Россия открыта будущему, которое в рамках стертой метафоры пути предлагает ей различные векторы движения (*new paths*), каждый из них, будучи светлым и эволюционным, направлен на развитие человечества и мирового сообщества в целом.

Рассмотренные метафорические модели неживой природы и пути по результатам предыдущих работ [8, 9] были отнесены к архетипичным моделям, задействованным в моделировании будущего России, что полностью подтверждается данными, полученными в ходе анализа материала британского дискурса периода Великой Отечественной войны.

Показателен диахронический анализ статистических данных представленности метафор трех других доминантных для анализируемого хронологического среза моделей (дома, родства и строительства) (табл. 3).

Таблица 3

Диахронический статистический анализ метафорических моделей дома, родства и строительства, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании

№	Название метафорической модели (ММ)	XIX в. 100 % – 1345	XX в. 100 % – 1154	XXI в. 100 % – 1917
1	ММ дома	0,7% (16)	12,5% (3)	–
2	ММ родства	0,7% (16)	11,3% (4)	1,9% (13)
3	ММ строительства	–	9,7% (5)	2,5% (12)

Сопоставительное исследование показывает, что доминантные для британского дискурса периода Великой Отечественной войны модели дома, родства и строительства в дискурсе Великобритании XIX и XXI вв. либо относятся к периферии метафорического образа будущего России, либо вообще не представлены. К примеру, метафоры дома и родства занимают последнее место в системе метафорических моделей XIX в., участвующих в лингвистическом обеспечении модели будущего России; метафоры родства и строительства не активны в дискурсе начала XXI в., занимая на шкале частотности 12-е и 13-е места соответственно при общем количестве моделей 18. Кроме того, в политическом дискурсе Великобритании XIX в. не представлена модель строительства, в XXI в. – метафора дома.

Три доминантные для анализируемого хронологического среза модели (дома, родства и строительства) концептуально ориентированы на моделирование светлых сторон будущего и чаще всего будущего собственной страны: Родина – это дом, который помогает, защищает, служит человеку,

воспитывает и изменяет его (метафора дома), где живут родные и куда приходят друзья (метафора родства), который приходится отстраивать, ремонтировать и приводить в порядок (метафора строительства). Тем более показателен факт востребованности рассматриваемых метафорических моделей в политическом дискурсе Великобритании в репрезентации будущего другой страны, России.

В рамках метафоры дома одной из самых востребованных при обращении к образу будущего является метафора «ключ», пересекающаяся с инструментальной источниковой сферой: *Unless we threw our whole strength into a military alliance with Russia, victory would slip out of our hands. Russia is the key that can unlock the doors of our future*¹ / Hull Daily Mail, 09 March 1942. Несмотря на почти утраченную образность, метафора «ключ» профилирует положительные коннотативные смыслы, что связано в первую очередь с функцией, которую ключ выполняет, открывая доступ, устраняя преграду, символизируя продвижение, решение, свободу действий и выбора, получение нового знания. Россия – это ключ к будущему, к победе и миру. Определенный артикль и уточняющее придаточное определительное (*the key that can unlock the doors of our future*) указывают на исключительность, наивысшую степень соответствия России данному образу. Метафора «двери будущего» (*the doors of our future*), употребленная во множественном числе, акцентирует многогранность будущего, его поливариантность. Обращают на себя внимание морфологические средства выражения модальности, обрамляющие политическую метафору. Текстовый фрагмент открывается сложноподчиненным предложением с употреблением настоящих видовременных форм косвенных наклонений: сослагательного II и условного. Ирреальная модальность в репрезентации действий самой Великобритании контрастирует с утверждением в индикативе, являющимся ядром прогностического фрагмента, констатирующим факт того, что именно Россия является единственным ключом, подходящим ко всем замкам будущего. Употребление модального глагола *can* в значении физической / интеллектуальной способности к совершению действия (*can unlock*) подчеркивает наличие у России ресурсов для достижения желаемого будущего. Футуральная перспектива задается лексическим маркером (*future*), завершающим текстовый фрагмент.

Факт союзничества двух держав в рассматриваемый исторический период актуализирует использование стертых метафорических единиц сферы-источника «родственные отношения» («братья», «братья по оружию», «дружба», «друзья», «товарищи» и др.): *Only by the closest cooperation between the Soviet Union and Great Britain can we win the war and the peace which will follow it. Apart from the experience of collaboration is the obligation for future generations to forge a strong bond of friendship with a nation so pow-*

¹ Если бы мы не направили все наши силы на военное сотрудничество с Россией, победа ускользнула бы у нас из рук. Россия – тот ключ, который может отпереть двери от нашего будущего.

*erful and rich in natural resources*¹ / Hastings and St Leonard's Observer, 04 March 1944. Метафора *to forge a strong bond of friendship* профилирует смыслы товарищества, близких отношений, тесного сотрудничества, которые дублируются лексемами *cooperation* и *collaboration*, предшествующими ей. Кроме того, она указывает на возможные трудности будущего и противоречия прошлого (*to forge* – *to form or bring into being especially by an expenditure of effort* [19]), которые придется преодолеть, на усилия, которые потребуются приложить, чтобы способствовать сближению двух столь разных систем и заложить основы прочной дружбы в мирное время, поскольку «выиграть» мир бывает сложнее, чем войну. Акцентирование смыслов, транслируемых метафорой, достигается с помощью средств эмотивного синтаксиса.

Обстоятельство образа действия в начале первого предложения, типичным местом которого является позиция после прямого дополнения сказуемого, выраженного переходным глаголом, получает добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку [24, 25] и поддерживается инверсией главных членов предложения (части сказуемого и подлежащего), подчеркивая основное условие победы в войне и достижения поставленных каждым из государств целей в мирное время – тесное сотрудничество, наибольшая интенсивность проявления признака которого эксплицируется прилагательным в превосходной степени сравнения (*only by the closest cooperation between the Soviet Union and Great Britain*). Во втором предложении редкая для английского языка полная инверсия именного сказуемого и подлежащего (*is the obligation ... to forge a strong bond of friendship*) экспрессивно, эмоционально и прагматически выделяет как саму метафорическую единицу на грамматическом уровне, так и обязанность, долг будущих поколений, причины, по которым эта дружба должна продолжаться, – на концептуальном. Качественные характеристики могущества Советского Союза, его огромного ресурсного потенциала, во многом определяющие его будущее развитие и потребность в сотрудничестве с этим государством (что особенно значимо для геополитической дружбы), также акцентированы употреблением определения в постпозиции, вынесенного в абсолютный конец предложения (*with a nation so powerful and rich in natural resources*).

Архетипичной метафорой в моделировании светлой альтернативы будущего является также модель строительства, ассоциативно связанная с позитивными преобразованиями: *There had been a tremendous increase of interest in Russia, and an appetite for more first hand knowledge of this great country and its achievements had been engendered. On these foundations we must build and, as the old suspicions are extinguished, the way will be opened*

¹ Только посредством самого тесного сотрудничества между Советским Союзом и Великобританией мы сможем выиграть войну и мир, который следует за ней. Помимо опыта сотрудничества будущие поколения обязаны выковать прочные узы дружбы с таким могучим народом, со страной, столь богатой природными ресурсами.

*up for a new era in European civilisation*¹ / Liverpool Daily Post, June 21, 1943. В образе будущего, создаваемом метафорами строительства, можно разглядеть потенциал отношений между двумя странами, возможностью сформировать и выстроить их на новых основах, общие ценностные ориентиры, объединяющие оба государства в настоящем и являющиеся условием их перспективного сотрудничества в будущем. В иллюстративном примере наблюдается слияние значений футуральности и внутренне осознанной облигаторности, эксплицируемой модальным глаголом *must*. Позиция предложного дополнения (*on these foundations*) в начале предложения (один из наименее типичных для английского языка случаев инверсии) усиливает смысловую нагрузку данного члена предложения, выделяя основу для построения новой европейской цивилизации, в которой России отводится ведущая роль. Кроме того, инвертированный порядок слов обусловлен тем, что метафора «фундамент» (*on these foundations*), открывающая второе предложение, непосредственно связана со сказанным ранее, отсылает к нему и обобщает: огромный интерес британской общественности к России становится базисом не только для выработки будущей стратегии в отношениях с ней, но и для переоценки ее прошлого, для его переработки и систематизации с точки зрения изменившихся условий и общих задач: Россия именуется великой страной, у которой имеются заслуги и достижения. «Старое – новое», одна из базовых ценностных оппозиций политического дискурса, приобретает особую значимость в рамках метафоры строительства, позволяя творцам будущего разрушать до основания стереотипы прошлого (*as the old suspicions are extinguished*) и выстаивать новую модель отношений, прокладывая дорогу в будущее (*the way will be opened up for a new era*).

Активное использование метафор дома, родства и строительства при моделировании будущего России в корпусе британских текстов периода Великой Отечественной войны может свидетельствовать, во-первых, о внутридискурсивных сходствах в моделировании образа светлого будущего собственного государства и будущего союзной державы на уровне метафорических систем; во-вторых, о зависимости не только между *метафорами* и образами, которые они генерируют, но и между *образами* и метафорами, которые они притягивают; в-третьих, на концептуальном уровне – о нивелировании культурно-цивилизационных, идеологических и иных противоречий при репрезентации образа союзника и его будущего, о проецировании на союзника собственных качеств, особенностей, целей и установок. Россия считается Своей, несмотря на то, что она остается Другой. Великобританию не «смущает» советская идеология, когда Советская Россия является ее союзником (в то время как, к примеру, в XIX в. отрицание российско-

¹ Возросший интерес к России огромен. Возникло желание узнать «из первых рук» об этой великой стране и о ее достижениях. Мы должны строить на этом фундаменте. Когда будут уничтожены старые подозрения, будет открыт путь для новой эры в европейской цивилизации.

го абсолютизма оказывало первостепенное влияние на формирование модели будущего Российской империи, геополитического противника Великобритании, несмотря на то, что последняя сама являлась монархией). У двух государств общие ценностные ориентиры, поэтому будущее Другой, чужой страны моделируется в рамках метафор, типичных для репрезентации будущего собственного государства, особенно в светлом ключе. Полученные результаты показывают, что моделирование будущего России в британском дискурсе периода Великой Отечественной войны резко контрастирует с основными тенденциями, выявленными в ходе анализа исследовательского материала британского политического дискурса XIX в. и начала XXI в.: с восприятием России как страны за пределами Европы, с полным неприятием ее жизнеустройства и государственного управления (как царского абсолютизма, так и суверенной демократии), что, в частности, связано с несовпадением стратегических интересов двух стран на геополитической арене, с геополитическим соперничеством, имеющим облик как дипломатических войн (XIX, начало XXI в.), так и реальных кровопролитий (XIX в.) [8, 9].

Заключение. Проведенное исследование подтвердило полученные ранее выводы о том, что метафора является ключом к пониманию будущего. Интенсификация прогностического смысла, актуализованного в метафоре, обладающей возможностью моделировать суть политических отношений и связей, достигается за счет ее парадигматических и синтагматических отношений с другими единицами контекста, обогащения и акцентуации футуральной семантики и создаваемых метафорой образов будущего, в рамках данного хронологического среза – светлого.

Полученные при диахроническом анализе результаты на уровне доминантных метафорических моделей, во-первых, свидетельствуют как о наличии архетипичных метафор (неживой природы, пути), так и о специфике моделирования образа будущего России в политическом дискурсе Великобритании периода Великой Отечественной войны; во-вторых, об особенностях восприятия и концептуализации образа союзника в целом. В-третьих, подтверждают выводы о субъективности и субъектоцентричности политического дискурса: модель будущего другого государства выстраивается на основе собственных приоритетов и целей, совпадения или столкновения геополитических интересов, видения перспектив развития своей страны в прогнозируемом будущем. В-четвертых, полученные результаты вновь акцентируют дискурсивную обусловленность прогностических метафор, их детерминированность историческим контекстом эпохи. С одной стороны, несмотря на способность любой метафорической модели продуцировать разнозаряженные образы (негативные и позитивные), за каждой метафорой закреплён конвенциональный сценарий, определяющий ее типичное развертывание и доминантные аксиологические смыслы (к примеру, криминальная и морбиальная метафорика более востребованы в моделировании «мрачного» будущего, метафоры дома и строительства – «светлого»). С другой стороны, дискурсивная обусловленность метафоры,

ее зависимость от социального, политического, идеологического, исторического контекста не только влияют на активизацию определенных метафорических моделей, но и на транслируемые ими смыслы: чем выше потенциальная враждебность, тем больше негативных значений втягивается в конструкцию будущего, и наоборот, чем крепче геополитическое союзничество, тем многограннее «светлая» альтернатива будущего.

Кроме того, данные, полученные в ходе ретроспективного анализа системы метафорических моделей британского дискурса периода Великой Отечественной войны, и их сопоставление с результатами исследований дискурса Великобритании XIX и XXI в. свидетельствуют в пользу существования стереотипных позитивных моделей восприятия и моделирования образа союзника и его будущего (1941–1945 гг.) и стереотипных негативных моделей восприятия и моделирования образа геополитического соперника и его будущего (XIX и XXI вв.), нежели об исторически сформировавшемся, клишированном, исключительно негативном образе России, детерминированном культурно-политическими, идеологическими предубеждениями, штампами исторической памяти и т.д. Выбранный в качестве отправной точки анализа настоящий момент (хронологические рамки исследования), особенности существующей / существовавшей на данный момент геополитической расстановки сил задают ключевую тональность как в моделировании будущего России, так и в интерпретации ее прошлого.

Литература

1. Chudinov A.P., Solopova O.A. Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 412–417.
2. Кассирер Э. Философия символических форм / пер. С.А. Ромашко. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
3. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание / АН АзССР. Ин-т философии и права. Баку: Элм, 1987. 155, [2] с.
4. Anikin E.E., Budaev E.V., Chudinov A.P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2015. № 3 (44). С. 26–32.
5. Chilton P. Manipulation, Memes and Metaphors: The Case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / ed. by L. de Saussure P. Schulz. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 5–45.
6. Trim R. Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.
7. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115–126.
8. Солопова О.А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 3. С. 126–137.
9. Солопова О.А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 46. С. 55–70.
10. *The British Newspaper Archive*. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>

11. Lin D. Automatic retrieval and clustering of similar words // Proceedings of the 17th International Conference on Computational Linguistics. Montreal, 1998. P. 768–774.
12. Gedigian M., Bryant J., Narayanan S., Ciric B. Catching metaphors // Proceedings of the 3rd Workshop on Scalable Natural Language Understanding. New York, 2006. P. 41–48.
13. Birke J., Anoop S. A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language // Proceedings of EACL-06. Trento, 2006. P. 329–336.
14. Shutova E., Sun L., Korhonen A. Metaphor identification using verb and noun clustering // Proceedings of COLING. Beijing, 2010. P. 1002–1010.
15. Krishnakumaran S., Zhu X. Hunting elusive metaphors using lexical resources // Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Figurative Language. Rochester, NY, 2007. P. 13–20.
16. Martin J.H. A Computational Model of Metaphor Interpretation. San Diego, CA : Academic Press Professional, Inc., 1990. 229 p.
17. Shutova E., Teufel S., Korhonen A. Statistical metaphor processing // Computational Linguistics. 2013. Vol. 39, iss. 2. P. 301–353.
18. Shutova E., Sun L., Gutiérrez E.D., Lichtenstein P., Narayanan S. Multilingual metaphor processing: Experiments with semi-supervised and unsupervised learning // Computational Linguistics. 2017. Vol. 43, iss. 1. P. 71–123.
19. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York : Gramercy books, 1996. 2256 p.
20. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский и русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов. М. : АСТ, 2016. 800 с.
21. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 3-е изд. М. : Высш. шк., 1986. 639 с.
22. Пулеха И.Р. Приложение в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 189 с.
23. Азарова Н.Д. Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации: на материале современной англоязычной художественной прозы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 209 с.
24. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. 2-е изд. М. : УРСС, 2009. С. 16–21.
25. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. 3-е изд. М. : URSS, 2009. 296 с.

The Key to the Future: Predictive Meanings of Political Metaphor (Based on British Texts about Russia of the Great Patriotic War Period)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 161–177. DOI: 10.17223/19986645/63/9

Olga A. Solopova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: o-solopova@bk.ru

Keywords: linguistic political prognostics, future, predictive meaning, Great Patriotic War, metaphor.

The present research is performed on the lines of linguistic political prognostics. The source material is a digitized full-text commercial monolingual corpus “The British Newspaper Archive”. The statistically valid sampling was retrieved for the word forms “the USSR, Russia, future” from British publications (including those of England, Scotland, Ireland, and Wales) issued in the specified time span (22 June 1941 – 09 May 1945). The system of metaphorical models of the retrospective period is analyzed according to the following parameters: the number of metaphorical models used to construct models of Russia’s future; dominant metaphors in the chronological period under analysis; pragmatic meanings they convey; the ability of metaphors to produce “best-case” and “worst-case” images of the future. The illustrative corpus comprises 3,373 texts, with 19 metaphorical models in 1,154 contexts. The present article briefly recalls the main results of the retrospective analysis of the dominant

metaphorical models used in the British discourse of the Great Patriotic War period to construct the future of Russia; the elements of the diachronic analysis include their comparison with the findings obtained from the previous research of the 19th- and 21st-century British political discourse. The author proves that portraying Russia's future as INANIMATE NATURE and PATH is archetypal for British political discourse about Russia's future, while dominant metaphors of HOME, RELATIONSHIP, and CONSTRUCTION are specific only to the Great Patriotic War period. The author shows that predictive meanings conveyed by metaphors are maintained, duplicated and accentuated by other linguistic means used to express future semantics and to formally organize the prognosticating context. The data obtained from the diachronic research verify the findings that political discourse is subjective and subject-centered, and that the use of particular metaphors modeling the future is determined by certain discursive factors and historical context of the period, but these new findings call into question the existence of the historically formed, stereotyped, and extremely negative image of Russia and her future found in British political discourse. The analysis of the new material of the Great Patriotic War period from the British Newspaper Archive, which has not been an object of any linguistic research so far, is aimed at enriching the historical memory about the Great Patriotic War and inspiring a renewed interest in the events of the period in our country and abroad.

References

1. Chudinov, A.P. & Solopova, O.A. (2015) Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 412–417.
2. Cassirer, E. (2002) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. Translated from French by S.A. Romashko. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Kuliev, G.G. (1987) *Metafora i nauchnoe poznanie* [Metaphor and Scientific Cognition]. Baku: Elm.
4. Anikin, E.E., Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2015) Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3 (44). pp. 26–32.
5. Chilton, P. (2005) Manipulation, Memes and Metaphors: The Case of Mein Kampf. In: de Saussure, L. & Schulz, P. (eds) *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. pp. 5–45.
6. Trim, R. (2011) *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan.
7. Osborn, M. (1967) Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. *Quarterly Journal of Speech*. 53. pp. 115–126.
8. Solopova, O.A. (2014) Russia in Europe: Future in the Metaphorical Mirror of Past. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3. pp. 126–137. (In Russian).
9. Solopova, O.A. (2017) Metaphor in Modeling the Future: The Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st Century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 55–70. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/5
10. *The British Newspaper Archive*. [Online] Available from: <https://www.british-newspaperarchive.co.uk>
11. Lin, D. (1998) Automatic retrieval and slustering of similar words. *Proceedings of the 17th International Conference on Computational Linguistics*. Montreal. pp. 768–774.
12. Gedigian, M., Bryant, J., Narayanan, S. & Ciric, B. (2006) Catching metaphors. *Proceedings of the 3rd Workshop on Scalable Natural Language Understanding*. New York. pp. 41–48.
13. Birke, J. & Anoop, S. (2006) A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language. *Proceedings of EACL-06*. Trento. pp. 329–336.

14. Shutova, E., Sun, L. & Korhonen, A. (2010) Metaphor identification using verb and noun clustering. *Proceedings of COLING*. Beijing. pp. 1002–1010.
15. Krishnakumaran, S. & Zhu, X. (2007) Hunting elusive metaphors using lexical resources. *Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Figurative Language*. Rochester, NY. pp. 13–20.
16. Martin, J.H. (1990) *A Computational Model of Metaphor Interpretation*. San Diego, CA: Academic Press Professional, Inc.
17. Shutova, E., Teufel, S. & Korhonen, A. (2013) Statistical metaphor processing. *Computational Linguistics*. 39 (2). pp. 301–353.
18. Shutova, E. et al. (2017) Multilingual metaphor processing: Experiments with semi-supervised and unsupervised learning. *Computational Linguistics*. 43 (1). pp. 71–123.
19. Whitehall, H. (ed.) (1996) *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language*. New York: Gramercy books.
20. Myuller, V.K. (2016) *Samyy polnyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' s sovremennoy transkripsiyey: okolo 500 000 slov* [The Most Complete English-Russian and Russian-English Dictionary With Modern Transcription: About 500,000 Words]. Moscow: AST.
21. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammatical Doctrine of the Word]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk.
22. Pulekha, I.R. (1999) *Prilozhenie v sovremennom angliyskom yazyke* [Apposition in Modern English]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
23. Azarova, N.D. (2001) *Lingvopoeticheskie, semioticheskie i kommunikativnye osnovy angliyskoy punktuatsii: na materiale sovremennoy angloyazychnoy khudozhestvennoy prozy* [Linguopetic, Semiotic and Communicative Foundations of English Punctuation: Based on the Material of Modern English-Language Fiction]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Kovtunova, I.I. (2009) *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian Language: Word Order and Actual Division of a Sentence]. 2nd ed. Moscow: URSS. pp. 16–21.
25. Smirnitkiy, A.I. (2009) *Sintaksis angliyskogo yazyka* [The Syntax of English]. 3rd ed. Moscow: URSS.

УДК 821.161.1.37

DOI: 10.17223/19986645/63/10

И.А. Тарасова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Предлагается использовать модель художественного концепта как средство интерпретации данных поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. Утверждается, что предлагаемая автором послойная модель может применяться как для синхронного, так и для диахронного анализа поэтического дискурса. Возможности концептуального моделирования демонстрируются на материале лексических репрезентаций концепта «закат».

Ключевые слова: Национальный корпус русского языка, поэтический дискурс, концепт, русская поэзия XVIII–XXI вв.

Национальный корпус русского языка (далее – Корпус) (<http://www.ruscorpora.ru/>) – представительная совокупность текстов разных стилей, позволяющая решать многообразные лингвистические задачи. Как отмечает один из авторов идеи создания Корпуса академик В.А. Плунгян, обращение к материалам Корпуса даёт возможность зафиксировать малозаметные изменения значения и частотности употребления различных конструкций, лексических и грамматических вариантов, регистрировать появление или угасание отдельных явлений языка, делать выводы о динамике языковой нормы и т.п. [1]. В настоящей статье мы обратимся к методологическим вопросам обработки данных поэтического подкорпуса, насчитывающего около 11 миллионов словоупотреблений.

Если корпусная лингвистика в целом – это лингвистика узуса, то поэтический подкорпус отражает поэтический узус, поэтическую норму эпохи. Обращение к подкорпусу поэтических текстов позволяет анализировать формальные и семантические параметры русского стиха, реконструировать историю различных слов и традиционно-поэтических образов, выявлять черты литературных школ и направлений, делать доказательные выводы о наличии интертекстуальных связей и др. [2. С. 7]. Можно сказать, что поэтический подкорпус является убедительной репрезентацией поэтического дискурса, своеобразного «языка в языке», существующего «прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [3. С. 676]. Именно с появлением Корпуса поэтический дискурс получил свое зримое воплощение.

Стиховедческая и лингвопоэтическая интерпретация данных поэтического подкорпуса представлена в исследованиях серии «Корпусный ана-

лиз русского стиха» [2, 4], отдельных статьях, выполненных на базе Корпуса [5, 6].

Зададимся вопросом: сформировались ли за десять с небольшим лет, прошедших с момента открытия свободного доступа к массиву поэтического подкорпуса (в декабре 2006 г.), особые методики, алгоритмы анализа корпусных данных? Не будем касаться достаточно специальных проблем формальной организации русского стиха и обратимся к описанию лексического уровня поэтического дискурса.

На наш взгляд, в этом проблемном поле с наибольшей отчетливостью вырисовываются четыре подхода. Первый направлен на поиски *интертекстуальных взаимодействий* между различными авторами и текстами. Интересное наименование для этого направления исследований предложил Б.В. Орехов, назвавший свою статью о формульности стиля раннего стихотворения Ф. Тютчева очерком корпусной поэтики [7]. Методика генетического анализа идиостиля Ф. Тютчева строится на процедуре сопоставления словесных формул (синтагм), извлеченных из стихотворения «Проблеск», с аналогичными коллокациями в корпусе поэтического материала, сам же термин «корпусная поэтика» выступает неким аналогом структуры гипертекста.

Второй подход помещает в фокус исследований «поэтическую историю» *отдельного слова* [8]. В зоне внимания находятся анализ лексической и синтаксической сочетаемости ключевой лексики, особенности морфологической парадигмы, рифмовки, фонетические партнеры, употребление в заголовочной позиции и т.п.

В третьей группе исследований внимание сосредоточено на строении образной парадигмы, «образных пластах» ключевого слова [9. С. 155].

Наконец, в ряде исследований совершается попытка выхода на поэтический концепт [10]. Однако ресурсы концептуального моделирования как метода анализа совокупности текстов используются явно недостаточно.

Появление термина «концепт» в корпусных исследованиях представляется вполне логичным. Во-первых, концепт – это образ в пространстве культуры, поэтому понятия парадигмы образов, устойчивого мотива, символа, поэтической традиции хорошо вписываются в контекст когнитивной проблематики. Во-вторых (и это в данном случае главное), концепт рассматривается нами как методологическая формула анализа [11]. Привлекательность концепта как дискретной модели поэтического смысла определяется его предзаданной членимостью на слои, позволяющие структурировать корпусный материал. В нашей модели концепта речь идет о следующих слоях:

1) предметный слой, который содержит представление (ментальную картинку);

2) понятийный слой, фиксирующий логическую интерпретацию художественной реальности;

3) образно-ассоциативный, отражающий связь объектов художественного мира в смысловом поле авторского сознания;

4) символический, задающий отношения между концептами конкретных и абстрактных номинаций;

5) ценностно-оценочный, в котором заключена оценка изображаемого явления, его связь с основными категориями мироощущения писателя, базовыми национальными ценностями.

Покажем, как можно использовать модель концепта при анализе массива корпусных данных, организованных вокруг лексемы «закат», репрезентанта соответствующего поэтического концепта.

Лексема «закат» имеет около 3 тысяч вхождений в корпус и зафиксирована примерно в 2,5 тысячи поэтических текстов XVIII–XXI вв. Такой значительный массив, с одной стороны, свидетельствует о приобретении указанной лексемой статуса поэтизма, ключевого слова поэтического дискурса, с другой – может поставить исследователя в затруднительное положение: как работать с такими внушительными текстовыми данными?

Методика концептуального моделирования позволяет последовательно реконструировать все слои концепта: от понятийного до символического.

Понятийный слой концепта «закат» проступает в формулировке основного значения лексемы: 'заход небесных светил за линию горизонта' и оттенке этого значения 'время захода солнца' [12. Т. 1. С. 525]. К понятийному слою отсылает устаревшее значение 'запад'. Таким образом, понятийный слой концепта предстает как совокупность временных и пространственных характеристик. В Корпусе достаточно примеров на употребление ключевой лексемы именно в этих значениях, обладающих определенным потенциалом для формирования ассоциативного слоя концепта (см. ниже): *Стремятся они на восток, на закат, Стремятся к полудню, к полночи* (В. Жуковский)¹; *И в час заката молчаливый* (М. Лермонтов); *Ты мне мила, пора заката! Какой-то кроткой тишиной* (А. Плещеев); *И ею <любовью> вся листва шумит В часы восхода и заката...* (К. Случевский); *Не люблю только час пред закатом, Ветер с моря и слово <уйди>* (А. Ахматова) и др.

Однако методологически важным нам представляется утверждение И.А. Стернина о том, что концепт возникает как образ и этот образ остается его ядром [13. С. 70]. Особенно справедливо это положение для художественных концептов, центрированных вокруг предметного, а не вокруг понятийного слоя. Поэтому в поэтическом дискурсе закат – это прежде всего яркий ментальный образ, «ментальная картинка».

Предметный слой, фиксирующий перцептивный образ, связанный со словом, восстанавливается на основе таких употреблений лексемы «закат», когда в сознании поэта и читателя актуализируются чувственно воспринимаемые признаки соответствующего поэтического денотата, в первую очередь – цвет. Цветовые характеристики заката обнаруживаются в конструкциях с эпитетом, в метонимических и метафорических контекстах.

Цветовая палитра заката вполне ожидаема: это цвета красно-оранжевой части спектра. Однако это отнюдь не означает, что самые частотные цве-

¹ Все цитаты приводятся по Национальному корпусу русского языка.

товые эпитеты заката – это «красный» и «оранжевый»¹. Поэтическая логика заставляет авторов искать окольные пути цветоименований: *пурпурный закат* (С. Бобров), *пурпур заката* (Н. Гнедич, Е. Баратынский, В. Бенедиктов, Д. Мережковский), *пурпурная полоса огня* (А. Фет); *закат румяный* (В. Жуковский, А. Пушкин, И. Суриков, Т. Щепкина-Куперник, К. Фофанов, И. Бунин), *румянец заката* (К. Фофанов); *закат огнистый* (А. Пушкин, В. Гофман), *закат огнем пылает* (В. Бенедиктов), *яркий, пламенный закат* (Е. Кузьмина-Караваева); *заката розовый луч* (А. Плещеев), *розоватый свет заката* (К. Бальмонт), *розовый закат* (И. Анненский); *заревое багровое заката* (П. Бутурлин), *обагрился закат* (Ф. Сологуб), *бледно-багровый закат* (М. Кузмин); *заката дальнего багрянец* (К. Льдов), *багряный закат*, *багряно-огненный закат* (К. Бальмонт), *в багряном зареве заката* (И. Бунин); *заката отблеск рдяный* (А. Майков); *алый закат* (Н. Гумилев).

Желтая часть спектра представлена метафорой *золото заката* (Н. Щербина, К. Павлова, Д. Мережковский). В конце XIX – начале XX в. этот цветовой блок пополняется новыми эпитетами: *с отблеском заката трепетно-янтарным* (С. Надсон), *золотисто-румяный закат* (М. Лохвицкая), *огни лимонно-апельсиновые* (В. Брюсов), но в целом в цветовой гамме звучит тревожно-красная доминанта: *закат загадочно-багровый* (В. Брюсов); *И пламенел пылающий закат* (Е. Кузьмина-Караваева); *кровавый закат* (Эллис). Ассоциативное сближение заката и крови средствами синтаксического параллелизма осуществляет Саша Черный в стихотворении 1911 г. «Песня»:

Красный кумач и красные лица,
Красный закат.
Гремит, ликуя, ведро,
Звуки, как красная кровь...

Предметный слой концепта нельзя изолировать от оценочного слоя, который на таком значительном массиве текстов не может не быть амбивалентным. Оценка выражается как скрыто, через ассоциативный ореол цветового спектра (*багровый, золотой, розовый*), так и вполне открыто, уточняющими эпитетами и оценочными предикатами: *тихий берег морской И пурпурный закат над зыбью, Конечно, – всякому приятны* (С. Бобров); *Печальный румянец заката* (К. Фофанов); *Заката дальнего багрянец Зловещим* зыблется пятном (К. Льдов); *красиво* Заката луч багрит граненое стекло (А. Лозина-Лозинский).

Ассоциативный слой концепта позволяет выйти на те ситуации, которые связаны с появлением заката, на тот комплекс чувств, которые они вызывают.

¹ Эпитет «оранжевый» впервые зафиксирован в стихотворении 1880 г. у П. Бутурлина, предикат «краснея» в поэме А. Апухтина «Последний романтик» (1858).

Основными ассоциатами заката в поэзии XIX – начала XX в. являются:

1) закат – время душевной гармонии («Ты мне мила, пора заката...» А. Плещеева, «Светлое озеро» Ю. Верховского, «Все грезы юности и все мои желанья...» Д. Мережковского, «Сны» В. Иванова, «На белом небе отблеск розоватый...» Б. Садовского);

2) закат – время любовного свидания («Он так меня любил» А. Апухтина, «В полевых цветах» М. Лохвицкой, «Хотелось – правда, ведь? Перед закатом...» Т. Вечорки, «Прелестнице» М. Деларю, «Оттого и томит меня шорох травы...» Г. Иванова, «Мы встречались с тобой на закате...» А. Блока);

3) закат – время духовных порывов («В родных полях» Т. Щепкиной-Куперник, «Мы в одной долине о любви мечтали...» Д. Мережковского, «Сонет» Д. Бедного, «Капелла» В. Иванова, «Ангелы удивленные...» М. Кузмина, «Разговор» Н. Гумилева, «Вестники» Е. Кузьминой-Караваевой);

4) закат – время мечты («Осенний закат» М. Лохвицкой, «Тоска мимолетности» И. Анненского, «Сара в версальском монастыре» М. Цветаевой, «Той, которой уже нет» Т. Щепкиной-Куперник);

5) закат – период творчества («Городок» А. Пушкина, «Внутренняя музыка» Н. Щербины, «Поблекшим золотом, холодной синевой...» Г. Иванова, «Стансы» Эллиса, «Печаль не сильна, не горда...» В. Набокова);

6) закат – время разлуки и разочарования («На закате» А. Белого, «Вершины» К. Бальмонта, «Изменил я тебе, неземная...» Ф. Сологуба, «Старинные октавы» Д. Мережковского, «Меланхолия» К. Фофанова, «Тоска кануна» И. Анненского);

7) закат – время смерти («Опальный ангел, с небом разлученный...» К. Бальмонта, «Мания» А. Белого, «Потоп» И. Бунина, «О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...» С. Есенина, «Харакири» А. Тинякова).

Отметим, что только последняя ассоциация закрепилась в символическом слое художественного концепта на уровне традиционно-поэтического переносного употребления 'конец, исход', отразившегося, например, в устойчивых фразеологических формулах старости: *Там мирно старец дней закатом веселится* (В. Жуковский), *Когда мы клонимся к закату* (А. Пушкин), *Быстро я иду к закату дней* (Н. Некрасов), *Думы на закате о былой весне* (И. Бунин). Сочетание с абстрактными существительными предполагает осмысление заката как конца века, эпохи, мира, славы, любви и т.п.: *Блестящий век! и ты познал закат условный!* (П. Вяземский), *На закате тех времен* (А. Майков), *Великий Рим! часы заката – Твои часы* (С. Соловьев), *Закат любви благословлять* (А. Фет).

Остальным ассоциациям присущ индивидуальный спектр варьирования. По нашему представлению, устойчивость и повторяемость индивидуально-авторских ассоциаций «выводит» на символический слой концепта, только символика эта иного порядка – не традиционная, а индивидуально-авторская. Тем не менее совпадение и пересечение целого ряда символических рядов может служить доказательством вторичной концептуализации

заката, например его устойчивого осмысления как мистического символа. В поэзии А. Блока символический образ заката является одним из атрибутов мотива встречи с Прекрасной Дамой, Закатной, Таинственной Девой, Вечно женственной душой мира: *Умирают мои угнетенья, Утоляются горести дня, Только Ты одинокою тенью Посети на закате меня* («Вечереющий день, догорая...»); *Опускаюсь в цветущие степи – Ты уходишь в вечерний закат, И меня оковавшие цепи На земле одиноко бренчат* («Ворожба»); *Алой ленты Твоей надо мной полоса, Бьется в ноги коня змеевик, На горе безмятежно поют голоса, Всё о том, как закат Твой велик* («Белый конь чуть ступает усталой ногой...»). А. Ханзен-Лёве указывает на мотивные переключки этой блоковской мифологемы с образом Софии-Марии, облеченной в солнце небесной царицы, в стихах В. Соловьёва, С. Городецкого, А. Белого [14. С. 244–245].

Материалы Корпуса показывают, что эта «сильная» ассоциативная, ставшая символической связь подготовлена парадигмой предшествующего употребления образа, его трансцендентными коннотациями: *Заката тихое сиянье, Венец безоблачного дня, – Не ты ли нам знаменованье Иной ступени бытия?..* (А. Майков); *Но высшей радостью душа моя объята Пред зрелищем небес в прощальный час заката* (Н. Минский); *Горят вершины в огне заката, Душа трепещет и внемлет зову* (М. Лохвицкая).

В поэзии рубежа веков актуализируются апокалиптические мотивы, в кругу которых закат интерпретируется как последний угасающий свет мира, все уничтожающий огонь: *Вот, свершен обряд венчальный, И закат погас. Точно хаос изначальный, В церкви сон и мрак печальный* (К. Бальмонт); *Последнее слово... И – снова В разъятые, старые скаты Багрово, багрово, багрово Разъяты – закаты, закаты* (А. Белый); *Нам последний закат из огня Сочетал и соткал свои пятна. Не стерег исступленный дракон, Не пылала под нами геенна. Затопили нас волны времен, И была наша участь – мгновенна* (А. Блок); *и будет наш мир пересоздан огнем, и близок кровавый закат* (Эллис).

Христианский пласт символики представлен немногочисленными примерами: *И вижу я в лучах заката Твой крестный путь, твой путь страстной* (А. Герцык); *Но Он в минуту заката мне дал вино тоски и тьмы, такое крепкое, что, выпив, я заплакал и вспомнил серые глаза Фомы* (И. Эренбург); *...от крови заката причастья вкусить и образ приять неземной!..* (Эллис). Мотив второго пришествия Христа усматривает в закатных образах Блока А. Ханзен-Лёве: *Он уходил, а там глубоко Уже вещал ему закат К земле, оставленной далеко, Его таинственный возврат* [Там же. С. 246].

Ассоциативный слой проявляется как через связь концептуальных признаков, так и через метафорическую структуру ментальных образов. В последнем случае можно говорить об образном слое концепта.

При последовательном рассмотрении контекстов ключевой лексемы видно, как из предметного слоя «прорастает» образный слой концепта: на основе цветовых характеристик происходит отождествление заката и огня

(пожара, пламени) – это одна из самых частотных метафорических моделей во все периоды русской поэзии, заката и драгоценного металла (золота, бронзы), телесное восприятие заката (от *румянца заката* в поэзии XIX в. до *крови заката* в поэзии XX в.). Отмеченные парадигмы можно рассматривать как разновидности кодов концептуализации: светового, минералогического, телесного [15. С. 69].

Каждая поэтическая эпоха предпочитает свои культурные коды. Изменение кодов концептуализации – одно из свидетельств динамики художественного концепта. Так, данные Корпуса позволяют утверждать, что в поэзии начала XX в., наряду с парадигмами светового (закат – костер) и вегетативного (закат – цветы) кодов, получают распространение мифологический (закат – мифологическое существо) и зооморфный (закат – птица, закат – рыба) коды. Наряду со сменой кодов отмечается изменение моделей концептуализации внутри одного кода (например, «профессиональная» концептуализация заката футуристами: закат-маляр, закат-палач, закат-мясник).

Диахронический анализ корпусных данных позволяет поставить вопрос не только о смене стилевых предпочтений, но и об определенных отличиях, просматривающихся в концептуализации ключевых поэтических образов, в поэзии XIX – начала XX в. и в поэзии постреволюционной эпохи. Для фиксации этих различий используем представленную выше послойную модель концепта. Дискретность модели позволит ответить на вопрос о наиболее устойчивых и наиболее подвижных слоях художественного концепта.

Понятийный слой. Обращение к Корпусу позволяет говорить об актуализации понятийного слоя концепта в советской поэзии. Поэтами регулярно используются кажущиеся архаичными употребления лексемы «закат» в пространственном значении: *Снова версты в крике паровозном Хлынули с заката на восход* (Н. Тихонов); *Здесь конь промчится на закат* (Э. Багрицкий); *И даль Сибири, что отсюда Лежит с восхода на закат* (А. Твардовский). Контексты временных употреблений обладают конкретизирующей функцией: *Расскажу, как играют зарницы На закате весеннего дня* (А. Прокофьев); *Голубеют степи на закате* (П. Васильев); *Что ж вы, галки, Поздно прилетели, К нам на крышу На закате сели?* (В. Луговской). Цикличность временного промежутка позволяет рассматривать закат (наряду с восходом) как меру человеческой жизни: *От восхода до заката в хмаре вод Кличет утиц он и рыбешек зовет* (С. Есенин); *Как только застухли с рассветом бои, Так было, – с утра до заката Оставили здесь мы лачуги свои, Въезжали в жилища богатых* (Я. Шведов); *От восхода и до заката Идем, и к земле нас клонит* (А. Баркова); *Через восходы и закаты С веретена бежала нить* (Вс. Рождественский).

Предметный слой. Окраска заката обнаруживает новые цветовые прототипы (янтарный, шафранный, желтый, красный, рябиновый): *закат не багрян, а янтарен, шафранные пятна заката* (Л. Ещин), *закат на их коре Оставляет след янтарный* (Б. Пастернак); *Желто-грязен зимний закат* (Н. Клюев); *Был закат непревзойдимо желт* (В. Маяковский); *широк и*

красен галочий закат (П. Васильев); красный закат осыпался кусками (В. Блаженный); рябиновый закат (П. Васильев, С. Кирсанов). В постсоветской поэзии наблюдается некоторое обесцвечивание заката: *Разбитые стекла, понурый закат И пыль запустенья кругом* (Ю. Кузнецов), *на закате обесцвеченно-румяном* (М. Айзенберг).

Образно-ассоциативный слой. Анализ метафорических контекстов убеждает, что традиционные образные парадигмы никуда не исчезают, но на их фоне отчетливо вырисовываются новые образные сближения. Наиболее мощной является молодая парадигма *закат – кровь*, представленная сравнениями, эпитетами, генитивными и глагольными метафорами: *солнце окровавило закатом Ночные стекла тех дворцов* (В. Хлебников), *окровавленный ваи закат* (И. Сельвинский), *кровь заката* (Г. Шенгели), *алая кровь заката* (В. Лебедев), *Холодела заката горячая кровь* (Н. Крандиевская), *Закат дымится кровью пролитой* (В. Меркурьева), *Рдеет кровь твоего заката* (П. Антокольский), *А закат алеет, словно желоб, Полный кровью грустных краснокожих* (Л. Мартынов), *Закат багровит, кровавит пьяных* (Б. Слуцкий) и др.

Многообразно представлен зооморфный код, объединяющий парадигмы *закат – птица* и *закат – животное*. Среди отдельных образов преобладает сравнение заката с лисой, мотивированное цветовой характеристикой: *Закат запыхался. Загнанная лиса* (В. Шершеневич), *близ нее лисицею закат* (С. Петров), *купаются закаты В родимой Оби стадом лис* (Н. Клюев), *Аллах богат – Из лисиц Сшивает закат* (П. Васильев).

Наконец, наиболее общей является тенденция материализации заката. Вещный код концептуализации объединяет парадигмы

- закат – ткань (*расплеснулся закат-рогожа* (Н. Клюев); *пряжей упал закат* (В. Александровский), *Ярко пылающий летний закат Шелком своим оторочил* (П. Васильев), *закат зарею вышит* (И. Молчанов), *тафтяные легкие закаты* (Н. Клюев), *желтой шерстью вышитый закат* (Вс. Рождественский), *из бархатных пеленок шит закат* (Л. Аронзон);

- закат – одежда (*закат-папах* (Н. Клюев), *заката косые заплаты* (Вс. Рождественский), *он рвет на рубаху московский закат* (Н. Асеев);

- закат – утварь (*посуда Заката за столетья заржавлена* (В. Брюсов), *красная вожжа закатов* (В. Шершеневич).

Символический слой концепта базируется на традиционном переносном значении 'конец', охватывающем не только персональный (*Года мои, под вечер на закате* (С. Клычков), *Всё хочешь забыть, что к закату идешь* (Я. Смеляков), *мой закат багрово-руд* (Е. Кропивницкий), *закат, догорающий В сердце вечернем моем* (Вс. Рождественский), но и общегуманитарный план: *Ты видел Европы кровавый закат* (Е. Полонская), *Империя, Я видел твой закат!* (Л. Мартынов), *Закаты миров, а не просто закаты светил* (Б. Слуцкий), *Когда склонился этот свет к закату* (Ю. Кузнецов), *вечности часы идут к закату* (В. Блаженный).

В приведенных контекстах символическое значение реализуется через отчетливое иносказание. Случаи, когда лексема «закат» используется как

указатель мотива, представленного в тексте через ассоциативные переключки, единичны: *И тут случилось чудо: На закате Забрехала из тучи синева, И яркий луч пробился, как в июне, Из дней грядущих в прошлое мое* (А. Тарковский. «В последний месяц осени...»). Пожалуй, это основное отличие от поэзии конца XIX – начала XX в., отказывающейся от традиционной формульности в пользу сближения образных рядов, наделенных символическими коннотациями [16].

По понятным причинам сходит на нет мистическая символика заката, сохранившаяся в отдельных текстах М. Волошина, Е. Дмитриевой, Д. Андреева. Однако образ обнаруживает новые ресурсы смыслообразования. Специфическим для советской поэзии является противопоставление зари как устойчивого в пролетарской риторике символа новой жизни и заката, который концептуализируется как завершение исторического этапа, примета уходящего мира. В проведенных ниже примерах лексема «закат» выступает в позиции объекта, испытывающего на себе агрессивное действие субъекта речи: *Знамена пышные зари кровавой Над миллионами голов горят... Копье, и штык, и ножик за холявой, И пулемет – добить тебя, закат!* (В. Нарбут. «Облава»); *Мы пришли окровавить зарю Засыпанный снегом закат* (М. Светлов. «Моим друзьям»).

В то же время в ряде контекстов революционная символика зари распространяется и на закат, который становится ее контекстуальным синонимом: *Краснейте же, зори, закат и восход, краснейте же, души, у Красных ворот!* (Н. Асеев. «Кумач»), *За эти закаты – красное с золотом, За эту ослепительную зарю, За то, что иду я с Серпом и Молотом, Тебя, судьба, благодарю!* (Н. Позняков. «За эти годы в лагерях Испании...»).

Думается, что рефлексия над этими революционными коннотациями образа отразилась в самохарактеристике лирического героя И. Эренбурга (*Простой закат назвал кануном И скуку мукой подменил*) и в эмигрантской поэзии: *Смотрю на запад, где она – Закат мой, заревом расцветенный, Моя мятежная страна!* (М. Колосова). У Н. Тuroверова революционная символика осложняется коннотацией заката как конца эпохи: *Мы помним мучительно время былое И родины страшный, кровавый закат* (Н. Тuroверов. «Нежданной дорогой с тобою мы двое...»).

В поэзии советской эпохи ценностно-оценочный слой концепта сохраняет свою амбивалентность. Положительная оценка образа определяется его красотой: *Я люблю закат золотой и пурпуровый* (И. Эренбург), *особенно перед закатом в груди от восторга щемилу* (Г. Семенов), *И сладко мне, что можно спорить, Любить, глядеться на закат* (И. Юрков). Эту красоту признает даже нигилистически настроенный лирический герой В. Маяковского: *Чье сердце октябрьскими бурями вымыто, тому ни закат, ни моря рёволицы, тому ничего, ни красот, ни климатов, не надо – кроме тебя, Революция!*

Другой, отрицательный, полюс оценки связан с некрологическими и эсхатологическими коннотациями заката: *Балтики злоеющие закаты* (Н. Крандиевская), *Солнце – Антар леденеет в злоеющих закатах* (Д. Андреев), *Был тот усталый час заката, Час умирания...* (Н. Заболоцкий).

Интересна концептуализация заката А. Барковой, для которой этот образ становится своеобразным двойником лирической героини: *Дышит все нашим прошлым убогим, Арестантскою нашей судьбой. И судьбы этой ход нам не ясен, Мы давно не считаем утрат. Белый снег. И оранжево-красен Сиротливый тоскливый закат* (А. Баркова. «Надрывный романс»).

На протяжении всех веков существования русской поэзии закат осмыслился как устойчивый традиционный образ, едва ли не штамп, в результате чего понятийный слой концепта получает дополнительную метапоэтическую составляющую. Эта филологическая рефлексия над словом сопровождается, как правило, иронической модальностью: *Всё закаты да закаты, – проворчал редактор едко, – И хотя бы кто случайно притащил один восход* (А. Скардин), *Мало знать чистописание ремёсла, расписать закат или цветенье редьки* (В. Маяковский). Тем не менее поэты снова и снова обращаются к этому образу, стремясь сочетать, как показывают данные Корпуса, общепозэтическое и индивидуальное, обогащая концепт как универсальный художественный опыт, порождающий новые смыслы [17]: *У каждого в крыльях закат, Чтоб рдян был поэзии сад* (Н. Клюев).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка можно считать адекватной репрезентацией поэтического дискурса в синхронном и диахронном измерениях.

Обращение к материалам Корпуса позволяет на новом уровне рассмотреть вопрос об эволюции поэтических парадигм, соотношении общепозэтического и индивидуального в содержании художественных концептов, способах их вербализации.

Применение методики концептуального анализа к материалам Корпуса позволяет структурировать корпусные данные в рамках заявленной модели концепта, обеспечивает надежную методологическую базу для работы с представительными совокупностями текстов.

Литература

1. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7–20.
2. Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М. : Азбуковник, 2014. Вып. 2. 346 с.
3. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. М. : Языки русской культуры, 1998. 785 с.
4. Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М. : Азбуковник, 2013. Вып. 1. 266 с.
5. Фатеева Н.А. Поэтическое определение творчества: торжество или мука? // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования : сборник научных статей по материалам международной научной конференции памяти Н.А. Кожевниковой, 19–21 ноября 2016 г., ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. М., 2016. С. 464–472.
6. Тарасова И.А. Корпусный подход к анализу поэтических текстов русской эмиграции // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного

языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина) : сб. ст. по материалам Международной научной конференции. Н. Новгород, 2016. С. 488–492.

7. Орехов Б.В. «Проблеск» Ф.И. Тютчева в ретроспективе Корпуса: Очерк корпусной поэтики // Корпусный анализ русского стиха: сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014. Вып. 2. С. 305–319.

8. Гик А.В. Опыт построения поэтической истории слова: радость // Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014. Вып. 2. С. 251–277.

9. Фатеева Н.А. Слово о рифме: рифма как образ и как результат поэтической рефлексии // Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014. Вып. 2. С. 147–164.

10. Северская О.И. «Шепот, робкое дыхание...»: Шепот в русской поэзии XVIII–XX вв. // Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М. : Азбуковник, 2014. Вып. 2. С. 278–304.

11. Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М. : ИНФРА-М, 2018. 166 с.

12. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 191 с.

13. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985. Т. I. 696 с.

14. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб. : Академический проект, 2003. 816 с.

15. Иванюшина И.Ю., Тарасова И.А. «Эстетический опыт» в структуре читательского восприятия // Язык художественной литературы: Литературный язык : сборник статей к 80-летию Мары Борисовны Борисовой. Саратов, 2006. С. 66–75.

16. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. М. : Наука, 1986. 252 с.

17. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.

Conceptual Modeling as a Methodological Basis for the Analysis of Corpus Data

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 178–190. DOI: 10.17223/19986645/63/10

Irina A. Tarasova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: tarasovaia@mail.ru

Keywords: Russian National Corpus, poetic discourse, concept, Russian poetry of 18th–21st centuries.

The aim of the article is to propose a new methodology for analyzing corpus data representing poetic discourse. The work is based on the material of the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus. The corpus of Russian poetry is used for selection of texts with the aim of their subsequent conceptual analysis. As a methodological formula for the analysis of corpus data, the author employs the structure of an artistic concept. An artistic concept is understood as a mental unit of an author's consciousness, which embodies his/her individual and culturally-based notions about objects of the poetic world. Being viewed as a model, it has a layered structure including a figural layer containing images of objects (mental pictures) as well as some other layers or components, such as: (1) conceptual (providing logical interpretation of the poetic reality); (2) image-bearing-associative (reflecting the connection between objects in the poetic world of an author's consciousness); (3) symbolic (placing the relationships between concepts of abstract and concrete nominations); (4) evaluative (giving a valuation of a depicted phenomenon and showing the connection with basic categories of an author's attitude to the world and national values). According to the author's vision, the concept is not only a unit of artistic consciousness (both individual and collective), but also a

research construct, giving us a possibility to order the contexts of usage of linguistic units. In the article, the word *sunset* is studied as a representative of the corresponding concept and a poetic symbol connected with life, death and eternity. The author believes that the corpus is a convincing representation of poetic discourse and reflects the poetic norm of the era. Based on the complete selection of contexts with the word *sunset* from the corpus of poetry (over 3,000 units), the author shows the semantic structure of the cognominal concept and reveals that the poets of the Soviet era not only develop paradigms of figurative denomination of sunset, created by preceding writers, but also enrich the symbolic layer of the artistic concept. At the same time, the evaluative layer of the concept retains its ambivalence throughout the centuries of Russian poetry. Also, the author demonstrates that the corpus-based analysis of the literary text expands the range of answers to traditional questions of stylistic analysis concerning external text connections, understanding common poetic stereotypes, evolution of poetic images, etc. On the other hand, the use of conceptual analysis helps to structure the corpus data.

References

1. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [The Corpus as an Instrument and as Ideology: On Some Lessons of Modern Corpus Linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 16 (2). pp. 7–20.
2. Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) (2014) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 2. Moscow: Azbukovnik.
3. Stepanov, Yu.S. (1998) *Yazyk i metod: K sovremennoy filosofii yazyka* [Language and Method: Toward a Modern Philosophy of Language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
4. Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) (2013) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 1. Moscow: Azbukovnik.
5. Fateeva, N.A. (2016) Poeticheskoe opredelenie tvorchestva: torzhestvo ili muka? [Poetic Definition of Creativity: Triumph or Torture?]. *Yazyk khudozhestvennoy literatury: traditsionnye i sovremennye metody issledovaniya* [Language of Fiction: Traditional and Modern Research Methods]. Proceedings of the International Conference in Memory of N.A. Kozhevnikova. 19–21 November 2016. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of RAS. pp. 464–472. (In Russian).
6. Tarasova, I.A. (2016) [A Corpus Approach to the Analysis of Poetic Texts of the Russian Emigration]. *Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznaniya* [Academic Heritage of B.N. Golovin in the Light of the Urgent Problems of Modern Linguistics]. Proceedings of the International Conference. N. Novgorod: DEKOM. pp. 488–492. (In Russian).
7. Orekhov, B.V. (2014) “Problek” F.I. Tyutcheva v retrospektive Korpusa: Ocherk korpusnoy poetiki [“A Glimpse” by F.I. Tyutchev in the Retrospective of the Corpus: Essay on Corpus Poetics]. In: Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 305–319.
8. Gik, A.V. (2014) Opyt postroeniya poeticheskoy istorii slova: radost' [The Experience of Constructing the Poetic History of the Word: Joy]. In: Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 251–277.
9. Fateeva, N.A. (2014) Slovo o rifme: rifma kak obraz i kak rezul'tat poeticheskoy refleksii [A Word About Rhyme: Rhyme as an Image and as a Result of Poetic Reflection]. In: Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 147–164.
10. Severskaya, O.I. (2014) “Shepot, robkoe dykhanie...”: Shepot v russkoy poezii XVIII–XX vv. [“Whisper, Timid Breathing...”: Whisper in the Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. In: Plungyan, V.A. & Shestakova, L.L. (eds) *Korpusnyy analiz russkogo stikha* [A Corpus Analysis of Russian Verse]. Is. 2. Moscow: Azbukovnik. pp. 278–304.

11. Tarasova, I.A. (2018) *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* [Cognitive Poetics: Subject, Terminology, Methods]. Moscow: INFRA-M.
12. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2001) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki.
13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.
14. Hanzen-Löve, A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov: Mifopoeticheskiy simvolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives: Mythopoietic Symbolism. Cosmic Symbolism]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
15. Ivanyushina, I.Yu. & Tarasova, I.A. (2006) "Esteticheskiy opyt" v strukture chitatel'skogo vospriyatiya ["Aesthetic Experience" in the Structure of Reader's Perception]. In: *Yazyk khudozhestvennoy literatury: Literaturnyy yazyk* [Language of Fiction: Literary Language]. Saratov: Nauchnaya kniga pp. 66–75.
16. Kozhevnikova, N.A. (1986) *Slovoupotreblenie v russkoy poezii nachala XX v.* [Word Usage in the Russian Poetry of the Early 20th Century]. Moscow: Nauka.
17. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Literary Concept as a Semantic and Aesthetic Category]. *Mir russkogo slova – World of Russian Word*. 4. pp. 39–45.

ЛИТЕАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/63/11

М.П. Кизима

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛЫХ ФОРМ ПРОЗЫ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА («КРОХОТКИ» 1958–1963, 1996–1999)

Автор полемизирует с существующими определениями жанровой природы «Крохоток». По мнению автора, в «Крохотках» А.И. Солженицын обращается к традиции притчи, но кардинально обновляет её новаторским синтезом лирического и эпического начал, а также соединением отдельных «крохоток»-притч в общий замысел цикла, благодаря чему в параболическом развитии цикла каждая из них обретает более глубокий смысл. Автор доказывает свою точку зрения развёрнутым анализом повествовательной стратегии А.И. Солженицына.

Ключевые слова: русская литература, А.И. Солженицын, проза малых форм, «Крохотки», жанр, притча, параболы.

В русской литературе второй половины XX в. малые формы играли весьма заметную и плодотворную роль, привлекая таких выдающихся писателей, как В. Солоухин, Ю. Бондарев, В. Астафьев; свой вклад в их развитие внёс и Александр Исаевич Солженицын (1918–2008). В предлагаемой вниманию читателя статье мы обратимся к самым малым из представленных в творчестве А.И. Солженицына форм – его «Крохоткам» и рассмотрим их с точки зрения жанровой природы.

«Крохотки» занимают особое место среди произведений Солженицына: более тридцати лет разделяют два созданных им цикла, первый был написан в 1958–1963 гг., а второй – в 1996–1999 гг., после возвращения писателя в Россию. Можно сказать, что «Крохотки», словно вехи, отмечают начало творческого пути Солженицына и его завершающий этап, указывая на внутреннюю целостность всего творчества.

Литературоведы и критики не раз обращались к исследованию «Крохоток», но не пришли к единому мнению в определении их жанра, вопрос остаётся открытым и по-прежнему вызывает научный интерес и дискуссии. Определение жанра существенно для понимания и интерпретации текста. В жанре, отмечал Г.Д. Гачев, «таится какое-то священное и вековечное содержание, богатство и значение которого надо понять» [1. С. 7]. Жанровые формы гибки и подвижны, откликаются на потребности литературного процесса; вместе с тем, они обладают устойчивостью и преемственностью, являются основополагающими смысловыми парадигмами, вне которых ни создание, ни интерпретация художественного произведения невозможны. Известный французский теоретик литературы Ц. Тодоров писал, что жанры служат своеобразными «творческими моде-

лями» для авторов и определяют «горизонт ожидания» для читателей [2. Р. 18–19].

Многие отечественные и зарубежные критики называют «Крохотки» лирическими миниатюрами, стихотворениями в прозе [3, 4]. Этот взгляд оказался настолько распространённым, что повлиял даже на перевод названия произведения на английский язык. Поскольку сохранить в переводе внутренний смысл слова «крохотки» было трудно, некоторые переводчики (в частности, М. Гленни) пошли по пути подмены названия произвольным определением жанра: так на английском языке появилось произведение Солженицына «Стихотворения в прозе» [5]. Известные американские исследователи творчества писателя Э.Э. Эриксон и Д.Дж. Махони при подготовке издания его избранных произведений выбрали другой подход: они называют «Крохотки» «Миниатюрами», хотя и приводят для пояснения закрепившееся уже название «Стихотворения в прозе» [6]. Название «Миниатюры» не передаёт всех оттенков смысла русского слова «крохотки», но оно, по крайней мере, не приписывает «Крохоткам» жанрового определения, которого сам автор не давал.

В отечественном литературоведении не все согласны с тем, что «Крохотки» – это лирические зарисовки. Л. Колобаева, например, полагает, что лирическое начало играет в «Крохотках» второстепенную роль, а превалирует эпически-повествовательное: «Главное для автора «крохоток» – не субъективное авторское впечатление от тех или иных явлений жизни, но сама их суть, переданная по большей части эпически-повествовательно, если не в последовательности событий, то в связке знаменующих их подробностей. «Крохотки» – это чаще всего “сгущённые” до грани афоризма рассказы, самый малый эпос» [7. С. 44]. Л. Колобаева правомерно отмечает важность для А.И. Солженицына русской реалистической традиции и вместе с тем пишет о «восприимчивости писателя к широкому и разнообразному опыту литературы XX века не только в её реалистическом русле», однако каков же этот опыт – она не уточняет, указывая лишь на насыщенность прозы Солженицына символами и его новации в области словотворчества [Там же]. Обобщая, можно сказать, что мнения критиков колеблются фактически между тремя точками зрения: «Крохотки» рассматриваются либо как лирические миниатюры, включающие элементы реалистического повествования, либо как «сгущённое» реалистическое повествование с элементами лиризма, либо как пёстрые, «разножанровые» циклы [8. С. 24].

Думается, жанровая природа «Крохоток» иная: в «Крохотках» А.И. Солженицын обращается к традиции притчи. Действительно, в «Крохотках» звучит лирический голос, лирическое «я» глубоко индивидуально, в нём ощущается близость к личности самого автора, есть автобиографические детали; немалое место в «Крохотках» занимает и конкретно-историческое, реалистическое изображение действительности. Всё это не характерно для традиционной притчи; и всё же именно притча, на мой взгляд, лежит в основании «Крохоток». Исследователи порой отмечают, что в «Крохотках» есть притчевое начало, но видят это качество либо

только в некоторых «крохотках» (А.С. Георгиевский) [9. С. 30], либо только как элемент внутри в целом иных по своей природе миниатюр (С.И. Красовская) [8. С. 18]. Не могу с этим согласиться, полагаю, что притча является доминирующей жанровой парадигмой всех «крохоток»; более того, она является основой построения обоих циклов. В притче, обновив этот древний жанр, Солженицын сумел сплавить, как в тигле, и лирическое начало, и реалистическое изображение действительности, выразив свой религиозный взгляд на мир.

Выбор притчи как творческой модели был в данном случае абсолютно органичен для Солженицына, ведь в «Крохотках» он утверждает нравственно-религиозный образ мира, а притча тяготеет к «глубинной “премудрости” религиозного или моралистического порядка» (С.С. Аверинцев) [10], и статус повествователя в ней – «это статус носителя и источника авторитетного убеждения, организующего учительный, убеждающий (или переубеждающий) по своей коммуникативной цели дискурс» (В.И. Тюпа) [11. С. 38].

О притче теории литературы пишут как о «форме мышления», как об «особенной культуре высказывания (дискурса) со своей дискурсивной стратегией» (В.И. Тюпа) [12. С. 381], восходящей к устным речевым жанрам. В русской традиции принято говорить о двух видах притчевого высказывания, имеющих свои образцовые примеры: о притче-сентенции (притчи Соломоновы) и о повествовательной, сюжетной притче-параболе (притчи евангельские как запись устных учительных бесед Христа) [11. С. 7]¹. Надо отметить, что в своих образцовых примерах эти два вида притчевого высказывания взаимодействуют между собой: в притчах Соломоновых сентенция порой сочетается с повествованием (например, Притчи:7)², а евангельские притчи включают в себя сентенции: Иисус рассказывает притчу о сеятеле и завершает её сентенцией: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (От Матфея 13:9); данное взаимодействие разных видов притчевых высказываний не отменяет, однако, их различий.

«Крохотки» Солженицына мы относим к жанру притч-парабол (сентенция присутствует в них как заключительный вывод, назидание). Такой притче как повествовательному жанру присущи краткость, сжатость (сюжетного развития и образных характеристик действующих лиц), иносказательность и

¹ Некоторые учёные полагают, что использование слова «притча» в каноническом переводе в отношении сентенций Соломона «нельзя признать удачным», поскольку они относятся, скорее, к жанру афоризма (В.И. Тюпа) [11. С. 35]. Для такого мнения есть основания: название этой книги Ветхого Завета на английский язык было переведено, например, как “The Proverbs” («пословицы»), в то время как в отношении евангельских притч используется слово “parable” («парабола»). Е.К. Ромодановская также отмечает, что «именно евангельская притча стала основным примером при создании древнерусского жанра параболы, именно за ней сохранилось до сих пор используемое терминологически определение “притча”» [Там же. С. 7]. Тем не менее невозможно уйти от того факта, что канонический перевод Библии закрепил в русской традиции и сохранил до наших дней двойное понимание притчевого высказывания.

² Здесь и далее используется издание: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические. М. : Российское библейское общество, 2000. 1312 с.

назидательность (назидательность в широком смысле этого слова – наставление на путь истинный, пример мудрости, религиозно-нравственное поучение) [10, 13, 14]. Эти качества взаимосвязаны и дополняют друг друга, в своём сочетании они и создают «содержательность формы», которая «есть не только конструкция, но и мирозерцание» (Г.Д. Гачев) [1. С. 39].

Указанные выше качества характерны для обоих циклов «Крохоток»: лапидарность, сжатость сюжета и характеристик персонажей позволяют Солженицыну достичь необходимой для притчи концентрации содержания, ведь жанровая задача притчи состоит не в полноте изображения, а в обнаружении сокровенных, глубинных смыслов; «крохотки» строятся повествовательно – иногда с чуть более развёрнутым, иногда с чуть менее развёрнутым сюжетом. В.И. Тюпа правомерно подчёркивает значимость сюжетно-повествовательного элемента для жанра притчи [12. С. 382]. «Притча – это рассказ о некоем случае, из которого следует определённый вывод», – пишет Е.К. Ромодановская [11. С. 5]. Такое понимание природы жанра заложено внутри самого слова «притча», происходящего (согласно словарю В.И. Даля) от «притекать», «притечь», «приточиться» в значении «случиться» [15. С. 468]; важность этого факта для терминологического употребления слова отмечают Е.К. Ромодановская, В.И. Тюпа [11. С. 5, 35].

Порой высказывают мнение, что рассказы-притчи Солженицына сводимы к паремии; С.И. Красовская, в частности, относит к их числу такие «крохотки», как «Лиственница», «Молния», «Лихое зелье» [8. С. 24]. С этим трудно согласиться. Рассмотрим, к примеру, упомянутую ею «крохотку» «Молния»:

Только в книгах я читал, сам никогда не видел: как молния раскалывает деревья.

А вот и повидал. Из проходившей грозы, среди дня – да ослепил молненный блеск наши окна светлым золотом, и сразу же, не отстав и на полную секунду, – ударище грома: шагов двести – триста от дома, не дальше?

Минула гроза. Так и есть: вблизи, на лесном участке. Среди высочайших сосен избрала молния и не самую же высокую липу – а за что? И от верха, чуть ниже маковки, – прошла молния повдоль и повдоль ствола, через её живое и в себе уверенное нутро. А иссялась, не дошла до низа – соскользнула? иссякла?.. Только земля изрыта близ подпалённого корневища, да на полсотни метров разбросало крупную щепу.

И одна плаха ствола, до середины роста, отвалилась в сторону, налегла на сучья безвинных соседок. А другая – ещё подержалась денёк, стояла – какою силой? – она уж была и насквозь прорвана, зияла сквозной большой дырой. Потом – и она завалилась в свою сторону, в дружелювный развилоч ещё одной высокой сестры.

Так и нас, много: когда уже постигает удар кары-совести, то – через всё нутро напрострел, и через всю жизнь вдоль. И кто ещё остоится после того, а кто и нет [16. С. 558]¹.

¹ Здесь и далее при цитировании «Крохоток» сохранена орфография А.И. Солженицына.

Данная «крохотка» не сводима к паремии, её последняя сентенция обретает свой смысл только как итог повествования. В «крохотке» рассказывается случай, происшедший с повествователем, именно этот случай меняет его взгляд на вещи и приводит к заключительной сентенции. Речь идёт об ударе молнии такой силы, что раскалывает деревья, – важном природном явлении, знакомом людям испокон веков, но повествователь знал о нём только опосредованно, из книг, и вот он становится свидетелем («не видел» – «а вот и повидал»), – этот мотив личного свидетельства здесь типологически важен, он отсылает читателя к притчам евангельским (сами Евангелия суть свидетельства). Сюжет «крохотки» разворачивается во времени, чтобы затем подчеркнуть его вневременной смысл: гроза и её последствия описаны постепенно, по мере их проявления (гроза наступила, «минула», «одна плаха ствола... отвалилась в сторону», а другая – «поддержалась ещё денёк», «потом – и она завалилась в свою сторону»). Постепенное развитие сюжета готовит поворот взгляда повествователя с внешнего мира на внутренний: описывая поражённую молнией липу, он отмечает, что молния «прошла через её живое и в себе уверенное нутро». Заключительная сентенция закрепляет этот поворот, ведь в ней речь идёт уже о молнии человеческой совести (внутреннем голосе, которым с человеком говорит Бог).

Ключевыми для жанровой формы притчи являются иносказательность и назидательность. Иносказательность даёт понять, что за чувственным миром вещей и явлений, о которых повествует притча, нужно разглядеть неявный глубинный смысл, она даёт возможность через осязаемое, земное ощутить трансцендентное и абсолютное и так сделать правильный выбор на жизненном пути.

Иносказательность объемлет все образные структуры «Крохоток». Даже исследователи, первоначально отрицающие этот факт, переходя к непосредственному анализу текстов «Крохоток», не могут не признать их глубокой иносказательности. Например, А. Урманов, полагает, что для «Крохоток» первого цикла характерна исповедальность, что они являются «эмоционально-художественными *откровениями* А. Солженицына», и утверждает, что такой выбор жанровой формы продиктован потребностью «выразить рождающиеся при непосредственном соприкосновении с действительностью сокровенные мысли и ощущения, *не прибегая при этом к затемняющим смысл иносказаниям, к уводящим в сторону ассоциациям, к вымышленным сюжетам*» (курсив мой. – М.К.) [17. С. 43]. Однако двумя страницами ниже при анализе «крохотки» «Дыхание» он высказывает противоположное мнение, подчёркивая важность и глубину иносказательности текста: «Смысл в ином: перед нами – почти мистический акт, таинство преображения, преосуществления простой чувственной, телесной радости в радость в значительной степени духовную, сродни религиозному чувству» [17. С. 45]. Как объяснить подобные противоречия? Думается, взгляд исследователя на «Крохотки» как лирические откровения предопределил его «горизонт ожидания» (Ц. Тодоров) в отношении данного произведения

(никаких «затемняющих смысл иносказаний», «уводящих в сторону ассоциаций», «вымышленных сюжетов»), однако затем, при внимательном рассмотрении текста, он – как профессиональный филолог – не мог не отметить его глубинной иносказательности, позволяющей через земное ощутить трансцендентное (и даже использовал в своём анализе целый ряд важнейших религиозных понятий: «мистический акт», «таинство преображения, пресуществления»), – а такого рода иносказательность присуща именно притче как жанру (С.С. Аверинцев) [10].

Иносказание органично пронизывает саму словесную ткань лапидарных и внешне прозрачных по смыслу миниатюр Солженицына, оно ничего не затемняет, в сторону не уводит, оно составляет саму суть повествования, укоренённую в слове. Возьмём название циклов – «Крохотки». Мастер языка, Солженицын выбирает для определения созданного им произведения такое слово, которое в своём морфологическом строении – сочетании корня и суффикса – открывает цепь сложных ассоциаций. Ведь «крохотки» указывают не только на малый размер: «крохи – крошки» ведут нас к образу хлеба и в его буквальном и в метафорическом смысле окормления духовного. Суффикс же указывает на аналогию «крохотки» с капелькой, песчинкой, крупинкой – крупинка-крохотка завершена сама в себе, но она – часть целого и в этом целом обретает свой полный смысл.

Этот сложный комплекс смыслов реализуется в различных образах текста, строя его иносказательный ряд. Так, в первом цикле в «крохотке» «Гроза в горах» герои вдруг чувствуют себя каплями в общем потоке жизни, это освобождает их от страха смертного, наполняя восторгом:

Голос грома наполнил ущелья, и не слышен стал постоянный рёв рек. Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет, и дробились в змейки, в струйки, как бы разбрызгиваясь о скалы или поражая и разбрызгивая там что живое.

И мы... мы забыли бояться молнии, грома и ливня – подобно капле морской, которая не боится ведь урагана. Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня – на наших глазах [16. С. 541].

В том же первом цикле одна из «крохоток» посвящена *крохе* – маленькому утёнку, повествователь берёт его в руки и любуется им как чудом, – и в утёнке тоже, как в капле, воплощена тайна жизни, Божественного творения:

А мы – мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, – за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! – никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, – не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка... [16. С. 536].

Как видим, «крохотка» завершается сентенцией, назиданием, поучением, – высказанным не прямо, а с иронией и через отрицание, но от этого

ещё более весомым. Профанное и сакральное здесь противопоставляются, масштабность профанных амбиций и планов («за двадцать минут весь мир перепашем») сталкивается с крохотным утёнком и им посрамляется – комически разрешаясь в ничто. Поучение содержат и другие «крохотки»; оно развивается постепенно в самом повествовании – через действия и слова людей, через образы природы, предметы окружающего мира и отношение к ним людей – и подкрепляется в итоге оценкой, которую даёт всему рассказанному повествователь. Такая оценка может выражаться по-разному: сентенцией в отношении человеческой жизни в целом («Лихое зелье»), горьким ироническим выводом относительно того, о чём рассказывалось в «крохотке» («Мы-то не умрём»), прямым, хотя и ироничным, наставлением («Колхозный рюкзак»). Назидание в «Крохотках», какую бы форму оно ни принимало, всегда носит глубоко притчевый характер: оно не декларативно, предполагает нравственный выбор. «Крохотки» Солженицына ставят и их действующих лиц, и читателя в ситуацию этического выбора, человек рассматривается писателем как субъект такого выбора, что, как подчёркивает С.С. Аверинцев, характерно для притчи [10].

Как мы могли убедиться, Солженицын обращается к традиционной жанровой модели повествовательной притчи, сохраняя её важнейшие черты. Однако принципы и параметры данной модели закладывались тогда, когда притча функционировала как устный речевой жанр; «притча в собственном значении этого слова представляет собой высказывание пралитературное (устное), прахудожественное (моралистическое)» (В.И. Тюпа) [11. С. 40]. За время своего литературного развития данная жанровая форма претерпела, естественно, немало изменений. К ней обращались писатели разных эпох и разных творческих взглядов (в том числе Гёте и Лев Толстой), в XX в. притча заняла особое место в литературном процессе, оказалась востребована многими художниками. Данная тенденция явилась одновременно и откликом на переживаемый человечеством кризис культуры и поиском выхода из него, ведь вопрос о фундаментальных ценностях человеческой жизни встал вновь с предельной остротой. В литературоведении, однако, данное явление изучено пока что недостаточно, и, как отмечают авторы коллективной монографии «Притча в русской словесности: от средневековья к современности», вопрос о жанре притчи и «его истории в русской литературе, его разновидностях и вариантах лишь теперь начинает разрабатываться» [Там же. С. 4].

Думается, творчество Солженицына является ярким примером развития жанра притчи в русской литературе XX в. Используя традиционную жанровую форму притчи, Солженицын одновременно принципиально обновляет её. Избранный им подход весьма плодотворен, поскольку внутренне не противоречит исходной жанровой модели.

Во-первых, в своих притчевых высказываниях Солженицын акцентирует обращённость к читателю-собеседнику, лирическую субъектность и эмоциональность, сохраняя при этом повествование как основу. Напомним, что в Евангелиях притча выступает фактически как особый жанр про-

поведи, а проповеди присуща субъектность. Надо сказать, что по природе своей лирическое и дидактическое отнюдь не противоречат друг другу. Псалмы царя Давида – произведения глубоко лирические по всем канонам – стали основой нравственного и религиозного поучения в христианском мире; от первого лица как прямое обращение к сыну написаны притчи Соломоновы и книга Екклесиаста: «Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме; И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжкое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем» (Екклесиаст 1:12); «Исповедь» Блаженного Августина соединила в себе глубочайший лиризм и назидание, заложив свойства соответствующего литературного жанра. Как известно, Жан-Поль (Рихтер) при разделении литературы на роды и виды отнёс описательную поэму к эпическому роду, а дидактическую поэму – к лирическому [18. С. 398]. Поскольку сверхзадачей притчи является убеждение или переубеждение, в ней генетически заложен лирический дидактический потенциал, проявившийся затем в истории развития литературных жанров: как подчёркивает В.И. Тюпа, «наиболее очевидным образом притча выявляется в основании басни – одного из канонических жанров лирического дискурса» [11. С. 39–40].

Вместе с тем лирический дискурс у Солженицына обладает особыми качествами, выходящими за пределы, очерченные традиционной притчей в её образцовых примерах, мы не можем не видеть существенной модификации традиционной формы притчи. Рассматривая притчу как протолитературный нарратив, В.И. Тюпа подчёркивает, что «речевой акт притчевого типа есть монолог в чистом виде, целенаправленно устремлённый от одного сознания к другому», что притча «разъединяет участников коммуникативного события на поучающего и поучаемого» [11. С. 39, 38]. Такая моноличность дискурса свойственна евангельским притчам, но ведь их рассказывал сам Иисус (при этом, надо сказать, и он вступал в диалог с учениками, разъясняя им свои притчи). Никто из писателей не может поставить себя в столь же авторитетное положение: обращаясь к христианской премудрости, писатель, как и его читатель, находится в положении интерпретатора, он делится своим опытом проживания жизни и постижения глубинных смыслов бытия, поучает, – но не только читателя, а и самого себя. В некоторых «крохотках» Солженицына мы видим отход от «монолога в чистом виде», разрушается в определённой мере и иерархичность отношений поучающего и поучаемого; возникают элементы диалогичности.

Здесь стоит отметить, что диалогичность не противоречит дидактике: диалогическое мышление издревле находило своё выражение в поучающих жанрах; образцовым примером в этом отношении в европейской литературной традиции являются диалоги Платона, восходящие жанрово к устным учительным беседам Сократа.

Солженицын остаётся в жанровых границах притчи, но раздвигает их, в том числе используя элементы диалогичности. Нередко он словно «подключает» читателя как собеседника к своеобразному воображаемому раз-

говору, обращается к читателю с вопросами, выделяя себя не как поучающего, а только как человека, делящегося опытом: «Что происходит за ночь с нашей душой?» («Утро»); «Кто из нас не слышит об этом колоколе... («Колокол Углича»); «Кто хочет увидеть единым взором, в один окоем, нашу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калязинскую колокольную» («Колокольная») [16. С. 565, 559, 560].

Исследователи порой не замечают этого, пишут, что текст Солженицына строится как «близкий жанру проповеди» «авторитарный дискурс, отрицающий множественность интерпретаций», что, «даже не читая весь рассказ, можно почувствовать, что финал здесь – это точка, часто принимающая форму афоризма» [8. С. 16]. Однако если внимательно посмотреть на тексты, то мы увидим, что очень часто (особенно в первом цикле) в конце «крохотки» стоит не «точка», а многоточие, знак вопроса и многоточие или восклицание и многоточие, что, конечно, – пунктуационно и синтаксически – указывает на интонацию авторского голоса, его обращённость к читателю: автор и читатель как бы объединены в этой недосказанности, в вопрошании, в восклицании. Иногда такой обращённый к читателю вопрос звучит и в середине текста, как, например, в «крохотке» «Лиственница», к которой мы ещё вернёмся ниже, или в уже рассматривавшейся нами «крохотке» «Молния»:

Минула гроза. Так и есть: вблизи, на лесном участке. Среди высочайших сосен избрала молния и не самую же высокую липу – *а за что?* И от верха, чуть ниже маковки, – прошла молния повдоль и повдоль ствола, через её живое и в себе уверенное нутро. А иссялась, не дошла до низа – *соскользнула? иссякла?..* Только земля изрыта близ подпалённого корневища, да на полсотни метров разбросало крупную щепу (курсив мой. – М.К.) [16. С. 558].

Меняется и сам лирический голос: он предстаёт уже не только как «я» («Дыхание», «Шарик»), но и как «мы» («Вязовое бревно», «Гроза в горах»), как «я», переходящее в «мы» внутри одной и той же «крохотки» («Молния», «Колокол Углича»), и через неопределённо-личные конструкции, объединяющие говорящего с его слушателями: «Кружишь по лесу молчаливому, кружишь, ищешь, как просочиться к озеру, – не найдёшь, и спросить не у кого: напугали народ, никто в том лесу не бывает» («Озеро Сегден») [Там же. С. 534].

Ещё одной важной новацией в «Крохотках» является реалистическое изображение действительности. Такой подход кажется, на первый взгляд, «непритчевым», но по сути он во многом отвечает жанровой природе притчи. Ведь притча обращена к обычному человеку, воспринимающему её в контексте своего опыта, она призвана затронуть его личное сознание, сделать его субъектом этического выбора в его жизненной ситуации. Притча всегда – и в своих образцовых примерах – опиралась на обобщённый, но реальный опыт людей и через него вела к смыслам универсальным и трансцендентным. Иисус, проповедуя, рассказывал притчи о сеятеле, о рыбаке, забросившем невод, о купце, о хозяине виноградника, нанявшем

работников, и т.д., – всё это ситуации повседневные и типичные для своего времени. Солженицын же, развивая эти жанровые качества традиционной притчи, обращается к типичным ситуациям русской истории и современности, в которых читатель может узнать свой собственный жизненный опыт: его герой живёт в XX в., он, бывший фронтовик, прошёл через войну («Старое ведро»), коллективизацию («Колхозный рюкзак»), репрессии («Прах поэта», «Город на Неве», «Ночные мысли»), он живёт в условиях современной индустриальной цивилизации («Способ двигаться»). Мы видим реалистическое изображение действительности и тогда, когда речь идёт о прошлом, причём у Солженицына прошлое всегда соотносено с настоящим и будущим («Прах поэта», «Колокол Углича»). Калязинская колокольня, возвышающаяся одиноко посреди Волги («Колокольня»), становится напоминанием о старом «изобильном торговом» городе, памятником городу, затопленному на две трети в советские времена, и символом надежды на будущее. Это движение во времени начинается со взгляда на колокольню и завершается им, но притча меняет саму перспективу: повествователь бродит «по грустным уцелевшим улочкам» «переломленного, недобитого города», наблюдает на «фальшивой набережной» калязинских баб, хранящих приверженность волжской воде и по-прежнему пытающихся полоскать в ней бельё, и возвращается взглядом и мыслью к колокольне: «И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, в с ю Русь до конца не попустит Господь утопить...» [16. С. 560, 561]. Реалистическое, конкретно-историческое изображение действительности в «крохотках» дано, как и предполагает жанр притчи, обобщённо-кратко и направлено на иносказание и поучение.

И наконец, Солженицын идёт по пути объединения притч в циклы. Надо сказать, что притча как жанр стремится к циклизации. Говоря об образцовых примерах жанра, мы не случайно употребляем множественное число: притчи Соломоновы, притчи евангельские. Притча рассказывает поучительный случай, в основе её аргументации лежит пример, она стремится выразить невыразимый сокровенный смысл через череду примеров, сравнений, уподоблений, ведь один пример для этого может быть недостаточен. В Евангелиях притчи о Царстве Небесном строятся как такая череда уподоблений: «Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем...»; «...иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному...»; «Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске...»; «Еще: подобно Царство Небесное сокровищу...»; «Еще: подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин...» и т.д. (От Матфея 13:24–33; 13: 44–50 и др.).

Солженицын писал «крохотки» на протяжении длительного времени (1958–1960; 1996–1999), второй цикл публиковал порциями: первые три «крохотки» были опубликованы в первом номере «Нового мира» за 1997 г., следующие три – через два месяца, затем следующие – через семь

месяцев, а завершающие четыре «крохотки» – только в седьмом номере за 1999 г. [16. С. 664]. Оба цикла формировались постепенно, завершающие их «Молитвы» появились значительно позже, чем сами циклы (в 1963 и в 2004 г. соответственно), – всё это свидетельствует о напряжённой работе автора над окончательным композиционным решением.

В первом цикле восемнадцать «крохоток», включая заключительную «Молитву», во втором, более кратком, – четырнадцать, также включая добавленную позже «Молитву о России». Не могу согласиться с мнением, что циклы представляют собой «прихотливую авторскую мозаику» [9. С. 32]. Думается, принцип организации циклов у Солженицына принципиально иной: в их построении Солженицын использует повествовательные стратегии родственного притче жанра параболы как потенциально более крупной формы.

В отечественном литературоведении нет единообразия в терминологическом употреблении слова «парабола». Иногда оно употребляется как синоним традиционной повествовательной притчи [11. С. 7; 20], а иногда – специально для характеристики притчевых тенденций в литературе XX в. [19, 21]. В европейских языках слово «парабола» используется как в отношении евангельских притч, так и в отношении современных притчевых текстов. Мы уже говорили выше о том, насколько проясняет природу притчи как жанра исходное значение русского слова «притча»; не менее существенно в этом отношении и понимание древнегреческого слова «парабола». Его основные значения: сравнение, подобие, сближение, отклонение, петля, аллегорический рассказ, притча [11. С. 157]. Значения слова «парабола» указывают на важный принцип строения притчевого высказывания как своеобразной «петли» сближений и отклонений. В связи с этим исследователи говорят о том, что «в основе притчи лежит принцип параболы»: повествование в ней движется как бы по кривой, удаляясь от предмета, а затем возвращаясь к нему и давая ему этическую оценку [14. С. 295; 13. С. 808]. Некоторые учёные (Д. Чавчанидзе) рассматривают этот принцип как особенность притчи в литературе XX в. [14. С. 295–296], другие – как характерный для жанра притчи в целом: так, О.В. Гладкова приводит в качестве примера евангельскую притчу о нанятых в виноградник работниках (От Матфея 20:1–16), но отмечает, что «построение притчи не всегда строго выдерживает параболический характер» [13. С. 808]. Думается, принцип параболы как повествовательный принцип действительно особенно важен для литературы XX в., когда притча вышла за пределы малой эпической формы в сферу романа и драмы, когда появились романы-притчи: краткая притча и параболическое построение более крупных произведений характерны для творчества Франца Кафки, Уильяма Голдинга («Повелитель мух»), Альбера Камю («Чума»), Уильяма Фолкнера («Притча»), Эрнеста Хемингуэя («Старик и море»), Бертольта Брехта («Доброго человека из Сычуани» Брехт сам назвал пьесой-параболой) и многих других.

В построении циклов «Крохоток» Солженицын также опирается на принцип параболы как соприродный самому жанру притчи. От «крохотки»

к «крохотке» происходит не прямое, параболическое развитие художественного образа мира, выстраивается своеобразная петля подобий и отклонений.

Рассмотрим строение первого цикла. Его открывает крохотка «Дыхание». Внешне она очень похожа на маленькую лирическую зарисовку: сад после дождя, повествователь стоит под отцветающей яблоней и вдыхает чудесный воздух. Но в «крохотке» слова ведут читателя к важнейшим религиозным образам и иносказательному смыслу: «сладкий дух, который напавает воздух», сад, теснимый со всех сторон современным городом, и завершающая фраза: «Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!» [16. С. 533]. Дух, дыхание, сад и жизнь соединяются воедино, утверждая иносказательный смысловой ряд: Господь Бог, вдувший в человека «дыхание жизни» (Бытие 2:7), дарованный людям райский сад, устоявший под натиском современной цивилизации. В следующей «крохотке» повествователь покидает «сад», он оказывается в мире искажённом, в мире, где люди отвернулись от Бога, где господствует власть земная, где над совершенной красотой природы «висит знак запретный» – она захвачена «лютым князем» («Озеро Сегден») [16. С. 534, 535].

Такое не прямое, идущее по параболической кривой развитие цикла охватывает не только собственно повествовательный ряд, но и образный ряд, и интонацию. Возьмём, к примеру, важнейшую образную дихотомию плоти и духа и посмотрим, как она развивается в трёх следующих одна за другой «крохотках». «Город на Неве» открывается образом дивной красоты, единения духа и материи: «Преклонённые ангелы со светильниками окружают византийский купол Исаакия» [Там же. С. 542]. Затем взор охватывает весь город, величие его архитектуры; звучит тема жертвы, принесённой на алтарь красоты, и тема времени, возникает образ косточек – того тленного, что и в смерти своей рождает собою красоту, но со временем предаётся забвению: «Такое наслаждение бродить теперь по этим проспектам! Но стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту. Косточки наших предков слезались, сплывались, окаменели в дворцы – желтоватые, бурые, шоколадные, зелёные» [Там же]. Это рассуждение ведёт Солженицына к завершающему «крохотку» вопросу: «Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слёзы жён – всё это тоже забудется начисто? всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?...» [Там же]. Речь в данном случае идёт не только о красоте произведений искусства, мы как бы возвращаемся к началу, к «преклонённым ангелам со светильниками» – к красоте духовного преображения жизни, а «крохотка» завершается на скорбной и возвышенной ноте.

Следом же за ней идёт «крохотка» «Шарик» – о пёсике, которого держат на цепи, спустили, наконец, побегать по двору, и вот он радостно прыгает по снегу. Конечно, данная «крохотка» выдержана в совершенно иной тональности, но продолжает параболически развивать намеченные темы и образы. Здесь вновь, в ином обличье звучит тема плоти и духа, тема косто-

чек. Повествователь рассказывает, что понёс Шарику куриные кости, еще тёплые, пахучие, пёс подбежал, «кости понюхал – и прочь опять, брюхом по снегу!»

Не надо мне, мол, ваших костей, – дайте только свободу!..» [16. С. 543].

Отметим, что в «Городе на Неве» Солженицын употреблял слово «косточки» – эмоционально окрашенное – в отношении погибших людей, как употребил он его ранее в отношении маленького утёнка, которого нам не создать, «даже если перья и косточки нам дать» [Там же. С. 536]; теперь он употребил нейтральное «кости»: здесь есть только оголённая плоть, только пища для плоти, некая необходимая неизбежность, но даже животное не желает ограничить свою жизнь голой необходимостью, желает свободы. Нас умиляет Шарик, и его образ возвращает нас к предыдущей «крохотке» – тем людям, которые были лишены свободы – важнейшего дара и важнейшей потребности всего живого.

Образ пёсика ведёт читателя к тому же к следующей «крохотке» – «Способ двигаться»: от прыгающего в восторге по снегу Шарика мы переходим к другим чудесным животным, которых человек использовал для передвижения (конь, верблюд, ишачок с их красотой и характерами), но которым он предпочёл неживое – автомобиль с его металлическим скрежетом: «Что ж, каковы мы – таков и наш способ двигаться» [Там же. С. 544]. Мы вновь входим в современный индустриальный, механистический мир, от которого в «Дыхании» – первой «крохотке» цикла – нас спасал маленький сад. Мы видим страшный образ современного мира новых язычников, которые, в отличие от язычников прежних времён, поклоняются не солнцу, а собственной плоти; выражается это, в частности, и через «способ двигаться» («Приступая ко дню»):

На восходе солнца выбежало тридцать молодых на поляну, расставились в разрядку все лицом к солнцу и стали нагибаться, приседать, кланяться, ложиться ниц, простирать руки, воздевать руки, запрокидываться с колен. И так – четверть часа.

Издали можно было представить, что они молятся.

Никого в наше время не удивляет, что человек каждодневно служит терпеливо и внимательно телу своему.

Но оскорблены были бы, если бы так служил он своему духу.

Нет, это не молитва. Это – зарядка [Там же. С. 551].

Так по параболической кривой от начала к концу развиваются притчевый смысл «Крохоток» и образная дихотомия плоти и духа. «Крохотки» показывают читателю современный мир, в котором человек всё более удаляется от Бога, не способен увидеть красоту Божественного творения, механистически служит своей плоти. Выделяя крупным планом искажённые черты, Солженицын делает очевидной для читателя их скрывающуюся за привычностью и обыденностью ущербность. Этот пристальный взгляд нужен для иносказания, для поучения и наставления на путь истинный, которые и составляют сверхзадачу притчи-параболы как жанра.

Притчи Солженицына возвращают человека к истинным смыслам бытия, и параболическая композиция цикла завершается уже не притчей, а «Молитвой» – тем «садом», где человек всегда с Богом. Хочу обратить внимание на её первую фразу, она как бы возвращает нас к самой первой крохотке – к «Дыханию», напомним её последние слова: «Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и *пожить!*» [16. С. 533], – а вот так начинается «Молитва»: «Как легко мне *жить с Тобой*, Господи!» [16. С. 554] (курсив мой. – М.К.).

Второй цикл «крохоток» также построен по принципу параболы, и он также завершается молитвенно. Его центральная тема – время, старение, смерть и жизнь вечная. Открывается цикл притчей «Лиственница» – о дереве стойком и нежном, сбрасывающем свои иголочки, как солнечные искры, «по соболезности?» [Там же. С. 557] (высказывает повествователь своё предположение) с листовными деревьями, и вновь зеленеющем весной, а завершается «крохоткой» «Поминование усопших»¹, создающей религиозный образ великой тайны – вечного человеческого сообщества, объединяющего живых и умерших. Замечу, что здесь писатель возвращает нас не только к образам «Лиственницы», но и к образу дыхания, которым открывался первый цикл, – а мы читаем последнюю «крохотку» последнего цикла:

И – ничего больше мы не узнаем, пока живы. Но молитва за души их – перекидывает от нас к ним, от них к нам – неосязаемую арку – вселенского размаха, а непреградной близости. Да вот они, почти можно коснуться. И – неизвестные они, и, по-прежнему, такие привычные. Но – отставшие от нас по годам: иные, кто был старше нас, те уже и моложе.

Сосредоточась, даже в дыханьи их отзыв, заминку, предупреждение. И – своё земное тепло посылаешь им в обмен: может, и мы чем-то пособим?

И – обещанье встречи [Там же. С. 570].

Надо сказать, что таких тематических и образных переключек между двумя циклами «Крохоток» немало (скажем, «Гроза в горах» в первом цикле и «Молния» во втором). Думается, это далеко не случайно: в них отразились и личные раздумья автора над прожитой жизнью, и авторское понимание внутреннего единства циклов, разделённых во времени несколькими десятилетиями.

Приведённый выше анализ позволяет утверждать, что основополагающей жанровой формой «Крохоток» является традиционная повествовательная притча с её иносказательностью и поучительностью. При этом А.И. Солженицын существенно обновляет жанр притчи: он идёт по пути синтеза эпического и лирического начал, включения элементов конкретно-исторического реалистического повествования, диалогичности. Более того,

¹ Позднее (в 2004 г.) как завершение была добавлена «Молитва о России», ставшая своеобразным итогом обоих циклов «Крохоток».

он объединяет маленькие притчи в циклы, что позволяет более полно развить метафорико-символические образные линии и иносказательные смыслы. В пределах малой формы через призму лирического «я» ему удалось соединить историю и современность России, переживание жизни отдельным человеком и общечеловеческое. «Крохотки» ведут читателя от непосредственного переживания, впечатления к общим и непреходящим духовным скрепам бытия, утверждая религиозно-нравственный образ мира, центральный для всего творчества Солженицына. Вклад Солженицына в развитие традиционной притчи весьма существен для истории литературы XX в.

Литература

1. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм: (Эпос. Лирика. Театр). М. : Просвещение, 1968. 302 с.
2. Todorov Tz. Genres in Discourse / Translated by Catherine Porter from French. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1990. VII, 136 p.
3. Орлицкий Ю. Большие претензии малого жанра: (По итогам первого Тургеневского фестиваля малой прозы) // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 275–288.
4. Шнеерсон М. Александр Солженицын: Очерки творчества. Frankfurt-am-Main : Посев, 1984, С. 233–234.
5. Solzhenitsyn A. Stories and Prose Poems / Translated by Michael Glenny. N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2015. 278 p.
6. Solzhenitsyn A. The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005. 2nd ed. / ed. by Edward E. Ericson, Jr. and Daniel J. Mahoney. Wilmington, DE : Intercollegiate Studies Institute, 2009. 679 p.
7. Колобаева Л. «Крохотки» // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 39–44.
8. Красовская С.И. Дискурс и жанр «Крохоток» А.И. Солженицына // Проза А. Солженицына 1990-х годов: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Урманов. Благовещенск, 2008. С. 12–24.
9. Георгиевский А.С. Русская проза малых форм последней трети XX века: духовный поиск, поэтика; творческие индивидуальности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 36 с.
10. Аверинцев С.С. Притча // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 305.
11. Притча в русской словесности: от средневековья к современности / отв. ред. Е.Н. Проскурина, И.В. Силантьев ; Институт филологии СО РАН. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. 484 с.
12. Тюпа В.И. Грани и границы притчи // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 381–387.
13. Гладкова О.В. Притча // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001. С. 808–809.
14. Степанов Н., Чавчанидзе Д. Притча // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. С. 295–296.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1882. Т. 3. 584 с. URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10119/#page/50/mode/1up>
16. Солженицын А. Рассказы и крохотки // Собр. соч. : в 30 т. М., 2007. Т. 1. 672 с.
17. Урманов А. Материальное и идеальное в ранних «Крохотках» (о мирозерцании Солженицына) // Малые жанровые формы в творчестве А. Солженицына: художе-

ственный мир. Поэтика. Культурный контекст : междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Урманов. Благовещенск, 2011. С. 41–61.

18. *Теория литературы*. Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М. : ИМЛИ РАН, 2003. 592 с.

19. *Приходько Т.Ф.* Парабола // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 267.

20. *Парабола* // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001. С. 717.

21. *Парабола* // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. С. 258.

Genre Peculiarities of the Small Forms of Aleksandr Solzhenitsyn's Prose (*Krokhotki*, 1958–1963, 1996–1999)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 191–208. DOI: 10.17223/19986645/63/11

Marina P. Kizima, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: m.kizima@inno.mgimo.ru

Keywords: Russian literature, Aleksandr Solzhenitsyn, small prose forms, *Krokhotki*, genre, parable, parabolic forms.

The article analyzes the genre peculiarities of Aleksandr Solzhenitsyn's (1918–2008) *Krokhotki* ("Miniatures") of 1958–63, 1996–99, their special place in his affirmation of a deeply ethical and religious image of the world. The author discusses the existing definitions of the genre of the miniatures, and distinguishes three different tendencies: some scholars define *Krokhotki* as prose poems, lyrical sketches including elements of realistic narrative; some as realistic narrative stories with elements of lyricism; others as collections of pieces belonging to different genres. The author questions these approaches, particularly the approach of those Russian and foreign literary critics who think that *Krokhotki* are a series of prose poems, and draws attention to the fact that this point of view was misleading for American translators who substituted the random definition of the genre for the title of the work: in English *Krokhotki* became "Prose Poems". The author believes that in *Krokhotki* Solzhenitsyn turns to the traditional form of the parable. To prove this point the author draws on the theoretical approaches to the parable as a peculiar form of discourse that goes back in its origin to the genres of oral speech and has a long literary history. The author defines *Krokhotki* as narrative parables. The distinctive traits of the genre are brevity and conciseness (a condensed plot, condensed images of characters), metaphoric structure and didactic design. The analysis shows that all these qualities are characteristic of both cycles of Solzhenitsyn's *Krokhotki*. The article emphasizes that Solzhenitsyn uses the traditional parable and at the same time transforms the genre. The author offers an analysis of the narrative strategies used by Solzhenitsyn in the two cycles of *Krokhotki* and comes to the conclusion that Solzhenitsyn's innovative approach was fruitful, for it does not contradict inwardly the original model of the genre. Since the major aim of the parable is to instruct and persuade, it has genetically a built-in lyrical didactic potential; Solzhenitsyn emphasizes the lyrical self and the emotional appeal to the reader; he often departs from the monologue of the traditional parabolic discourse and its hierarchical relationship between the instructor and the instructed, includes elements of a dialogical discourse. Developing the qualities of the traditional parable, Solzhenitsyn draws typical, realistic pictures from Russian history and contemporary life in which the reader can recognize their own experience and thus exercise their moral choice, which the parable as a genre presupposes. Moreover, the article demonstrates that the two cycles of *Krokhotki* in their composition are built on the principle of the so-called parabolic narrative development (a curve of analogies and contrasts that is characteristic of parabolic discourse); within the general design and conception of the two cycles the metaphoric and symbolic lines receive a fuller expression and each individual short parable acquires a deeper

meaning; the two cycles are also interconnected through key images and metaphors. The author points out that in the 20th century the genre of parable attracted many distinguished writers (Kafka, Camus, Faulkner, Hemingway, Brecht, and others); Solzhenitsyn's *Krokhotki* are an important contribution to this general trend.

References

1. Gachev, G.D. (1968) *Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form: (Epos. Lirik. Teatr)* [Content of Art Forms: (Epos. Lyrics. Theater)]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Todorov, Tz. (1990) *Genres in Discourse*. Translated from French by C. Porter. VII. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
3. Orlitskiy, Yu. (1999) Bol'shie pretenzii malogo zhanra: (Po itogam pervogo Turgenevskogo festivalya maloy prozy) [Big claims of a small genre: (Based on the results of the first Turgenev flash fiction festival)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 38. pp. 275–288.
4. Schneerson, M. (1984) *Aleksandr Solzhenitsyn: Ocherki tvorchestva* [Alexander Solzhenitsyn: Essays on Oeuvre]. Frankfurt-am-Main: Posev. pp. 233–234.
5. Solzhenitsyn, A. (2015) *Stories and Prose Poems*. Translated from Russian by Michael Glenny. New York: Farrar, Straus and Giroux.
6. Ericson, E.E., Jr. & Mahoney, D.J. (eds) (2009) *The Solzhenitsyn Reader: New and Essential Writings, 1947–2005*. 2nd ed. Wilmington, DE: Intercollegiate Studies Institute.
7. Kolobaeva, L. (1999) “Krokhotki”. *Literaturnoe obozrenie*. 1. pp. 39–44. (In Russian).
8. Krasovskaya, S.I. (2008) Diskurs i zhanr “Krokhotok” A.I. Solzhenitsyna [Discourse and genre of A.I. Solzhenitsyn's “Krokhotki”]. In: Urmanov, A.V. (ed.) *Proza A. Solzhenitsyna 1990-kh godov: Khudozhestvennyy mir. Poetika. Kul'turnyy kontekst* [A. Solzhenitsyn's Prose of the 1990s: The artistic world. Poetics. Cultural context]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 12–24.
9. Georgievskiy, A.S. (2004) *Russkaya proza malyykh form posledney treti XX veka: dukhovnyy poisk, poetika; tvorcheskie individual'nosti* [Russian prose of minor forms of the last third of the 20th century: spiritual search, poetics; creative individuals]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Averintsev, S.S. (1987) Pritcha [Parable]. In: Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
11. Proskurina, E.N. & Silant'ev, I.V. (eds) (2014) *Pritcha v russkoy slovesnosti: ot srednevekov'ya k sovremennosti* [Parable in Russian Literature: from the Middle Ages to the present]. Novosibirsk: SB RAS. Institute of Philology.
12. Tyupa, V.I. (1999) *Traditsiya i literaturnyy protsess* [Tradition and the Literary Process]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 381–387.
13. Gladkova, O.V. (2001) Pritcha [Parable]. In: Nikolyukin, A.N. (ed.) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak. pp. 808–809.
14. Stepanov, N. & Chavchanidze, D. (1974) Pritcha [Parable]. In: Timofeev, L.I. & Turaev, S.V. (eds) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 295–296.
15. Dahl, V.I. (1882) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 3. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie knigoprodavtsa i tipografa. M. O. Vol'fa. [Online] Available from: <https://www.runivers.ru/bookreader/book10119/#page/50/mode/1up>.
16. Solzhenitsyn, A. (2007) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collection of Works: In 30 Vols]. Vol. 1. Moscow: Veche.
17. Urmanov, A. (2011) Material'noe i ideal'noe v rannikh “Krokhotkakh” (o mirosozertsanii Solzhenitsyna) [Material and ideal in the early “Krokhotki” (about the

worldview of Solzhenitsyn)]. In: Urmanov, A.V. (ed.) *Malye zhanrovye formy v tvorchestve A. Solzhenitsyna: Khudozhestvennyy mir. Poetika. Kul'turnyy kontekst* [Small genre forms in the works of A. Solzhenitsyn: The artistic world. Poetics. Cultural context]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 41–61.

18. Borev, Yu.B. et al. (eds) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Vol. 3. Moscow: IWL RAS.

19. Prikhod'ko, T.F. (1987) Parabola [Parable]. In: Kozhevnikova, V.M. & Nikolaeva, P.A. (eds) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

20. Nikolyukin, A.N. (ed.) (2001) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak. p. 717.

21. Timofeev, L.I. & Turaev, S.V. (eds) (1974) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Prosveshchenie. p. 258.

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/63/12

В.С. Киселев

**ДЕТСКИЕ ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА К В.А. ЖУКОВСКОМУ:
ОБЗОР, ПУБЛИКАЦИЯ, КОММЕНТАРИЙ¹**

Предпринимается обзор ранее неизвестных писем великого князя Александра Николаевича к своему наставнику поэту В.А. Жуковскому. Они позволяют впервые в полном объеме реконструировать характер эпистолярного диалога учителя и царственного ученика. Описываются состав и хронология писем, их тематика и этикетные формы. В статье публикуются с развернутым научным комментарием 10 детских писем великого князя 1826–1833 гг., а также 1 письмо к В.А. Жуковскому К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича.

Ключевые слова: русская литература, русская эпистолярная культура, переписка, текстологическая подготовка, научный комментарий, великий князь Александр Николаевич, В.А. Жуковский.

Переписка В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем, длившаяся 26 лет (с 1826 по 1852 г.) и включившая более 150 выявленных на сегодняшний день писем, составляет значительную часть эпистолярного наследия поэта. Ее важность определяется и ключевой ролью отношений с наследником престола в жизни Жуковского, и принципиальностью обсуждаемых тем, личных, творческих, общественно-исторических. Это тонко почувствовал П.А. Вяземский, подчеркнув в 1867 г. при публикации писем поэта к великому князю Константину Николаевичу: «<...> настоящие письма вносят новые сокровища в литературу нашу и новый свет в область нашего гражданского быта» [1. С. 1387].

В общении с цесаревичем Жуковский представал в нескольких ипостасях, которые в истоках своих определялись отношениями наставника и воспитанника. 13 лет – с момента начала обучения в 1826 г. до завершения заграничного путешествия в 1839 г. – поэт стремился образовать ум и душу великого князя и как наследника престола, и как человека. Эта «царская педагогика» в ее эпистолярной форме строилась главным образом на доверительном общении, на заинтересованном вовлечении цесаревича в круг исторических, нравственно-философских и эстетических убеждений Жуковского. После того как образование Александра Николаевича закончилось и поэт покинул официальную должность, отношения учителя и ученика приобрели семейно-дружеский характер, осложненный, безуслов-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

но, особым статусом члена царствующей фамилии. В эти годы, особенно в период жизни Жуковского в Германии, поэт часто обращался к цесаревичу как к посреднику и ходатаю перед лицом императора и по личным вопросам, важнейшим из которых стало продление права пребывания за границей, и в плане обсуждения идеологически значимых тем, особенно в 1848–1852 гг., и в поддержке творческих планов, художественных и публицистических. Письма этого периода самые развернутые и многочисленные (3/4 всего корпуса корреспонденции).

Они были предоставлены некой «царственной рукой» и впервые опубликованы П.И. Бартевым в журнале «Русский архив» в 1883 г. (до 1847 г.) [1. № 1. С. 1–32; № 3. С. 33–56; № 4. С. 57–160] и в 1885 г. (1848–1850 гг.) [1. № 1. С. 7–19; № 2. С. 243–272; № 4. С. 526–540; № 7. С. 337–370], где сопровождалась краткими комментариями. В том же виде письма из этого собрания, с некоторыми исключениями, были перепечатаны П.А. Ефремовым в составе шестого тома Сочинений 1885 г. (до 1849 г.) [2. С. 375–599]. Их общий корпус включал около 100 текстов. В процессе подготовки материалов для эпистолярных томов Полного собрания сочинений и писем Жуковского (т. 15–20) [3] нами были найдены автографы практически всех опубликованных писем, большая часть которых хранится в собрании Зимнего дворца ГА РФ. Обнаруженные рукописи хранят следы редакторской подготовки П.И. Бартева, осуществлявшего разбор текста. Как выяснилось, письма публиковались с большими купюрами (в автографах отмечены карандашными отчеркиваниями), в отдельных случаях превращавшими развернутый текст в короткую записку. Самому значительному сокращению подверглись фрагменты с описанием бытовых подробностей из жизни Жуковского и его многочисленных просьб к великому князю. Кроме того, многие письма остались неопубликованными (более 50 автографов). Половину из них мы уже опубликовали в комплексе наших статей последних лет [4–7].

В этих обстоятельствах новой актуальной задачей стало обнаружение ответных писем великого князя, без которых письма Жуковского представляли как развернутый эпистолярный монолог с неизвестным влиянием (или отсутствием влияния) на адресата.

Автографы двух единственных опубликованных П.И. Бартевым писем цесаревича от 23 августа 1826 г. и 31 января 1827 г. [8. С. 498, 502] хранились в РО ИРЛИ, в онегинском собрании. В результате проверки архивной единицы к ним добавились еще два письма – лаконичное поздравление с днем рождения от 29 января 1826 г. и более любопытное письмо от 27 февраля / 11 марта 1845 г., где цесаревич передавал поэту слова императора: «Скажи Жуковскому, чтобы он не беспокоился о будущности своей жены и детей, я их присмотрю» [9. Л. 7–7 об.].

Последнее позволило сделать важный вывод. После смерти Жуковского и перемещения его архива в Россию наследники, вероятно П.В. Жуковский, вернули письма цесаревича автору, оставив, однако, себе три детских наивных письма и письмо-гарантию, скрепленное обещанием теперь уже

двух императоров. Это заставило вновь обратиться к поиску личных архивов Александра II. С этой целью были фронтально просмотрены все описи ГА РФ, где в основном сейчас хранятся бумаги царствующих особ, включая собрание Зимнего дворца, что принесло скудный результат в виде черновика одного письма цесаревича от 1/12 ноября 1832 г.

Единственным возможным местом хранения оставался РГАДА (ранее Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР, ГАФКЭ, ЦГАДА), где с 1926 по 1961 г. хранились материалы Романовых (потом были переданы в ЦИИМ, ныне ГА РФ), но просмотр разрядов с личной корреспонденцией царствующих особ (разряды были сформированы еще в дореволюционное время) не привел к успеху, и только обращение к пятому разряду «Переписка высочайших особ с частными лицами» дало результат. У описи данного разряда обнаружилось дополнение, сформированное уже в советское время. На последней странице «Дополнений» значились 49 писем великого князя к Жуковскому за 1828–1852 гг. Как выяснилось при расшифровке, одно письмо принадлежало К.К. Мёрдеру (включено в настоящую публикацию). Таким образом, сложился корпус ответных писем из 52 текстов (4 автографа из РО ИРЛИ, 48 из РГАДА – черновик из ГА РФ дублировал беловое письмо).

По хронологии письма цесаревича, так же как и его наставника, отчетливо делятся на два блока: 1826–1833 (период учебы) и 1840–1852 гг. (письма в Германию). Первый составляет 10 писем, из них 6 за время третьего заграничного путешествия Жуковского (1832–1833 гг.). Второй, отличающийся большей регулярностью эпистолярного общения, включает 42 письма: за 1840 г. – 1, за 1841 г. – 2, за 1842 г. – 8, за 1843 г. – 2, за 1844 г. – 3, за 1845 г. – 5, за 1846 г. – 3, за 1847 г. – 5, за 1848 г. – 3, за 1849 г. – 1, за 1850 г. – 4, за 1851 г. – 3, за 1852 г. – 1. Здесь обращает на себя внимание лакуна, приходящаяся на 1849 г., когда 30 января / 11 февраля цесаревич поздравил Жуковского с днем рождения, а потом написал только через год к той же дате 1850 г. Очевидно, несколько писем (вероятно, 1 или 2) этого периода до нас не дошли.

Если соотносить вклад в переписку Жуковского и великого князя, то можно говорить о решительной диспропорции: первому принадлежат более 150 писем, отличающихся в большинстве развернутостью и детальностью (около 230 страниц машинописного текста), второму втрое меньше, а по объему в шесть раз меньше (38 страниц). Письма цесаревича лаконичны и, как правило, очень стереотипны по содержанию и используемым формулам общения. Обычно от четверти до половины их текста занимают этикетные выражения: сообщения о получении того или иного письма Жуковского, сожаления о долгой разлуке, поздравления с определенным событием, пожелания счастливой семейной жизни и, наконец, приветы от себя, жены, сестер и братьев, императора и императрицы. Эта формульная конструкция настолько устойчива, что сразу ставит общение на ролевые рельсы и не позволяет почувствовать истинной личности цесаревича, эмоции и мнения которого, даже если они выражаются, также приобретают

характер этикетный, будь то радость от рождения сына или дочери, сочувствие болезням Жуковского, сообщения о праздниках или утратах царской фамилии и т.п. При совместном прочтении переписки это создает отчетливое впечатление взволнованного, искреннего и заинтересованного монолога Жуковского, изредка перебиваемого дежурными репликами великого князя. Это еще раз подтверждает, что долгие годы наставничества так и не породили настоящей дружбы с цесаревичем (см. о перипетиях личных отношений [10–13]), который привык к мысли уважать Жуковского, но в глубине души не имел к нему и его жизни особенного интереса, позволяя себе надолго прерывать общение, не отвечать на письма, отделяться общими фразами.

Этикетные роли, реализуемые великим князем в переписке, существенно менялись. Так, первые детские письма 1826–1833 гг. ориентированы на общение заботливого учителя и благодарного ученика. Центральную их часть, как правило, занимает подробная хроника занятий, отчет о том, что было пройдено в рамках учебных курсов с разными наставниками. Самое объемное из них от 1/12 ноября 1832 г. на трех страницах педантично излагает темы уроков Г.П. Павского, Ф.И. Липмана, К.И. Арсеньева, П.А. Плетнева, Э.Д. Коллинса, В.А. Эртеля, С.А. Варранда и Ф.А. Жилля. Сопровождением отчетов служат рефлексии цесаревича по поводу своих качеств как ученика. Они также не выражают личностной заинтересованности, а призваны показать свое соответствие извне предложенному канону, т.е. ожиданиям учителя: «До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие» (3 июля 1832 г.). Мнения К.К. Мёрдера и Жуковского здесь, по сути, подменяют самооценку 14–15-летнего цесаревича.

Еще одним обязательным компонентом роли являлась забота о здоровье наставника, причем в интересном повороте: доброе здоровье описывалось исключительно как залог успешного продолжения занятий по возвращении из-за границы, т.е. в эгоцентричном ключе, когда главным выступает благо цесаревича. «Сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах» (3 июля 1832 г.). Примечательно, что о болезни К.К. Мёрдера, более душевно близкого человека, великий князь говорил несравненно сочувственнее (см. письмо от 6/18 июля 1833 г.).

Наконец, третьей ипостасью цесаревича в детских письмах к Жуковскому выступала роль хроникера семейно-придворной жизни. Великий князь, как правило, рассказывал об эпизодах, участником которых привык прежде видеть своего наставника, и напоминал ему об этих прошедших праздниках – дне рождения императрицы, рождении брата Михаила, дне ангела императора. Большей частью это картины, отражающие «должную» модель реальности (см. письмо от 1/12 ноября 1832 г.), но иногда прорыва-

ется детская непосредственность и желание сообщить о своих личных впечатлениях и радостях – награждении чином (7 января 1828 г.) или своей роли в большом событии (подъеме Александровской колонны 30 августа 1832 г.).

Этикетно-ролевая организация писем 1840–1852 гг. имеет уже иную структуру и отражает новый статус цесаревича – семейного человека, обремененного многочисленными домашними и служебными занятиями, но сохраняющего благодарную память о бывшем наставнике. При чтении этих писем ощущается, что вся информация проходит через жесткий отбор и Жуковскому сообщается только то, на что он может рассчитывать по своему статусу частного лица и друга семьи. В результате домашне-семейная тематика выступает абсолютной доминантой, заслоняя даже бурные политические события 1848–1850 гг. В этом контексте очень выразительно выглядит реакция цесаревича на огромное письмо Жуковского об Иосифе Радовице от 14/26 апреля 1850 г., чуть позже ставшее основой напечатанной на немецком языке статьи. Письмо это, как выясняется, великий князь даже не удосужился прочитать, а в ответе Жуковскому от 7/19 июля 1850 г. ясно дал понять, что его мнение по поводу немецкого друга-политика несущественно и не будет принято во внимание: «Я никак не могу успеть прочесть доселе письмо Ваше о Радовице, но признаюсь, последние его деяния в Эрфурте и теперь в Берлине не таковы, чтобы заставить меня переменить мое невыгодное о нем мнение» [14. Л. 93].

В поздних письмах цесаревича Жуковский прочно вписан в ритуальное поле, сформированное идеологией «семейственной монархии», о которой хорошо писал Роберт Уортман как о стержне николаевского царствования [15. С. 325–543]. Поэт, правда, воспринимал ее как право и обязанность друга царствующей фамилии выступать советчиком, наставником, помощником. Великий князь видел Жуковского едва ли не исключительно домашним и бытовым человеком, устройтелем новогодних елок, свидетелем дней детства, хорошим знакомым всех своих родственников, теперь обремененным семейством, детьми, немощами и повседневными заботами. В общении с ним и сам цесаревич принимал в первую очередь роль счастливого семьянина. Сквозь большинство писем проходят как сравнение семейного положения себя и Жуковского, так и пожелания семейного благополучия. Например: «<...> примите же теперь искреннее поздравление друга, который от всего сердца желает Вам и Вашей молодой невесте всевозможного счастья. Да будет благословение Божие на Вас! Моя милая Мария вот уже больше месяца у нас здесь и так, кажется, скоро привыкла к нашему семейному быту, как будто бы всегда с нами была» (8/20 октября 1840 г.) [14. Л. 21]. «Прежде всего, желаю Вам в сем наступившем Новом году укрепления Вашего здоровья и продолжения Вашего семейного счастья» (25 января / 6 февраля 1852 г.) [Там же. Л. 104].

На эту семейную ось нанизывались в письмах короткие сообщения о рождении детей, о состоянии здоровья жены, себя, императрицы и сестер, изредка императора и братьев, об очередных праздниках, например о за-

помнившемся юбилее великого князя Михаила Павловича, о свадьбах и утратах, как случилось с сестрой Александрой Николаевной, о своих текущих обязанностях и поездках – на Украину и в Крым (1845), в Германию (1847), на Кавказ (1850), в Тулу и Орел (1851). Эта хроника семейной жизни царской фамилии имеет свой интерес, а для Жуковского она подкрепляла чувство причастности к ней.

Одним из самых любопытных моментов переписки является реакция великого князя на сообщения Жуковского из гущи немецких революционных событий 1848–1852 гг. Для поэта эта историософская и политическая рефлексия была принципиально важна и, помещенная в письма к цесаревичу, мыслилась как формирование мнений царской семьи. Однако великий князь в письмах 1848–1852 гг. очень лапидарно, буквально в нескольких фразах, отозвался на предпринятый Жуковским обзор событий в Германии.

Из этого обмена политическими мнениями вырисовывается четкая картина: несмотря на близость к царской семье и дар публициста-идеолога, Жуковский был интересен двору в политическом качестве только тогда, когда его позиция максимально совпадала с мнениями, сформированными до и помимо его участия, но и то не на правах самостоятельной силы, а как приложение к роли устроителя детских праздников: «Но довольно о политике. Прежнюю роль Вашу, накануне Рождества, принял я на себя, т.е. уверял детей, *что елки не будет*, и они, подобно нам, также этому поверили, зато радость их потом удвоилась» (28 декабря 1850 г. / 9 января 1851 г.) [14. Л. 97 об.]. Тем не менее при всех схождениях и несовпадениях мнений Жуковский с середины 1820-х гг. до конца жизни оставался под крылом «семейственной монархии», и последнее письмо цесаревича от 25 января / 6 февраля 1852 г. снимало здесь любые сомнения: «Теперь насчет желания Вашего об обеспечении будущего Вашего семейства, я должен Вам повторить то, что уже несколько лет тому назад Вам писал, т.е. слова Государя: «Скажи доброму Жуковскому, что он напрасно об этом беспокоится. Дай Бог ему ещё много лет жизни, когда же его не станет, то семейство его я, *верно, не оставлю*, он, кажется, меня знает и *с чего было бы ему в этом усомниться*» [14. Л. 104 об.].

В данную публикацию по соображениям объема включены только 10 детских писем великого князя Александра Николаевича к Жуковскому 1826–1833 гг., составляющие внутреннее единство, с приложением одного письма К.К. Мёрдера. В полном объеме письма цесаревича будут представлены в четвертом выпуске сериального издания «Жуковский: Исследования и материалы» (Томск, 2020).

Тексты писем печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей в написании топонимов и падежных окончаний. Исключение сделано для слов «Папа» и «Мама», которые у великого князя всегда акцентированы, также в некоторых письмах специально сохранена «детская» орфография автора (оговаривается в текстологических справках). Редакторские конъектуры и датировки заклю-

чены в угловые скобки. Авторские подчеркивания в рукописи переданы курсивом. Остальные текстологические и эдичионные принципы публикации соответствуют принятым в Полном собрании сочинений и писем Жуковского в 20 томах [3. С. 588–589].

1

29 января 1826 г. <Петербург>

Поздравляю тебя, любезный Василий Андреевич.

Александр

29го января
1826го года

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 1.
Публикуется впервые.
Датируется: 29 января 1826 г.

Первое известное письмо великого князя, которому тогда не исполнилось еще и 8 лет, является поздравлением своего учителя с днем рождения, приходящимся на 29 января.

2

23 августа / 4 сентября 1826 г. Москва

Милый, любезный мой Василий Андреевич!

Мы приехали 18го июля в Петровский дворец, а Папа приехал 19го июля, 25го ч<исла> был торжественный въезд в Москву. Я сидел с Мама в карете¹.

Дядя Константин приехал сюда, все ему были очень рады². Вчера Папа и Мама короновались; слава Богу, Мама выдержала эту длинную церемонию³. Несколько дней назад я начал учиться у г. Жилю историю⁴. Надеюсь, что Ваше здоровье поправится и желаю, чтобы Вы приехали как можно скорее; буду стараться, чтобы Вы были мною довольны⁵. Обнимаю Вас от искреннего сердца и всегда буду Вам преданным.

Александр

Москва
23го августа
1826

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 3–3 об.
Впервые опубликовано: Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 498.
Печатается по автографу.
Датируется: 23 августа / 4 сентября 1826 г.

¹ Письмо восьмилетнего великого князя описывает основные события московских коронационных торжеств июля-августа 1826 г. Петровский дворец на Тверском трак-

те – путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга. Возведён в 1776–1780 гг. по проекту архитектора Матвея Казакова. Он служил резиденцией для знатных особ после долгой дороги из Петербурга в Москву (отсюда его название «путевой»). После Павла I российские монархи использовали Петровский дворец как последнюю остановку на пути на коронацию в Кремле. Во время Отечественной войны 1812 г. дворец был разграблен и восстановлен только в первой половине 1826 г. в ходе подготовки коронации Николая I. Семья и свита императора прибыли в Петровский дворец 18 июля, сам император на следующий день. 25 июля 1826 г. в 4 часа дня состоялся торжественный въезд государя в Москву. В тот день император и императрица Александра Федоровна, ехавшая в карете вместе с наследником, были встречены на Красном крыльце членами коронационного комитета, приветствовавшими их хлебом-солью. См.: [16. С. 1; 17. С. 290]. В письме от 24 июля 1826 г. К.К. Мёрдер, воспитатель великого князя, сообщал Жуковскому: «В Новгороде осматривали хранящиеся в Соборе древности, а в Вышнем Волочке шлюзы; любопытство, с которым А<лександр> Н<иколаевич> все рассматривал, всех удивляло, мне же доставляло неизъяснимое удовольствие»; «Завтра назначено быть торжественному въезду в Москву <...> А<лександр> Н<иколаевич> едет с Алек<сандрой> Фед<оровной>. Москва с нетерпением ожидает своего Велик<ого> Кн<язя> – нарочно приезжают сюда из города, чтобы его видеть, и где мы покажемся, всюду толпою за нами следуют, приветствуют и кричат Ура!» [18. Л. 2].

² Цесаревич Константин Павлович прибыл из Варшавы в Москву на церемонию коронации 14 августа 1826 г. без предварительного оповещения и неожиданно для встречавших. См.: [16. С. 4].

³ Церемония коронации 22 августа 1826 г. имела программное значение для символики предстоящего царствования. См. ее подробное описание: [19. С. 344–355; 16. С. 6–7]. О семантике династической преемственности ритуала см.: [15. С. 368–388].

⁴ Флориан Антонович Жилье (1801–1865), швейцарец, переехавший в Россию, преподавал французский язык и историческую географию цесаревичу Александру Николаевичу; исполнял обязанности придворного библиотекаря, затем стал заведующим Царскосельским Арсеналом и руководил I отделением Императорского Эрмитажа. Подробную историю отношений Жуковского и Ф.А. Жилье, связанных в первую очередь с деятельностью по обучению и воспитанию наследника престола, см.: [20. С. 43–48].

⁵ Жуковский в это время находился на лечении в Германии. На письмо великого князя он ответил 19/31 августа 1826 г. Текст ответа см.: [21. С. 549–550]. Публикация А.С. Янушкевича.

3

31 января / 12 февраля 1827 г. Петербург

Вы меня, любезнейший Василий Андреевич, спрашиваете: вспомнил ли я об Вас в новый год¹? Не только в новый год, но каждый день вспоминаю об Вас и с нетерпением ожидаю Вашего возвращения². Вы уверены, что я исполняю все Ваши на меня надежды; но я был бы рад, если бы мог исполнять половину оных. Радуюсь, что Карл Карлович пишет обо мне много хорошего³, чувствую, однако, что мне еще во многом должно исправляться, но я постараюсь быть лучше. Очень рад, что Ваше здоровье поправилось, это дает мне надежду скорее с Вами увидеться. Я исполнил Ваши поручения, поцеловал Мери и Олю, кланялся Юлии Федоровне и обнял Карла Карловича⁴. Прощайте, милый мой Василий Андреевич, помните и любите меня столько, как я Вас люблю.

Александр
С.-Петербург
31го января 1827

Автограф: РО ИРЛИ. № 27903. Л. 5–6.

Впервые опубликовано: Русский архив. 1897. Кн. 1. № 4. С. 502.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 января / 12 февраля 1827 г.

¹ Жуковский спрашивал в письме от 1/13 января 1827 г. из Дрездена, где он проводил зиму перед вторым курсом лечения на водах в Эмсе: «Вспомнили ли Вы обо мне в этот день? А я об Вас думал и мысленно был вместе с Вами» [21. С. 550]. Публикация А.С. Янушкевича.

² Жуковский вернулся в Петербург около 27 октября 1827 г.

³ В письме от 1/13 января 1827 г. наставник говорил: «<...> уверен, что Вы исполните все наши на Вас надежды: ибо до сих пор Вы стараетесь вести себя так, что всем нам весело Вас любить и для Вас трудиться. То, что мне пишет об Вас Карл Карлович, радует меня и еще более к Вам привязывает» [21. С. 550]. Карл Карлович Мёрдер (1787–1834), генерал-майор, генерал-адъютант, воспитатель Александра II. По свидетельству современников, он был «прирожденным педагогом, тактичным и внимательным. Правилom его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека» (из воспоминаний великой княжны Ольги Николаевны). Великий князь Александр Николаевич называл своего наставника «бесценный, мой второй отец». С Жуковским Мёрдера связывали уважительные дружеские отношения. После смерти воспитателя цесаревича в «Северной пчеле» 7 мая 1834 г. [22. С. 401–402] без заглавия, в рубрике «Внутренние известия» была опубликована статья Жуковского, впоследствии названная издателями «Воспоминание о К.К. Мёрдере» [3. Т. 11/1. С. 327–329, 759–762]. Комментарий И.А. Айзиковой.

⁴ Жуковский просил в письме от 1/13 января 1827 г.: «Прошу Вас за меня поцеловать ручки у Ваших сестриц. Скажите мое почтение Юлии Федоровне и хорошенько обнимите Карла Карловича» [21. С. 551]. Сестрицы – великие княжны Мария Николаевна (1819–1876) и Ольга Николаевна (1822–1892). Юлия Федоровна – Баранова (урожд. Доротея Елена Юлиана Адлерберг, 1789–1864), графиня (с 1846), статс-дама, гофмейстерина, воспитательница дочерей Николая I и близкий друг императорской семьи. Жуковского связывали с Барановой близкие дружеские отношения; поэт постоянно передавал ей свои приветы в письмах к К.К. Мёрдеру, Ф.А. Жиллю и др., а также периодически прибегал к ее помощи в делах благотворительности. Сохранилось 10 писем поэта к Ю.Ф. Барановой за 1827–1848 гг. (2 ответных письма хранятся в РО ИРЛИ [23]); почти все они имеют шуточный характер и сопровождаются комическими рисунками.

4

7 января 1828 г. <Петербург>

Любезный Василий Андреевич, поздравьте меня подпоручником. Это удовольствие Папа мне зделал за хорошей экзамен¹. Обнимаю и целую Вас от всего сердца.

Александр

7го января
1828.

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 1.

Публикуется впервые. Печатается с сохранением детской орфографии.

Датируется: 7 января 1828 г.

Адрес: «Василию Андреевичу Жуковскому» (л. 2 об.)

¹ Великий князь сообщает о высочайшей награде: 7 января 1828 г. он был пожалован императором чином подпоручика гвардии «за успехи в науках, оказанные на экзамене в присутствии Их Величеств» [24. С. 9]. На это письмо Жуковский откликнулся в тот же день: «Поздравляю Вас от всего сердца, мой милый великий князь, с милостью государя – и Вас, и Карла Карловича, и себя самого. Вам весело было получить награду, а нам весело, что Вы ее заслужили. Как мне приятно начинать с Вами по-прежнему трудиться! Я теперь вижу, что труды наши не напрасны и что впредь еще пойдет лучше, нежели теперь. Обнимаю Вас и Карла Карловича» [25. Л. 1].

5

<2/14 июля 1832 г. Александрия>

Благодарю Вас, бесценный Василий Андреевич, за Ваше милое письмо¹, оно принесло мне неизъяснимое удовольствие и некоторым образом успокоило насчет Вашего здоровья. Я уже долго с большим нетерпением ожидал от Вас известий, ибо мы все, судя по жестоким ветрам и непрестанной непогоде, у нас продолжающейся, боялись за Вас и полагали, что Вы терпите бурю. В Петербурге носились слухи, что «Николай» со всеми своими пассажирами взлетел на воздух²; как я рад, что они дошли до меня после Вашего письма.

Я не могу объяснить Вам, как мне кажется странно без Вас, все как будто чего-то недостает. Могу Вас уверить, милый друг, что я беспрестанно об Вас думаю и даже ночью не перестаю, ибо и сегодня еще мне виделось во сне, что Вы возвратились совсем здоровым и опять с нами живете по-прежнему. Надеюсь, что сон сей, который я считаю добрым предзнаменованием, скоро сбудется и наяву и что мы проведем последние годы наших занятий вместе в трудах. До сих пор Вы были, к сожалению, часто мною недовольны, и я Вам слишком часто доставлял огорчения, но теперь уверен, что сего уже не будет, стану стараться всегда доставлять Вам одно лишь удовольствие.

Во время теперешних вакаций праздники и беспрестанные переезды с места на место хотя и мешали много моим занятиям, однако же я читал по временам Сегюра³.

Мы начали на днях с г. Коллинсом⁴ производить съемку Александрии⁵. Предварительно двор фермы вынесен был на мензулу⁶.

Вы удивитесь, узнав, что сестрицы мои провели праздник 1го июля с нами в Петергофе, Вам легко себе представить радость Мама. «Ижора» в 21 ч^а привезла их к нам из Ревеля, а сегодня опять отвозит⁷.

Милый Василий Андреевич, целую Вас от всего сердца. Надо бы Вам написать больше, но по случаю наших экзаменов у меня нету ни минуты времени⁸.

Прощайте, прощайте, милый друг.
Ваш всегда любящий

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 16–18. Б.д.
Публикуется впервые.
Датируется: 2/14 июля 1832 г.

Обоснование датировки: датируется по упоминанию сегодняшнего отъезда сестер Ольги и Марии в Ревель, которое состоялось 2 июля 1832 г.

¹ Письмо Жуковского из Любека от 24 июня / 6 июля 1832 г. с рассказом о морском путешествии и прибытии в Германию, см.: [26. С. IV–V].

² В дневнике Жуковский описал свое путешествие на пароходе «Николай I» так: «Ночь с субботы на воскресенье. Сильный ветер в воскресенье и в понедельник. Ночь с воскресенья на понедельник на палубе. Понедельник: половина дня бурного, половина спокойного (сходство с жизнью)» [3. Т. 13. С. 319]. Ср. описание А.И. Тургенева, который ехал вместе с Жуковским, в письме к П.А. Вяземскому от 24 июня (6 июля) 1832 г.: «Тридцать часов лежали мы неподвижно на палубе, смотря в небо, между тем как полубурия заливала нас соленою водою и ломала нашу мачту. В третий день любезничали с дамами и упивались дурным зеленым чаем и шампанским, любовались неизмеримостью моря, Борнгольмом, башнями Висмара, и, наконец, согретые солнцем, увидели Травемюнде и вскричали: берег!» [27. С. 98].

³ Граф Луи Филипп де Сегюр (1753–1830), историк и дипломат, плодовитый писатель. Вероятно, подразумевается чтение книги «Четыре возраста жизни», рекомендованной Жуковским и содержащей нравственно-философский очерк человеческой жизни.

⁴ Преподаватель математики и физики Эдуард Давыдович (Эдуард Альберт Христофор Людвиг) Коллинс (1791–1840).

⁵ Александрия – дворцово-парковый ансамбль Петергофа, одна из резиденций царской семьи. До 1825 г. находилась в запустении, в 1826–1829 гг. перестроена в сентиментально-сельском стиле и названа в честь императрицы Александры Федоровны. Чтобы еще сильнее подчеркнуть идиллический характер резиденции, архитектор А. Менелас недалеко от Коттеджа, основного дворца, в 1829–1831 гг. построил «Ферму» с коровником, комнатами для пастухов, кухнями и кладовыми.

⁶ Мензула – полевой чертежный столик, состоящий из планшета, штатива и скрепляющей их подставки. Используется при так называемой мензульной съемке. Является геодезическим инструментом. Мензула дает возможность получать непосредственно горизонтальные проекции линий местности (засечки).

⁷ На лето 1832 г. великую княжну Ольгу Николаевну в сопровождении ее сестры Марии Николаевны из-за частых простуд и постоянного кашля доктора рекомендовали отправить на морские купания в Германию, однако из-за распространения холеры план переменился и лето они провели в Ревеле, во дворце Екатериненталь, откуда вернулись 1 июля 1832 г. на день рождения матери, императрицы Александры Федоровны. На следующий день они отправились обратно и пробыли в Екатеринентале до 16 августа. См. о пребывании княжон на море: [28].

⁸ Речь идет о подготовке к регулярным полугодовым экзаменам, которые цесаревич сдавал в присутствии императора и императрицы.

6

7/19 июля 1832 г. Александрия

Ветер был крепок, и они все, исключая Оли, были нездоровы¹. Они часто спрашивали об Вас и поручили мне уверить любезного Василия Андреевича в искренней их к Вам любви. Я исполняю все Ваши поручения. Папа и Мама Вам кланяются. Г.г. учителя и все мои товарищи² просили меня засвидетельствовать Вам их почтение. Карл Карлович и я, мы все мысленно от всего сердца обнимаем и целуем и желаем Вам возвратиться здоровым.

Вас искренно любящий

Александр

Александрия

7го июля 1832.

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 3–3 об. Начало письма утеряно.

Публикуется впервые.

Датируется: 7/19 июля 1832 г.

¹ Цесаревич рассказывает о прибытии в Александрию из Ревеля сестер и их воспитательниц. См. примеч. 7 к предыдущему письму от 2 июля 1832 г.

² Великий князь Александр Николаевич по совету Жуковского обучался вместе со своими сверстниками Иосифом Михайловичем Виельгорским (1817–1839) и Александром Владимировичем Паткулем (1817–1877). О первом подробнее см.: [29].

7

24 сентября / 6 октября 1832 г. Петербург

С. Петербург

24го сентября / 6 окт<ября> 1832

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так долго не писал. Два Ваших письма, одно из Эмса, другое из Франкфурта доставили мне неизъяснимое удовольствие¹! Особенно мы все до крайности обрадованы были вторым, видя из него, что Ваше здоровье приметно поправляется. Надобно полагать, что зима, которую Вы проведете в Италии, докончит Ваше выздоровление. Наперед радуюсь я той счастливой минуте, когда мы снова увидимся и мне можно будет прижать Вас к сердцу, обнять и поцеловать уже не на одних словах, но наяву.

Я постараюсь удовлетворить Вашему желанию, т.е. представить Вам обозрение пройденного нами со 2го августа до сих пор.

У г. Павского² часы занятий наших по прежнему разделены на две части, один раз мы занимаемся размышлениями о религии, а в другой историю грекокатолической церкви.

У г. Липмана³ мы повторяли историю Средних веков по таблицам Калрауша⁴ и начали теперь говорить о цветущем состоянии Италии во

времена Петрарка и Бокаччо. Я полагаю, что проезжая Флоренцию, Вы вспомните ту ужасную болезнь, которая опустошала сей город и была воспеваема этим же самым Бокаччо⁵.

У г. Триниуса⁶ мы также повторяли по его тетрадам, по которым составляли таблицы и показывали ему. Он теперь уехал для сопровождения принцессы Марии⁷ в Германию, и его уроки заняты г. Жиллем⁸, с которым мы проходим древние сражения греков и римлян и составляем потом сочинения.

Со времени возвращения Константина Ивановича⁹ мы начали у него проходить государственное Иоганна Васильевича III, что меня очень занимает.

У Петра Александровича¹⁰, кроме переводов, извлечений, выучивания стихов и рассказов, мы проходили правила грамматики и отдельно – описательных сочинений.

У г. Коллинса мы вперед не проходили, только занимались повторением всего, нами пройденного от самого начала в практической арифметике, алгебре, тригонометрии и планиметрии. В уроках физики мы обязаны представлять собственные таблицы.

У г. Эртеля¹¹ и Варранда¹² мы все еще занимаемся по-прежнему, т<о>е<сть> переводами, учением наизусть стихов и разными письменными работами.

Вот вкратце все, нами пройденное до сих пор.

Вы, верно, удивитесь, милый Василий Андреевич, узнав, что наш бесценный Карл Карлович был очень болен последнее время в Царском Селе; ему теперь, слава Богу, гораздо лучше; но он еще немного слаб¹³.

Как я сожалел, милый друг, что Вас не было здесь 30го августа в день поднятия колонны¹⁴. Я Вам не могу объяснить, что это было за зрелище. Тишина, порядок, с которым все шло, точно были удивительны.

Помолившись Богу, Папа, Михаил Павлович¹⁵ и я, мы сами начали вертеть ворот и в это время пришло в движение шестьдесят других ворот, и менее, нежели в 1 ½ ч<аса> колонна была поставлена. Тогда все воскликнули «Ура!» и на вершине ее был поднят флаг.

В воспоминание этого дня я сохранил для Вас кусок того гранита, из которого и колонна.

Папа, Мама и все мои сестрицы Вам посылают поклоны. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте, прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, Карл Карлович и я, мы все Вас обнимаем и целуем мысленно от всего сердца.

Ваш истинный друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 5–7. На л. 5 сверху помета Жуковского: «Получено 26 октября».

Публикуется впервые.

Датируется: 24 сентября / 6 октября 1832 г.

¹ Письма от 25 июля / 6 августа и 26 августа / 7 сентября 1832 г. [26. С. VI–XII], где рассказывалось о лечении водами в Эмсе и Вейльбахе и планах продолжить лечение виноградом в Италии.

² Протоиерей, законоучитель великого князя Герасим Петрович Павский (1787–1863). См. некоторые материалы его курса: [30. С. 61–94].

³ Федор Иванович (Фридрих Леберехт) Липман (1784–1854), профессор Берлинского университета и преподаватель всеобщей истории при великом князе.

⁴ Фридрих Кольрауш (1780–1867), немецкий педагог и историк, в том числе создатель хронологических таблиц по всеобщей истории.

⁵ Речь идет об эпидемии чумы в Италии в 1348 г., особенно бушевавшей во Флоренции и изображенной в рамочной новелле цикла Джованни Боккаччо (1313–1375) «Декамерон» (1350–1353).

⁶ Преподаватель естественной истории, ботаник Карл Антонович (Карл Бернгард) Триниус (1778–1844).

⁷ Герцогиня Антуанетта Фридерика Августа Мария Анна Вюртембергская (1799–1860), немецкая принцесса из Вюртембергского дома. По линии отца Мария приходилась двоюродной сестрой российским императорам Александру I и Николаю I. В 1800–1832 гг. жила преимущественно в Петербурге в роскошном дворце в Юсуповском саду и занимала высокое положение при дворе. 6 сентября 1832 г. в Штутгарте был подписан ее брачный контракт с герцогом Саксен-Кобург-Готским Эрнстом I, и Мария навсегда покинула Россию. Бракосочетание состоялась в Кобурге 23 декабря 1832 г.

⁸ Гувернер, преподаватель французского языка и географии Флориан Антонович Жилье (1801–1865).

⁹ Преподаватель истории, член Российской академии Константин Иванович Арсеньев (1789–1865).

¹⁰ Поэт и критик, преподаватель словесности Петр Александрович Плетнёв (1792–1865).

¹¹ Преподаватель немецкого языка, переводчик Василий Андреевич Эртель (1793–1847).

¹² Преподаватель английского языка Самуил Александрович Варранд (ок. 1792 – после 1851).

¹³ Болезнь К.К. Мёрдера не прекратилась и потребовала поездки на лечение за границу в 1833 г.

¹⁴ Подразумевается Александровская колонна на Дворцовой площади в Петербурге. Для ее гранитного монолита, основной части, была использована скала из Финляндии, доставленная морским путем. Ее прибытие в Санкт-Петербург состоялось 1 июля 1832 г., а подъем на пьедестал – 30 августа 1832 г., в день тезоименитства Александра I. На базе разработок генерал-лейтенанта А.А. Бетанкура по установке колонн Исаакиевского собора в декабре 1830 г. была сконструирована оригинальная подъемная система. В нее входили: строительные леса в 22 сажени (47 метров) высотой, 60 кабестанов и система блоков. У готового пьедестала из кирпича был выложен временный массив до отметки основания колонны (10 м от уровня земли) для установки лесов. По наклонной плоскости колонну подкатили на особую платформу, находившуюся у подножия лесов, и обмотали множеством колец из канатов, к которым были прикреплены блоки; другая система блоков находилась на вершине лесов; большое число канатов, опоясывающих камень, огибали верхние и нижние блоки и свободными концами были намотаны на кабестаны, расставленные на площади. По окончании всех приготовлений был назначен день торжественного подъема. Посмотреть на это событие собрались массы народа: они заняли всю площадь, окна и крыша здания Главного штаба также были заняты зрителями. Для приведения колонны в вертикальное положение потребовалось привлечь силы 2000 солдат и 400 рабочих, которые за 1 час 45 минут установили монолит.

¹⁵ Младший брат императора, дядя великого князя Александра Николаевича.

1/12 ноября 1832 г. Петербург

С. Петербург. 1го ноября 1832

Как я рад, милый бесценный Василий Андреевич, что могу Вам объявить приятнейшую весть. Бог дал нам братца Михаила, прозванного Костею Миса¹. Мама, слава Богу, совершенно здорова. Это счастливое событие случилось в четверг 13 октября в 9 ½ часов вечера. Вы можете себе представить всеобщую радость, распространившуюся у нас в доме. Гуляя на улицах, я видел на лицах всех, мне встречавшихся, веселую улыбку, и сердце мое еще более радовалось, чувствуя участие, которое наш добрый народ принимает в счастье своего государя. В этот день я не раз об Вас думал, мой милый друг; я представлял себе мысленно Вашу радость и сожалел, что Вы не с нами.

Из письма Вашего к г. Шамбо² увидели мы, что Вам лучше, дай Бог, чтобы Вы к нам возвратились с таким запасом здоровья, который бы никогда не истощился. Я с своей стороны буду стараться к этому содействовать моею примерностью и любовью к занятиям, ибо я знаю, как Вы меня любите, милый Василий Андреевич, и как Вам всегда прискорбно, когда Ваши труды не так удаются, как бы Вам хотелось.

Я теперь делаю краткое обозрение того, что мы прошли со времени моего последнего к Вам письма.

У г. Павского начали мы читать примечательнейшие места из исторических и пророческих книг Ветхого Завета.

У г. Липмана мы кончили всю историю Средних веков и теперь занимаемся общим ее обозрением. Мы начали с Испании и Португалии и перешли ко Франции. После каждого урока, при коих, по желанию Карла Карловича и просьбе г. Липмана с некоторого времени г. Арсеньев присутствует, мы обязаны представлять к следующему письменный отчет того, что мы проходили, и это мне очень объясняет происшествия!

У г. Арсеньева мы кончили государственование Иоанна III, сделали обозрение оною и обратили опять наше внимание на современное состояние Европы; докончив то, мы начали государственование Василия I³ и говорили о его войнах с Казанской ордою и с Сигизмундом I Польским. При этом случае во многом найдено сходство от действий и мыслей с Иоанновичами. Мы по-прежнему представляем Константину Ивановичу в каждый урок письменный отчет пройденного нами прежде. Он заметил, что я лучше стал писать, но что мне надобно с большею любовью заниматься делом.

У Петра Александровича мы все еще занимаемся практическими упражнениями по правилам, им данным для описательных сочинений. Я сделал описание поднятия монумента Александру I⁴; но вижу, что мне много еще надобно заниматься и писать, ибо я сам чувствую большие несовершенства в своих сочинениях. Мы учим еще наизусть отрывки из различных поэтов, между прочим часть из Вашего послания к Мама по слу-

чаю моего рождения⁵, дай Бог, чтобы Ваши желания и надежды оправдались. Один раз в неделю вечером мы с г. Плетневым поочередно читаем назначаемые большие пьесы. Между прочим, несколько повестей прочитано из новой прекрасной книжки Анны Петровны Зонтаг⁶.

У г. Коллинса мы делаем теперь малое обозрение химии, и по субботам у нас по-старому бывают опыты. Мы также повторяем стереометрию.

У. г. Эртеля, по Вашему приказанию, начали повторение древней истории.

У. г. Варранда занятия продолжаются по прежнему. Большею частью мы делаем переводы.

Г. Жилье повторяет уроки г. Липмана. На прошедшей неделе он прочел нам отрывки из поэмы Камозэнца «Лузияды» о путешествии Васко де Гамы⁷. Мы ему также представляем письменные отчеты его уроков, и те, которые он находит достойными, по приказанию Карла Карловича, переписываются для нас.

Вот все обозрение нами пройденного в это короткое время.

Осень у нас довольно хороша и продолжается без холодов, чего нельзя было ожидать после такого неслыханного лета.

Как время летит, милый Василий Андреевич. Когда подумаешь, что вот уже год, как мы с Вами ездили в Москву⁸! Где то время? Все преходит и ничто не возвращается. Думая об этом, я вполне чувствую, как надобно дорожить каждым днем.

У нас, благодаря Бога, все здоровы. Карл Карлович чувствует себя гораздо лучше, но все у него есть остатки его болезни.

Папа, Мама, сестрицы и, полагаю, братцы кланяются вам. Все г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение, равно как и Виельгорский и Паткуль.

Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич, я бы желал больше Вам написать, но боюсь, чтобы это Вам не наскучило.

Прощайте еще раз, надеюсь скоро с Вами увидеться, а между тем Карл Карлович и я, мы Вас мысленно обнимаем и целуем от всего сердца

Ваш верный и благодарный друг

Александр

Автографы:

1) ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1637а. Л. 1–2 – черновой, неполный (до слов «о его войнах с Казанской ордою и с Сигизмундом I Польским»).

2) РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 9–11 об. – белой. На л. 9 сверху помета Жуковского: «Получено 24 ноября / 5 декабря».

Публикуется впервые.

Датируется: 1/12 ноября 1832 г.

¹ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909), четвертый и последний сын императора Николая I, родился 13/25 октября 1832 г. Костя – великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын императора, младший брат Александра Николаевича, в дальнейшем также с Жуковским его связывала переписка. Жуковский выказывал беспокойство по поводу болезненного состояния императрицы Александры Федо-

ровны. Известие о рождении великого князя поэт получил из письма А.А. Бехтеева, о чем записал в дневнике 31 октября / 12 ноября 1832 г.: «Известие о родине императрицы. Обед с Севериным в Trois Couronnes» [3. Т. 13. С. 338]. Свои поздравления поэт принес цесаревичу в письме от 5/17 ноября 1832 г., где в том числе описал праздничное застолье вместе с Д.П. Севериным и Ф.Ц. де Лагарпом [26. С. XIII–XV].

² Иван Павлович Шамбо (1783–1848), личный секретарь императрицы Александры Федоровны в 1814–1848 гг., с 1826 г. обучал наследника немецкому языку. Упомянутое письмо Жуковского к Шамбо пока не обнаружено.

³ Великий князь расходится с современным обозначением династической преемственности: здесь речь идет о Василии III Ивановиче (1479–1533) и его внешней политике – походах на Казанское ханство в 1508, 1521–1523, 1527 гг. и успешной войне с Великим княжеством Литовским во главе с Сигизмундом I Старым (1467–1548), в результате которой к 1514 г. был взят Смоленск и окрестные города.

⁴ См. примеч. 14 к предыдущему письму от 24 сентября / 6 октября 1832 г.

⁵ Далее зачеркнуто: «и надежды». Подразумевается стихотворение Жуковского «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича: Послание» («Изображу ль души смятенной чувство?...»), где выражалась надежда на великое будущее новорожденного.

⁶ Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова; 1785–1864), жившая в Крыму детская писательница, племянница Жуковского, его многолетний друг и адресат. С Зонтаг императорская семья была знакома с летнего крымского путешествия 1828 г. С 1828 г. с помощью и при участии поэта она издавала серию книг «Повести для детей». В 1832 г. вышла четвертая книга «Повести и сказки для детей Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов» [31].

⁷ Эпическая поэма Луиша де Камознса (1524–1580), крупнейшего представителя португальского Возрождения, «Лузиада» (1556) излагает все героические события португальской истории от заселения страны мифическим Лузом, предком лузиадов-португальцев, до открытия пути в Индию вокруг Африки Васко да Гамой в 1498 г.

⁸ 28 октября – 12 ноября 1831 г. Жуковский сопровождал великого князя в его поездке в Москву для свидания с императором, который прибыл туда двумя неделями ранее. Визит приурочивался к победе над польским восстанием и был вызван необходимостью на месте узнать о последствиях эпидемии холеры осени 1830 г. См.: [16. С. 384–392].

9

3/15 декабря 1832 г. Петербург

С. Петербург.
3го декабря 1832

Не могу Вам выразить, милый бесценный Василий Андреевич, как мы все были обрадованы Вашим письмом¹. Оно нас успокоило насчет Вашего здоровья, которое опять чуть было не расстроилось. Во все это время о Вас мы получали известия от одной только Mlle Vildermeth². Она очень перепугала нас, известив, что Вы не можете ехать в Италию. Ваше письмо показало нам истинную того причину. Она мне служит новым доказательством Вашей ко мне любви, мой милый друг. Я с своей стороны буду стараться оправдать ее прилежанием и любовью к занятиям. Как радовался я известию к Вам бесценного Карла Карловича, что мой всегдашний враг *лень* менее во мне замечен³. Буду стараться, чтобы к Вашему возвращению

его уже во мне совсем не было. Теперь могу Вас уверить, милый Василий Андреевич, что я уже занимаюсь с охотою, но еще нельзя сказать, что всегда. Бывают такие минуты, в которые кажется, я чувствую себя таким, каков я был за три года, т<о> е<сть> что мне занятия неприятны и даже в тягость. Надеюсь, однако, с помощью Божией, избавиться от этого недостатка и еще некоторых, замечаемых мною в себе, например, что я не отвык играть руками, не всегда откровенно высказываю, что чувствую, и проч<ее>.

Как бы желал, встречая Вас, бесценный друг, быть совершенно чистым и свободным от недостатков и чтобы Вы ни следа не приметили во мне чего-нибудь дурного прежнего. Молю о сем каждый день Отца Небесного и надеюсь, что Он услышит мои моления, которые исходят истинно из глубины сердца.

Наш бесценный Карл Карлович тихо поправляется в своем здравии, я каждый день также прошу Всемогущего Бога о сохранении Вашего и его здоровья. Я чувствую, что без Вас не дойти мне до своей цели. Из Вашего сердца я привык почерпнуть то, что некогда может послужить во благо других.

В наших занятиях не произошло особенной перемены, кроме того, что у Константина Ивановича мы начали проходить о царствовании Иоанна Грозного, у Петра Александровича занимались повествовательною прозою, и я по этому случаю сделал довольно большое повествование, которым он был очень доволен. Предметом я избрал рассказ о конце вольности Пскова при Василии I⁴. У г. Липмана начали повторять историю Средних веков в Англии отдельно, dokonчив прежде Францию.

Мама, слава Богу, чувствует себя совершенно здоровою. Она выдержала два дня сряду представление с поздравлением по случаю прошествия 6 недель⁵.

Время у нас чрезвычайно холодное, и сначала были холода 18^о без снегу.

Во вторник день ангела Папа⁶, и вот через 28 дней уже новый год. Боже мой! Как время летит! Я едва верю, что мы так быстро подвинулись вперед. Итак, через 6 месяцев мы снова увидимся, милый Василий Андреевич. Я вместе с Карлом Карловичем обнимаю Вас мысленно от всего сердца. Папа, Мама, сестрицы Вам кланяются, равно, как и все, находящиеся при них, и г.г. учителя свидетельствуют Вам свое почтение.

Прощайте! Прощайте еще раз.

Ваш любящий друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 13–14 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 3/15 декабря 1832 г.

¹ Письмо Жуковского от 5/17 ноября 1832 г. [26. С. XIII–XV].

² Мария Маргарета Вильдермет (Цецилия Александровна, 1777–1839), гувернантка и приближенное лицо императрицы Александры Федоровны, фрейлина. В то время она уже покинула двор и вернулась на родину в Швейцарию. В период пребывания Жуков-

ского в Верне он активно переписывался с бывшей фрейлиной, с которой был знаком с 1817 г., и навещал ее дом в Бомоне. См. подробнее: [32].

³ Жуковский сообщал в письме от 5/17 ноября 1832 г.: «Еще более благодарю Вас за то, что мне пишет об Вас Карл Карлович; он извещает меня, что наш общий ненавистный враг, с которым было так трудно бороться, враг, называемый *ленью*, почти побежден» [26. С. XIV].

⁴ См. примеч. 3 к предыдущему письму. Речь идет о Василии III Ивановиче (1479–1533). В 1509 г., находясь в Великом Новгороде, он приказал собраться при нем псковскому посаднику и прочим представителям города. По прибытии к нему в начале 1510 г. на праздник Крещения Господня псковичи были обвинены в недоверии великому князю, и их наместники были казнены. Псковичи были вынуждены просить Василия принять себя в его отчину. Василий приказал отменить вече. На последнем в истории Псковской республики вече было решено не сопротивляться и выполнить требования Василия. 13 января был снят вечевой колокол и отправлен в Новгород.

⁵ Подразумеваются шесть недель, прошедшие после рождения великого князя Михаила Николаевича. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

⁶ Подразумевается день святителя Николая, святого Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских одного из самых почитаемых христианских святых в Русской православной церкви, отмечаемый 6/19 декабря.

К.К. Мёрдер – В.А. Жуковскому
21 февраля / 5 марта 1833 г. Петербург

С. Петербург. 21го февраля / 5 марта 1833

Все Ваши письма, милый мой друг Василий Андреевич, я получил¹.

Портреты Ваши – истинное совершенство живописи – курящий сигару и в задумчивости в окно смотрящий В<асилий> А<ндреевич>² будет скопирован и отдан к<нязю> Вяземскому³.

Я располагал было оставить Петербург 14 сего месяца⁴, но сильный припадок заставляет меня ожидать лучшей погоды; мороз мне вреден.

Благодаря Бога, 5^{ти} дней припадку не было.

Меня утешают, что перемена климата возвратит мне здоровье. Вся моя надежда на Бога.

Все близкие Вашему сердцу здоровы и свидетельствуют Вам почтение.

Обнимаю Вас от всего сердца

К. Мёрдер

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 15–15 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 21 февраля / 5 марта 1833 г.

¹ Подразумеваются шесть писем Жуковского от 4/16, 11/23, 18/30 января, 27 января / 8 февраля, 1/13 и начала февраля 1833 г.

² Г. Рейтерн написал в 1832 г. около 5 различных портретов русского поэта (см.: [33. С. 311–312]). Дневниковые записи Жуковского от 11 (23) – 30 декабря (11 января) 1832 г. фиксируют процесс работы Г. Рейтерна над портретами [3. Т. 13. С. 341–342]. Упомянутый К.К. Мёрдером портрет изображает Жуковского смотрящим в окно на Женевское озеро и ныне хранится в Государственном музее А.С. Пушкина.

³ В письме к П.А. Вяземскому от 26–27 января / 7–8 февраля 1833 г Жуковский предупреждал: «О моем житье-бытье много тебе рассказывать не стану. Я написал о нем длинное письмо к великому князю; добейся этого письма от Мёрдера, которому я дал поручение и для тебя. Вот какое: я послал великому князю *три* своих *портрета*, прекрасно нарисованные Рейтерном (он и всё его семейство теперь живут вместе со мною); я просил Мёрдера велеть срисовать для тебя один из этих портретов; можешь их посмотреть и сам назначить, с которого сделать копию» [34. Л. 37].

⁴ К.К. Мёрдер с женой и дочерью Марией выехал в Берлин на лечение только 14 марта 1833 г., о выезде в дорогу он уведомлял Жуковского в письме от 4 (16) марта, полученном адресатом 30 марта (11 апреля), см.: [3. Т. 13. С. 355].

10

6/18 июля 1833 г. Александрия

Александрия близ Петергофа. 6го июля 1833

Извините меня, милый бесценный Василий Андреевич, что я Вам так давно не писал. С самого начала болезнь нашего почтенного Карла Карловича, право, так расстроила¹, что я был не в состоянии Вам писать, вскоре после того начались приготовления к экзамену, который, как Вы уже знаете, слава Богу, хорошо удался², но после того я совершенно виноват перед Вами, мой милый друг, ибо у меня было довольно много времени, но я все откладывал день ото дня и наконец дошло до того, что я получил письмо Ваше, в котором Вы сами в этом упрекаете³. Но будьте уверены, милый друг, что любовь моя к Вам и признательность каждый день увеличиваются, ибо я сам теперь вижу, что Вы для меня сделали, и у меня должно быть каменное сердце, если бы я этого не чувствовал и не умел ценить. Итак, я считаю себя совершенно виноватым перед Вами, прошу у Вас еще раз прощения.

Вы уже, я думаю, знаете, все подробности о болезни нашего бесценного Карла Карловича, с которым расстался с неизъяснимою скорбью и так, что и теперь я не могу хладнокровно подумать о сей ужасной, могу сказать, минуте, но, благодаря Бога, он теперь в Берлине поправляется⁴, и надеюсь, что он возвратится ко мне совершенно здоровым, равно как и Вы, милый друг, и что мы снова по-прежнему станем трудиться вместе.

Как странно получилось, что Вы, мой милый, Карл Карлович и г. Жилье⁵ разом почти заболели и все нас оставили.

Хотя наш почтеннейший Александр Александрович⁶ теперь на месте милого бесценного Карла Карловича, но он не вполне мне его заменяет, ибо, это и понятно, что я не могу к нему иметь такое доверие, как к другу, с которым был в продолжение 9 лет неразлучен, ибо точно Карл Карлович был для меня и, надеюсь, и будет не только наставником, но и моим истинным другом, который разделял со мною и радость и печаль. С каким нетерпением жду я той минуты, в которую мы с Вами снова увидимся и мне можно будет обнять Вас и прижать к моему сердцу, надеюсь, что мне уже не долго этого дожидаться. Мсье Жилля надеялись увидеть 1го июля, который мы не праздновали, как обыкновенно⁷, хотя и погода была, к сожалению, весьма дурная.

У меня теперь вакации, и мы до этих пор, благодаря манежу и всяким праздникам, не могли найти ни одной минуты, чтобы порядочно заняться.

Я Вас еще не благодарил за Ваши портреты⁸, которые Вами присланы, они все удивительно, как похожи. Время меня, однако, торопит, и я должен кончить письмо.

Папа, Мама, сестрицы и все наши Вам кланяются. Прощайте, милый бесценный Василий Андреевич. Обнимаю и целую Вас мысленно от всего сердца.

Ваш друг

Александр

Автограф: РГАДА. Разряд 5. Дополнения. № 51. Л. 19–20.

Публикуется впервые.

Датируется: 6/18 июля 1833 г.

¹ Чувства великого князя к К.К. Мёрдеру хорошо передают его письма, которые он регулярно отправлял своему наставнику в Германию, в частности первое из них от 15/27 марта 1833 г.: «Я ежедневно молю Всевышнего, чтобы он Вас к нам снова возвратил, но уже не больным, а совершенно здоровым. <...> В свободные часы мне все хочется идти к Вам в комнаты, которые после Вас остались так пусты. <...> После Вашего отъезда я Вас провожал, бесценный друг, вместе с Мама, взорами, столь далеко, как мог, и после этого мы пошли в Вашу комнату, где Вы последнее время жили, и там за Вас вместе молились, и после этой молитвы у меня пробудилась новая надежда Вас видеть здоровым» [35. С. 400].

² О подготовке и ходе экзаменов Жуковскому сообщали императрица Александра Федоровна и И.М. Виельгорский. Императрица 8 февраля ст. ст. 1833 г. говорила: «Сашею очень довольны; он готовится к экзамену перед своим отцом» (пер. с фр. [8. С. 507]). В письме от 19 февраля ст. ст. Виельгорский писал: «Что же касается до уроков, я вам скажу новость. У нас скоро будет экзамен при Государе; так было угодно Его Величеству» [29. С. 126]; в начале марта он информировал: «У нас начался экзамен. Вчера экзаменовал Коллинс в тригонометрии, стереометрии и алгебре. Завтра экзамен Варранда, Павского и Семена Алексеевича <Юрьевича. – В.К.>. В четверг экзамен Липмана, потом Арсеньева, а что дальше будет, то еще не решено. Но подробный отчет о нашем экзамене я пришлю вам по окончании одного» [29. С. 127–128].

³ Письмо Жуковского от 28 марта / 9 апреля 1833 г., где он упрекал великого князя: «От Вас же давно не имею известия, хотя и мог бы уже его иметь. Ваши экзамены должны быть теперь кончены, и я нетерпеливо желаю знать о их результате» [26. С. XXII].

⁴ После пребывания в Берлине К.К. Мёрдер отправился на лечение в Баден, где встретился с Жуковским 13/25 июля 1833 г. [3. Т. 13. С. 386], о чем на следующий день поэт написал великому князю [26. С. XXVII].

⁵ Здоровье Ф.А. Жилля также пошатнулось, и он отправился на лечение водами в Эмс. Великий князь сообщал об этом К.К. Мёрдеру 8 мая 1833 г.: «Я думаю, что это письмо вас уже застанет в Баден-Бадене, куда г. Жилль намеревается приехать вас навестить» [35. С. 407]. О том же писала Жуковскому Ю.Ф. Баранова в приписке к письму великой княжны Марии Николаевны от 6 (18) мая 1833 г.: «Жиль уезжает» [36. С. 427] (оригинал на фр.). Свидание Жуковского с Жиллем произошло во Франкфурте 19/29 июля 1833 г. [3. Т. 13. С. 386].

⁶ Александр Александрович Кавелин (1793–1850), генерал от инфантерии, после К.К. Мёрдера, так и не выздоровевшего от своей болезни и умершего в Риме 24 марта 1834 г., до 1841 г. был воспитателем наследника.

⁷ 1 июля в Петергофе традиционно широко праздновался день рождения императрицы Александры Федоровны.

⁸ Жуковский при письме от 20 января / 1 февраля 1833 г. послал в подарок цесаревичу три своих портрета, написанных Г. Рейтерном (см. примеч. 2 к письму К.К. Мёрдера): «Я отправил к Вам на сих днях большой пакет писем с подарком на новый год, состоящим из трех моих портретов: эти письма и посылка, возможно, доедут до Вас позднее, нежели мое теперешнее письмо, ибо они почтой отправились во Франкфурт, где будут дожидаться при посольстве нашем, отправляясь с фельдъегерем» [25. Л. 22]. Жуковский предполагал отправить пакет с портретами при письме от 1/13 – 11/23 января 1833 г., однако отозвал его с почты: «Возвратил посылку» [3. Т. 13. С. 348], испугавшись сообщений о неполучении адресатами его писем.

Литература

1. *Русский архив*. 1867. № 12.
2. *Жуковский В.А. Сочинения* : в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. Т. 6. 640 с.
3. *Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем* : в 20 т. М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. Т. 15: Письма 1795–1817 годов. 1088 с.
4. *Киселев В.С. Письма Жуковского к великому князю Александру Николаевичу 1850–1852 гг.: публикация и комментарий // Жуковский: Исследования и материалы*. Томск, 2017. Вып. 3. С. 304–345.
5. *Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Жуковский, революция в Германии и институты имперской пропаганды (по материалам неопубликованной переписки с великим князем Александром Николаевичем) // Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 52. С. 165–183.
6. *Киселев В.С. В.А. Жуковский в судьбе Александра Рейтерна (по материалам писем 1840-х гг. к великому князю Александру Николаевичу) // Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 21–29.
7. *Киселев В.С. Сценарии революционного объединения Германии в осмыслении В.А. Жуковского (по материалам публицистики и эпистолярия 1848–1850 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2018. № 57. С. 191–205.
8. *Русский архив*. 1897. № 4.
9. *РО ИРЛИ*. № 27903.
10. *Шмидт С.О. Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // Русское подвижничество : сб. ст. к 90-летию академика Д.С. Лихачева*. М., 1996. С. 187–221.
11. *Янушкевич А.С. Письма В.А. Жуковского к царственным особам как феномен русской словесной культуры и общественной мысли // Жуковский: Исследования и материалы*. Томск, 2013. Вып. 2. С. 45–76.
12. *Киселев В.С., Жиликова Э.М. «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2014. № 6 (32). С. 125–136.
13. *Сидорова А.Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности) : дис. ... канд. ист. наук*. М., 2016. 311 с.
14. *РГАДА. Разряд 5. Дополнения*. № 51.
15. *Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии* : в 2 т. М. : О.Г.И., 2002. Т. 1. 605 с.

16. Шильдер Н.К. Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Кн. 2. 820 с.
17. Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб. : Нестор-История, 2007. 523 с.
18. РО ИРЛИ. № 28146.
19. Записки К.К. Мёрдера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826–1832 // Русская старина. 1885. № 2. С. 344–355.
20. Павлова Ж.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб. : Нестор-История, 2010. 312 с.
21. Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. 726 с.
22. Северная пчела. 1834. № 101.
23. РО ИРЛИ. № 27911.
24. Формулярный список Его Императорского Высочества Великого князя наследника Всероссийского престола цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г. // Столетие Военного министерства. СПб., 1914. Т. 2: Имп. Главная квартира. История государевой свиты. Кн. 4: Царствования имп. Александра II. Прилож. С. 1–30.
25. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.
26. Русский архив. 1883. Кн. 1. № 1.
27. Архив братьев Тургеневых. СПб. ; Пг. : Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. академии наук, 1921. Вып. 6. 543 с.
28. Сон юности: Записки дочери имп. Николая I, вел. кн. Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html#003
29. Лямина Е.Э., Самиовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Вильегорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М. : Языки русской культуры, 1999. 560 с.
30. Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 30. Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826–1838. СПб., 1880. Т. 1. 494 с.
31. Повести и сказки для детей Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. СПб., 1832. 235 с.
32. Никонова Н.Е., Рудикова Н.А. В.А. Жуковский и Швейцария: о генезисе историко-философских мотивов поздней прозы романтика // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 20–26.
33. Либман М.Я. Жуковский и немецкие художники // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 297–313.
34. РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 19096.
35. Русская старина. 1886. Т. 50.
36. Русский архив. 1895. Кн. 2, № 8.

Children's Letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich to Vasily Zhukovsky: Review, Publication, Commentary

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 209–234. DOI: 10.17223/19986645/63/12

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvuliss@mail.ru

Keywords: Russian literature, Russian epistolary culture, correspondence, textual preparation, scientific commentary, Grand Duke Alexander Nikolaevich, Vasily Zhukovsky.

The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF), Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article solves the problem of archival sources, textological preparation and scientific commenting on the letters from Grand Duke Alexander Nikolaevich to his mentor, poet Vasily Zhukovsky. They have not been known until today, which created source gaps both in the biography of Emperor Alexander II and in the biography of his educator. Archival searches allowed to find four letters of the Grand Duke in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature and 48 letters in the Russian State Archive of Ancient Acts. All of them underwent textological preparation in accordance with modern requirements, were decoded and provided with textological references. With a detailed scientific commentary, the article publishes 10 child's letters of the Grand Duke of 1826–1833, as well as one letter to Vasily Zhukovsky from Karl Merder, the tutor of the prince. The article describes the composition and chronology of the letters of Grand Duke Alexander Nikolaevich of 1826–1852 and offers their holistic review, which allows us for the first time to completely reconstruct the nature of the epistolary dialogue between the teacher and the student. The Grand Duke's letters are concise and stereotypical in content and communication formulas used. Typically, from a quarter to half of their text is occupied by etiquette expressions: messages about receiving a letter from Zhukovsky, regret about a long separation, congratulations on a certain event, wishes for a happy family life, and, finally, greetings from himself and from the members of the imperial family. This formulaic design is so stable that it immediately puts communication on a role track. The etiquette roles realized by the Grand Duke in correspondence were changing significantly. Thus, the first children's letters of 1826–1833 focus on the communication of a caring teacher and a grateful student. Their central part is occupied by a detailed chronicle of classes, a report on what was completed as part of educational courses with various mentors. Another essential component of the role was the care of the mentor's health. Finally, the third hypostasis of Alexander in his child's letters to Zhukovsky was the role of the chronicler of family and court life. The role-playing organization of the letters of 1840–1852 has a different structure and reflects the new status of Alexander: a family man burdened with numerous household and official activities, but retaining a grateful memory of the former mentor. As a result, home-family themes are an absolute dominant, obscuring even the turbulent political events of 1848–1850. The letters along this family axis contain brief messages about the birth of children, about the health of the wife, himself, the empress and sisters, about regular holidays, for example, about the memorable anniversary of Grand Duke Mikhail Pavlovich, about weddings and losses, as happened with Alexander's sister Alexandra Nikolaevna, about his current duties and trips to Ukraine and the Crimea (1845), Germany (1847), the Caucasus (1850), Tula and Orel (1851). The analysis of the letters allows concluding both about the poet's solid status in the field of the "family monarchy" of Nikolay's reign and about the role assigned to Alexander exclusively as a private person, but not as a subject of power or politics.

References

1. *Russkiy arkhiv*. (1867) 12.
2. Zhukovskiy, V.A. (1885) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: In 6 Vols]. 8th ed. Vol. 6. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa Glazunova.
3. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Vol. 15. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
4. Kiselev, V.S. (2017) *Pis'ma Zhukovskogo k velikomu knyazyu Aleksandru Nikolaevichu 1850–1852 gg.: publikatsiya i kommentariy* [Letters From Zhukovsky to Grand Duke Alexander Nikolaevich 1850–1852: Publication and Commentary]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 304–345.
5. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2018) Zhukovsky, German Revolution and Institutions of Imperial Propaganda (Based on the Unpublished Correspondence With Grand Duke Alexander Nikolayevich). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 52. pp. 165–183. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/10

6. Kiselev, V.S. (2018) Vasily Zhukovsky in the Fate of Alexander Reiter (Based on the Letters of the 1840s to Grand Duke Alexander Nikolaevich). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/3

7. Kiselev, V.S. (2018) Scenarios of the Revolutionary Unification of Germany in Vasily Zhukovsky's Reflection (on the Material of Journalistic and Epistolary Works of 1848–1850). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 191–205. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/57/12

8. *Russkiy arkhiv*. (1897) 4.

9. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 27903. (In Russian).

10. Shmidt, S.O. (1996) Podvig nastavnichestva: V.A. Zhukovskiy – nastavnik naslednika rossiyskogo prestola [The Feat of Mentoring: V.A. Zhukovsky, a Mentor to the Heir to the Russian Throne]. In: Knyazevskaya, T.B. (ed.) *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Selfless Devotion]. Moscow: Nauka. pp. 187–221.

11. Yanushkevich, A.S. (2013) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k tsarstvennym osobam kak fenomen russkoy slovesnoy kul'tury i obshchestvennoy mysli [Letters from V.A. Zhukovsky to Royal Persons as a Phenomenon of Russian Literary Culture and Social Thought]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–76.

12. Kiselev, V.S. & Zhilyakova, E.M. (2014) "Plan of the Education . . . of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 125–136. DOI: 10.17223/19986645/57/12/32/9

13. Sidorova, A.N. (2016) *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoy deyatel'nosti)* [The Education of the Great Princes in the Families of Emperors Nicholas I and Alexander II (Preparation for State Activity)]. History Cand. Diss. Moscow.

14. Russian State Archive of Ancient Acts. Rank 5. Supplements. No. 51. (In Russian).

15. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy: In 2 Vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: O.G.I.

16. Shil'der, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I: Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I: His Life and Reign]. Book 2. St. Petersburg: Izd. A. S. Suvorina.

17. Tsamutali A.N. (ed.) (2007) *Nikolay I. Lichnost' i epokha. Novye materialy* [Nicholas I: Personality and Era]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

18. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 28146. (In Russian).

19. Merder, K.K. (1885) *Zapiski K.K. Merdera, vospitatelya tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha. 1826–1832* [Notes by K.K. Merder, Educator of Tsarevich Alexander Nikolaevich. 1826–1832]. *Russkaya starina*. 2. pp. 344–355.

20. Pavlova, Zh.K. (2010) *Florian Zhil'i i Imperatorskiy Ermitazh. Zhizn' i sud'ba* [Florian Gilles and the Imperial Hermitage. Life and Fate]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

21. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2013) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Studies and Materials]. Is. 2. Tomsk: Tomsk State University.

22. *Severnaya pchela*. (1834) 101.

23. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature. No. 27911. (In Russian).

24. Shenk, V.K. (ed.) (1914) *Stoletie Voennogo ministerstva* [Centenary of the War Ministry]. Book 4. Vol. 2. St. Petersburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg. pp. 1–30.

25. State Archive of the Russian Federation. Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).

26. *Russkiy arkhiv*. (1883) 1 (1).

27. Kul'man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Is. 6. St. Petersburg; Petrograd: Department of the Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences.

28. Grand Duchess Olga Nikolaevna, Queen Consort of Württemberg. (2000) *Son yunosti: Zapiski docheri imp. Nikolaya I*, vel. kn. Ol'gi Nikolaevny, korolevy Vyurtembergskoy [A Dream of Youth: Notes of the Daughter of Emperor Nicholas I, Grand Duchess Olga Nikolaevna, Queen Consort of Württemberg]. In: Azarova, N.I. *Nikolay I: Muzh. Otets. Imperator* [Nicholas I: Husband. Father. Emperor]. Moscow: Slovo. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html#003.

29. Lyamina, E.E. & Samover, N.V. (1999) "*Bednyy Zhozef*": *Zhizn' i smert' Iosifa Viel'gorskogo: Opyt biografii cheloveka 1830-kh godov* ["Poor Joseph": The Life and Death of Joseph Vielgorsky: The Experience of a Biography of a Person of the 1830s]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

30. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. (1880) 30. Gody ucheniya Ego Imperatorskogo Vysochestva Naslednika Tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha, nyne blagopoluchno tsarstvuyushchego Gosudarya Imperatora. 1826–1838 [The Years of the Instruction of His Imperial Highness Heir Tsesarevich Alexander Nikolaevich, Now the Reigning Emperor. 1826–1838]. Vol. 1.

31. Zontag, A. (1832) *Povesti i skazki dlya detey* [Stories and Fairy Tales for Children]. St. Petersburg: Tipografiya A. Smirdina.

32. Nikonova, N.E. & Rudikova, N.A. (2013) V.A. Zhukovsky and Switzerland: On the Origin of Historic and Philosophic Motives of the Romanticist's Late Prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 374. pp. 20–26. (In Russian).

33. Libman, M.Ya. (1980) Zhukovskiy i nemetskie khudozhniki [Zhukovsky and German Artists]. In: Rostotskiy, B.I. et al. (eds) *Vzaimosvyazi russkogo i sovetskogo iskusstva i nemetskoy khudozhestvennoy kul'tury* [Relations Between Russian and Soviet Art and German Art Culture]. Moscow: Nauka. pp. 297–313.

34. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 195. List 1. Unit 1909b. (In Russian).

35. *Russkaya starina*. (1886) 50.

36. *Russkiy arkhiv*. (1895) 2 (8).

УДК 82-312.1(73)

DOI: 10.17223/19986645/63/13

А.К. Никулина

«ВЫРВАТЬСЯ ЗА ПРЕДЕЛЫ ЯЗЫКА»: РЕЧЬ И МОЛЧАНИЕ В РОМАНЕ Д.Ф. УОЛЛЕСА «БЕСКОНЕЧНАЯ ШУТКА»

Анализируется один из основных конфликтов в романе Д.Ф. Уоллеса, реализующийся в оппозиции речи и молчания. Язык рассматривается как ограниченный набор условных знаков, орудие системы, лишаящее человека свободы. Выход за пределы языка, погружение персонажей в молчание интерпретируются как свидетельство их внутреннего духовного прогресса. Однако как язык этики, с точки зрения Витгенштейна, несовместим с человеческим языком, так и переход персонажей в этическую сферу вынужденно обрывает их связь с миром людей.

Ключевые слова: Б Дэвид Фостер Уоллес, философский роман, Бесконечная шутка, Витгенштейн, язык, этика.

О Дэвиде Фостере Уоллесе (1962–2008) литературные критики чаще всего пишут в контексте рассуждений о «новой искренности» и преодолении формальностей постмодернизма. Однако данный подход не позволяет раскрыть всю глубину его художественного творчества. Д.Ф. Уоллес, прежде всего, является автором-философом. Он получил профессиональное философское и филологическое образование в Амхерстском колледже, представив в качестве выпускных две работы: классическое исследование в области модальной логики и роман «Швабра системы». В дальнейшем на протяжении всей его профессиональной карьеры эти два увлечения – философия и литература – продолжали определять главное направление его творчества. Западные исследователи применяют разные жанровые обозначения для характеристики созданного Уоллесом: так, А. Келли называет его книги интеллектуальными романами (novels of ideas) [1. Р. 267], Дж. Райерсон – произведениями-символами (interpret-me fiction) [2]. Э. Беннет справедливо отмечает, что «философия – философский дискурс, философские идеи и термины, философские ценности, философский образ мысли – наполняет, подчиняет себе, пропитывает написанное Уоллесом»¹ [3. Р. 74]. Данный факт позволяет нам с полным правом определить романы писателя как философские – в том прямом значении, когда под философскими понимаются «произведения, сознательно... сориентированные на художественное моделирование и жизненную проверку тех или иных научно-философских идей» [4. С. 112].

¹ Здесь и далее перевод всех цитируемых англоязычных источников выполнен автором статьи.

В последние годы в США вышли сборники статей, в которых связь творчества Д.Ф. Уоллеса с философией заявлена уже на обложке издания: «Указывая на реальность: Дэвид Фостер Уоллес и философия» (2014) [5], «Свобода и личность: эссе о философии Дэвида Фостера Уоллеса» (2015) [6]. Однако, несмотря на наметившееся движение к осмыслению философской стороны художественного творчества писателя, следует признать, что в этой области сделано еще недостаточно. А. ден Далк довольно подробно исследует экзистенциалистскую составляющую произведений Уоллеса [7] [8]. Т. Трейси [9] и Р. Болгер [10] пишут о влиянии теоретиков американского прагматизма. Б. Вермюл рассматривает созданное Уоллесом в свете идей Шопенгауэра [11]. Нередко в критических работах возникает сопоставление с Л. Витгенштейном, что не удивительно: Уоллес сам неоднократно говорил о своем увлечении его философией [12. Р. 12]. Например, Дж. Райерсон отмечает влияние Витгенштейна на творчество Уоллеса, но говорит об этом, главным образом, только в связи с его ранним романом «Швабра системы» [1]. Дж. Баскин, называя прозу Уоллеса «терапевтической в витгенштейновском смысле» [13. Р. 143], концентрирует внимание на позднем романе «Бледный король». Р. Рэмал связывает общую направленность устремлений Уоллеса с аналогичным стремлением Витгенштейна отказаться от искусственных абстракций и погрузиться в конкретный живой поток действительности [14. Р. 193]. Но никто из перечисленных, во-первых, не рассматривает подробно влияние философии Витгенштейна на наиболее значительное произведение Уоллеса – роман «Бесконечная шутка» и, во-вторых, не уделяет должного внимания поднимаемой в нем проблеме языка и речи. Нам же кажется, что данный философский мотив выступает одним из главных для понимания авторского замысла романа Уоллеса, поэтому представляется необходимым более подробно рассмотреть именно этот аспект.

Витгенштейна в первую очередь интересовали проблемы языка, очерчивающего образ видимого мира, делающего его таким, каким человек его воспринимает, и одновременно создающего естественные границы для человеческого познания. Именно язык четко определяет то, что мы можем знать и о чем имеет смысл рассуждать. В этом отношении язык жестко контролирует человека, хотя человек этого не осознает. Л. Витгенштейн в период создания «Логико-философского трактата» ставил себе в заслугу как раз то, что смог ясно указать на возможности и границы лингвистического и, соответственно, всего осмысленного поведения человека. С точки зрения философа, что невозможно сказать, то невозможно и помыслить, и это полностью устраняет рассуждения о больших метафизических вопросах, которые теряют смысл, оказываясь лишь следствием некорректного применения языка.

Однако важно отметить, что Витгенштейн при этом не утверждает, что то, что не поддается высказыванию, в принципе не существует. Он, в частности, много размышляет о сущности этики. Последняя фраза его «Трактата»: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [15. С. 74] –

означает лишь то, что человек не имеет объективной возможности судить о том, что находится за границей поддающихся анализу «фактов». Но здесь не делается заключения о том, есть что-то за границей языка или нет. Напротив, субъективно философ испытывает глубокое уважение к стремлению человека определить ценностную составляющую мира и человеческих поступков, о чем он прямо говорит в «Лекции об этике». Его призыв к молчанию, с этой точки зрения, лишь утверждение конечной невозможности словесного «суждения об абсолютной ценности» [16. С. 240], но не невозможности этического поступка. Здесь как раз и вырисовывается со всей отчетливостью конечная моральность действия по Витгенштейну: о чем следует молчать, то следует делать, не спрашивая.

Оппозиция речи и молчания составляет один из основных конфликтов в романе Д.Ф. Уоллеса «Бесконечная шутка», пронизывая всю ткань произведения. Жанр философского романа предполагает главенство идеи в художественном мире произведения, и в данном случае очевидно, что базовый тезис Витгенштейна намеренно положен автором в основу романа как способ выражения его собственного мировидения. При этом Уоллес всегда был против абстрактного теоретизирования. В свое время в статье о восхитившем его романе Д. Марксона «Любовница Витгенштейна» писатель высоко отозвался о художественном замысле своего коллеги, который «превратил абстрактные положения витгенштейновской доктрины в реальную драму человеческого одиночества» [17. Р. 235]. И если, как утверждает Уоллес, ему самому в первом романе «Швабра системы» это не до конца удалось, то второй роман, по всей видимости, должен был стать новой попыткой осуществить задуманное, облечь философские тезисы в живую плоть подлинной человеческой истории.

Роман «Бесконечная шутка» отличается большим объемом (свыше тысячи страниц текста) и сложной внутренней структурой. Но в его основе оказываются две основные параллельные линии: история Хэла Инканденцы, учащегося элитной академии, «вундеркинда в области тенниса и языка» [18. Р. 30], и Дона Гейтли, пытающегося покончить со своим криминальным прошлым санитар в лечебнице для алкоголиков и наркоманов, который со школьных лет, напротив, характеризовался «недостаточным развитием языковых способностей» [Ibid. Р. 903]. По внешним признакам два героя изначально составляют полный контраст – и социально, и интеллектуально, но сюжетное и смысловое развитие в произведении подводит их все ближе друг к другу, поскольку оба медленно, но последовательно, каждый своим путем движутся от полного ценностного релятивизма к открытию морально-нравственной основы человеческого существования. При этом характерно, что внутренний духовный прогресс в обоих случаях сопровождается погружением обоих в молчание, физической невозможностью поделиться своим опытом и ощущениями, что явно не является случайным совпадением в художественном мире произведения.

Хэл с детства отличается уникальной памятью и выдающимися лингвистическими способностями. Он может заучивать наизусть целые словари и

без запинки цитировать терминологически сложные дефиниции. В восхищение это приводит, главным образом, мать, которая является признанным научным авторитетом в области прескриптивной грамматики, автором многочисленных научных трудов и идейным вдохновителем движения за чистоту и правильность английского языка в стране. Именно ее мнение является значимым для Хэла в детстве и ранней юности, именно на нее он стремится произвести впечатление своими языковыми подвигами, ее похвалу заслужить.

Эврил Инканденца не только профессионально занимается лингвистикой, но и выступает символическим воплощением самой концепции языка в романе: на поверхности – олицетворением любви и заботы, создающих комфорт, а глубже – холодной логики и жесткого контроля, не дающим жертве выбраться из сети. Она искренне любит своих детей, но ее любовь интеллектуальна и холодна. Она не способна смотреть вглубь, концентрируя внимание не внешней стороне явлений. Характерен эпизод, когда старший сын Марио просит ее объяснить, по каким признакам можно определить, что человек грустит [18. Р. 766]. Она дает множество правильных, сугубо научных толкований понятия печали и признаков ее проявления, но они не убеждают Марио, который, в противоположность Эврил, интуитивно, сердцем чувствует печаль, но не может подобрать ей объяснения.

Марио и Эврил в этом отношении – два «идеологических» полюса в семье. Марио, физически и интеллектуально неразвитый по меркам общества, не умеет и, по всей видимости, намеренно отказывается учиться читать и писать, настаивая на том, чтобы смотреть и слушать [Ibid. Р. 80]. Этот отрыв от практического владения языком в романе приобретает знаковые черты: Марио способен видеть и понимать окружающих без слов, интуитивно, в то время как Эврил, легко замечая мельчайшие грамматические и синтаксические детали в текстах и высказываниях, не обладает главным: чувствовать духовный, нравственный смысл происходящего.

Хэл с юности разрывается между двумя влияниями – матери и Марио. Но влияние матери, по крайней мере в начале, оказывается сильнее и постепенно приводит к опустошению души мальчика. Символична сцена, которую описывает новая знакомая семьи Инканденца Джоэль, впервые оказавшаяся в их доме и наблюдающая в том числе за поведением Хэла. Среди общего разговора мальчик, на которого взрослые не обращают внимания, пытается привлечь его к себе единственным доступным ему способом: «В какой-то момент ни с того, ни с сего маленький Хэл Инканденца, лет десяти, объявил, что базовой единицей измерения силы света является кандела, которую он определил, ни к кому конкретно не обращаясь, как силу, равную излучению с $1/600000$ квадратного метра поверхности застывающей платины... никто даже не посмеялся... Хэл продолжал спрашивать, неужели никто не хочет, чтобы он назвал температуру замерзания платины» [Ibid. Р. 745]. Коммуникативные потуги Хэла выглядят гротескно и печально, наглядно демонстрируя неестественность речи, имеющей

необходимую внешнюю форму, но не имеющей главного – внутреннего «очеловеченного» содержания.

Именно это отчетливо сознает отец Хэла – талантливый оптик и кино-режиссер, еще один персонаж в книге, способный видеть не только оболочку, но и суть. Он крайне обеспокоен тем, что его сын не разговаривает, и это приводит Хэла в замешательство: «...отец временами утверждал, что я не говорю, в то самое время, когда я сидел и разговаривал с ним» [18. Р. 870]; «Я был убежден, что я говорю, а он – что не говорю» [Ibid. Р. 899]. В то же время отцу никогда не казалось, что Марио с ним не разговаривает, хотя большую часть времени они проводили в молчании. Просто Джеймс Инканденца в символическом мире романа видит глубже, для него важно внутреннее наполнение речи, ее осмысленность, а не сам факт произнесения слов; именно такой, подлинной, речи он не слышит от Хэла, что приравнивается им к молчанию. В этом контексте не случайным кажется безличное местоимение «it», которое автор вкладывает в уста Хэла, когда тот описывает одну из подобных ситуаций: «Ты слышишь, что я разговариваю с тобой, папа? Оно (it) разговаривает. Оно соглашается выпить газировки, дает определение глаголу «умолять» и общается с тобой» [Ibid. Р. 31]. Бессознательно Хэл определяет себя как нечто практически неодушевленное, и в этом заключается печальная ирония автора, исследующего в романе омертвление человеческой личности как симптом эпохи. В то же время с Марио отец чувствует себя «комфортно в обоюдном молчании» [Ibid. Р. 743], потому что их общение происходит на другом уровне – ценностном, этическом, для которого слова не нужны. Здесь отчетливо проявляется то, что в другом месте романа автор охарактеризует как «тишину присутствия, противопоставленную тишине отсутствия» [Ibid. Р. 625]. Именно это открывается слушателям ночной радиопрограммы, которую прежде вела Джозель, но после ухода которой из эфира и безуспешных попыток администрации заменить ее другой ведущей принимается решение оставить это время в эфире пустым. «Ужасающая тишина стоит теперь по будним ночам. Совсем иная тишина, отличная от молчаливого присутствия в эфире, которое прежде зачастую занимало до половины времени в ее программах» [Ibidem]. Язык молчания оказывается не менее способным передавать все оттенки мысли, но на другом, психологически и этически более сложном уровне.

Как следствие, Джеймс Инканденца воспринимает как беду тот факт, что в собственной семье он ни с кем, кроме Марио, не в состоянии выстроить подлинное общение. «Джим позже говорил Джозель, что просто не представляет, как ему говорить с обоими своими нормальными сыновьями без присутствия и посредничества матери. Орину невозможно было заткнуть рот, а Хэл был настолько замкнут в присутствии Джима, что тишина была невыносимой» [Ibid. Р. 743]. Показательно, что именно мать – воплощенный язык как символ, «черная дыра человеческого внимания», по едкому определению Орина [Ibid. Р. 521], – способна обеспечивать видимость мира и любви в семье, постоянно оказываясь «посредником» между

ее членами, порождая иллюзию взаимопонимания во время семейных встреч, но глубокую неудовлетворенность каждого члена семьи в отдельности, когда те пытаются позже осмыслить ситуацию.

В результате все члены семьи в той или иной степени пытаются бороться с влиянием Эврил: Джим – дистанцированием физическим и моральным, Орин – уходом из дома при первой возможности и постоянными саркастическими замечаниями в ее адрес впоследствии, Хэл – обнаруживая все большую эмоциональную отчужденность. В контексте романа данное противостояние приобретает символическое значение борьбы не столько с конкретным персонифицированным воздействием матери, сколько с языком как таковым, стремления освободиться от его тиранического влияния. Джеймс в этом отношении действует наиболее радикально. Как кинорежиссер он сознательно делает большинство своих фильмов немymi. Слова не нужны, чтобы понять суть; подлинное, моральное воздействие на зрителя производится не словами. Значение, например, приобретает, тот факт, что один из своих ранних фильмов «Съезд теоретиков грамматики в Кембридже», в основе которого оказываются реальные лингвистические дебаты с участием Эврил, он также делает немым, добавляя технику «компьютерного искажения пропорций лиц при приближении камеры» [18. Р. 987]. Подобные решения открыто демонстрируют его восприятие происходящего: нормированный язык, за чистоту которого борется Эврил, не только не способен передать нечто действительно важное для понимания и заслуживающее того, чтобы к нему прислушаться, но и выступает чудовищным искажением человеческой сущности. Позже Джеймс неоднократно применяет другую технику, где, наоборот, дает возможность говорить всем участникам постановки сразу, отказываясь от деления действующих лиц в фильме на фигуры первого и второго плана и снова приводя тем самым зрителей в замешательство, поскольку «они никогда не могли уловить действительно значимые центральные сюжетобразующие диалоги» [Ibid. Р. 836]. Подобная техника также оказывается направлена на разрушение внешней логичности речевого потока, тем самым как бы упраздняя его через низведение до функции простого шума, где каждый голос «чертовски хорошо слышен» [Ibid. Р. 835], но к пониманию смысла происходящего это все равно не приводит.

Однако как язык составляет неотъемлемую часть человеческого существования, так и присутствие Эврил в жизни каждого члена семьи продолжает оставаться значимым, несмотря ни на что. Полностью разорвать эту связь никто не в состоянии: Джеймс глубоко переживает ее постоянные изменения, Орин продолжает к ней тянуться, подсознательно проецируя ее образ на каждую новую любовницу, Хэл неожиданно страстно защищает ее в разговорах с Орином. Она как будто околдовывает их помимо их воли. Вероятно, не случайно, создавая образ Эврил, автор использует атрибуты ведьмы, колдуньи: обращают на себя внимание ее традиционная шляпа на Хэллоуин, ее повышенная сексуальность, ее «нематериальность» – когда ее конкретное местонахождение на кампусе остается «неизвестным» даже

всеведущему повествователю; в конце концов, само ее имя, происходящее от французского слова «апрель», обретает значимость в связи с тем, что почти все ключевые события романа разворачиваются либо в ночь с 30 апреля на 1 мая – Вальпургиеву ночь, когда, по традиционным западным представлениям, силы ведьмы способны реализоваться в полную мощь, либо в начале ноября – месяце мертвых, когда темные силы выходят из убежища и получают власть над миром.

«Философия – есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта нашим языком», – писал Витгенштейн [19. С. 127]. В традиционном английском переводе, который читал и на который опирался Уоллес, здесь употреблено слово «bewitchment» [20. Р. 47] с узнаваемым корнем «witch» – ведьма, в результате чего английское слово воспринимается далеко не с такой же светлой коннотацией, как русское слово «зачаровывание». Очарование языка для англоговорящего Уоллеса – не доброе очарование, как и его Эврил – далеко не добрая волшебница. Это и приводит автора к одному из центральных идеологических заявлений в романе о том, что «смерть – всегда женского рода» [18. Р. 788], которое в данном контексте приобретает не столько заостренно гендерное, сколько абстрактно-философское звучание: женское начало в романе, персонифицируемое, прежде всего, в образе Эврил, представлено как вечно необходимое, очаровывающее, убаюкивающее, окружающее заботой, единственно незаменимое для продолжения жизни, но в то же время сковывающее, парализующее, жестко ограничивающее и тем самым омертвляющее, убивающее. Это и есть образ языка в витгенштейновском понимании. Язык – то, что делает человека человеком, его отличительная черта, свидетельство его интеллектуального и психического превосходства, тонкая, сложно организованная система, позволяющая осуществлять коммуникацию, развиваться и преобразовывать мир, но в то же время конечная, ограниченная система условных знаков, сводящая всю психологическую и духовную сложность мира к простым математическим уравнениям, отношениям тождества-не тождества, устанавливающая непреодолимые барьеры для познания и эмпатии, загоняющая человека в безнадежный круг тесного мира соллипсизма (в этом отношении красочен и символичен образ Эврил, осознавшей, что маленький Хэл съел кусок штукатурки: она беспомощно бежит по ей же самой искусственно созданному и ограниченному натянутыми веревками участку сада, будучи не в состоянии перешагнуть эту условную черту, за которой стоит ее сын, дотянуться до него, утешить его – до тех пор, пока этого не делает явившийся на крики сосед: все, относящееся к области этики, находится за границей языка и не может быть осуществлено с его помощью).

Таким образом, язык – это инструмент мощного воздействия, обладающий двоякой природой, причем уничтожающее начало в нем не менее, а скорее даже более сильно явлено, чем комфортно-умиротворяющее. Человек осознает силу языкового воздействия, как осознает ее Эврил, которая руководит «языковыми бунтами» в стране, не выходя с территории кампу-

са, или Крошка Юэл, который еще в детстве понимает, что, несмотря на свою физическую слабость, он легко может управлять здоровыми и сильными парнями в округе исключительно благодаря «своей способности к риторике» [18. Р. 810]. Но человек осознает и подавляющую, уничтожающую силу языка как еще одну «систему» в строго иерархичном и рационалистичном пространстве действительности. Последнее побуждает всех мыслящих нонконформистски на подсознательную борьбу с диктатом языка. Так, еще не осознавая происхождения, одноклассники Хэла в начале романа увязывают свою неудовлетворенность жизнью с неудовлетворенностью тем форматом выражения, который представляет для этого язык: «...вот мы сидим здесь, испытывая потребность в совершенно новых словах и терминах. “Фразы, придаточные предложения, порождающие модели, структуры, – говорит Трельч, снова вспоминая экзамен по прескриптивной грамматике, который все, кроме Хэла, хотели бы забыть навсегда. – Нам нужен новый инфлекционный тип грамматики”» [Ibid. Р. 100]. То есть школьники ощущают, что английский язык в его существующей форме неспособен выразить все многообразие чувств и эмоций и тем самым как будто полностью нивелирует сами эмоции. Ощущения Дона Гейтли в больнице после встречи с употребляющим много «сложных» слов призраком характеризуются как «своего рода лексическое насилие» [Ibid. Р. 832]. Одним из важных эпизодов в этом отношении оказывается безумная теория, которую озвучивает безымянный посетитель в приемной лечебницы: все видимое многообразие мира – это не более чем компьютерная иллюзия, намеренно создаваемая двадцатью шестью легко меняющими свою внешность заговорщиками-машинами для того, чтобы одурачить живых людей; последние на самом деле проводят всю жизнь неподвижно в четырех неизменных стенах, при этом веря, что они «ходят, едят, готовят, делают то то, то это» [Ibid. Р. 735]. Учитывая тот факт, что двадцать шесть – число букв в английском алфавите, становится понятен аллегорический смысл притчи: создавая видимость комфорта, усыпляя человеческую бдительность, подменяющий собой реальность язык держит человека в плену и отпускать не собирается ни при каких обстоятельствах.

Язык в романе, таким образом, предстает как орудие «системы», лишаящее человека свободы и возможности реализовать свое внутреннее живое «я». Показательно, что многие персонажи в эмоционально кульминационные моменты сюжетного развития осознают, что вместо того, чтобы отдаться непосредственному потоку чувств, сосредоточенно размышляют над вопросами лексики и орфографии: Хэл в приемной ректора, где решается его дальнейшая профессиональная судьба, подробно комментирует про себя речевую ошибку тренера [Ibid. Р. 6]; Дон в сцене расправы над его бывшим товарищем старательно вспоминает правописание слова «cruel» [Ibid. Р. 980]; Эврил собирается выписать для Марио словарные значения сложных слов из использованных ей в разговоре вместо того, чтобы взглядеться в реально вырисовывающуюся в этом разговоре проблему отношений внутри семьи [Ibid. Р. 767]. Таким образом, борьба цен-

тральных персонажей против «зачаровывания сознания языком» приобретает черты борьбы за обретение своего подлинно человеческого «я», истинную свободу, о которой так много рассуждают в романе.

Но трагический пафос произведения в конечном счете проистекает из финального признания автором и читателем справедливости утверждения Витгенштейна о том, что «вырваться за пределы языка» не представляется возможным: «Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен» [16. С. 245]. Уоллес разделяет мысль философа о том, что мы все находимся «в языке» как единственно возможной реальности. Оказаться в другой языковой игре по собственному выбору невозможно. Поэтому единственная отчаянная форма демонстрации протеста против подавления личности языковой «системой», остающаяся человеку в этой ситуации, – это замолчать, физически отказаться от использования языка. Подобное неконформистское решение уже предвосхищали немые фильмы Джеймса, о которых речь шла выше. По этому же пути двигаются и главные герои романа. Не случайно их молчание обрамляет роман в его сильных позициях: произведение начинается хронологическим предвосхищением финала – молчанием Хэла во время собеседования в университете Аризоны и заканчивается молчанием Дона, который в результате тяжелой травмы теряет способность говорить.

Дон Гейтли, в отличие от Хэла, не отличается выдающимися способностями, в частности лингвистическими, что и вынуждает его рано бросить школу. Его дальнейшая профессиональная деятельность также оказывается совсем не коммуникативно направлена: в криминальных кругах, где он вращается, он привыкает действовать почти исключительно физической силой. Тем не менее и в его жизни однажды наступает период духовного пробуждения, когда, решив покончить с наркотической зависимостью и начав посещать собрания анонимных алкоголиков и наркоманов, он осознает свое внутреннее перерождение. Этот процесс сопровождается все более глубоким пониманием других людей, причем характерно, что не столько благодаря вслушиванию в их речь, сколько зачастую вопреки тому, что говорится. Показателен, например, эпизод его разговора с Джоэль, когда во время ее долгой эмоциональной исповеди он просит ее «использовать поменьше слов» [18. Р. 535], как будто слова препятствуют настоящему пониманию. Но при этом он действительно способен понять ее проблемы, несмотря на обилие слов, чем и вызывает ее комментарий: «...а вы вовсе не непонятливы» [Ibidem].

Духовный прогресс Дона сопровождается развитием способности понимать сердцем, а не через логические рассуждения. Свой центральный этический поступок в романе – защиту обитателей приюта от нападения пьяных канадцев – он совершает, не размышляя, не рассуждая, но ощущая себя «частью чего-то большего, не поддающегося его контролю» [Ibid. Р. 612]: своеобразная витгенштейновская победа этики над логикой, то самое, что следует делать, не спрашивая. И символично, что именно после этого Дон в художественном мире романа навсегда замолкает: его молча-

ние, хотя на первый взгляд и вынужденное обстоятельствами – полученной травмой, становится знаком окончательного перехода на новый уровень развития – этический, где для речи нет места: согласно Витгенштейну «то, что существенно для мира, не может быть *сказано* в мире» [19. С. 302].

Практически то же самое, хотя и несколькими другими путями, происходит в романе с Хэлом. Его этический прогресс берет начало с того момента, когда он, преодолевая свою отчужденность и апатию, решает покончить с наркотиками и признается во всем Марио. На этом этапе поступок Хэла еще сопровождается речью, практически сливается с ней, являясь словесным признанием, но показательно, что Марио, который изначально в романе пребывает на более высоком уровне духовного развития, отмечает в первую очередь не то, о чем Хэл с ним говорил, а то, что он сделал: сам факт поступка, инициирования разговора, на который Хэл оказался способен.

После этого читатель замечает нарастающие изменения в поведении Хэла, которые в условном пространстве романа приобретают знаковые черты: у него появляется странная, не сходящая с лица улыбка, он демонстративно принимает горизонтальное положение в общей комнате вместо того, чтобы стоять прямо; прежде именно эти физические черты автор акцентировал в образе своего главного «этического» персонажа – Марио: его постоянную улыбку, неспособность стоять прямо. То есть, наделяя теперь этими характеристиками Хэла, Уоллес явно указывает на его внутреннее сближение с братом, на начавшееся внутреннее духовное изменение. Дальше большой хронологический эпизод в романе отсутствует, намеренно не освещается автором, и о результатах читателю предоставляется возможность судить лишь по первой главе романа, где почти год спустя мы видим Хэла в приемной университета, и он уже не говорит. Что с ним произошло за это время? Уоллес утверждал, что намеренно оставил этот вопрос открытым, чтобы читатель продолжал выбирать между несколькими возможными вариантами, намеки на которые прежде возникали в романе: Хэл мог попробовать особо сильный наркотик или посмотреть фатальный фильм, снятый его отцом, который приводит к полной утрате человеком воли и самосознания. Показательно, однако, что Хэл при этом продолжает прекрасно играть в теннис и логически мыслить, т.е. ни физическая координация у него не нарушена, ни умственного регресса не произошло; он именно только перестал говорить. По мнению Дж. Райерсона, происходящее – результат окончательной апатии и отчуждения, которые Хэл демонстрировал в последние годы обучения в академии [1], однако критик здесь полностью игнорирует процесс начавшегося перерождения, ясно показанный в последних главах романа. Мы же согласимся с мнением А. ден Далка, который, как нам кажется, вполне справедливо считает, что ситуация Хэла в данном случае является, напротив, свидетельством его прогрессирующего духовного развития [8. Р. 218]. Важно заметить, что он не просто не говорит, но не говорит на языке окружающих его. Читатель в данной главе романа вполне отчетливо слышит внутренний монолог Хэла, причем один из немногих – по-настоящему персонифицированный, преподнося-

мый читателю от первого лица (хотя на протяжении практически всего произведения это было отстраненное и обезличенное третье лицо), монолог стройный и логичный, в котором Хэл демонстрирует и свои интеллектуальные способности, и умение психологически верно судить об окружающих. Но в то время как сам Хэл полагает, что он вежливо и спокойно говорит с окружающими, те слышат лишь нечеловеческие звуки, наводящие на них ужас.

Витгенштейн в своей «Лекции об этике» утверждал, что этическое высказывание невозможно в силу своей сверхъестественной природы, и «если бы человек был способен написать настоящую книгу по этике, то эта книга, подобно взрыву, уничтожила бы все другие книги в мире» [16. С. 240]. Язык этики несовместим с человеческим языком, в пределах которого мы существуем. Поэтому, с точки зрения окружающих, «язык» Хэла чудовищен, так же как и в восприятии Хэла на протяжении описываемой сцены окружающие его люди и то, что они говорят, кажется абсолютно гротескным.

Таким образом, Уоллес вполне намеренно связывает в романе выход персонажей в этическую область духа с выходом «за пределы языка»: погружением в полное физическое молчание в случае Дона или переходом на другой, «нечеловеческий», язык в случае Хэла, что речью также не является. С отвлеченно-философской точки зрения этот порыв к истинной свободе и торжеству духа прекрасен. Однако с позиции реальных человеческих обстоятельств все выглядит далеко не так однозначно.

Уоллес сам характеризовал свой роман как «печальную книгу» [12. Р. 55]. «Речь идет о движении внутри заданных пределов и о том, можно выйти за эти пределы или нет», – пояснял он в другом месте [Ibid. Р. 71]. Прорыв в этическую сферу дает толчок внутреннему развитию человека, но внешне, с точки зрения окружающих, практически превращает человека в чудовище. На это трагическое противоречие намного раньше обратил внимание С. Кьеркегор, утверждавший в работе «Страх и трепет», что поведение «рыцаря веры» с точки зрения обыкновенной человеческой морали возмутительно [21. С. 102]. Концепция героев Уоллеса как новых «рыцарей веры» довольно подробно проанализирована в статье А. ден Далка «Преодолевая бесконечную эстетическую иронию» [7]. Действительно, многое в поведении главных персонажей романа напоминает «путь веры» в трактовке Кьеркегора, однако финальный отрыв от мира окружающих людей и его поведенческих норм все четче обретает черты непреодолимой пропасти: Хэл на собеседовании ведет себя как дикое животное, которое приходится умирять; Дон и в своих, и в чужих воспоминаниях в финальных сценах романа предстает как разрушитель жизни тех, с кем пересекались его пути. Если библейский Авраам, чей пример рассматривает Кьеркегор, к счастью, так и не получил возможности совершить реальное убийство сына и остался, таким образом, в пределах человеческой этики, сохранив и сына, и уважение соплеменников, то герои Уоллеса, делая шаг в молчание, с нормальной «человеческой» практикой порывают, оказываются окончательно «по ту сторону» без возможности обратного пути. Харак-

терно, что для самих героев в этом новом состоянии нет, по большому счету, ничего радостного. Так, Дон, например, воспринимает его как «немоту из ночных кошмаров» [18. Р. 818] и в результате чувствует себя «бессловесным и бессильным» [Ibid. Р. 827]. Подобное «этическое» состояние характеризуется автором как «кажущееся абсолютно свободным, но невероятно одинокое»: «Или это откровение высшей истины о сущности трезвости и смерти?» [Ibid. Р. 833]. Достигнутое внутреннее просветление приводит к ясности взгляда, верности суждений, осознанию персонажами несостоятельности своей прежней асоциальной линии поведения и переходу на более высокий духовный уровень развития, на котором становится возможным не только освобождение от личных пагубных привычек, но и совершение подлинно этического поступка: самопожертвования во имя людей. Но одновременно с этим приходит и осознание невозможности что-либо существенно изменить в мире – в первую очередь из-за невозможности поделиться своим новым знанием с окружающими, утери общего языка. Возможно, именно это имеет в виду Хэл, когда восклицает: «Слишком поздно!», откапывая голову умершего отца, настоящее общение с которым для него так и не состоялось именно из-за разности их «языков». Это чувствует и Дон, пробуждаясь в финале в абсолютном одиночестве на пустом берегу: утро наступило, но радости и оптимизма, тем не менее, не принесло.

Здесь отчетливо проявляется философская позиция Уоллеса, напоминающая одинокий героический стоицизм в мире, где этическая позиция равнозначна отказу от нормальной человеческой жизни, «онтологическому уничтожению» [Ibid. Р. 689] и потому неизменно трагична. Однако осознание этой трагичности не умаляет внутренней значимости совершаемого личного выбора. Не случайно Уоллес так любил Камю [14. Р. 180]. Пафос Уоллеса близок утверждению французского философа о необходимости совершения этического выбора – не ради результата, а ради самого выбора, позволяющего реализовать истинно человеческое начало в человеке. Этот же пафос обнаруживается и у Витгенштейна, когда свою лекцию об этике он заключает словами о том, что словесная невыразимость этического не означает необходимости его упразднения и что лично он, вполне закономерно, не может перестать глубоко уважать стремление человеческого сознания вырваться за установленные пределы [16. С. 245].

Таким образом, выход в сферу этики как выход за пределы языка становится тем базовым положением, которое Уоллес кладет в основу своего философского романа, пытаясь, как до него другой американский писатель – Д. Марксон в романе «Любовница Витгенштейна», представить реальные последствия жизни в «трактатололизованном мире» [17. Р. 219]. Но если финальное молчание героини Марксона, как было показано в более ранней статье [22], несет в себе залог обновления и возрождения подлинно бытийного начала в человеке (и в этом смысле финал романа Марксона более ориентирован на Хайдеггера, чем Витгенштейна – через преодоление позиции последнего), то Д.Ф. Уоллес в своем романе до конца продолжает оставаться в рамках витгенштейновского подхода, в соответствии

с которым выход в сферу этики через преодоление границ языка вызывает сам по себе глубокое уважение, но одновременно приводит к искажению человеческого облика, и потому последствия подобного акта остаются необратимо «печальными».

Литература

1. Kelly A. Development Through Dialogue: David Foster Wallace and the Novel of Ideas // *Studies in the Novel*. Vol. 44, № 3. David Foster Wallace: Part 1 (fall 2012). P. 267–283.
2. Ryerson J. Philosophical Sweep. URL: http://www.slate.com/articles/arts/culture-box/2010/12/philosophical_sweep.html (дата обращения: 12.09.2018).
3. Bennett A. Inside David Foster Wallace's Head: Attention, Loneliness, Suicide, and the Other Side of Boredom // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 69–83.
4. Агеносов В.В. Избранные труды и воспоминания. М. : АИРО-XXI, 2012. 704 с.
5. *Gesturing toward reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. 284 p.
6. *Freedom and Self: Essays on the Philosophy of David Foster Wallace* / ed. by S.M. Cahn and M. Eckert. New York: Columbia University Press, 2015. 179 p.
7. Dulk A. den. Beyond Endless “Aesthetic” Irony: a Comparison of the Irony Critique of Søren Kierkegaard and David Foster Wallace’s “Infinite Jest” // *Studies in the Novel*. Vol. 44. No.3. David Foster Wallace: Part 1 (fall 2012). P. 325–345.
8. Dulk A. den. Good Faith and Sincerity: Sartrean Virtues of Self-Becoming in David Foster Wallace’s *Infinite Jest* // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 199–220.
9. Tracey T. The formative years: David Foster Wallace’s Philosophical Influences and *The Broom of the System* // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 157–175.
10. Bolger R.K. A Less “Bullshitty” Way to Live: the Pragmatic Spirituality of David Foster Wallace // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 31–51.
11. Vermeule B. The Terrible Master: David Foster Wallace and the Suffering of Consciousness (with guest Arthur Schopenhauer) // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 103–120.
12. *Conversations with David Foster Wallace* / ed. by S.J. Burn. Jackson : University Press of Mississippi, 2012. 181 p.
13. Baskin J. Untrendy Problems: *The Pale King*’s Philosophical Inspirations // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 141–156.
14. Ramal R. Beyond Philosophy: David Foster Wallace on Literature, Wittgenstein, and the Dangers of Theorizing // *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy* / ed. by R.K. Bolger and S. Korb. New York : Bloomsbury, 2014. P. 177–198.
15. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1 / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. 612 с.
16. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. 1989. М., 1989. С. 238–245.
17. Wallace D.F. The Empty Plenum: David Markson’s ‘Wittgenstein’s Mistress’ // *Review of Contemporary Fiction*. 1998. Iss. 8.3. P. 217–239.
18. Wallace D.F. *Infinite Jest*. New York : Back Bay Books, Little, Brown and Company, 2006. 1079 p.
19. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / пер. с англ. ; сост. В.П. Руднева. М. : Прогресс : Культура, 1993. 352 с.

20. Wittgenstein L. Philosophical Investigations / transl. by G.E.M. Anscombe. Oxford : Basil Blackwell, 1986. 250 p.

21. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. М. : Республика, 1993. 383 с.

22. Никулина А.К. От Витгенштейна до Хайдеггера: философский роман Дэвида Марксона «Любовница Витгенштейна» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 177–188.

“To Run Against the Boundaries of Language”: Speech and Silence in David Foster Wallace’s *Infinite Jest*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 235–249. DOI: 10.17223/19986645/63/13

Alla K. Nikulina, M. Aknullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russian Federation). E-mail: alla_nikulina@mail.ru

Keywords: David Foster Wallace, philosophical novel, *Infinite Jest*, Wittgenstein, language, ethics.

The article deals with the opposition of speech and silence as one of the basic conflicts in David Foster Wallace’s *Infinite Jest*. The author of the philosophical novel resorts to Wittgenstein’s concept of language as representation of material “facts”. But the ethical does not belong to the factual sphere and, as a result, cannot be expressed with the help of linguistic means; so “whereof one cannot speak, thereof one must be silent”. The language in the novel is treated as a characteristic property of a human being, its distinctive feature, an elaborate system of signs, allowing people to connect with each other through verbal communication and impact the surrounding world; but at the same time, it appears as a finite and artificial construction that oversimplifies the psychological and spiritual complexity of reality, reducing it to primitive mathematical and logical operations, putting impassable barriers in the way of cognition and empathy, and forcing a person into a tight corner of solipsism. The ambiguous power of language is compared in the novel with female nature, comfortable and soothing but stifling at the same time. The idea is manifested primarily in the character of Avril Incandenza, whose “bewitchment” turns into the compelling force that other characters in the novel have to fight against. Consequently, the inner spiritual progress that the characters achieve in the novel is symbolically represented as penetrating the boundaries of language and falling into silence. Silence in the novel becomes a new type of ethical language that allows spiritually oriented people to communicate without resorting to conventional signs, like James Incandenza does with his son Mario or with the potential audience of his silent films. The main characters in the novel, Hal Incandenza and Don Gately, also find themselves speechless as a result of their dynamic development and spiritual progress. But what accompanies their new state is deep physical discomfort on their own part and lack of understanding on the part of those surrounding them. As the language of ethics, according to Wittgenstein, is incompatible with a common human language, the characters’ final leap into the ethical realm severs their ties with the world of “normal” people and makes further communication with them impossible. Thus, crossing the language barriers is viewed in the novel as an act allowing a person to achieve inner freedom and personal development but at the same time destroying one of the core essences of human nature, so that the results of the act remain irrevocably “sad”.

References

1. Kelly, A. (2012) Development Through Dialogue: David Foster Wallace and the Novel of Ideas. *Studies in the Novel*. 44 (3). David Foster Wallace: Part 1 (Fall). pp. 267–283.
2. Ryerson, J. (2010) *Philosophical Sweep*. [Online] Available from: http://www.slate.com/articles/arts/culturebox/2010/12/philosophical_sweep.html. (Accessed: 12.09.2018).
3. Bennett, A. (2014) Inside David Foster Wallace’s Head: Attention, Loneliness, Suicide, and the Other Side of Boredom. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 69–83.

4. Agenosov, V.V. (2012) *Izbrannyye trudy i vospominaniya* [Selected Works and Memories]. Moscow: AIRO-XXI.
5. Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) (2014) *Gesturing toward reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury.
6. Cahn, S.M. & Eckert, M. (eds) (2015) *Freedom and Self: Essays on the Philosophy of David Foster Wallace*. New York: Columbia University Press.
7. den Dulk, A. (2012) Beyond Endless “Aesthetic” Irony: a Comparison of the Irony Critique of Søren Kierkegaard and David Foster Wallace’s “Infinite Jest”. *Studies in the Novel*. 44 (3). David Foster Wallace: Part 1 (Fall). pp. 325–345.
8. Dulk, A. den. (2014) Good Faith and Sincerity: Sartrean Virtues of Self-Becoming in David Foster Wallace’s Infinite Jest. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 199–220.
9. Tracey, T. (2014) The formative years: David Foster Wallace’s Philosophical Influences and The Broom of the System. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 157–175.
10. Bolger, R.K. (2014) A Less “Bullshitty” Way to Live: the Pragmatic Spirituality of David Foster Wallace. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 31–51.
11. Vermeule, B. (2014) The Terrible Master: David Foster Wallace and the Suffering of Consciousness (With Guest Arthur Schopenhauer). IN: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 103–120.
12. Burn, S.J. (ed.) (2012) *Conversations with David Foster Wallace*. Jackson: University Press of Mississippi.
13. Baskin, J. (2014) Untrendy Problems: The Pale King’s Philosophical Inspirations. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 141–156.
14. Ramal, R. (2014) Beyond Philosophy: David Foster Wallace on Literature, Wittgenstein, and the Dangers of Theorizing. In: Bolger, R.K. & Korb, S. (eds) *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*. New York: Bloomsbury. pp. 177–198.
15. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis.
16. Wittgenstein, L. (1989) *Lektsiya ob etike* [Lecture on Ethics]. Translated from German. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik. 1989 – History of Philosophy Yearbook ’89*. pp. 238–245.
17. Wallace, D.F. (1998) The Empty Plenum: David Markson’s ‘Wittgenstein’s Mistress’. *Review of Contemporary Fiction*. 8.3. pp. 217–239.
18. Wallace, D.F. (2006) *Infinite Jest*. New York: Back Bay Books, Little, Brown and Company.
19. Rudneva, V.P. (1993) *Lyudvig Vitgenshteyn: chelovek i myslitel’* [Ludwig Wittgenstein: Man and Thinker]. Translated from English. Moscow: Progress: Kul’tura.
20. Wittgenstein, L. (1986) *Philosophical Investigations*. Translated from German by G.E.M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell.
21. Kierkegaard, S. (1993) *Strakh i trepet* [Fear and Awe]. Translated from Danish. Moscow: Respublika.
22. Nikulina, A.K. (2018) From Wittgenstein to Heidegger: David Markson’s Philosophical Novel Wittgenstein’s Mistress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 51. pp. 177–188. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/51/14

УДК 821.161.1.09-31+929Пастернак
DOI: 10.17223/19986645/63/14

Н.И. Павлова

ОБРАЗ МАРКЕЛА ЩАПОВА В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Рассматривается образ Маркела в системе персонажей-дворников и в родственном кругу Громеко – Живаго, частью которого он становится еще до революции. Выявлены особенности характера дворника, позволившие ему стать всецельным. Проанализированы все ключевые эпизоды с участием Щапова. Установлено, что в Маркеле воплотились черты взятых из жизни «героев» своего времени, представляющих немалую угрозу обществу. Обоснованы выводы, что Живаго сознательно не вступает в конфликт с бездарностью, оказавшейся у власти.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, «Доктор Живаго», персонажи-дворники, Маркел Щапов, характер, локус, мимикрия.

Характеры и судьбы людей из народа, оказавшихся в стихии революции и последовавших за ней событий, в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (далее – ДЖ) показаны так же широко, как и судьбы представителей интеллигенции. Особую группу «выходцев из простого народа» [1. С. 74] составляют дворники, весьма необходимые и незаменимые в дореволюционной России работники: они следили за порядком на отведенной им территории, помогали жильцам, постовым и околоточным. В романе Пастернака эти функции выполняют Гимазетдин, Филат, Фатима Галиуллина, дворник с рогожею и Маркел. В их отношении к труду, к окружающим людям, в оценке происходящего проявляются личностные и общественно значимые черты их характера. Маркела Щапова отличает «не просто стереотип поведения, а соотнесенная с ним осознанная жизненная позиция» [2. С. 253].

В пастернаковедении нет монографических исследований, посвященных образу Маркела. Отдельные работы [3–5] дают представление о нем как о «холопе, ставшем хозяином», «уплотнителе» [6. С. 17, 61], как «одном из самых узнаваемых представителей нового времени» [7. С. 163]. Между тем этот персонаж отражает в себе эпоху, в которой живет, – явления общественной жизни, нравы и быт. Более того, судьбу дворника Маркела можно описать фразой, характеризующей другого персонажа романа – Лаврентия Михайловича Кологривова, «сказочно далеко шагнувшего выходца из простого народа» [1. С. 74]. Из всех персонажей-дворников только Щапов вырастает до коменданта, что выделяет его. Фигурирует он и во всех ключевых событиях московского периода жизни доктора Живаго (похороны Анны Ивановны (1911), возвращение с фронта (1918), его отъезд с семьей на Урал (1918), возвращение в Москву (1922) и похороны (1929)). Именно поэтому

Маркел Щапов представляет интерес для исследования как в системе персонажей-дворников, так и «в родственном кругу» Громеко и Живаго, частью которого он стал еще до революции. В связи с вышесказанным считаем необходимым исследовать его роль в сюжете и композиции романа, выявить смысл противопоставления Юрию Живаго, что обуславливает цель настоящей статьи и ее актуальность. Мы руководствуемся методологией анализа, основанной на выявлении внутритекстовых и интертекстуальных связей, определяемых особенностями поэтики и композиции ДЖ: «фрагментарностью и калейдоскопичностью» повествования, «переключками и переходами одного элемента текста к другому, связанному с ним «отношениями параллелизма и контраста», а также причинно-следственными, метафорическими и метонимическими отношениями [8. С. 5, 7].

В системе персонажей-дворников Филат и «дворник с рогожею» не играют никакой роли в развитии сюжета. Однако в рамках конкретного эпизода оба обнаруживают важность своей профессии, столь необходимой для горожан, а в соположении с Маркелом углубляют отрицательные черты его личности. Очевидно, что Филат пользуется особым доверием, если ему препоручают ключи, просят «присматривать» за мастерскими, «пока суд да дело», кормить попугая и «наведываться» к мадам Гишар в гостиницу [1. С. 54]. У Филата своя система ценностей. Так, несмотря на то, что формально дворник, как и мастерицы, относится к категории забастовщиков, он, в отличие от них, не присоединяется к бастующим, не бросает на произвол судьбы хозяйку мастерских и ее дочь и провожает обеих «в другую часть Москвы» [Там же. С. 52]. В отличие от «дворника с рогожею», молча выполняющего свои обязанности слуги, Филат дважды обнаруживает свое положение маркированной фразой «Слушаюсь, барыня», но это не умаляет его достоинств: он далеко не холоп, о чем говорит его настойчивое разуверение мадам Гишар в том, что выстрелы не холостые. Он и не «дурачок», как она фамильярно называет его, в свойственной господам манере отдавая приказания дворнику: «Захватишь узлы», «присматривай тут», «не забывай», «наведывайся» [Там же. С. 54]. Действия Маркела в аналогичной ситуации отъезда семьи Живаго из Москвы выглядят неблагоприятно: его себлюбие и злопамятство на своих «бывших домовладельцев Громеко» привели к тому, что «надзор за комнатами и остающимся в них имуществом поручили» не ему, а «пожилой супружеской чете», в день же отъезда воспользовались «баснословными, копейки не стоившими» [Там же. С. 213] услугами извозчика. В положении Амалии Карловны, попавшей в силу своей беспомощности в зависимость от дворника-слуги, годы спустя оказывается и доктор, и сравнение ситуаций тоже не в пользу Щапова, почувствовавшего безусловное превосходство над Живаго.

Не влияет на ход событий в романе и Гимазетдин, и вряд ли автор стал бы вводить этот образ ради того, чтобы показать еще одну функцию дворников, которые до революции должны были разносить дрова по квартирам. То, что Гимазетдин доставил матери Тиверзина «вчерашний день» полный сарай хороших сухих березовых дров, — его благодарность Куприяну Саве-

льичу за Юсупку. Данный персонаж входит в роман как «дворник Гимазетдин с тиверзинского двора» [1. С. 31] – места, приковывающего пристальное внимание полиции: здесь «жили рабочие с железной дороги», ссыльнопоселенцы, их дети. В «тиверзинском дворе» формировалось и сознание Лары, близко видевшей здесь бедность и труд, и поэтому, по ее словам, ее отношение к революции иное, чем у Живаго. В этом дворе, по словам же Лары, выросли те мальчики, которые потом оказались в солдатах. В их числе и дворник Гимазетдин, в образе которого воплощается «весь простой народ с тех дворов и из таких же деревень» [Там же. С. 127]. У двора есть адрес – Брестская, двадцать восемь, дважды прозвучавший в романе из уст Лары, потрясенной неожиданной встречей с сыном дворника Гимазетдина Юсупом. Дворник Гимазетдин, таким образом, «приурочен» к определенному месту – локусу «тиверзинский двор», обладающему «психологической реальностью»: он ассоциативно отображает действительность и вызывает в сознании Лары яркие «чувственно-мыслительные представления» [9. С. 91]. Из этого пролетарского локуса выйдут люди, вершившие после революции судьбы: «отзывчивый» «белый генерал» Галиуллин, строгая и непримиримая к врагам председательница домкома Демина, некогда служившая «у Лары Гишаровой мамыши в мастерицах» [1. С. 203], Павел Антипов-Стрельников, способные «уничтожить во имя революционной справедливости» П.Ф. Антипов, ставший судьей, и член ревтрибунала Тиверзин [Там же. С. 405].

Фатима входит в художественное пространство романа в годы революции, и автору важно, на наш взгляд, показать не только типичность судьбы человека из народа, получившего привилегии от советской власти в виде двух светлых комнат на втором этаже. Каждая деталь ее биографии антиретична образу Маркела. Фатима относится к работе не просто добросовестно – дворничиха переживает, «что разложенной на квартиры повинности по уборке двора и улицы никто не соблюдает» [Там же. С. 201]. Она сохранила в себе человеческое достоинство (конфузится в присутствии «товарища Деминой»), не польстилась на продвижение по службе («взмолилась», чтобы ее не переводили «в управдомши»). Зная, кто такой доктор Живаго, не заискивает перед ним. Более того, именно ему она говорит о поступке своего сына, который «плохой дорожкой пошел»: выходец из учеников, из мастеровых, по мысли дворничихи, должен понимать, что «простой народ теперь много лучше стал», поэтому Бог не простит, что пошел против отца, пропавшего в солдатах, убитого, «да как, ни лица не оставили, ни рук, ни ног» [Там же. С. 203]. Человечность Фатимы подчеркивается ее желанием помочь доктору с пролеткой для перевозки больной. Как и ее муж, она «приурочена» к конкретному локусу – дому, которому присваивается «имя товарища Тиверзина, как проживавшего в данном доме до ссылки» [Там же]. Продолжая служить «тиверзинскому двору» вслед за убитым на войне мужем, Фатима объединяет в своем образе семейные ценности, хотя в романе о Галиуллиных как о семье не говорится. Об этом становится известно из уст Живаго, пораженного внешним сходством ма-

тери и сына. Рефлексия дворничихи (вздрогнула всем телом и побледнела, схватила доктора за руку, просила не губить ее) обнаруживает и чувства матери, и ее характер: она умеет справиться с волнением, найти в себе силы продолжать разговор. Так через судьбу дворника Гимазетдина, оказавшегося в числе многих персонажей романа в годы Первой мировой войны на фронте и погибшего от «немыслимо затянувшихся мучений» [1. С. 119], показана трагическая судьба персонажей, воплощающих конкретные народные типы в истории России начала XX в. А устами Фатимы выражается неприятие событий, происходящих в пределах одного государства: «Разве можно, чтобы господа против господ пошли?» [Там же. С. 203]. Друг против друга пошли и люди, выросшие в одном дворе, дружившие, спавшие в одном блиндаже.

Маркел противопоставляется персонажам своего круга прежде всего своим положением: он дворник состоятельной семьи Громеко. Щапов появляется не во дворе, как Гимазетдин, встречающий «господина» Тиверзина у ворот, не на собрании по «очищению дома», где с «теткой Фатимой» вполголоса беседует председательница, а в доме, куда его приглашают собрать «гардероб черного дерева» [Там же. С. 64]. Более того, он «привел с собой шестилетнюю дочь Маринку» [Там же], что говорит о его привилегированном положении в профессорском доме. Гимазетдин и Маркел вводятся в сюжет романа вместе с детьми, однако персонажей отличает их отношение к ним. Гимазетдин жалеет Юсупку – Маркел «напускается» на дочку: «Да не реви ты, ирод», «Утри сопли да ступай к мамке» [Там же. С. 65]. Оба дворника словоохотливы, однако Гимазетдин не перестает благодарить Тиверзина – Маркел позволяет себе поучать и упрекать упавшую на спину «матушку-барыню». Кажется, что «разошелся» не узел собираемого гардероба, а сам Маркел. Его разглагольствование о своей бывшей профессии перерастает в самовозвеличивание: «Вы не поверите, что этой мебели... через наши руки прошло...» [Там же. С. 65]. Работа дворника для Маркела даже унизительна, потому что его «природная статья столярная» [Там же]. Будучи скорее всего краснодеревщиком, он мог бы выгодно жениться, однако «партии в смысле богатых невест» проплыли, по его выражению, мимо носа, а «всему причина – питейная статья» [Там же]. Маркел, таким образом, появляется в сюжете в статусе дворника дома Громеко, локуса «образованных людей, хлебосолов и больших знатоков и любителей музыки» [Там же]. Дом Громеко – это и «место рождения трагедии» [8. С. 17]: Щапов становится косвенной причиной болезни и смерти матери Тони [10. С. 168], а собираемый им шкаф «ассоциативно замыкается» [11. С. 235] на смерти отца и сына Живаго. Мы полагаем, что «гардероб черного дерева» (курсив мой. – *Н.П.*), символизирующий аристократичность и роскошь, метонимически выражает и гибель сословия, свергнутого революцией. Маркел словно заживо хоронит и дочь Громеко – эмигрировавшую Антонину Александровну, бесцеремонно заявляя жене, что «Тоньки все равно как бы нету» [1. С. 476]. Дом Громеко в Сивцевом Вражке приобретает и характер «ментального феномена» [8. С. 90], в котором отрази-

лась судьба его хозяев: через год после революции они уже «бывшие домовладельцы Громеко», «бывшие Гарумековы» [1. С. 212, 213], в годы нэпа Юрий вынужден жить в комнатах и «полуразрушенных углах, по-разному нежилых и неудобных», потому что из-за высылки его семьи из России «закрепленные за доктором и его домашними комнаты были заселены, из вещей его собственных и его семьи ничего не оставалось» [Там же. С. 472], и оценку этому явлению дает не кто иной, как Маркел. «Тонька», по его выражению, «высланная», «опальная» [Там же. С. 635], а Юрию он без стеснения выговаривает: «Не надо было в Сибирь драть, дом в опасный час бросать. Сами виноваты. Вон мы всю эту голодуху, всю эту блокаду белую высидели, не пошатнулись, и целы. Сам на себя пеняй. Тоньку не сберег, по заграницам бродяжествует» [Там же. С. 475]. С разрушением локуса «дом Громеко» происходит перемена и в жизни дворника: «Он перевелся комендантом в Мучной городок» [Там же. С. 472], ассоциативно напоминающий некий хлебный рай. Примечательно, что все убранство его «старой дворничкой с земляным полом» составляют «проведенная вода», «огромная русская печь во всё помещение» и обеденный стол. Ни о каких духовных ценностях, ни о каком созидании родового гнезда речи нет, а безжизненность ее пространства подчеркивает отсутствие в дворничкой окон, этого «символа духовного откровения» человека с миром [10. С. 160]. Между тем сам Маркел уверен в своей компетентности, о чем говорит фрагмент белой рукописи, в котором Пастернак отмечает не только самоуверенность нового хозяина жизни, но и его амбициозность: называя Тоню «белой негритянкой», «он был убежден, что *все* это слово [белоземigrantка] перевирают по непониманию, и *только он один* исправляет их ошибки и употребляет его правильно» [1. С. 635] (курсив мой. – Н.П.).

Дом в Сивцевом Вражке становится местом, где «восстановление разрушенного» [Там же. С. 65] Маркелом возлагается на Юрия, который лечит Анну Ивановну «наложением рук» [Там же. С. 70]. И несмотря на то, что «с этого падения началось предрасположение Анны Ивановны к легочным заболеваниям» [Там же. С. 65], ей стало лучше на другой же день. Лексике со значением смерти в «наивном эпизоде» [11. С. 234] противостоят звучащие из уст Живаго слова Иоанна Богослова: «Смерти не будет» [1. С. 69]. Связанные причинно-следственными отношениями эпизоды обнаруживают несопоставимость нравственных ориентиров Живаго с жизненными принципами людей, несущими разрушение и смерть. В сцене похорон Анны Ивановны физическому состоянию Юрия – у него жар, бессонница, близкое к смерти, – противопоставлена физическая сила Маркела. Заметим, что Юрий «спит не проснется в дальнем углу, за высокими книжными полками, доходящими до *потолка*», а его *ищут* и не могут *доискаться*, что аллюзивно строкам Евангелия: «Что *ищете* Живаго с мертвыми? Он воскрес» (Лк. 24: 5–6), «Смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6: 9). В пространстве библиотеки дома Громеко Юрия *ищет* именно дворник Маркел, и *живым между мертвыми*, таким образом, оказывается Юрий Живаго.

Согласно православному обычаю вынос венков предшествует выносу тела. В сцене похорон эту функцию выполняет Щапов. Венки (лат. *согона*) в руках Маркела – предметная и символическая деталь, предвосхищающая его власть. Примечательно, что действия Маркела описываются не просто детально (надо тащить вниз на улицу венки, не может доискаться Юры, застрял в спальне) – им посвящена целая глава, что делает дворника безусловным героем в доме Громеко. Его физическая сила сродни богатырской удали, если он «одним ударом расправляется с образовавшимся препятствием» [1. С. 89].

Пастернак изменил характер своего персонажа в эпизоде похорон Анны Ивановны. В карандашной рукописи Маркел показан более человеческим: он переживает, чувствуя себя виноватым в ее смерти: «Все эти дни он пьян и все время *плачет*», «подымает шум и кутерьму» из-за того, что не может вынести самые крупные венки – «по несчастной случайности закрыт из нее [спальни] выход», «уперлась приоткрывшаяся дверца Аскольдовой могилы, *проклятого* гардероба, с которого начались все горести» [Там же. С. 575] (курсив мой. – *Н.П.*). Он так же силен, но в его действиях нет желания услужить господам: «Маркел колотит дверью комнаты в дверцу шкапа, пока не проваливает ее внутрь, и бегом в несколько приемов сносит венки вниз по лестнице» [Там же]. В окончательном варианте исключено даже его пьянство. Действия Маркела продуманны, лишены эмоций. Выражения «горою сложенные венки», «вниз по лестнице», «пошел в гору», связанные метонимическими отношениями «процесс – результат», обнаруживают прагматичный характер Маркела, физическая сила и расторопность которого станут залогом его роста в новых условиях жизни. Дом Громеко, таким образом, становится и «сюжетным локусом», «фрагментом пространства» (цит. по: [9. С. 89]), где дворник сначала проворно «сбегает с несколькими венками вниз по лестнице» [1. С. 89], а потом поднимается по лестнице карьерной.

Услужливость позволила Маркелу остаться при хозяевах в Сивцевом Вражке в годы Первой мировой и Гражданской войн, а при советской власти поступить на официальную службу дворника. Именно в этом качестве Маркел и встречает возвратившегося с фронта Юрия. Пастернак акцентирует внимание на новом облачении Щапова – жилетке поверх ситцевой рубахи и дворником картузе. Суть его, однако, не изменилась – те же хамоватость и воинственность, то же невежество простолюдина. Подобострастие Щапова напоминает поведение Гимазетдина: Маркел бежит от ворот к молодым господам и на бегу, сняв картуз, приветствует Юрия. Однако порядочности Гимазетдина, предупреждающего Тиверзина об опасности, противостоят подличанье и лицемерие Маркела.

Щапов по-своему неглуп: он четко дифференцирует в своей речи глаголы второго и третьего лица, передающие соответственно действия Юрия и Тони: «*Не дадут, смотри*, мне Антонина Александровна слово сказать, опять, *видишь, машут* ручкой» [Там же. С. 167] (курсив мой. – *Н.П.*). Маркел понимает и умеет оценить ситуацию и поэтому груб и прямолинеен

там, где не могут противостоять его хамству, заискивает перед теми, кого побаивается. Так, в присутствии молодых Живаго он «огрызается на любопытных», обругивает их: «Вылупили белки!», услужливо оберегает супругов от «достопочтенных» прохожих [1. С. 167]. Юрия подобострастно называет Юрочкой, соколиком, в свойственной ему манере фамильярничаает с ним, а в удобный момент наушничает на Антонину Александровну, перед которой трусит: «...серчают, слышал вот. И так завсегда» [Там же]. Чувствуя расположение Юрия, понимая, что у супругов может зайти разговор и о нем, дворник наносит превентивный удар – жалуется на нерасположение к нему Тони, воспроизводя на свой лад ее слова: «Говорят, ты, говорит, Маркел, весь черный изнутри, вот все равно как сажа в трубе» [Там же].

Непорядочность дворника подчеркивается многократно, однако именно в его желании исподтишка очернить Антонину Александровну обнажается его двуличие. Тоня строга с ним, не скрывает, что терпеть не может его «дурацкого тона», убеждена, что он старается угодить, лицемерит, прикидываясь бедным и несчастным ради своей выгоды. Не в ее характере мириться с хитростью, хамоватостью и развязностью Маркела, поэтому, даже зайдя домой, она не успокаивается, раздраженная его навязчивостью, и продолжает разговор, которым начинается новая глава: «Отстал наконец, отвязался. Ты верь ему, верь...» [Там же. С. 168]. Ничем не оправданные на первый взгляд «композиционные разрывы» С. Тюпа сравнивает с «цветаевскими межстрофными переносами» [12. С. 10] и объясняет их постоянно колеблющимся самоощущением Юрия. На наш взгляд, подобный прием композиции позволяет Пастернаку через степень эмоционального напряжения дальновидной Тони выразить суть Маркела и отношение представителей интеллигенции к новому общественному явлению, воплощенному в его образе: «При других всё дурачком, а сам втайне на всякий случай ножик точит. Да вот не решил еще, на кого, казанская сирота» [Там же. С. 167]. Юрий Андреевич, наоборот, держит себя с ним на равных: «Здравствуй, Маркел, давай обнимемся» [Там же]. Видя, что тот не просто бежит, а с дворничьим картузом в руке, добродушно говорит: «Да надень ты, чудака, картуз» [Там же]. В отличие от Тони, общающейся с Маркелом не один год и понявшей его социальную опасность, Юрий не вступает с ним в конфликт, склонен верить ему, а паясничанье объясняет пьянством. Маркел для него – часть его семейного круга, поэтому доктор руководствуется в своих поступках совестью, а не эмоциями Тони. Живаго же для дворника – чуждый ему мир интеллигенции, и при первой же возможности он найдет способ выместить свою обиду за нетерпимость Антонины Александровны и снисходительность Юрия Андреевича.

Обеспокоенность автора судьбой интеллигенции, ставшей после революции не только классовым, но и идеологическим врагом пришедшего к власти пролетариата, выражается в углублении противоречий между Живаго и Щаповым. Так, в контексте отъезда их семьи из Москвы становится известно о связи Маркела с милицией, которую он «избрал в качестве политического клуба» [Там же. С. 212]. Быстро сориентировавшийся в ситу-

ации, связанной с отношением новой власти к интеллигенции, Маркел сменил хозяев. Грамотный деловой стиль изложения его оговора свидетельствует о том, что Щапову помогли его составитель. «Он не жаловался, что бывшие домовладельцы Громеко пьют его кровь», а «задним числом упрекал их в том, что все прошедшие годы они держали его в темноте неведения, намеренно скрывая от него происхождение мира от обезьяны» [1. С. 212]. Маркел наверняка припомнил, как Антонина Александровна пеняла ему: «Темная ты личность, Маркел. Пора бы поумнеть» [Там же. С. 167]. Затаил Щапов обиду на Тоню и за то, что не ему препоручила она «надзор за комнатами и остающимся в них имуществом», не через него «пристраивала для сбыта старье, тряпки и ненужную мебель в обмен на дрова и картошку», не его «в последний раз водила по комнатам, показывала, какие ключи к каким замкам и куда что положено» [Там же. С. 211–212].

Беспринципности дворника, который даже после своего доноса вызывается нести вещи на вокзал и обижается, «что отвергают его помощь» [Там же. С. 212], противостоит совесть Тони по отношению к женщине, на попечение которой она оставляет дом. Чтобы не платить за ее одолжение черной неблагодарностью, Антонина Александровна одаривает ее своими вещами. Описывая состояние Щапова, всячески привлекающего к себе внимание своим скандальным поведением, автор снова использует точку зрения Тони, поскольку только она высказывает возмущение его поведением. Именно против нее и направлен донос Щапова, ставший, возможно, одной из причин высылки семьи Живаго из России. И годы спустя он не забудет своей обиды, презрительно называя эмигрировавшую жену Юрия Тонькой.

Донос Маркела обнаруживает в нем уже классового врага, это его осознанный шаг к продвижению по службе. Поступок дворника аллюзивен доносу Шарикова, обвинившего профессора в том, что тот «произносит контрреволюционные речи, даже Энгельса приказал своей социал-прислужнице... спалить в печке...» [13. С. 131]. Подобно Шарикову, Щапов получает полномочия управляющего, причем не заведующего в подотделе МКХ, а коменданта Мучного городка, позволившие ему «во время оно» не только остаться в Москве, но и спастись от ряда декретов и постановлений, принятых в первые годы советской власти, таких, например, как «О порядке реквизиции и обложении имущих классов» [1. С. 378]. Отказавшись от квартиры управляющего, полагавшейся ему «по условиям службы», Маркел процветает в своей дворничьей, где жарко от «дышавшего печного жара» и «туманившегося пара готовившегося варева», в то время как «городской быт все еще не налаживался» и «жильцы Мучного городка ходили неумытыми замарашками, страдали фурункулезом, зябли, простужались» [Там же. С. 473].

Повествование о Маркеле, данное в контексте описания вернувшегося в Москву Живаго, резко контрастирует с образом его жизни: «Маркел пошел в гору и в Сивцевом больше не обретался» – доктор «забросил медицину, превратился в неряху, перестал встречаться с знакомыми» [Там же. С. 472]; в

дворницкой «огромная русская печь во все помещение», действующий водопровод – у доктора «конец бывшей квартиры Свентицких», достояние которой «составили старая бездействовавшая ванная Свентицких, однооконная комната рядом с ней и покосившаяся кухня с полуобвалившимся и давшим осадку черным ходом» [1. С. 473]. «Чисто внешне» состояние доктора действительно «может быть воспринято как его постепенное падение и социальная деградация» [14. С. 368], однако доктор сознательно «забросил медицину», потому что не хотел приспособливаться и служить получившим перевес «темным силам “примазавшихся”, притворно сочувствующим» [1. С. 405], «новым идолам» [14. С. 367], представителем которых становится Маркел. Щапов, наоборот, «чисто внешне» мимикрировал: сменил дворницкий картуз на полномочия управляющего.

Прием ретардации и ретроспекции позволяет рассказать о жизни Маркела в те годы, когда хлеба давно не было в природе [1. С. 378]. Историю того голодного времени, когда «бесхлебье» «вон из городов погнало» [Там же. С. 311], хранит обеденный стол. На нем «во время оно» руки Маркела «кромсали, кроили, крошили и развешивали хлеб порционно жильцам городка» [Там же. С. 474]. Полномочия управляющего давали ему право распоряжаться и «хлебными купонами квартирантов» [Там же]. За этот стол на правах хозяина Щапов приглашает «покушать горячего» пришедшего за водой Юрия Андреевича. Поведение обедающих выражает отношение к главе семейства и Юрию Живаго и обнажает степень влияния на них Маркела, укоренившего в своих детях и зятях лакейство: его реплики поддерживаются, а желание доктора «кое-что постирать» вызывает смех.

Характер дворника в эпизоде «В дворницкой» по сравнению с черновыми набросками стал более агрессивным, даже зловещим. Так, Маркел чувствует себя полноправным хозяином не только по отношению к Живаго: Юрию он подыскивает «угол» «из милости», за водой к нему приходили лишь «те из жильцов, которых он к себе благоволил по тем или иным мотивам пускать» [Там же. С. 633], «сам он с женой перебрасывался замечаниями с водоносами, пока те стояли у крана, набирая воду»; во время водоношения доктор «разговаривал с девушками, защищавшими его от Маркеловых презрительных нападок» [Там же. С. 634]. В окончательной редакции показано всеисилие персонажа, наделенного особыми полномочиями, позволившими ему «выгородить» доктору «эту крайнюю долю квартиры», в то время как «от Юрия Андреевича шарахались в сторону, как от опасного знакомого» [Там же. С. 473].

События в дворницкой – один из важнейших фрагментов романа, в котором показана трагедия людей, воспитанных укладом жизни прошлого века, столкнувшихся лицом к лицу с представителем новой власти, это кульминация и одновременно развязка во взаимоотношениях Щапова и Живаго. Подобно тому, как «предельно чужд» Живаго «эксплицитно развернутый интерьер» дворницкой Маркела, «сводящий жилое пространство к пространству еды и отсылающий к катастрофической ситуации голода» [10. С. 162], Щапову ненавистен образ жизни и поведение чуждого ему по

духу Живаго. Зеркальная композиция двух сцен встреч персонажей позволяет увидеть духовную деградацию Маркела. Если в период революции и Гражданской войны дворнику было выгодно служить у господ, для которых он стал частью их жизни, что, однако, не помешало ему написать на них донос, то в годы советской власти появилась возможность расквитаться за все обиды. Будучи и от природы хамоватым, он становится еще более развязным: каждая реплика нового хозяина жизни звучит все унизительнее, едкая ирония переходит в оскорбление, соколик становится вороной, курицыным отродьем, Юрочка – раззявой, Антонина Александровна – Тонькой. Между тем Щапов сам выглядит вороной в павлиньих перьях, правда, значительность, которую он себе придает, вызывает у зятя уважение, что неудивительно, ведь он окружил себя людьми, живущими по принципу: «Ворон ворону глаз не выклюет». Так, зятья «стали удивляться» именно тому, что, узнав от тестя, «кто такой есть» Живаго, не верят. Маркел дважды повторяет это Живаго, словно пеняя ему, что тот сравнялся по своему социальному положению с бывшим дворником, дошел до такого состояния, что, будучи доктором, сам стирает и моет: «Сколько на тебя денег извели! Учился, учился, а какой толк?» [1. С. 475]. С высоты своего положения Маркел резюмирует никчемность существования Юрия Андреевича: «А нешто я тебе повинен, что ты не выдался» [Там же]. Однако Живаго сознательно не вступает в конфликт с Маркелом, понимая, что противостоять посредственности, оказавшейся у власти, практически невозможно. Будучи настоящим русским интеллигентом, Живаго остается самим собой, уступая место бездарности Щаповых, поскольку уже давно «считал себя и свою среду обреченными» [Там же. С. 182]. Воинствующей невежественности бывшего дворника, его грубой прямолинейности может противостоять только Марина. Громкий смех Щаповых, переданный лексическим повтором анафорического типа «За столом захохотали», «Опять за столом захохотали» [Там же. С. 475], прекращается только после того, как «Марина недовольным взором обвела своих, вспыхнула, что-то стала им выговаривать» [Там же]. В белой рукописи к главе 6 о ней сказано, что она «держалась своего мнения о Юрии Андреевиче. Ее взгляд на него отличался от того, что думали другие» [Там же. С. 635], хотя многого в нем она так и не поняла. Свое отношение Марина выражала, будучи еще шестилетним ребенком, когда «насусленно смотрела на отцову работу» [Там же. С. 64]. Внутренняя сила дочери Щапова заставляет его прислушиваться к ее мнению, принять ее выбор, хотя вряд ли Щапов считал Живаго выгодной партией. Конформизм Маркела проявляется и в том, что он соглашается на двоебрачие зятя.

Портрет Щапова завершает единственная фраза, обнаруживающая его присутствие на похоронах Юрия Андреевича. На скамью к дочери «присаживался отец, тихо всхлипывавший и оглушительно сморкавшийся Маркел» [Там же. С. 491]. Кажется, что он полон сочувствия рано овдовевшей дочери, однако нельзя не заметить, что, будучи всесильным, Маркел не принимает никакого участия в похоронах зятя. Совершенное бездействие

персонажа обнаруживает новую черту его характера – трусоватое смирение (присаживался, тихо всхлипывал), что объясняется присутствием человека, воплощающего власть. Очевидно и то, что не в характере Маркела оставаться без внимания: он «оглушительно» сморкается [1. С. 491]. На фоне тишины, нарушаемой только «чинными шагами на цыпочках и неосторожным шарканьем прощающихся», общего молчания, «рева голошения» Марины, вырывающегося помимо ее воли [Там же. С. 490], поведение Маркела выглядит не просто неестественно и невежественно, оно демонстрирует торжество посредственности. «Сморкается» на похоронах Анны Ивановны и Фуфков, что не без злорадства отмечают провожающие ее в последний путь, и это вызывает их раздражение. В сцене похорон Юрия Андреевича гиперболизированная автором звуковая деталь контрастна состоянию искренне горяющих и подчеркивает привычку Маркела выдвигать себя в центр событий.

Образ Маркела Щапова занимает весьма значимое место в романе Пастернака, посвященного судьбам людей в истории России начала XX в. Известно, что писатель «мыслит историю не столько фоном для повествования о человеке, сколько особой силой, во взаимодействии и в противоборстве с которой происходит (или не происходит) духовное становление» героев романа «и складываются их судьбы» [6. С. 7]. О духовном становлении дворника Маркела говорить не приходится, хотя, по словам Тони, живет он «не у лабазников» [1. С. 167]. Его не волнуют общественно значимые цели, он и не из тех, кого привлекают «провозглашенные революцией истины» [Там же. С. 473]. Физически сильный от природы, Щапов «богатырствует» не на фронте, зато пронырливость и наущничество выдвигают его в число людей, облеченных властью в годы революции. Осуждая «кабак и бедлант», который «развели» в стране, сам вскоре возглавит коммунальное хозяйство Мучного городка, однако вряд ли озадачится тем, почему «городской быт все еще не налаживался» [Там же]. В Маркеле воплотились черты «героев» своего времени, ловко приспособляющихся к новым условиям, но в этом «подлаживании» нет «удивительного перехода внутреннего во внешнее», собственного роста, как, например, в Л.М. Кологривове, нет и «выработки и рождения сознания» [Там же. С. 344], что представляет немалую угрозу обществу. Самовозвеличивание Маркелова переходит во всесилие, в торжество бездарности, столь ошутимое после смерти Юрия Живаго. Щапов лицемерен, трусоват, невежествен, агрессивен, озлоблен на тех, кто превосходит его по положению в обществе, уровню интеллекта и воспитания, что не мешает ему, однако, гордиться образованием своей дочери, понимающей «по-иностранному», называть ее «докторшей», сесть на похоронах рядом с горевавшими Дудоровым и Гордоном, явно не смущаясь тем, что не так давно выражал свое презрение Живаго. Тщательность работы Пастернака над данным образом, углубление отрицательных черт, проявляющихся в сравнении его с различными персонажами, говорят о том, насколько писатель обеспокоен судьбой людей, оказавшихся во власти Маркелова, страшных своей посредственностью и заурядностью.

Литература

1. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. М. : СЛОВО/SLOVO. 2004. Т. 4: Доктор Живаго.
2. Теория литературы : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т./ под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1 : Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М. : Академия, 2004. 512 с.
3. Куцаенко Д.О. Концепт истории как определяющий фактор генезиса персонажей в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 22 с.
4. Смирнов И.П. Роман тайн «Доктор Живаго». М. : Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
5. Судосева И.С., Тюпа В.И. Мотивика. Интерьеры. // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В.И. Тюпы. М., 2014. С. 250–263.
6. Поливанов К. «Доктор Живаго» как исторический роман : дис. ... д-ра филос. (PhD) по русской литературе. Тарту : University of Tartu Press, 2015. 262 с.
7. Павлова Н.И. Маркел Щапов: приемы создания персонажа и его функции в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. 2018. № 3. С. 158–168.
8. Буров С.Г. Полигенетичность художественного мира романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2011.
9. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2005. № 11. С. 87–94.
10. Судосева И.С. Поэтика интерьера в художественной прозе : дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 191 с.
11. Гаспаров Б.М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.
12. Тюпа В.И. Художественное целое. Архитектоника и композиция. // Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении / под ред. В.И. Тюпы. М., 2014. С. 7–40.
13. Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Голос, 1995. Т. 3. 464 с.
14. Бертнес Ю. Христианская тема в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 360–377.

The Image of Markel Shchapov in Boris Pasternak's Novel *Doctor Zhivago*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 250–263. DOI: 10.17223/19986645/63/14

Natalia I. Pavlova, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation). E-mail: pim60@mail.ru

Keywords: Boris Pasternak, *Doctor Zhivago*, yard-keeper characters, Markel Shchapov, character, locus, mimicry.

The article is devoted to the study of the image of Markel Shchapov, the most significant secondary character of Boris Pasternak's novel *Doctor Zhivago*. This image is considered in the system of yard-keeper characters as well as in comparison with Yuri Zhivago. The juxtaposition of the characters deepens the negative features of the personality of Markel, who prescribes himself undeserved significance, claiming a higher position in society. Strong by nature, he theorizes, but not at the front; his craftiness and tale-bearing promote him to people who were in authority during the revolution. Markel takes an active part in the development of the plot, he appears in all the key events of the Moscow period of the doctor's life. The belligerence, ignorance, and hypocrisy of Markel stand against the kindness and honesty of Zhivago, who returned from the war. The yard-keeper is far from being stupid, he understands

and knows how to assess the situation and is, therefore, rude and straightforward with the people who cannot resist his rudeness, though he tries to ingratiate himself with those who he himself is afraid of. The essence of the yard-keeper's character and the attitude of the intellectuals to the new social phenomenon, embodied in his image, are expressed by the prudent Tonya, whose adherence to principles provoked Shchapov to denunciation, which reveals him as a class enemy, a person who is consciously seeking promotion. Once he condemned the riots in the country during the revolution, but, during the NEP, Markel himself headed the municipal economy of Flour Town, the life of which, however, he did not adjust to. Events in the yard-keeper's lodge are the most important of the episodes, exposing the tragedy of people brought up according to the way of life of the previous century and faced with the representative of the new government. It is the culmination and the denouement in the relationship of Shchapov and Zhivago at the same time. In the description of the furniture of the yard-keeper's lodge, a special place is given to the dining table, the history of which keeps the past of the yard-keeper, who became omnipotent particularly in the hungry years. The behaviour of the diners expresses their attitude to the head of the family and Yuri Zhivago and reveals the degree of Markel's influence on them. Markel rooted servility in his children and sons-in-law. The portrait of Shchapov is concluded with the phrase, describing his behaviour at the funeral of Zhivago and at the same time revealing his cowardly humility and the habit of attracting attention to himself. The traits of the "heroes" of their time, deftly blending in and adjusting to the new conditions, are embodied in Markel. Having replaced the yard-keeper's cap by the administrator's powers, he still remained a dark, ignorant person. Markel's self-aggrandizement transforms into omnipotence, into the triumph of mediocrity, so meaningful after the death of Yuri Zhivago. The thoroughness of the work on this image, the deepening of the negative features that appear while comparing him with different characters suggest how much the writer is concerned about the fate of people who are in the power of the Markels, terrible for their mediocrity and ordinariness.

References

1. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy: v II t.* [Complete Works: In 11 Vols]. Vol. IV. Moscow: SLOVO/SLOVO.
2. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
3. Kutsayenko, D.O. (2011) *Kontsept istorii kak opredelyayushchiy faktor genezisa personazhey v romane B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago"* [The concept of history as a determining factor in the genesis of characters in B.L. Pasternak's "Doctor Zhivago"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar.
4. Smirnov, I.P. (1996) *Roman tayn "Doktor Zhivago"* ["Doctor Zhivago", a novel of mysteries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Sudoseva, I.S. & Tyupa, V.I. (2014) *Motivika. Inter'ery* [Motivics. Interiors]. In: Tyupa, V.I. (ed.) *Poetika "Doktora Zhivago" v narratologicheskom prochtenii* [Poetics of "Doctor Zhivago" in a narratological interpretation]. Moscow: Intrada. pp.250–263.
6. Polivanov, K. (2015) "Doktor Zhivago" kak istoricheskiy roman ["Doctor Zhivago" as a historical novel]. Philosophy Dr. (PhD) Diss. Tartu.
7. Pavlova, N.I. (2018) *Markel Shchapov: Techniques of Character Creation and Its Function in the Novel by B.L. Pasternak "Doctor Zhivago"*. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo un-ta. Filologicheskie nauki – Proceedings of Southern Federal University. Philology.* 3. pp. 158–168. (In Russian).
8. Burov, S.G. (2011) *Poligenetichnost' khudozhestvennogo mira romana B.L. Pasternaka "Doktor Zhivago"* [The polygenetics of the artistic world of B.L. Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. Abstract of Philology Dr. Diss. Stavropol.
9. Prokof'eva, V.Yu. (2005) *The category of space in the artistic refraction: locus and topos. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University.* 11. pp. 87–94. (In Russian).

10. Sudoseva, I.S. (2016) *Poetika inter'era v khudozhestvennoy proze* [Poetics of interior in fiction]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Gasparov, B.M. (1990) Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka "Doktor Zhivago" [Temporary counterpoint as the formative principle of Pasternak's novel "Doctor Zhivago"]. *Druzhba narodov*. 3. pp. 223–242.
12. Tyupa, V.I. (2014) Khudozhestvennoe tseloe. Arkhitektonika i kompozitsiya [The artistic whole. Architectonics and composition]. In: Tyupa, V.I. (ed.) *Poetika "Doktora Zhivago" v narratologicheskoy prochenii* [Poetics of "Doctor Zhivago" in narratological interpretation]. Moscow: Intrada. pp. 7–40.
13. Bulgakov, M.A. (1995) *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Vol. 3. Moscow: Golos. pp. 46–136.
14. Bertnes, Yu. (1994) Khristianskaya tema v romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago" [The Christian theme in the novel "Doctor Zhivago" by B. Pasternak]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 3. pp. 360–377.

UDC 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/63/15

Seung Moo Paik

**VALERY BRYUSOV'S *THE EARTH* AS AN EXPERIMENT
OF SCIENTIFIC POETRY**

*This paper describes that Bryusov's *The Earth* is a representative work of scientific poetry, and as such, any analysis or interpretation of this work must also adhere to the rules of scientific poetry. Bryusov believed that only the interaction of art and science is capable of manifesting modern culture, and the true function of art, the expansion of cognition, is achieved through scientific poetry; in other words, the convergence of these two fields forms an analogical relationship. The paper argues that *The Earth* develops a new cognitive methodology of scientific poetry that, while based on realistic concepts, also maintains an alternative perspective from reality.*

Keywords: scientific poetry, science fiction, symbolism, tragedy, eschatology, trans-boundary aesthetics.

Humans must leave Earth
in the next 200 years
if we want to survive
Stephen Hawking

1. Introduction

Valery Yakovlevich Bryusov (Валерий Яковлевич Брюсов) was one of the first theorists of symbolism and the first writers to craft works of symbolism in Russian literary history. Not only are his achievements far-reaching as a poet, playwright, novelist, literary theorist, publisher, translator, critic, and arguably other professions, but the general perceptions and evaluations of him are perhaps even more diverse. Despite laying the theoretical foundations for symbolism, Bryusov was careful not to fall into the trappings of dogma and mysticism, and while he did pave the way for the development of future symbolism, he chose not to walk the very path he established. The writer's conviction to avoid the trappings of symbolism alienated him, making him the subject of criticism from both schools of thought, that is, symbolists and critics of symbolism [1. P. 18]; however, Bryusov never balked or withdrew from his artistic ideology. For example, consider his declaration regarding his writing style: "I have never favored symbolism and I do not believe symbolism is the 'poetics of the future' as some fanatics say. My belief is that the poetics of symbolism bears a unique meaning regarding existence" [2. P. 29].

Bryusov opposed symbolistic excess as he believed it corrodes life and art, by opposing other symbolists who attempted to signify art as religious mysti-

cism or to erase any trace of reality by over-saturating life with art. By embracing the mantra “symbolism longed to be art and was always art” [2. P. 200] as his creed, he attempted to limit the scope of symbolism to only the domain of art. As his confession makes clear, “Although I am a symbolist, unfortunately, I am not a real symbolist” [1. P. 18]. Bryusov, stood on the border that divides symbolism, differing slightly with the tendencies of symbolism, yet, on the other hand, he crossed many other boundaries to integrate all characteristics of symbolism into his work.

Bryusov's career as a playwright makes his tendency to embrace symbolist views clear. *The Earth* (Земля, 1904) plainly shows the writer to be a man standing on the border of symbolism, which is obvious from the fact that the work is a science fiction play based on both scientific knowledge and the power of prediction. *The Earth* is rich with controversial and experimental ambivalence crossing the boundaries of symbolism, which emerge in opposition to scientific positivism combined with scientific imagination, confrontation between symbolists and humanists, and a subtle mix of hope and despair.

The purposefully ambivalent nature of the play has left the scholarship of the work divided in opinion. Of *The Earth*'s finale Brodskaya said, “the death of the liberator is a reference to a praiseworthy and longed for moment for symbolists, namely a moment of sublime happiness on the eve of global integration and destruction” [3. P. 39], and the finale emphasizes the symbolic nature of the play. However, as the current work will show, it may be too much to say that *The Earth* represents symbolistic eschatology. In opposition to Brodskaya, Strashkova claims *The Earth* expresses “the hope that the Earth will achieve a new height of civilization” [4. P. 14]. Such an optimistic conclusion is also doubtful. Gerasimov, who best captures the true essence of the playwright's work, mentions the science fiction aspects of *The Earth* in his paper, “Bryusov's Science Fiction”, but even here does not fully identify the core principles of the play, such as the characters' personalities and the conflict structure. In addition to an analysis of *The Earth*'s characters and genre, the current work argues that Bryusov's *boundary crossing aesthetics* defines his creative principles, which the writer realized as his own novel creation, namely, *scientific poetry* (Научная поэзия).

2. Triangle of Contradiction: Nevatl', Teopikski, and Teotl'

The play is set in an underground city many centuries in the future, where the human race has created a subterranean artificial environment due to an oxygen depletion of unknown origins. Additionally, a water shortage occurs as a vast reservoir supplying water begins to run dry, and the play opens with this background of humanity plunging towards their own destruction.

The human race, taking refuge underground, possesses advanced technical skills, and, although they capable of exception scientific feats, such as artificial oxygen production through chemical engineering, sophisticated architecture in the form of multi-storied underground living areas, and mechanical engineering that can encapsulate their entire society beneath a massive roof-feats well be-

yond the reach of the early 20th century, the level of civilization found in this underground world, hidden from the sun, has regressed much further into the past. Rather than overcoming crisis or making crisis a new opportunity to excel, this subterranean humanity has reverted back to a bygone era of undemocratic “enslavement” (“рабство”) [5. P. 70] under the dictatorship of the Consul. The space is described as a bleak living area, much like an ant hill. The roof of the city isolates its people and resembles a glass coffin housing corpses [6. P. 150]. Above all, historical degeneration is prominent as the achievements of human civilization, such as democracy, learning, and art, have all but vanished; in a place where the primary goal for each day is survival, there is no room for such pursuits. The reason being that “the fatal emotional feeling known as meaninglessness and the end of existence suffocates the human desire to feel, work, and reason” [7. P. 136]. To Bryusov, the destruction of culture and art was death itself. Political setbacks and the absence of artistic development, in juxtaposition to excellent scientific and technological progress, make it clear that such a complete imbalance in the world and life results in disharmony.

With the setting firmly in place, the two leaders, Teopikski and Teotl’, engage in an ideological struggle throughout the narrative. Fierce debates rage based on the means by which destruction might be realized, and these are the key topics that populate the first half of *The Earth*. While the story of *The Earth* unfolds in an abstract space and time designed by symbolism, the characters and actions do not adhere to the conventional formula of symbolism, but rather function in a manner of opposition or betrayal. The fuse of these two characters’ conflict is lit by the appearance of Nevatl’, the messenger of hope.

2.1. Ideological confrontation between Teotl’ and Teopikski

With the backdrop of impending doom firmly established, Nevatl’, the first of his people to see the Sun with his own eyes, appears and proposes that the roof be opened and that the people should return to the surface to live as the ancients lived, those who had worshiped the Sun. Without hesitation, Teopikski agrees with and actively supports Nevatl’ because he believes he has found a way to realize the end of humankind in the form of Nevatl’'s grand proposal. At this juncture, the mindset of Teopikski, a man who seeks a dignified end for humankind, and the mindset of Teotl’, leader of the Order of Liberators (“Орден освободителей”) who defines life itself as indignity, mark a clear divergence in motivation. Despite ultimately working toward the same result, the end of times, the ideological and philosophical chasm that separates these two characters is vast. This difference lends the power of suspense to the play and provides the driving force behind the plot all the way to the end.

Teotl’ rejects all reasonable judgment or historical progress owing to a deep belief in decadent eschatology. This character believes death is the only way to escape all irrationality and fault, and it is his mission to help humankind free itself of the confines of life through death: “Death and darkness are two great principles. < . . > The love of death calms all souls and all men become utterly obedient to that love!” [5. P. 85].

Teotl's exaltation of a decadent death is an ideological disposition commonly seen in the works of early symbolists. These artists, who yearned for a transcendental world to replace the injustices of the real world and who were deeply immersed in religious mysticism rather than intellectual rationalism, thought death was an inevitable phase and fate leading the human race toward symbolistic purification and rehabilitation, and, as mortal beings, these symbolists revered death as an absolute truth that cannot be denied. Similarly, Teotl' rejects all aspects of life and claims that death, which ends all irrationalities, is the optimal state when compared to the difficulties and pointlessness that infest life. People are unable to embrace the freedom of death due to fear and ignorance, and ultimately, they are doomed to inherit and repeat a life of suffering and shame for all time. As such, Teotl' invokes the rite of massacre by organizing his Order of Liberators as a means by which to "liberate" the people from their state of timidity and ignorance. Therefore, Nevatl' provides a fitting end for all of humankind in which the prophecy of the liberator—death—might be realized, and this collective initiation rite forms a passage of eternal peace for all people.

On the other hand, although the character Teopikski shares a common goal with Teotl', as he too wishes to hasten the destruction of humankind by misleading Nevatl', his perception of reality and worldview is in stark contrast to that of Teotl'. First, consider Teopikski's historical philosophy which comments on the historical ontology of humankind: "We are intellectual beings of Earth and are standing on the edge. Thousands of years of history have passed, but we are essentially frozen in prehistoric times. < . . . > The super humans, who our ancestors longed for, never came. Humankind has remained merely human" [5. P. 80].

According to Teopikski, humans play the role of mediator linking the heavens and the earth. Although the history of humankind is a journey of procession to ascend to divinity with the help of some super human race, humankind lost this opportunity to advance and ultimately never evolved beyond the level of prehistory. However, despite such a failure, Teopikski claims the dignity and value of humanity must never be compromised. This is where the character's humanistic perspective of humankind being the metric by which all creation is evaluated reveals itself: "If I mean anything to you, fulfill my only dying wish: 'Stay human.' < . . . > If only a single person proudly shouts 'It is I' knowing fully of their own greatness in the face of immortality, then, believe me, the Earth will survive!" [Ibid. P. 70].

While Teotl' views life as something that has always been and always will be irrational, believing that happiness is nothing more than a "fairy tale" ("сказка") [Ibid. P. 79], Teopikski acknowledges the impressive achievements made by our ancestors and demands that such achievement be respected and recorded as significant, additionally claiming that the dignity and value of human life must never be forgotten. Based on such awareness of reality, Teopikski's alternative perspective on the final days of humankind is thus derived:

Just as the Earth's animals and birds perished, so too will humanity. It is a truly pitiful and detestable end! The only thing I want is to save people from indignity [Ibid. P. 82].

Humanity can be saved with one swift motion. Yes, humanity will not perish like abandoned corpses and decaying debris. Let us fire up the funeral firewood! The primary duty fate passed on to man is to become the executioner! [5. P. 83].

For Teopikski, for humanity to accept their pitiful end complacently is an indignity; the character dreams of a realistic alternative where we voluntarily become our own executioners and honorably face our demise. Teotl's goal is to discard the deception of life and leap to his eternal death, while, on the other hand, the goal of Teopikski is to fight against the destructive power of death and secure eternal life; a collective mercy-killing is the only way to save humankind from indignity. The following table summarizes the contrasting ideas of these characters who form a clear dichotomy of "destruction for the sake of life" and "destruction for the sake of death":

	Teopikski	Teotl'
Goal	Eternal life	Eternal death
Diagnosis of Reality	Eventual indignity	Inevitable indignity
Duty of Humanity	To elevate humankind	To become the destroyer in the name of natural law
Realization Method	Transfer of knowledge	the Order of Liberators
Origin of the Universe	The Sun which is the power of creation and development	Death and darkness which are the two great principles
Classification of Death	Destruction of life	Liberation from life
View of History	Progressive	Retrogressive
View of Humanity	Emphasis on individuals and individuality	Emphasis on anonymous multitude with erased individuality
Alternative	Collective mercy-killing	Acceptance of death-savior

Although the two characters, who are clearly in mutual opposition in terms of their views on the cosmos and humanity, maintain a palpable conflict through the play as the physical manifestations of life and death, the composition of their conflict begins to dissolve in Act 3. Here, Teopikski and Teotl', obvious mortal enemies, come to the same conclusion regarding "the end of humankind". Teopikski favors the destruction of man when the same character had previously advocated humanity and human history, the foil to Teotl's terrible admiration of death. This shift in attitude plays a crucial role in the conflict structure of Bryusov's play, which comments on the fate of the Earth. As Teopikski professes to ignite the funeral pyre under the influence of Nevatl's claims, Nevatl' then quickly rises as a symbol of hope, and the people's attention turns to him.

Teopikski, depicted as being delusional, and Teotl' stand on opposite sides of the same spectrum, yet they ultimately arrive at the same conclusion, albeit for different reasons. Teopikski's commanding voice demands the people become the "executioners" of humankind and "raise the sword of ancestral rite that will slay your brothers", which is not terribly different from Teotl's own demands.

The collapse of the initial, tense conflict structure between the two characters, present through Act 2, is the destruction of the conventional (in particular, the destruction of “unity of action”) which is impossible to view as traditional dramaturgy. Along with the suppression of the struggle between good and evil and an awakening to the “plurality of truths”, this alignment of Teopiksi’s and Teotl’s goals is the product of a *boundary crossing* or *boundary suppressing* experiment which Bryusov sought at the time:

There are many truths. Those truths can also contradict each other. < . . . > My dream is to become the temple where all gods gather. Let us pray day and night to both Mitra and Adonis, and to both Christ and the Devil as well. “I” am the center point where all differences cease to exist and all boundaries dissolve away [8. P. 77].

Teopiksi and Teotl’, in spite of their opposing ideologies, reach the same conclusion, which then leads to an unconventional unfolding of the core conflict transferring to Nevatl’, and this in turn demonstrates Bryusov’s *boundary crossing* exploration that defies traditional symbolism. The playwright becomes a limitless house of coexistence for all gods by simultaneously summoning Christ and the Devil to his body.

2.2. Is Nevatl’ the messenger of hope?

Teopiksi, a symbol of intellect and learning, ultimately aligns himself with the pessimism of the strict eschatologist, Teotl’, and turns the foundation of the play’s conflict structure on its head. As the downfall of humanity waxes, the confrontational structure of good and evil wanes, and starting in Act 4, Nevatl’’s personal journey rises as the main thread in the story’s plot. After the emergence of Nevatl’, the play’s structure, previously based on a confrontation between good and evil substantiated by Teopiksi’s humanitarianism and Teotl’’s decadence, is then reborn as an ontological discussion on destruction and rehabilitation. Interestingly, Nevatl’, the only hope for human survival in the face of impending doom, stands in a position of power laughably weaker than the dramatic strength wielded by Teopiksi or Teotl’. Observe Nevatl’’s first realization of the reality of the situation:

We are one step away from extinction. The human race cease to be after our children’s generation. < . . . > We have covered the sky with a roof, installed artificial lights to compensate for the lack of a sun, and are breathing artificial air instead of free air. Our life has become a grotesque monster, and everything has been upturned and distorted [5. P. 82].

Nevatl’’s perception of reality is not so different from Teopiksi’s. According to Nevatl’, the human species has already reached a state of mental and physical collapse. What separates these two characters, however, is how they choose to respond to their inevitable future. To prevail over this so-called mon-

ster-like grotesque life, Nevatl' walks the path of the hero and sets out on an adventure, cradling the only remaining hope. This type of character, who embraces challenge, is rare among the works of symbolists, who instead view death as incapable and hope as futile. Humanity's collective suicide seems all but certain, yet there remains a slight chance for hope [9. P. 435]. As Act 4 makes plain, however, this hero may not be up to the task, as Nevatl''s message of hope is denounced as merely reckless heroics and his dramatic role only fuels the determination of Teopikski to fulfill his plan. This act solely centers on Nevatl', and, through his meeting with Tlan and the Consul, Nevatl' reveals his inadequacy as the savior of humanity not only in character but also in philosophy.

The moment Nevatl' meets Tlan, the young lady rebukes our hero for his untimely delusions of grandeur. Nevatl' dismisses this remonstrance by saying that people's admiration and praise mean nothing to him because loneliness is an innate part of his being. Although the young man had assumed that his own pessimism was overcome by the passion of the lover's relationship, witnessing the vastness of the universe convinces him of the triviality of such love, and he claims that passion and love are no longer of any interest to him, being overshadowed by his new goal of saving humanity. In response to Nevatl''s logic, which discards love for the sake of salvation, Tlan responds by saying that it is a fallacy to attempt to save the human race when you are incapable of love:

Ahh! How lifeless are your words! This must be how you impressed the mob! You are going to preach of life? You should cure your own disease first! < . . . > When the people follow you, what will they do in your new Eden? If that place is only filled with unearthliness, devoid of love, anger, or despair, then we have no need for that kind of life. Rather than the Earth becoming an asexual ghost in the universe, it would be better to simply disappear! [5. P. 89].

This scathing attack, admonishing worlds that revere only sublime ideas and diminish human emotion to meaninglessness, exposes Nevatl''s soteriology to be nothing more than foolish adventurism woefully lacking any humanistic foundation or thought. Nevatl''s claims are indeed absent of any denial or confirmation concerning the oxygen shortage as well as lacking any strategy or countermeasure should his plan fail. Nevatl' glamorizes his own paradoxes as the "will of destiny" ("воля судьбы") [Ibid. P. 90], using this to his advantage to justify the hero's dangerous challenge. However, Tlan has pinpointed the greatest weakness of Nevatl''s claims which is that they are in direct contradiction with each other. Through his inability to provide a valid and objective reason for opening the roof, and through his inability to understand the ultimate purpose of life, Nevatl', the hero, opposes himself and demonstrates ineligibility to become the protector of hope capable of challenging Teopikski and Teotl' who wish for destruction.

The flaws of Nevatl' are accentuated further in the scene with the couple Katontli and Yatla in Act 5. Unlike the cold-hearted Nevatl', Katontli appreciates and understands the value of love and the meaning of life. Considering the content and context, the short dialogue between Katontli and Yatla create a sharp contrast when compared to Nevatl' and Tlan:

That was the happiest moment of my life. You were mine and my love for you was also different then. My love for you at the time was based on bliss, and the happiness of the passion you gave me. < . . . > My love for you now is purer and more truthful. [5. P. 96].

Katontli's avowal, emphasizing his love as more sublime than death, counters the love of Nevatl', who puts duty before love, relinquishes the lovers' first meeting, and emphasizes biological life over spiritual life. Katontli waits for the end of days but maintains the ethical and mental character of a human, marking a world of difference with Nevatl''s naiveness, blinded by excitement and an immature obsession to save humankind, a folly doomed to conclude in failure. In this way, Teopikski's true disciple is Katontli rather than Nevatl'.

An additional personality flaw of Nevatl' is revealed through his conversation with the Consul. Nevatl' claims the Consul should resign as it is the will of the people, and the Consul dismisses this claim by stating that only truth is pure and objective, and that the fickle nature of people cannot be truth: "I have one sacred value that surpasses all truths, and it is called my 'self'. Whether I accept a truth or not depends on whether I am sure of the truth. < . . . > The only thing that remains constant is the moment" [Ibid. P. 92].

The logic of the Consul seems to dissuade Nevatl' from making a counter-argument, and the young man backs down from the debate. Despite being a scholar in pursuit of truth, in truth, Nevatl' sorely lacks sublime ideas or lofty intellect to show for the station he is afforded by the story. Interestingly, the philosophy of the Consul, who is nothing more than a dictator fallen into obstinacy and prejudice, repeats verbatim the philosophies of "the absoluteness of subjectivity" and the "moment", ideologies Bryusov adhered to in his younger days. However, Bryusov maintains a safe distance from antisocial decadent aestheticism by acknowledging the existence of other subjectivities and claiming the inevitability of communication with them. Although a mature mind and sentiment based on steadfast subjectivity have become a source of new language and reason through contact with others, the Consul does away with Bryusov's dialectical theory of the other, known as "self-sufficiency–loneliness–communication", and instead merely follows narrow-minded solipsism to justify his own political power and self-righteousness.

The Consul's absolute subjectivism, despite mimicking Bryusov's subjectivism, is only solipsistic and dogmatic sophistry, owing to the fact that this worldview completely lacks communication with others and empathy. Similarly, the essence of the "moment", for which the Consul advocates, is little more than a justification for maintaining power and his twisted ego, quite unlike Bryusov who emphasized truth and the potential of the "moment". After his confrontation with Tlan, Nevatl''s inability to appropriately respond to the Consul's sophistry is quite telling, indicating that the young man is also trapped in subjective isolation, unable to achieve solidarity with others. Moreover, this is why the Consul's mocking blow is especially painful for Nevatl': "You are as garrulous as a true orator. You look just like an ancient sculpture" [Ibidem]. Here, Nevatl''s exami-

nation is nothing more than a talk, and, just like a sculpture, his sophisticated attitude is stony, artificial, and unnatural.

3. Bryusov's Artistic Theory and *Scientific Poetry*

The dramatic focus in terms of *The Earth*'s structure undeniable shifts to Nevatl', yet is it difficult to claim that he has earned the status of the protagonist. The protagonist in a drama bears certain requisite qualities, such as lofty ideas, thorough self-analysis, a boundless sense of obligation to one's actions, and an awakening to his or her faults; however, none of these traits can be seen in Nevatl'. Moreover, the elements of the conflict, which traditionally end in tragedy, fall short of common dramatic structure, where instead of facing Teotl', the obvious ideological antagonist, our hero argues with the Consul and Tlan.

Most importantly, the three core protagonists of this work exist in complete isolation from each other; Teotl' never meets Nevatl' or Teopikski, and even though Teopikski treats Nevatl' favorably, this is a mere ruse. As such, the three never directly interact with one another, denying the audience of the expected relationship of conflict through traditional interaction. Furthermore, the conflict between these three characters resolves itself in the finale, and all three are delighted and resolved to their fates, free of pain or repentance. Just as Nevatl' and Teopikski die proud knowing they have succeeded in saving humanity from the underground tunnel, Teotl' too faces death, savoring his moment of liberation for which he so longed; all three joyfully face their end because they have all accomplished their goals.

Here, the dramatic tension built by the characters throughout the story suddenly deflates, and fearing for the future of humankind is a burden passed onto the reader/audience. As Bryusov turns his back on customary, literary expectation and destroys the formulaic ending, the reader/audience, now faced with an unfamiliar finale, is then swallowed whole by this vacuum. In the vacuum, the reader knows only confusion and shock, while researchers respectively jump to both optimistic and pessimistic conclusions. Dramas might predictably end by alleviating tension and inducing a feeling of catharsis, yet Bryusov obviously intended for this absurd and unexpected crisis to raise only more questions and perhaps be a little painful for his audience.

3.1. Bryusov's epistemic theory of art: *trans-boundary aesthetics*

To completely understand the playwright's design and setting, it is necessary to consider the epistemic theory of art and *scientific poetry*, topics that captivated Bryusov during the 1900s. True art, as Bryusov claims, is the only methodology capable of capturing that which our sensory organs cannot perceive, cannot be identified objectively, and cannot be expressed in language. Therefore, "Art begins from the moment when the artist attempts to clarify his/her secret emotions. Without such clarification, there is also no artistry. If there are no secrets within emotion, there is also no art" [5. P. 86].

In short, art is a comprehensive process of perceiving meaning, discovering and observing secret phenomena within oneself, and finally revealing them to the world. While mystical symbolists severed communication with the world and cloistered themselves away with their inner secrets, Bryusov was not only interested in the transcendental world beyond intellect and reason, but also believed that bringing such secrecy back to the stage of objectivity was an artistic goal to strive for. A notable point is the concept of a “boundary”, which continuously emerges in Bryusov’s artistic theory. To expand one’s cognition, contemplation is necessary, and contemplation is only amplified when one acknowledges a “plurality of truths”. Therefore, the “plurality of truths” is essential to expand one’s thinking [5. P. 50], and the countless boundaries that exist among multiple truths are targets of subjugation. In other words, Bryusov believes that only those who are courageous enough to explore beyond their own cognitive limitation and expand their boundaries are capable of being artists:

A person who perceives all things in the world as simple and comprehensible cannot be an artist. Art is where courage crosses boundaries, within the thirst to drink even a single drop of “alien, transliminal elements,”¹ and art is beyond the boundaries of the cognitive realm [Ibid. P. 86].

Bryusov’s “escape beyond the boundaries” is an epistemic exploration of delving into the essence of things, into an unfamiliar and foreign domain outside the limits of the current confined and superficial conditions. As the writer puts it, to do such a thing is no easy task and is perhaps as dangerous as breaking out of prison; it requires boldness, courage, and decisiveness.

We are not hopelessly locked up in the “blue prison,”² the imagery used by Fet. We do have an exit and a ray of hope to escape from prison toward freedom. The ray of hope is the moments of ecstasy and moments of supersensible intuition, beyond the shell of the phenomenal world, piercing into the essence and enabling us to understand the phenomenal world differently [Ibidem].

If art is a ray of hope and an exit, art is then also the activity of penetrating the secret soul of the artist by breaking our shackles in the prison of convention, and after colliding with “secret, vague emotions” (“тайные, смутные чувствования”) [Ibid. P. 56], and, realizing their meaning and value, a true artist must then “give shape” to them in some artistic form³. Bryusov’s desire to oppose all obstacles which interfere with free and higher-dimensional cognition, such as tradition, custom, rationality, and normalcy, in other words, “the desire

¹ This is an excerpt from Afanasy Fet’s poem “Swallows” (“Ласточки”).

² This “blue prison” from Afanasy Fet’s poem “In Memory of N. Ya. Danilevskii” is an illusory nature of phenomena, which refers to the natural destiny of a person who is in dependent on the senses and consciousness [10. P. 56–79]. According to Bryusov, due to science, humanity is trapped in a “blue prison” of visible things and physical senses, and the act of obtaining epistemic freedom and ensuring limitless cognition should be the clear orientation of humanity, whereas the purpose of art is to implement the existential task of expanding our cognition.

³ “Art is the embodiment of things that can’t be defined or put into words. Art defines and speaks through images” [5. P. 205].

to reach an infinite expansion of one's creative scope" [11. P. 10] is an attempt to once again combine science and art which, due to symbolism, were in direct opposition with each other:

Only the interaction between art and science can create the true culture of our times. Poetry must complement science, and science must complement poetry. < . . . > Art must start from scientific knowledge, and science must discover the breath of life in art [5. P. 157].

Bryusov attempted to combine science and art for two reasons. First, the playwright wished to realize "the possibility of objectively rationalizing the demand and necessity for illogical and irrational things" [12. P. 95]. Second, rather than art being stuck in an eternal conflict with science, just as "poetry should become the metaphysics of man and the universe, related to one another through science" [5. P. 156], integrating science would provide the only opportunity to ascend to a metaphysical state of a higher-dimension. In Bryusov's mind, as is dictated by scientific logic, the act of systematically revealing the illogical, the irrational, and intuition was the definition of poetry. To Bryusov, art was already "science" with a different name, where the only discrepancy between the two was that science utilizes "analysis" and art uses "synthesis." Consider: "If poetry is a form of cognition just as science is, how can we distinguish between scientific cognition and cognition of poetic composition? This typically is based on methodology. The way of science is analysis and the way of poetry is synthesis" [Ibid. P. 502].

If art is a cognitive means by which to probe the self, reveal one's internal secrets, and then express these ideas externally, then science is a means by which to explain those things external to the self and to determine the relationship between all things: "Science does not claim to penetrate the essence of things. Science knows only the correlation of present conditions and compares and contrasts them. Science cannot contemplate anything without the relevant relationship to other things" [Ibid. P. 80]. Given that science is a cognitive methodology of forging relationships based on cause and effect, art delves into these relationships, removes their shell, exposes bare and vulnerable skin, and finally translates these internal secrets into human language. In other words, art is both experiment and adventure, revealing the aesthetics of *crossing boundaries* by breaking through, knocking down, and climbing over the walls of the so-called "blue prison". Bryusov's artistic theory frequently incorporates aggressive images, which shatter barriers and expand space, such as the imagery of breaking through or crossing boundaries from outside to inside and *vice versa*. Such imagery makes clear the dynamic nature of *boundary crossing aesthetics*, which attempts to destroy and dismantle the stagnate system of existing concepts and social norms.

Bryusov's artistic conception of epistemology leads to the acceptance of *scientific poetry*¹. Bryusov, who from the very beginning opposed all things mysti-

¹ Accepting French poet R. Ghil's theory of *scientific poetry*, Bryusov earnestly incorporates this concept in his paper "The Literary Life of France: Scientific Poetry" (1909). Here, scientific poetry is used as a concept for describing general poetics such as the rules, principles, and methods needed to create poetry. Therefore, it is safe to understand *scientific poetry* as "scientific poetics".

cal related to cognitive objects, believed the scientific task of differentiation, work that divides and classifies all worldly phenomena into categories, was an epistemic activity sorely needed in the creative work of artists.

Of course, poetry must not play the role of a simple mirror, which indifferently reflects all the phenomena of the current reality, because to reflect, to repeat does not mean to perceive. Poetry must interpret reality, establish its relationship to the permanent laws of history and sociology [5. P. 157].

By combining the analytic activity of science with the intuitive synthesis of poetry, the so-called *scientific poetry* acquires “integrity which is unobtainable from the fragmented fields of science” [Ibidem], and then only poetry can predict the future, and the poet will have earned his ancient name—*vates*, “the prophet”. To Bryusov, *scientific poetry* was a cognitive activity of reasoning, an ideal artform intimately related to the demands of the time. As Bryusov himself stated “a paradoxical combination of words”, the concept of *scientific poetry* is a good explanation of the paradox inherent to Bryusov's aesthetics, which attempts to utilize reason and logic to objectify the subjective in the domain of inspiration and intuition. Being in direct opposition to mysticism and finding himself an outsider to such art, Bryusov discovered science and incorporated it into his work, expanding his own artistic repertoire and thereby expanding the field itself and creating a new artform through this interdisciplinary convergence. When art embraces science, this too can be interpreted as a *boundary crossing* activity that merges the two fields. For the playwright, such unity and synthesis, pursued by art, was the essence of communication: “Art expresses the soul of artists and satisfies the desire of twofold communication: solidarity with others and revealing of one's true self” [Ibid. P. 47].

When examining the evolutionary path of Bryusov's epistemic theory of art, which embraces the unfamiliar domain of science and led to *scientific poetry*, it is essential to consider the writer's experimental spirit, which not only juxtaposes customs and cultural norms, but also includes its own paradoxes and contradictions. Bryusov's extraordinary view of artistic expression (see “Truths” [Ibid. P. 49–55]) acknowledges “a plurality of truths” and is comparable to an infinite circuitry working to repudiate absolute truths and endlessly pursue change and improvement: “The potential to become aware of oneself is infinite, and the road to perfection is endless” [Ibid. P. 39]. *The Earth* is a work filled with the experimental spirit of *scientific poetry*, and the play recalls the necessity of cognitive expansion and discussion in literature. *The Earth* strives to walk “the endless road to perfection” as it induces cognitive expansion through the dynamics of *boundary crossing aesthetics* realized by the shock and intellectual awakening unique to Bryusov's carefully crafted paradoxes.

3.2. *The Earth* as scientific poetry

The Earth is not a two-dimensional mixture of various themes and motifs such as symbolic eschatology, cyclical ideas of cultural development, and allegories related to the political chaos on the eve of revolution; instead the work

has a three-dimensional structure that specifically warns against a future society by penetrating the essence of the reality of the times based on a novel cognitive methodology known as scientific imagination. The creation of Bryusov's futurological works is based on the principles of *scientific poetry* [7. P. 136]. Because the "future" is impossible to demonstrate through experience and bears the uncertainty of having to make predictions based solely on the power of imagination and intuition, only a hybrid artform, which combines science and poetics, is capable of permeating such uncertainty. Portrayals of the future, an unknown and murky domain, are a zeitgeist of the times fused with anxiety and hope; this is the domain Bryusov ventures into through the epistemic adventure of crossing temporal borders via his own *boundary crossing aesthetics*. Therefore, *The Earth* embodies a complex and intellectual entanglement which cannot be seen from a conventional point of view, traditional poetics, or from generic cultural customs. The play must rather be approached from a *scientific poetry* perspective, characterized by innovative interdisciplinary combinations and an awareness of where each discipline's boundary lies.

Though *The Earth* is centered around an end-of-the-world theme, whose allegorical nature is related to cultural destruction on the eve of revolution, it is clear that this theme is borne of a longing for future society flourishing with culture, a longing that forbids the decline of culture as this leads to the downfall of humanity. Herbert George Wells was another science fiction writer who, in his novels, predicted world war, economic depression, global warming, and abominable weapons such as nuclear bombs, chemical weapons, and lasers, yet he was also an idealist longing to describe a better future that integrated all of humanity into one nation. Bryusov, clearly influenced by the imagination of earlier science fiction writers, such as Wells, subtly contrasted themes of hope, salvation and cultural development against the grim background of the Earth's destruction. In *The Earth*, Bryusov made logical and empirical inferences regarding future society by utilizing imagination grounded by specific, realistic examples such as water and oxygen shortages. The writer was the first to caution the Russian literary world of the dangers of natural resource depletion, and this was seen as "foresight regarding environmental disasters which truly began in the 1960–70s" [13. P. 24]. In particular, the idea of oxygen depletion seemed to have stemmed from the new scientific finding of oxygen thinning outside the troposphere after the discovery of the stratosphere¹, and, at the time, not only was this prediction realized in the form of the Great Smog of London in 1952, revealing the dangers of air pollution, but we can notice additional predictions made in *The Earth* that appear even in the modern era, issues such as low birth rates and the destruction of nature. Considering the fact that "many of his ideas were later actually realized" [14. P. 41], ideas that appear in additional *scientific poetry* works, it is not too much to say that Bryusov's *scientific poetry* presented many accurate and reasonable theories that hold true in reality.

¹ French physicist Teisserenc de Bort discovered the stratosphere in 1900, and it is regarded as one of the most striking discoveries in the evolution of meteorology.

The Earth is a work of fiction but also an experiment analyzing what impact a collision between literature and the ethics of life and existence has on human thought. Based on the characters of Teopikski, Nevatl', and Teotl', strategically placed in roles meaningful to the story, we see what is possible and impossible, what is right and wrong, what is necessary, and what is important. The narrative functions as a probe and challenge of humanity's past, present, future, hope, and despair through these three characters' actions which occur purely of their own volition without compromise with or interference from others. Accordingly, *The Earth* cannot be properly understood through a conventional reading dependent on a generic expectation or a unilateral interpretation based on simple, cultural norms because *The Earth* is a novel experiment designed to deconstruct such customs. Accordingly, the mystery behind the genesis of *The Earth*, a wholly unique drama characterized by the destruction of traditional dramaturgy and an absence of tragic characters, is partially revealed. Bryusov's experiment intended to expand the audience's attention to the larger fate of the Earth and humanity, rather than focus on the fate of individual characters; it forced the narrative to consider the bigger picture that ignores "conflict" between characters who face their end after either failing or achieving each of their ideological goals. The story does this by utilizing characters who are never in direct conflict with each other. Instead of putting the weight of the world on one character, incident, or conflict, the play centers around the dilemma at hand, that is, the fate of the Earth and humanity, in order to expedite the reason for dramatic catastrophe. It is the Earth's explicit intention to dismantle the traditional tension structure between characters¹ and story-idiosyncratic conflict in order to emphasize more important and general ideas regarding the future and cognitive reasoning.

Bryusov believed that the truth is relative, and he asserted this belief in order to stimulate cognitive expansion, allowing for ambiguous interpretations of the story's conclusion. To analyze this play where "pessimism caused by mental fatigue, soaring fantasy, passionate dreams about the future appear simultaneously" [15. P. 25], one must take a "boundary crossing" approach capable of overcoming even symbolic pessimism and hopeful optimism. To Bryusov, any and all boundaries which limit perception are the target of subjugation, and such boundaries existed between symbolism and realism, art and science, present and future, and between tradition and experimentation. *The Earth* incorporates and breaks down many aspects of these boundaries. In the preface of the Czech translation (published in 1911) of *The Earth*, Bryusov noted that "Instead of portraying contemporary life, I tried to explain the timeless question, namely the relationship between existence and dream, fantasy and reality, through poetry" [14. P. 39]. *The Earth*'s shocking finale is derived from "the relationship between existence and dream, fantasy and reality," an oppositional and contradictory but yet converging and mutually inclusive relationship. Andreasyan reached

¹ At this point we notice Voloshin's analysis of people not seeing or hearing their own voices. "In *The Earth*, people are not visible, only principles shouted by various humans can be heard" [16. P. 425].

the following conclusion: "The Sun is the source of life, but also the source of death. Here, the heavens and the earth joins, the light and the darkness joins, and life and death are mutually connected and conditioned. Death is the justification of life, and life is the justification of death" [6. P. 154]. The finale of *The Earth* provides new and expansive thought by transcending the boundaries of art and science and by combining them into one discipline. *Scientific poetry* can be viewed as cognitive expansion resulting from Bryusov's melding of these fields, two areas in seeming opposition with each other, and while this amalgam is not viewed as "synthesis between realism and idealism,"¹ it shows the potential of *scientific poetry* as an experiment striving for higher-dimensional poetics of the future. Through his scientific poetry-like writing, Bryusov earned a name for himself as one of the greatest writers in the popular genres of the temporal fantasy and space science literature [18. P. 165], being hailed as a "pioneer of early Russian science fiction and the first theorist" [15. P. 34].

Symbolic eschatology inherently risks pointless anxiety rather than inducing a clear understanding and analysis of a situation. This ideology depends on mental and sentimental aspects of anxiety and fear instead of taking a rational approach, which results in an abdication of and disregard for reality, not leading readers toward symbolic truths. However, as *scientific poetry*, *The Earth* presents various logical inferences and reasonable possibilities concerning the destiny of humanity and society by actively imagining a future based on reason and well-founded concepts, in turn broadening the cognitive horizons of its audience. Above all, unlike the passivism of other eschatological narratives, *The Earth* uniquely demonstrates active eschatology, that is, human beings choose the end of their own accord. Passive eschatology emphasizes there is nothing that can be done except be silent, but humankind, choosing its own destruction, forces us contemplate and reconsider the legitimacy and necessity of our actions. The audience's shock and the narrative's mystery, brought about by active eschatology, induce a cognitive vacuum, foreshadowing an expansion of awareness.

Conclusion

In order to dismantle boundaries artificially segregating the world, cognitive stimulation is required. Mentally crossing these boundaries and thinking unconventionally are made possible through the use of intellectual and psychological energy, namely shock and contemplation. The setting of another Bryusov's play, *The World of Seven Generations*, written in 1923, takes place as a comet narrowly misses a collision with the Earth, yet in a letter to Morozov, the playwright wrote that if Halley's Comet in 1910 had collided with Earth, it would have greatly helped humankind [15. P. 54]. Here, the author means that such a catastrophe was capable of destroying all obstacles that prevent humans from

¹ In the 1910 journal *Russian Thought* (No. 7), Bryusov wrote, "The future clearly belongs to some synthesis of realism and idealism not yet found" [17. P. 359].

reaching their full cognitive potential. In the paper “Secret Key” (“Ключи тайн”), Bryusov says the following on artistic potential subjugating the cognitive limits of science: “The iron bars of science and axes of sociology do not have the power destroy the door or the walls that have confined us, but art is ferocious dynamite capable of breaking down these walls” [5. P. 87]. The key to our cell doors in the “blue prison” of custom and tradition is art, which leads us toward eternal freedom. Art is the first and only hint that provides any clue to salvation, impossible to find in our distressed lives and civilization. *The Earth* is a distress signal from an intellectual unable to find a solution or logical exit on the eve of revolution, a literary and scientific warning regarding the confusion and despair caused by a complete lack of alternatives. The play exemplifies this in the political backwardness of the Consul, the citizens unwilling to resist their fate, intellectuals who are unable to present a novel solution to the current disaster, and religions thick with dogmatism and hatred.

Although *The Earth* imagines a hypothetical world of an unknown future and its social structure and psychological atmosphere, Bryusov's scientific poetry-like cognitive expansion delivers knowledge and new life to the society and humanity of the time. New scientific discoveries, discourse, and foresight of the future rearrange daily experience and understanding of reality-based ever-changing methodologies. Predictions regarding the end of days activate alternative possibilities to inspire a novel means to survive in spite of Armageddon. *The Earth* allegorizes the brutal political situation in the 1905 Russia, actively intervening in and commenting on the tragic reality. In addition, the work develops a new cognitive methodology called *scientific poetry*, which, while based on realistic concepts, also maintains an alternative perspective from reality. *The Earth* analyzes the ontological stature of human beings by restructuring the theme of cultural crisis into a drama, achieving a new level of science, knowledge, and cognition.

References

1. Lyukov, K. (2017) *Valeriy Bryusov. Khudozhnik na rubezhe* [Valery Bryusov. Artist at the Turn]. Izdatel'skie resheniya.
2. Bryusov, V. (1987) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Brodskaya, G.Yu. (1976) *Bryusov i teatral'nye iskaniya nachala XX veka (1902–1908)* [Bryusov and Theatrical Searches of the Early Twentieth Century (1902–1908)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
4. Strashkova, O.K. (2016) Valeriy Bryusov – dramaturg [Valery Bryusov, a Playwright]. In: Bryusov, V. *Dramaturgiya* [Plays]. Moscow: Sovpadenie. pp. 5–26.
5. Bryusov, V. (2016) *Dramaturgiya* [Plays]. Moscow: Sovpadenie.
6. Andreasyan, N.G. (1992) Drama “Zemlya”. Stseny budushchikh vremyon [Drama “The Earth”. Scenes of the Future]. In: Amirkhanyan, M.D. et al. (eds) *Bryusovskie chteniya 1986 goda* [Bryusov Readings, 1986]. Erevan: [s.n.] pp. 146–155.
7. Strashkova, O.K. (2002) *Valeriy Bryusov – dramaturg-eksperimentator* [Valery Bryusov, an Experimenter Playwright]. Stavropol': Art.
8. Bryusov, B. (2002) *Dnevnik. Pis'ma. Avtobiograficheskaya proza* [Diaries. Letters. Autobiographical Prose]. Moscow: Olma-press.

9. Strashkova, O.K. (2011) *Modernistskaya drama Serebryanogo veka* [The Modernist Drama of the Silver Age]. Moscow: Lambert Academic Publishing.
10. Soshkin, E. (2010) Mezhdū mogiloi i tyur'moi (Stat'ya pervaya) [Between the Grave and the Prison (Article One)]. In: Pild, L. (ed.) *Blokovskii sbornik XVIII: Rossiya i Estoniya v XX veke: Dialog kul'tur* [Blok Collection XVIII: Russia and Estonia in the 20th Century: Dialogue of Cultures]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 56–79.
11. Maksimov, D. (1987) Bryusov-kritik [Bryusov, a Critic]. In: Bryusov, V. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–26.
12. Salma, N.K. (1982) K voprosu o meste V. Bryusova v russkom simbolizme [On the Place of V. Bryusov in Russian Symbolism]. *Dissertationes Slavicae*. XV. pp. 85–104.
13. Danielyan, E.S. (2002) *Valeriy Bryusov. Problemy tvorchestva* [Valery Bryusov. Problems of Oeuvre]. Erevan: Lingva.
14. Gerasimov, K.S. (1973) Nauchnaya fantastika Bryusova [Bryusov's Science Fiction]. In: Ayvazyan K.V. (ed.) *Bryusovskie chteniya 1971 goda* [Bryusov Readings, 1971]. Erevan: Ayastan. pp. 33–57.
15. Andreasyan, N.G. (1988) Dramaturgiya V.Ya. Bryusova (1907–1917) [V.Ya. Bryusov's Plays (1907–1917)]. In: Al'tshuller, A.Ya., Ninov, A.A. & Smirnov-Nesvitskiy, Yu.A. (eds) *Russkii teatr i dramaturgiya 1907–1917 godov* [Russian Theater and Plays of 1907–1917]. Leningrad: LGITMIK. pp. 21–36.
16. Voloshin, M. (1988) *Liki tvorchestva* [Faces of Creativity]. Leningrad: Nauka.
17. Gumilyov, N. (2000) *Nikolay Gumilyov: Pro et Contra*. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities. (In Russian).
18. Heller, L. & Niqueux, M. (2003) *Utopiya v Rossii* [Utopia in Russia]. Translated from French by I.V. Bulatovskiy. St. Petersburg: Giperion.

«Земля» В.Я. Брюсова как эксперимент научной поэзии

Пэк Сынму

Ключевые слова: научная поэзия, научная фантастика, символизм, трагедия, эсхатология, трансграничная эстетика.

В статье описывается «Земля» В.Я. Брюсова в качестве выдающегося произведения научной поэзии, а также проводится анализ данной пьесы. Финал пьесы, предвещающий смерть человеческого рода, и мрачная атмосфера, которой пронизана вся драма, напоминают типичную символистскую трагедию. Однако при более пристальном рассмотрении структуры пьесы можно заметить, что она выходит за рамки символистской драматургии. В основном мотив научной фантастики, дополненный технологическими деталями и предсказаниями будущего, резко контрастирует с символизмом с его мистическими и религиозными мотивами. Кроме того, эсхатологический персонаж Теотль и гуманист Теописки, несмотря на противоположность идеологий, приходят к одному и тому же выводу, приводящему к нетрадиционному разворачиванию основного конфликта, центром которого становится Неватль. Это, в свою очередь, демонстрирует эксперимент трансграничной эстетики Брюсова, бросающий вызов традиционному символизму.

Более того, Неватль, который появляется в качестве посланника надежды на воскресение, имеет слишком много недостатков, чтобы стать ключевым героем трагедии. Неватль, единственная надежда на выживание человека перед лицом надвигающейся гибели, находится на позиции силы, которая, к сожалению, слабее, чем драматическая сила, которой обладают Теописки или Теотль. Во время встречи с Тланом и Консулом Неватль обнаруживает, что он несостоятелен как спаситель человечества не только по характеру, но и по философии.

Брюсов полагал, что только взаимодействие искусства и науки способно создать истинную культуру данной эпохи, а «расширения познания» в качестве подлинной функции искусства можно достичь посредством научной поэзии, т.е. сближения поэзии

и науки, которые равноценны. «Земля» анализирует онтологический статус человека, превращая тему культурного кризиса в драму и достигая нового уровня науки, знаний и познания. Хотя «Земля» представляет собой гипотетический мир с неизвестным будущим, его социальной структурой и психологической атмосферой, когнитивная экспансия Брюсова, основанная на научной поэзии, дает знания и новую жизнь обществу и человечеству того времени.

В статье обосновывается утверждение, что «Земля» создает новую когнитивную методологию научной поэзии, которая, основываясь на реалистичных концепциях, также поддерживает альтернативную реальности перспективу.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/63/16

А.А. Пронин

ДЗИГА ВЕРТОВ: ОТ «СЛЫШУ» К «ВИЖУ»

Рассматриваются программные стихотворения кинорежиссера Дзиги Вертова, написанные в период перехода от литературного творчества к кинематографическому: «Старт» и «Из предисловия к поэме «ВИЖУ». На основании анализа текста, мемуарных источников и архивных материалов уточняются время и обстоятельства их создания, выявляются содержательные и композиционно-сюжетные аспекты текстов, определяется их место в творческом наследии автора. Формулируется гипотеза о трансмедийном переходе Вертова от «слышу» к «вижу».

Ключевые слова: Дзига Вертов, стихотворение, кинематограф, авангард, автор, герой, трансмедийный переход.

Прежде чем стать основоположником поэтического документального кино, Дзига Вертов (1896–1954) был поэтом «бумажным». Он писал стихи с раннего детства, никогда их не публиковал, и об этой стороне его творческой деятельности известно немного. Единственная специальная статья на данную тему под заголовком «Стихи кинопоэта» опубликована в 1994 г. Л.М. Рошалем, и в самом ее названии уже заложена авторская концепция: стихотворения Вертова, которые он «писал для себя, никогда не для печати», подготовили появление Вертова-кинопоэта. Соответственно, в выводах автор убеждает потенциальных исследователей рассматривать жизнь и творчество Дзиги Вертова как «единый феномен, а не растаскивать на куски, подчиняя своим интересам» [1. С. 96]. С точки зрения диалектики такой подход вполне справедлив, однако «единство феномена» Вертова не исключает того, что его творческая жизнь складывается именно из «кусков», между которыми отчетливо видны границы. В послереволюционной биографии художника можно выделить три таких периода, причем границу между первым и вторым прочертил он сам, а между вторым и третьим – уже История.

В первом случае 1922–1923 гг. ознаменовали собой, как писал сам Д.А. Вертов, «переход от «слышу» к «вижу», когда «бумажного» Вертова-поэта не стало, и ему на смену явился Вертов-кинопоэт. Знакомство с его архивом, хранящимся в РГАЛИ, показывает, что именно в то время ново-явленный Кино-Глаз практически перестал писать стихи, поскольку на творческом горизонте появилось новое средство самовыражения – открытое им экранное «искусство организации движения» застигнутой «врасплох» жизни. Вторая граница, политическая, подвела черту не только под творчеством кинопоэта Вертова, но и под русским революционным авангардом как таковым, закрыв возможность свободно жить и творить в СССР

всем его приверженцам. Случилось это, как известно, не в одночасье, и хотя смерть Маяковского в 1930 г., по сути, ознаменовала финальную стадию процесса, Вертова тихо «похоронили» только в 1934 г., когда не пустили в широкий прокат «Три песни о Ленине». Об этих последних двадцати годах «Вертова-стихотворца», изливавшего на бумаге обиду и сарказм пораженца, в работах Л.М. Рошаля сказано много и верно. Однако в творческом отношении гораздо более продуктивным является период, когда Вертов еще не стал киноком, а был – пусть и «для себя» – просто лирическим поэтом, который пытался обрести свой путь. В этом отношении наиболее показательными являются «пограничные» стихи, которые имеют прямое отношение к переходу от литературы к кинематографу.

Таких текстов немного, и наиболее точно отвечают поставленным условиям всего два стихотворения: «Старт» и «Из предисловия к поэме «ВИЖУ». Первое уже было опубликовано в упомянутой статье Л.И. Рошаля – с кратким комментарием исследователя, второе на русском языке до сих пор не публиковалось даже фрагментами¹. Начать разговор об этих произведениях стоит с их датировки: в своем архиве Дзига Вертов ставит в обоих случаях 1917 г., и, в свою очередь, не допуская сомнений в верности авторских обозначений Рошаль также называет «Старт» «ранним». Между тем уже по внешнему виду – стихотворение написано «лесенкой» – можно предположить, что оно значительно старше, поскольку «лесенку» внедрил в практику стихотворчества Владимир Маяковский, опробовавший её в поэме «150 000 000» и написавший «новой строкой» зимой 1922–1923 гг. значительную часть поэмы «Про это» [3. С. 8]. Конечно, в стихах, которые можно с уверенностью отнести к послереволюционному творчеству Вертова, активно использовался «акцентный стих» с разбивкой предложения по одному слову в строке («флаговая строка»), но только в «Старте» совершенно четко видна двух- и трехсловная «лесенка»:

Старт

Не Патэ,
 Не Гомон.
 Не то,
 Не о том.
 Ньютоном
 Яблоко
 Видеть.
 Миру – глаза,
 Чтоб обычного пса
 Павловским
 ОКОМ
 видеть

¹ В переводе на немецкий и английский «Предисловие» опубликовано Австрийским музеем кино: [2. S. 162–165].

КИНО ли кино?
В з р ы в а е м кино,
Чтобы
КИНО
увидеть.

И это не единственный аргумент. Косвенно наше предположение по датировке подтверждает и брат Вертова, Михаил Кауфман, который в своих воспоминаниях после четкого «Начну с 1922 года» прочно «привязывает» к указанной точке отсчета не только решение Дзиги «посвятить себя делу развития неигрового кино», но и стихи «Не «Пате», не «Гомон», которые помогли ему «более глубоко понять намерения брата» [4. С. 70–71]. Содержание их разговора в Малом Гнездиловском, 7, во Всероссийском фотокиноотделе (ВФКО) Наркомпроса, не оставляет сомнений в прямой коннотации между размышлениями Вертова того времени и текстом стихотворения: «По поводу широко распространенной рекламы "Пате-журнал" все знает, все видит" Дзига иронизировал: "Пате-журнал" мало видит, а знает и размышляет еще меньше. Следовательно, вести за собой зрителя не может, да и такой задачи он перед собой не ставит. Нам нужно другое"» [Там же. С. 70].

Еще один довод в пользу того, что стихотворение было написано никак не раньше осени 1922 г., заключается в том, что строчка «КИНО ли кино?» отчетливо перекликается с названием заметки В. Маяковского «Кино и кино», опубликованной в «Кино-фот» в октябре 1922 г. Очевидно, Вертов, незадолго до этого опубликовавший в том же издании свой первый манифест «Мы», прочел программный текст Маяковского и использовал яркое противопоставление в стихотворении (а не наоборот). Сам факт переклички и означенные календарные метки позволяют с уверенностью утверждать: *«Старт» написан не ранее осени 1922 г., а скорее всего, весной 1923 г.* И вполне вероятно, что его появление связано с подготовкой к публикации манифеста «Киноки. Переворот» в июньском номере журнала «Леф», которую можно считать настоящим публичным «стартом» к реализации вертовской концепции «внеигрового» кино.

Таким образом, все вышеперечисленное указывает на то, что Вертов мистифицирует будущего читателя (а он был абсолютно уверен, что рано или поздно его стихи прочтут), пытаясь на пять лет «омолодить» свое программное произведение. Естественно, возникает вопрос: зачем, с какой целью? Принимая приглашение к затеянной зрелым Д.А. Вертовым игре, попробуем на него ответить. Думается, что, во-первых, им двигало вполне обычное для авангардистов желание сформировать миф о себе – гениальном прозорливце, «красивом, двадцатидвухлетнем» (по Маяковскому), в год великих революций совершившем великое открытие нового, настоящего КИНО; во-вторых, он элементарно «исправлял» свою недостаточно революционную биографию, чувствуя нехватку героического прошлого.

Последнее обстоятельство очень важно, поскольку на вопрос: «А что ты делал в Октябре?» – Вертову ответить было особенно нечем, а значит,

необходимо было компенсировать изъяз «фактами» героической работы на будущее. Очевидно, по той же причине он, творя собственный революционный миф, утверждал, что «Группа киноков организовалась в конце 1919 г., в тяжелое время голодных очередей и дымных печурок, в темный вечер убитого электричества при свете картофельного светильника. Тогда же мы и согрелись первым манифестом («Мы». – А.П.), который по техническим условиям смог быть опубликованным только в августе этого (1922. – А.П.) года в первом номере журнала «Кино-фот» [5. С. 23]. В действительности никакой группы, а также манифеста в 1919 г. еще не было – о чем говорят, в частности, приведенные выше свидетельства и факты.

Разумеется, по логике того времени иного ответа на вопрос: «Когда был «Старт»?», нежели: «В 1917 году», просто не могло быть, и поэтому в 1920-е гг. Вертов постоянно подчеркивает: «Киноков создала и воспитала Октябрьская революция... Борьбу за собственно кино-вещь мы начали сразу после Октябрьской революции... Мы вскоре после Октябрьской революции выдвинули Кино-Глаз и Радио-Ухо» [Там же. С. 57–58, 64]. Возможно, зловещая атмосфера середины 1930-х и усилила вторую, природно-конъюнктурную, составляющую установки на «омоложение» программных текстов, но все же, думается, преобладала первая – творческая. Вертов искренне хотел быть революционером, первооткрывателем (как Ньютон и Павлов), изобретателем будущего, будетлянином, и потому легко ставил маркер «1917» на все, что могло это доказать. Эта цифра для последователя Хлебникова была эмблемой власти над временем.

Вышеперечисленные соображения подтверждаются и историей с другим текстом, озаглавленным как «Из предисловия к поэме «ВИЖУ» и также датированным автором 1917 г. Версию о более позднем происхождении «Предисловия» подтверждает, во-первых, та же «лесенка»:

Кино
воскресе
из мертвых
Смертию
смерть
поправ,
И сущему
по игре
киноглаз
даровав...

Во-вторых, авторефлексия выражена здесь гораздо ярче: Вертов впервые присутствует здесь как герой, под своим собственным именем от первого лица выражающий свои намерения прямо – подобно лирическому герою Маяковского в его стихах и поэмах¹. При этом Вертов-герой, продолжая мотив «старта», видит себя ни много ни мало новым Колумбом:

¹ Возможно, и само название восходит к строчкам из поэмы Маяковского «Облако в штанах»: «Обсмеянный у сегодняшнего племени, как длинный, скабресный анекдот./ вижу

«Плыву,
Плыву от берега.
В мир ПРАВДЫ
рву
окно.
Открою
Всем Америку
внеигровых
кино!...»

Разумеется, в 1917 г. ничего подобного в сознании бежавшего из революционного Петрограда в относительно спокойную Москву испуганного лирического поэта Дзиги Вертова и быть не могло. До встречи осенью 1917 г. с кинооператором А. Лембергом он всего лишь пытался продолжить образование на юридическом факультете Московского университета и ни о каких «внеигровых кино» даже не помышлял. Несмотря на то, что в воспоминаниях младшего брата Вертова, американского кинооператора Бориса Кауфмана, содержится «провокативный намек» на то, что первая личная кинооператорская работа относится еще ко времени обучения Дениса в Петроградском психоневрологическом институте [7], в это верится с трудом. Во-первых, потому что свидетелю было на тот момент двенадцать-тринадцать лет, а вспоминал он о якобы имевших место событиях съемки спустя 60 с лишним лет; во-вторых, неясный намек Бориса не находит подтверждения ни у самого Вертова, ни у среднего брата, Михаила, которые вряд ли бы упустили возможность «прибавить» несколько лет к кинобиографии героя. Безусловно, в передовом по тем временам бехтеревском институте студент Кауфман (и его младший брат) вполне могли увидеть на экране результаты экспериментов в области научной киносъемки, но крайне мала вероятность, что он хоть что-либо снимал сам: подобного рода работа выполнялась профессионалами.

Совсем другая ситуация в 1923–1925 гг., когда Вертов приобрел не только опыт работы в кинохронике в Гражданскую войну и в мирное время, но и чувствовал себя в новой советской реальности уже настолько уверенно, что мог с головой погрузиться в киномир, уйти в свою лабораторию, где «мысль расцвела». Более того, само сравнение с Колумбом восходит, вероятнее всего, к многократно процитированному зрелым Вертовым высказыванию французского писателя Жан-Ришара Блока, который пожелал «успеха и долгого пути новому Христофору» после просмотра «Кино-Глаза» на Всемирной выставке в Париже в 1925 г. [5. С. 367].

Еще одним штрихом к общей картине вертовского творческого подъема, произошедшего к середине 1920-х гг., является, на наш взгляд, достаточно очевидная перекличка с вышедшей весной 1923 г. поэме Маяков-

(курсив мой. – А.П.) идущего через годы времени, которого не видит никто». Во всяком случае, эта цитата встречается в дневниках Вертова (см.: [6. С. 35]).

Колумбом
замурованным
гляжу я
в океан.

Веду
морями новыми
непонятый
экран...

Плыву,
Плыву от берега.
В мир ПРАВДЫ
рву
окно.
Открою
Всем Америку
внеигровых
кино!..

Думается, что театрализация данной «программы», перевод риторики в действие были связаны с ожесточенной полемикой, которая велась киноками в 1923–1924 гг. с критиками «Кино-Правды» (Н.А. Лебедев, А.Д. Анощенко и др.) в печати и на диспутах [5. С. 46–47, 55, 247–251]. Не случайно 1-й скептик, называющий новации Вертова «безумной задачей», практически озвучивает предложение Н. Лебедева отправить киноков «на Канатчикову дачу», а речь 2-го напоминает «словоблудие курослепой Анощенко» [Там же. С. 48], т.е. режиссера-критика А. Анощенко. Соответственно, «скептики и деловые люди» явно были выведены на сцену как ответ на «злобу дня», потому что Вертову уже недостаточно одних деклараций. Он ведет «морями новыми непонятый экран», который хотят «пустить на дно», а когда нужно изобразить прямой конфликт, естественно, прибегают к средствам драматургии.

В этой связи любопытным представляется роль Иронического хора. С одной стороны, как хор он представляет Истину, не зависящую от развертывания конфликта: Кино-Глаз воскрешает настоящее кино, это – Спаситель человечества от буржуазной кинодрамы. С другой – почему же он тогда иронический? Потому что пародирует, подменяет понятия («Христос» на «кино»), но в принципе за вертовской усмешкой атеиста скрывается невольное признание силы и узнаваемости самого образа воскресения и маркирующих его словесных и ритмических форм.

Несомненно, знакомство с данным текстом порождает вопрос о месте этого необычного для Д. Вертова текста в его стихотворном наследии. Написан он, как следует из приведенных выше аргументов, скорее всего в 1925 г., и в качестве самостоятельного произведения – будучи «предисловием» – вроде бы не должен рассматриваться. Но поскольку никаких сле-

дов самой поэмы, т.е. того, что им, собственно, предваряется, не обнаружено, то можно его квалифицировать как отдельный опус (что мною и было сделано). С другой стороны, его следует воспринимать как предтекст, если под «поэмой «ВИЖУ» понимать не литературное произведение, а все, что Д. Вертов создал уже как автор неигрового кино: от сделанных по-новому выпусков «Киноправды» (с 6-го номера) и «Кино-Глаза» до «Трех песен о Ленине». Собственно, сам Вертов прямо говорит об этом в примечании, сделанном, судя по перечисленным названиям, в 1927 г.: «Замысел поэмы “Вижу” реализован впоследствии в фильмах: “Киноглаз”, “6 часть мира” и т.д.». И если придерживаться такого толкования, то речь идет, по сути, о *литературном предисловии к последующему кино-тексту*.

Свидетельством того, что Д.А. Вертов и в дальнейшем относился к Предисловию именно таким образом, является отсылающее к нему послевоенное уже стихотворение-памфлет с характерным названием «Дзига Вертов»:

Его мир окрестил Христофором.
Чарли Чаплин воспел за талант.
Лишь Юткевич сказал:
Дзига – горе!
Вы – не коммерсант.

Далеко Вы отплыли
от берега,
в новый мир раскрывая окно.
Слава Вам за открытие Америки.
Вы – колумб
неигрового кино.

Но, нажившись на Вашем товаре,
Вас оставят, конечно, в тени
доживать в кем-то брошенной таре
одинокие ночи и дни [8. Л. 21].

Прямое упоминание режиссера С.И. Юткевича позволяет соотнести содержание стихотворения с заметками Вертова «О статье “Встречи во Франции” С. Юткевича в “Новом мире”, № 12, 46 г.» [5. С. 372–373], в которых Вертов сетует, что автор статьи «недостаточно подчеркивает наше (Вертова. – А.П.) первенство» в мировой документальной кинематографии. А если учесть, что С.И. Юткевич был художественным руководителем «Союздетфильма» в 1938–1944 гг., где Вертову не дали снять «Сказку о великане», то последнее четверостишие можно трактовать и как прямое обвинение «деловым людям» из Предисловия, к которым бывший «фэкс» и удачливый автор «Человека с ружьем» и других фильмов официальной советской ленинианы, безусловно, принадлежал. Таким образом, данное

стихотворение можно считать своего рода саркастическим Послесловием к поэме «ВИЖУ».

В итоге можно утверждать, что творческая эволюция Дзиги Вертова является собой пример своего рода «персональной» трансмедиальности, присущей революционной эпохе первой четверти XX в. Не только идеи, образы, нарративы проявлялись в разных медиа благодаря интермедиальности их дискурсов [9], в новые медиа, главным образом в кинематограф, переходили сами субъекты творчества, т.е. авторы, деятели других искусств (С. Эйзенштейн, В. Шкловский и др.). Переход от литературы к кинематографу, происходивший с Вертовым в середине 1920-х гг., был предопределен целым рядом факторов, как субъективных (музыкальность, склонность к экспериментам, амбициозность), так и стихийно объективных (революция, переезд из Петрограда в Москву, встреча с оператором А. Лембергом, протекция земляка М. Кольцова). Написанные в данный период «Старт» и «Предисловие» отражают авторское сознание на начальной и конечной стадиях трансмедиального перехода Дзиги Вертова от «слышу» к «вижу», а следовательно, могут рассматриваться как словесная презентация этого процесса, во многом определившего его дальнейшую киномобиографию.

Литература

1. Рошаль Л.М. Стихи кинопоэта // Киноведческие записки. 1994. № 21.
2. *Dziga Vertov*. Die Vertov-Sammlung in Österreichische Filmmuseum. Wien, 2006.
3. Россомехин А. «Про это»: визуализация экзистенциального // Владимир Маяковский. Про это. Факсимильное издание. СПб., 2014.
4. Кауфман М. Поэт неигрового // Дзига Вертов в воспоминаниях современников. М. : Искусство, 1976.
5. Дзига Вертов. Из наследия. Т. 2 : Статьи и выступления. М. : Эйзенштейн-центр, 2008.
6. Рошаль Л. Дзига Вертов. М., 1982.
7. Маккей Д. Энергия кино: Процесс и метанарратив в фильме Дзиги Вертова «Одиннадцатый» (1928) // Новое литературное обозрение. 2014. № 5 (129). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5440> (дата обращения: 04.05.2018).
8. РГАЛИ. Ф. 2091. Оп. 2. Ед. хр. 227. Л. 21.
9. Jens Schroter. Discourses and Models of Intermediary // Comparative Literature and Culture. 2011. Vol. 13, iss. 3. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/3> (дата обращения: 04.05.2018).

Dziga Vertov: From “I Hear” to “I See”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 282–291. DOI: 10.17223/19986645/63/16

Alexander A. Pronin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: prozin@mail.ru

Keywords: Dziga Vertov, poem, cinema, avant-garde, author, character, transmedial transition.

The article deals with the program poems of the film director Dziga Vertov (1896–1954), written in the early 1920s during the transition from literary to cinematic creativity: “Start” and “From the Preface to the Poem ‘I SEE’ ”. Based on the analysis of the text, memoirs and archival materials, the time and circumstances of their creation are specified: 1922–1923 and

1925, respectively. As a result of comparison of biographical circumstances of the appearance of the poem “Start” and the cultural and historical context, it is argued that the creation of this literary text is directly related to the preparation for publication of the Manifesto “Kinoki. Coup” in the June issue of the magazine *Lef* in 1923, which was a public “start” to the implementation of Vertov’s concept of “non-played” films. The analysis of the text of “From the Preface to the Poem ‘I SEE’”, fragments of which are first published in Russian in this article, shows that its content reflects the struggle that Vertov led with his opponents after the release of the film *Cinema Eye* in 1924. Self-reflection here is expressed much brighter than in “Start”: Vertov is present in the text as a character; under his own name in the first person he expresses his creative views and ambition. The identification of the most significant content, composition and plot elements of the text and their functional and semantic analysis lead to the conclusion that this text, in fact, is a literary preface to the subsequent film text. It is concluded that the creative evolution of Dziga Vertov is an example of a kind of “personal” transmediality inherent in the revolutionary era in the Russia of the first quarter of the twentieth century. Not only ideas, images, narratives were manifested in different media due to the intermedial nature of their discourses, but also the authors themselves, figures of other arts (S. Eisenstein, V. Shklovsky, and others) moved into new media, mainly into cinema. The transition from literature to cinema, which happened with Dziga Vertov in the mid-1920s, was predetermined by a number of factors, both subjective (musicality, propensity to experiment, ambition) and spontaneously objective (February and October Revolutions, moving from Petrograd to Moscow, meeting with the cameraman Lemberg, the patronage of the fellow countryman M. Koltsov when joining the Film Committee). Written in this period, “Start” and “Preface” reflect the author’s consciousness at the initial and final stages of Vertov’s transmedial transition from “I hear” to “I see” and, therefore, can be considered as a verbal presentation of this process, which largely determined his further film biography.

References

1. Roshal', L.M. (1994) Stikhi kinopoeta [A Film Poet's Verses]. *Kinovedcheskie zapiski*. 21.
2. Vertov, D. (2006) *Die Vertov-Sammlung in Österreichische Filmmuseum*. Vien: Synema – Gesellschaft für Film und Medein.
3. Rossomakhin, A.A. (2014) “Pro eto”: vizualizatsiya ekzistentsial'nogo [“About It”: Visualization of the Existential]. In: Rossomakhin, A.A. (ed.) *Vladimir Mayakovskiy. Pro eto* [Vladimir Mayakovsky. About It]. A Facsimile Edition. St. Petersburg: European University.
4. Kaufman, M. (1976) Poet neigrovogo [Poet of Non-Fiction]. In: Vertova-Svilova, E.I. & Vinogradova, A.L. *Dziga Vertov v vospominaniyakh sovremennikov* [Dziga Vertov in the Memoirs of Contemporaries]. Moscow: Iskusstvo.
5. Vertov, D. (2008) *Iz naslediya* [From the Heritage]. Vol. 2. Moscow: Eyzenshteyn-tsentr.
6. Roshal', L. (1982) *Dziga Vertov*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
7. Makkey, D. (2014) Energiya kino: Protssess i metanarrativ v fil'me Dzigi Vertova “Odinnadtsaty” (1928) [Film Energy: The Process and Metanarrative in Dziga Vertov's Film “The Eleventh” (1928)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (129). [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/5440>. (Accessed: 04.05.2018).
8. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 2091. List 2. Unit 227. P. 21. (In Russian).
9. Schroter, J. (2011) Discourses and Models of Intermediary. *Comparative Literature and Culture*. 13 (3). [Online] Available from: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol13/iss3/3>. (Accessed: 04.05.2018).

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/63/17

О.Н. Турышева

РОМАН О ЧИТАТЕЛЕ КАК СЛУЧАЙ МЕТАРОМАНА

Обосновывается существование такой жанровой формы, как роман о читателе. Роман о читателе анализируется как специфическая разновидность метаромана. Выявляются факторы парадигматического единства повествовательных текстов, посвященных изображению читающего человека. Среди них – проблемно-тематическое и сюжетно-мотивное единство, единство типа центрального персонажа и адресата художественного высказывания. Предлагается типология романа о читателе. Намечаются перспективы дальнейшего исследования данной жанровой формы.

Ключевые слова: метароман, роман о чтении, роман о читателе, герой-читатель, литературная авторефлексия, прагматика литературы, У. Эко, «Таинственное пламя царицы Лоаны».

Повествовательные произведения, посвященные изображению читающего человека, образуют особую парадигму в истории литературы. Она стала предметом описания в предыдущем нашем исследовании [1]. Однако вопрос о жанровом единстве текстов, образующих эту парадигму, до сих пор в науке поставлен не был. И это вполне объяснимо, так как литература о читателе имеет надродовой и наджанровый статус: проблематика чтения и образ читателя присутствуют в лирических (от Ф. Петрарки и до О. Мандельштама, например), эпических (от Данте и М. Сервантеса до М. Елизарова и Т. Толстой) и драматургических (от В. Шекспира до А. Нотомб) произведениях. С другой стороны, было бы справедливо настаивать и на существовании жанра, реализующего семантику, связанную с рецептивной проблематикой, фактически на всех уровнях художественной структуры. Это роман о читателе, который, на наш взгляд, является специфической формой такого жанрового образования, как метароман.

Метароман в настоящее время солидарно, вслед за П. Во, Л. Хатчин, М. Липовецким и др., определяется учеными как жанр, структура и смысловые особенности которого подчиняются особому – металитературному – направлению авторской мысли [2–5]. Это роман, который представляет собой реализацию саморефлексивного нарратива, нарратива о себе самом, причем такую реализацию, которая типизирует все аспекты его поэтологической структуры: специфику субъектной организации, изображенного мира, особый характер границы между миром героев и миром автора и читателя (об этом см.: [5]). Наш тезис касается утверждения о том, что роман о читателе представляет собой поджанр метаромана, его специфическую жанровую разновидность. Аргументация этого положения и будет развернута ниже.

С одной стороны, роман о читателе разрабатывает ту же самую – центральную для метаромана – проблематику соотношения искусства и действительности, размышляя о границах между ними. Но роман о читателе особым образом специализирует угол зрения на нее. Если метароман, как правило, сосредоточен на феноменологии творческого процесса, специфике взаимоотношений между автором и его героем, то роман о читателе – на рефлексии чтения, взаимоотношений текста с читателем, т.е. включения литературы в жизнь через портал рецепции (а не жизни в литературу через портал письма – как в доминирующем типе метаромана). Это частный аспект романной метарефлексии: здесь роман размышляет о соотношении литературы и действительности на материале деятельности (или даже судьбы) читателя (а не творящего субъекта). В целом предметом самосознющей мысли здесь является прагматика литературы, феномен ее «антропологического применения» [6. С. 11] (а не феномен ее производства, создания – как в классической форме метаромана). В этом плане роман о читателе размышляет о своем статусе в качестве элемента внехудожественной реальности, в то время как метароман «направлен на самопознание в качестве эстетического целого» [5. С. 32].

С другой стороны, роман о читателе является особой жанровой формой метаромана в связи с тем, что его отличает единство структурных и смысловых особенностей: это проблемно-тематическое и сюжетно-мотивное единство, единство типа центрального персонажа и адресата художественного высказывания.

Так, героем во всех романах этого вида является читающий человек, изображенный в акте взаимодействия с текстом или (и) акте «апроприации» книжного опыта [7]. Как правило, такого рода «апроприация» воплощается в практике «литературного поведения» [8]. Этот термин вполне возможно распространить и на изображенные поступки литературных героев, хотя Ю.М. Лотман использовал его в отношении особенностей поведенческого стиля, отличавшего реальность русской жизни в XVIII–XIX вв. При этом, как и в метаромане, герой романа о читателе также «фатально не совпадает с самим собой», он «еще более напряженно стремится к обретению себя» – так пишет В.Б. Зусева-Озкан о герое метаромана, опираясь на известную характеристику романного героя у М.М. Бахтина [5. С. 17]. И в этом плане герой метаромана и герой романа о читателе совпадают друг с другом.

Далее, роман о читателе отличает **единство сюжетного решения**, особый тип сюжетной организации, который мы обозначаем понятием «сюжет чтения». Его главную характеристику составляет связь сюжетообразующего события с читательской деятельностью героя. Этот сюжет представляет собой частную реализацию универсального сюжетного инварианта, который именуется в литературоведении циклической сюжетообразующей моделью. Напомним, что в качестве его основы наука рассматривает символическое путешествие героя в царство смерти и последующее возвращение его в мир живых, в рамках ритуальной теории возводимое к обряду иници-

ации [9; 10. Т. 1. С. 204]. В рамках сюжета чтения выделяется несколько постоянных элементов, которые очевидно соотносятся с элементами циклического археосюжета.

Первый элемент – фаза кризиса в истории литературного героя. Этот элемент идентичен традиционному мотиву потери в циклической схеме. Второй элемент – фаза поиска (выбора) книги или ситуация непосредственного обращения к ней (этот элемент идентичен традиционному мотиву поиска). Третий элемент – фаза «использования» героем книжного знания (чаще всего это цитация литературного жеста, подражание герою или автору). Он соответствует традиционному мотиву испытания. Четвертый элемент – фаза переживания героем коллизии, возникшей в результате претворения им в жизнь книжного знания. Завершающим элементом является фаза преображения – как и в циклической схеме. Преображение становится итогом читательской деятельности героя: герой меняется в опыте общения с книгой, обретает новое знание и новый статус, в соответствии с которыми он может выбирать новые основания для осмысления мира и действия в нем. Эта глубинная схема отличает повествование о таких запечатленных в литературе читателях, как Дон Кихот, Вертер, Кэтрин Морган («Нортенгерское аббатство» Дж. Остин), Жюльен Сорель, Эмма Бовари, Фредерик Моро, Подпольный Достоевского и многие другие.

Отдельные элементы сюжета чтения определяют специфические для жанра романа о читателе мотивы, повторяющиеся в романном нарративе о чтении: мотивы разочарования, поиска экзистенциальных опор, обращения к книге, использования героем книжного знания (подражание герою или автору, принятие книжной этики или, наоборот, отказ от следования ей), мотив разочарования или очарования (в зависимости от результатов воплощения героем книжного опыта), мотив преображения, которое становится итогом книжной деятельности героя и может иметь как позитивный, так и негативный характер.

Наконец, представляется, что данную жанровую форму отличает и **единство подразумеваемого адресата**, что, по Бахтину, является важнейшим жанрообразующим фактором: «Каждый речевой жанр <...> имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [11. С. 292]). Думается, что роман о читателе адресован субъекту, принадлежащему к литературоцентричной культуре и исходящему из установки на сближение, сопоставление (в крайнем случае, отождествление) художественно изображенной действительности и действительности, «данной [ему] в ощущении». Это адресат, который рассматривает литературу как копию жизни, авторитетное слово о ней, учебник жизни или даже форму религии. Роман о читателе и делегирует ему наблюдение над событиями чтения и судьбой читающего человека.

Такая концепция имплицитного читателя влечет за собой **ряд специфических мотивов**. Важнейший из них – *мотив поражения* литературно ориентированного героя, ищущего в литературе безусловные экзистенциальные опоры и окончательные смыслы. Этот мотив встречается в литературе всех

парадигм художественности, но в каждой из них он получает свое специфическое воплощение. В литературе традиционализма самые известные романские «пораженцы» – Дон Кихот и Вертер: эти герои или теряют доверие к книге, осознавая ее источником иллюзорного сознания и утопического поступка, или становятся объектом ее разрушительного воздействия.

Мотив поражения читателя, ищущего опоры в книжном знании, повторяется и в последующих парадигмах художественности: в литературе XIX в. это многочисленные плагиаторы романтического литературного жеста, а в литературе XX в. – читатели, рассчитывающие найти в чтении замену живой жизни или окончательное знание. Думается, что этот мотив особым образом проясняет концепцию имплицитного реципиента, подразумеваемого романом о чтении – в силу того, что содержит семантику предупреждения, акцентирует опасности, которыми может быть чревата литературоцентричная судьба.

Актуальность этого мотива также можно связать с формой полемики словесности с современной ей литературной эстетикой: литература о читателе полемизирует с теми основаниями сакрализации литературы, которые отличают эстетическую рефлексию данной историко-литературной эпохи. Так, например, *литература XIX в.*, изображая романтически настроенного читателя, для которого опора на литературный образ обернулась губительными последствиями, критически реагирует на характерный для романтической эстетики миф о том, что литература – это форма высшей реальности, способная возвысить читателя над повседневной действительностью. Выразительную иллюстрацию в данном случае может составить флюберовская героиня, жизненное фиаско которой непосредственно связывается автором с ее наивной ориентацией на литературный образец жизнестроительства, почитаемый за идеал. Другой пример подобной авторефлексии литературы находим в *реалистическом романе*, обращающемся к фигуре читателя. В данном случае свое выражение находит рефлексия относительно концепции литературы как аналога жизни и источника объективной истины – концепции, характерной для реалистической эстетики. Среди множества возможных иллюстраций сошлемся на роман О. де Бальзака «Провинциальная муза», героиня которого использует роман Б. Констана «Адольф» в качестве инструкции для построения успешной поведенческой модели в любовных отношениях, заслужив со стороны автора откровенно саркастическую оценку. Универсально трагическое завершение истории читателя в *литературе модернизма* подразумевает полемику с литературоцентристским пафосом эстетики рубежа XIX–XX вв., культивировавшей литературу как замену реальной жизни (например, в романе Э. Канетти «Ослепление»). Та же полемическая направленность отличает трагические истории о читателях в *литературе постмодернизма*, рефлексирующей литературу как феномен власти (например, романы К.М. Домингеса «Бумажный дом» и Ж.-Ф. Арру-Виньо «Урок непослушания»).

Впрочем, каждая парадигма знает и сочувственно изображенных читателей. Этот мотив – *мотив осуществления читательского замысла* – как

правило, наоборот, поддерживает культурную мифологию чтения, характерную для времени. Так, в литературе постмодернизма чтение часто трактуется как залог личного самоопределения и установления дружественного согласия с Другим – в полном соответствии с выработанной в эпоху постмодернизма концепцией, которая рассматривает словесность как сферу моделей смыслового оформления жизни и находит свое воплощение в теоретическом творчестве У. Эко, В. Изера, З. Баумана [12–14].

Вопрос о том, свойственны ли роману о читателе **особые формы субъектной организации**, мы оставляем открытым ввиду того, что он требует отдельного исследования. С одной стороны, проблематика романа о читателе подразумевает нарративную активность включенного в ткань повествования реципиента и активность обращенного к нему авторского слова. Это авторские отступления и обращения изображенному или потенциальному читателю; включенное слово героя-читателя; диалоги героя с персонажем, автором, текстом или другим читателем. Такого рода формы встречаются, например, у Боккаччо – в прологе к «Декамерону», обращенном к благосклонности женской аудитории, у Дидро в «Жак-фаталисте» – в диалоге автора с читателем, у Теккерея – в апелляциях к викторианской читательнице, у Бальзака – в эпилоге к «Шагреневой коже», у Мериме – в главе 8 «Хроники царствования Карла IX». С другой стороны, очевидно, что «нарративный металепсис» [15. Т. 2. С. 131] типизирует роман о читателе в меньшей степени, нежели сюжет чтения, и не является обязательной его особенностью.

Мы обозначили основные параметры романа о читателе. Обратим внимание на то, что в науке было высказано предложение рассматривать в качестве жанрового варианта метаромана *роман о чтении* (но не *роман о читателе*). Эта номинация принадлежит американскому специалисту по испанской литературе Роберту Спайрзу, который считает, что хотя метапроза существует с XVI в. (ее первым образцом является роман Сервантеса), сами метапрозаические жанры сложились только в литературе XX в. [16]. Называя метароман XX в. «самореферентным романом», Спайрз выстраивает типологию жанра, выделяя наряду с двумя другими формами и «the reader-focused novels» – «роман, в котором внимание фокусируется на акте чтения» (пер. В.Б. Зусевой-Озкан: [5. С. 25]). В.Б. Зусева-Озкан считает, что основания этой классификации «довольно условны»: «...не всегда можно с уверенностью определить, какой из трех аспектов является основным в том или ином самореферентном романе» [Там же. С. 25–26]. С точки зрения исследовательницы, в мировой литературе есть один роман, «который вроде бы достаточно определенно дает понять, что он – роман о чтении. Это книга Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник» (1979)» [Там же. С. 364].

Р. Спайрз же в качестве «the reader-focused novels» анализирует, в частности, роман Гонсало Бальестера «Фрагменты Апокалипсиса» (1977) [16. Р. 89–106]. В первой части романа («Рабочий дневник») повествователь (а в его образе подразумевается автор того романа, который мы читаем) описывает процесс работы над романным текстом [17]. При этом свое слово

он адресует читателю – русской девушке Леночке, которую привлекает и к обсуждению того, что уже написано, и того, что входит в его дальнейшие планы. Леночка – выдумка автора, на самом деле ее не существует, это вымышленный персонаж металитературной части романа, экспликация потенциального читателя, причем читателя, благосклонного к автору, насколько это возможно: Леночка выведена как возлюбленная автора (подробный анализ романа см.: [18]).

Таким образом, роман, сфокусированный на акте чтения в исследовании Р. Спайрза, – это все равно роман, рефлексирующий над процессом письма, правда, в аспекте его адресованности читателю, роман, исследующий взаимодействие авторской мысли с возможным адресатом начиная с первых шагов своего оформления под пером автора. Но это не делает его романом о чтении.

Мы предлагаем рассматривать в качестве субжанра метаромана *роман о читателе*. Безусловно, в первую очередь его репрезентирует *роман, размышляющий о своем собственном прочтении* (подобно тому, как классическая форма метаромана размышляет о своем собственном оформлении под пером художника). Здесь предметом изображения является именно *процесс чтения* романа, ставшего материалом непосредственного восприятия со стороны реального реципиента: герой-читатель и внетекстовый (реальный) читатель читают одно и то же произведение. И роман Итало Кальвино в данном случае представляет собой абсолютный образец данного жанра [19]. Вернее, роман, в котором свое абсолютное завершение нашла многовековая тенденция экспликации в романе авторских размышлений о его чтении. Свое воплощение она находила в самых разных формах присутствия автора, рефлексирующего о собственном читателе и акте прочтения собственного текста: обращения к читателю, диалог с читателем, авторские включения, посвященные вопросам чтения, и др. Думается, что в романе Итало Кальвино этот аспект романной структуры, ранее представлявший собой лишь ее отдельный метауровень, стал жанроопределяющим – в силу того, что он изображает деятельность читателя, пытающегося завершить чтение, неоднократно прерываемое по причинам внешнего характера. Вместе с читающим героем мы прочитываем читаемый им текст и участвуем в процессе его осмысления.

В то же время роман о читателе как жанровая разновидность метаромана – это не только роман, изображающий *чтение как процесс*, но и роман, изображающий *чтение как событие*. Такой роман рефлексирует о *результатах* встречи читателя с текстом. В романе такого рода повествование также выстраивается с метапозиции – позиции размышления о прагматической функции литературы, об обретениях читателя, выстраивающего свой поступок на материале собственного читательского опыта. Такой роман тоже фиксирует присутствие читателя во внутреннем мире произведения – не в качестве субъекта обращенного к нему со стороны автора слова (как у Г. Балльстера), а в качестве носителя литературного поступка. Впрочем, этот содержательный аспект присутствует и в первом (т.е. изобража-

ющем *процесс* чтения) типе романа о читателе. У Итало Кальвино эти два аспекта – изображение процесса чтения и изображение того, как осуществляется судьба читателя, – сочетаются: итальянский роман описывает встречу Читателя с Читательницей, в результате чего изображенный процесс чтения разрастается в любовное событие, которое знаменуется счастливым союзом. В финале повествования Читатель женится на Читательнице, и они вместе дочитывают роман Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник...» – роман, повествующий о них самих, об их пути друг к другу.

При известной оригинальности композиционного построения романа, сопрягающего десять фрагментов разных повествований, его событийная основа воспроизводит традиционную схему сюжета чтения. В ее основе лежит мотив поиска – поиска продолжения ускользающего текста и поиска собственной судьбы в акте чтения книги. При этом в романе И. Кальвино с чтением связывается не путешествие ради эстетического удовольствия и знания, а соединение с другим путешественником по тем же мирам. В результате предметом чтения становится другой человек – партнер по чтению. Недаром любовная сцена описана в романе как акт чтения: «Читательница, теперь ты прочитана. Твое тело подвергается подробному прочтению через информационные каналы осязания, зрения, обоняния. <...> Предметом чтения в тебе является не только тело. Тело значимо как часть некой суммы сложных элементов... с помощью которых представитель человеческого рода в определенных случаях полагает, что может прочесть другого представителя человеческого рода» [19. С. 109].

В обеих разновидностях романа о читателе (в романе, изображающем чтение как процесс, и в романе, изображающем чтение как событие) персонажем выступает читатель – либо того произведения, которое разворачивается перед нами в акте реального чтения, либо того, которое является предметом изображенного чтения. Абсолютное отличие между ними – наличие или отсутствие в нем самого текста читаемого героем произведения: если текст читаемого произведения приводится в романе (хотя бы в форме фрагмента), его необходимо атрибутировать как роман о процессе чтения. Если роман сосредоточен только на описании рецептивных реакций героя (эмоциональных, интеллектуальных, поведенческих), а читаемый им текст не входит в повествовательную ткань произведения, то это роман о чтении с точки зрения его результатов, роман, сосредоточенный на исследовании чтения как события. Другие же параметры этих форм (проблемно-тематический, сюжетно-мотивный, связанный с типом героя и адресата) совпадают.

Интересный – синтетический – случай романа о чтении представляет собой роман У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны». Он сочетает в себе изображение как процесса чтения, так и его события. Читаемые героем романа тексты представлены в пересказах, цитатах и визуализациях. Из последних одни воспроизводят реальные объекты визуальной культуры (комиксы, этикетки, марки, иллюстрации в журналах и т.д.), а другие являются результатом работы сознания героя, переживающего процесс мед-

ленного умирания. С другой стороны, повествование сконцентрировано на эмоциональных реакциях читающего героя, пытающегося использовать свой рецептивный опыт в акте воссоздания собственной личности.

При этом роман предлагает оригинальную реализацию сюжета чтения. Его трехчастная структура очевидно выстраивается на его основных элементах. Так, первая часть романа («Поражение») в событийном плане воспроизводит традиционный мотив потери (в данном случае речь идет о потере памяти в результате перенесенного героем инсульта).

Вторая часть («Бумажная память») изображает путешествие Ямбо (имя героя) по миру культуры, в том числе литературы, что символически соответствует мотиву поиска (в данном случае, себя самого, своей личностной целостности). Герой приезжает в имение своего деда, где прошли его детство и юность, и перечитывает, пересматривает и переслушивает все, что обеспечивало его взросление: книги, комиксы, журналы, школьные сочинения, виниловые пластинки, детские коллекции марок и т.д. Эта часть разрабатывает и мотив переживания героем коллизии, возникшей на почве надежд, с которыми он связывает чтение. Попытка восстановить целостность «Я» оборачивается, как признается герой, «монтажом» самых разнородных элементов, никак не образующих даже иллюзию единства внутреннего мира: «Я что-то комбинировал, резал, двигал, склеивал, то реконструировал естественную плавность мыслей и эмоций, то монтировал встык. У меня в голове выстроилось не то, что я видел и слышал, и даже не то, что я мог бы видеть и слышать в далеком детстве. Вместо этого образовался мираж. Муляж. Попытка в шестьдесят лет вообразить, чем дышал и жил десятилетний. Нет уверенности, что все “было именно так”. Но есть хрупкое представление, есть значки на ломких папирусах – какие чувства я мог, имел возможность перечувствовать в давнем прошлом» [20. С. 220].

Литература, к которой герой возвращается спустя полвека, не обеспечивает нового рождения, но тем не менее вознаграждает более чем щедро: в родовом поместье герой находит Великий Фолио 1623 г., который расценивает как «билет в настоящее время», портал к самому себе: «Эту книгу открывает портрет Шекспира. Найду и портрет Лилы. Бард отведет меня к Смуглой Даме», леелет герой надежду на воспоминание, обеспечившее бы ему возвращение к целостности собственного «Я» [Там же. С. 361]. Надежда восстановить в памяти лицо девочки, в которую он был влюблен в юности, и завершает нарратив второй части.

Третья часть, озаглавленная «ΟΙ ΝΟΣΤΟΙ» («Возвращение домой») описывает результаты читательской деятельности героя и представляет собой эквивалент такому элементу археосюжета, как фаза преображения героя, завершившего поиск. В этой части представлена работа умирающего сознания Ямбо, который все-таки пытается прорвать туман смерти мольбой к волшебному пламени царицы Лоаны, очевидно, символизирующему счастье взаимодействия с миром культуры, насыщающим смыслом и цельностью то, что происходит с человеком в его жизни. И герою удается вспомнить эпизод из своего детства, связанный с участием в борьбе Со-

противления. Однако образ возлюбленной так и гаснет в умирающем сознании Ямбо, замещаясь образом черного солнца.

Интересно, что, будучи не в силах вспомнить лицо Лилы, герой моделирует свою любовную историю по истории Сирано де Бержерака, хотя и рассчитывал на Шекспира. Видимо, Шекспир символизирует для Ямбо литературу вообще, ее спасительные возможности, те счастливые обретения, которые она сулит. Великий Фолио – абсолютное выражение того дара, обладателем которого может стать читающий человек. Поэтому литература представлена у Эко и другими образцами – «дурными», как говорит его герой, имея в виду комиксы и «несуразную» и «дику бессвязную» поп-литературу. Недаром элементами образа Лилы в воображении героя становятся не только черты, узнаваемые читателем по классическим образам Беатриче и Лауры, но и отсылающие его к штампованным и вульгарным образам массовой продукции. Литературное переживание встречи умирающего героя с Лилой и завершает повествование.

Состоялось ли возвращение героя к себе самому? Отчасти да, хотя герой, погружающийся в тьму забвения, сам в этом не уверен: «Не знаю, таинственное ли пламя царицы Лоаны гложет изнутри мои олубеневшие лобные доли, таинственный ли эликсир промывает закопченные страницы бумажной памяти, на которых такое множество поврежденных и нечитаемых мест... Или это я сам напряживаю нервы усилием на грани нестерпимости» [20. С. 535].

Думается, что такое решение сюжета чтения связано с полемикой Умберто Эко с постмодернистской теорией олитературенного сознания. Эко, известный критик постструктуралистских концепций, в этом романе выражает сомнение в том, что человеческое сознание представляет собой сумму текстов, прочитанных в течение жизни. История его героя свидетельствует о том, что коллекция цитат (сохранившихся в памяти героя после инсульта), так называемая «бумажная память», вовсе не тождественна феномену личной памяти, являющейся залогом целостности человеческой личности.

В процессе поиска терминологического наименования для данной жанровой формы, которую до сих пор мы идентифицировали с крупными нарративными формами, следует сделать важное уточнение: номинацию «роман о читателе» возможно использовать и в отношении новеллистических произведений, обладающих вышеописанными характеристиками: в силу того, что в них также – на всех уровнях художественной структуры – осуществляется рефлексия указанного типа. Конечно, в новелле более развернутыми могут быть те или иные аспекты метарефлексивной структуры (например, мотив кризиса, мотив подражания герою, мотив поражения и др.), но в свернутом виде новелла подразумевает наличие всех устойчивых элементов мотивно-сюжетной организации романа о читателе (в котором, как правило, сюжет чтения осуществляется в совокупности всех компонентов). Вспомним в связи с этим, что первый роман о читателе – роман Сервантеса «Дон Кихот» (он же первый метароман и первый образец романного жанра в европейской литературе) – вырос из новеллистического

зерна, именуемого в науке «Протокихотом». Но в описании первого выезда Дон Кихота (оно и составляет содержание «Протокихота») уже присутствует вся совокупность элементов той формы, которая в своем окончательном виде образует жанр метаромана.

Роман Сервантеса совмещает в себе рефлексию о письме и рефлексию о чтении. Остановимся на репрезентативных образцах романа о читателе. *Роман, фиксирующий процесс чтения*, – крайне редкое явление в литературе. Напомним, что В.Б. Зусева-Озкан считает роман И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник...» единственным в своем роде метароманом о чтении (именно так исследовательница определяет его тип, очевидно, опираясь на терминологию Р. Спайрза). Думается, что вполне правомерно было бы причислить к данному типу и роман М. Елизарова «Библиотекарь» [21]. Отдельный его ракурс непосредственно посвящен описанию чтения, причем читаемый текст (фрагменты из него) непосредственно приводится в романе. Так автору удается объяснить тот эстетический эффект, который формируют книги вымышленного советского писателя Дмитрия Громова, воздействуя на его почитателей. Предметом исследования в романе является именно рецептивный заряд литературы соцреализма, Елизаров подробно прописывает условия его осуществления, что и позволяет маркировать его как роман о процессе чтения, хотя его результатам посвящены самые сокрушительные страницы повествования. «Чистой», беспримесной формы романа о процессе чтения мы не нашли: как правило, процесс чтения всегда вписан в повествование о том, как в судьбе читателя сказались его результаты. Так же эти два аспекта сочетаются и в романе И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник...», и в романе У. Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны».

А вот чистые формы *романа о чтении как события* в литературе встречаются часто: в XVIII в. это романы Ш. Сореля, А. Фюретьера, И.В. Гете, в XIX в. – Дж. Остен, Ф. Стендаля, О. Бальзака, Г. Флобера, в XX в. – Г. Гессе, Э. Канетти, А. Деблина, Г. Грасса, М. Каннингема, в XXI в. – Т. Толстой, К.М. Домингеса, К.Д. Фаулер и др. Причем доминирует негативный результат завершения истории читателя, в рамках которой он терпит поражение в опоре на литературный опыт. Позитивный же вариант встречается крайне редко: помимо читательского сюжета у И. Кальвино, позитивный результат литературного поведения находим, например, в новелле Г. Айзенрайха «Приключение как у Достоевского», романах А. Байетт «Обладать», Г. Грасса «Широкое поле» и др. Это наблюдение открывает проблематику, требующую своего дальнейшего прояснения.

Литература

1. *Турьшьева О.Н.* Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 286 с.
2. *Waugh P.* Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. L. ; N.Y. : Routledge, 1984. 219 p.
3. *Hutcheon L.* Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox. N.Y. : Methuen, 1984. 226 p.

4. Липовецкий М. Из предыстории русского постмодернизма: (Метапроза Владимира Набокова от «Дара» до «Юлиты») // Липовецкий М. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург, 1997. 217 с.
5. Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана. М. : Intrada, 2014. 488 с.
6. Изер В. К антропологии художественной литературы / пер. с англ. // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 7–21.
7. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. М. : Новое издательство, 2006. 272 с.
8. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения русского дворянства // Из истории русской культуры XVIII – нач. XIX в. : в 5 т. М., 1996. Т. 4. С. 537–575.
9. Тюпа В.И. Фазы мирового археосюжета как историческое ядро словаря мотивов // От сюжета к мотиву. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. С. 16–24.
10. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004. 512 с.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / сост. С.Г. Бочаров. СПб., 2000. С. 249–298.
12. Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. СПб. : Симпозиум, 2002. 288 с.
13. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория: антология / сост., пер. и примеч. И.В. Кабановой. М., 2004. С. 22–45.
14. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
15. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 60–277.
16. Spires R.C. Beyond the Metafictional Mode: Directions in the Modern Spanish Novel. Lexington, 1984. 164 p.
17. Torrente Ballester G. Fragmentos de Apocalipsis. Barcelona, Destino, 1977. 393 p.
18. Назаренко А.И. Проза Гонсало Торренте Бальестера и «городской роман» 80–90-х годов XX века: Две версии испанского постмодернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 32 с.
19. Кальвино И. Если однажды зимней ночью путник / пер. с итал. СПб. : Симпозиум, 2000. 423 с.
20. Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны / пер. с итал. Е.А. Костюкович. СПб. : Symposium, 2008. 592 с.
21. Елизаров М. Библиотекарь. М. : Ad Marginem, 2008. 448 с.

A Novel About the Reader as a Case of a Meta-Novel

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 292–304. DOI: 10.17223/19986645/63/17

Olga N. Turyshcheva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: oltur3@yandex.ru

Keywords: meta-novel, novel about reading, novel about reader, reader-hero, literary self-reflection, pragmatics of literature, Umberto Eco, *The Mysterious Flame of Queen Loana*.

The problem of the article is the justification of such a genre form as a novel about the reader. The problem is posed for the first time. The question of the genre unity of texts forming this paradigm is solved on the material of narrative texts from the literature of the early Middle Ages to the literature samples of the 21st century. Comparative and immanent methods are used. The type of the plot organization that distinguishes the novel about the reader is analyzed in detail. A nomination is introduced for its designation: a “reading plot”. Within the framework of this plot, several permanent elements are singled out, which obviously correlate with the elements of the cyclic story about initiation. Specific motifs

distinguishing the narrative about the reader are revealed. Among them, special attention is paid to the motive which completes the scheme of the reading plot. This is the motive of the reader's transformation. It can have both positive and negative incarnations in the text of the novel about the reader. The author of the article offers the most expressive illustrations. The article is devoted to a polemic concerning the issue of the name of the selected genre paradigm. The term "novel about reading" is rejected as insufficiently expressing the specifics of the genre in question. The notion of the "novel about the reader" is substantiated. Also, the article contains reflections on the typology of the novel about the reader. There are two varieties of this genre. The first type is a novel reflecting on its reading. Here the subject of the image is the process of reading the novel which is the material of direct perception on the part of the real recipient. Such a novel necessarily contains the text of the work read by the character (at least in the form of a fragment). The second type is a novel depicting reading as an event. Such a novel reflects on the results of the reader's meeting with the text. It portrays the reader as a bearer of literary behavior. The study concludes that the reader's novel is a specific type of a meta-novel. It develops problems similar to those of a meta-novel: the question of the relationship between art and reality. But the novel about the reader reflects on the relationship between literature and life on the material of the reader's work (not the author, as in a classical meta-novel). Also, the novel about the reader is a special genre form of a meta-novel due to the fact that it is distinguished by the unity of structural and semantic features: the unity of the problems, the type of plot, the type of the central character, the narrative organization and the addressee. The article outlines the prospects for further research on this genre: the study of the question of the specifics of the subject organization of the novel about reading and the question of the difference between the novel about the reader and the novella about the reader.

References

1. Turyшева, O.N. (2011) *Kniga – chtenie – chitatel' kak predmet literatury* [Book–Reading–Reader as a Subject of Literature]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Waugh, P. (1984) *Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. London; N.Y.: Routledge.
3. Hutcheon, L. (1984) *Narcissistic Narrative: The Metafictional Paradox*. N.Y.: Methuen.
4. Lipovetskiy, M. (1997) *Russkiy postmodernizm: (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism: (Essays on Historical Poetics)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
5. Zuseva-Ozkan, V.B. (2014) *Istoricheskaya poetika metaromana* [The Historical Poetics of the Meta-Novel]. Moscow: Intrada.
6. Iser, W. (2008) K antropologii khudozhestvennoy literatury [Towards Literary Anthropology]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 94. pp. 7–21.
7. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
8. Lotman, Yu.M. (1996) Poetika bytovogo povedeniya russkogo dvoryanstva [Poetics of Everyday Behavior of the Russian Nobility]. In: Kuzovkina, T.D. & Gekhtman, V.I. (eds) *Iz istorii russkoy kul'tury XVIII – nach. XIX v.: v 5 t.* [From the History of Russian Culture of the 18th – Early 19th Centuries: In 5 Vols]. Vol. 4. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 537–575.
9. Tyupa, V.I. (1996) Fazy mirovogo arkhеosyuzheta kak istoricheskoe yadro slovarya motivov [Phases of the World Archaeological Plot as the Historical Core of the Dictionary of Motives]. In: Tyupa, V.I. (ed.) *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury. Ot syuzheta k motivu* [Materials for the Dictionary of Plots and Motives of Russian Literature. From Plot to Motive]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 16–24.

10. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: In 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: Akademiya.
11. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Character. On the Philosophical Foundations of the Humanities]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 249–298.
12. Eco, U. (2002) *Shest' progulok v literaturnykh lesakh* [Six Walks in the Fictional Woods]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
13. Izer, V. (2004) *Izmenenie funktsiy literatury* [Change in the Functions of Literature]. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [Modern Literary Theory: An Anthology]. Moscow: Flinta, Nauka. pp. 22–45.
14. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
15. Genette, G. (1998) *Raboty po poetike. Figury: v 2 t.* [Works on Poetics. Figures: In 2 Volumes]. Translated from French by E. Gal'tsova. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. pp. 60–277.
16. Spires, R.C. (1984) *Beyond the Metafictional Mode: Directions in the Modern Spanish Novel*. Lexington: University Press of Kentucky.
17. Ballester, T.G. (1977) *Fragmentos de Apocalipsis*. Barcelona: Destino.
18. Nazarenko, A.I. (2003) *Proza Gonsalo Torrente Bal'estera i "gorodskoy roman" 80–90-kh godov XX veka: Dve versii ispanskogo postmodernizma* [Prose by Gonzalo Torrente Ballester and the Urban Novel of the 1980s-1990s: Two Versions of Spanish Postmodernism]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. Calvino, I. (2000) *Esli odnazhdy zimney noch'yu putnik* [If on a Winter's Night a Traveler]. Translated from Italian. St. Petersburg: Simpozium.
20. Eco, U. (2008) *Tainstvennoe plamy tsaritsy Loany* [The Mysterious Flame of Queen Loana]. Translated from Italian by E.A. Kostyukovich. St. Petersburg: Symposium.
21. Elizarov, M. (2008) *Bibliotekar'* [Librarian]. Moscow: Ad Marginem.

УДК 82-65: 821.161 (091)
DOI: 10.17223/19986645/63/18

Т.Б. Фрик

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ЭПИСТОЛЯРИИ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Статья посвящена осмыслению образа «чужого» в письмах Н.М. Карамзина к разным адресатам. Карамзинский эпистолярный рассматривается как значимая часть творческого наследия его автора. Сделан вывод о том, что образ «чужого» явлен на уровне образной и мотивной организации, в пространстве писем он неотделим от образа «своего» и неразрывно связан с карамзинской политической педагогикой и нравственно-философскими идеалами.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, эпистолярный, образ «чужого», поэтика эпистолярная.

В контексте отечественной культуры проблема восприятия и осмысления «чужого», безусловно, имеет особое значение, поскольку одним из основных смыслов интереса к «чужому» в России традиционно является самопознание [1. С. 160]. Применительно к указанной проблематике обращение к Н.М. Карамзину как к личности и автору «Писем русского путешественника», «Истории государства Российского» и переводчику стало уже своеобразной традицией. Это обстоятельство объясняется, с одной стороны, ролью Н.М. Карамзина в процессах смены эстетического сознания эпохи, в изменениях в подходах к воплощению действительности средствами литературы, с другой – значимостью его творчества для решения проблемы самоопределения русской культуры относительно культуры западной. Так, по мысли Б.А. Успенского и Ю.М. Лотмана, роль Н.М. Карамзина заключается в упразднении противопоставления миров России и Европы: «"Письма русского путешественника" были принципиально новым словом в споре о России и Западе. Карамзин вводил читателя в мир, где Россия и запад не противостояли друг другу. Европа <...> стала обыкновенной, понятной, своей, а не чужой» [2. С. 564]. В меньшей степени с этой точки зрения в контекст исследовательских размышлений попадает эпистолярное наследие Н.М. Карамзина, в связи с чем рассмотрение частных писем писателя в указанном аспекте представляется значимым и актуальным.

Предваряя выводы, касающиеся специфики образа «чужого» в эпистолярной Н.М. Карамзина, необходимо сделать несколько вводных замечаний. В современной исследовательской практике выделяется подход к писательскому эпистолярию как к разновидности дискурса, отражающего высокую степень самораскрытия личности, имеющего серьезное влияние на

¹ Исследование выполнено в Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета.

общество как на философский, историософско-антропологический нарратив человека во времени и времени в человеке [3. С. 4]. Кроме того, особенно письма писателей рубежа XVIII – начала XIX в., рассматриваются как неотъемлемая часть художественного наследия их авторов. С этой точки зрения вполне закономерно стремление исследователей осмыслить частную переписку Н.М. Карамзина как явление культуры и литературы, в этом смысле высказывание П.А. Вяземского по-прежнему не теряет своей актуальности: «В них (письмах. – Т.Ф.) старший памятник и жизни его, и литературного нашего преобразования <...> В них специально ничему не научишься, но вместе с тем научишься всему, что облагораживает ум и возвышает душу» [4. С. 251–252].

Рост интереса к наследию Карамзина как к живому факту отечественной культуры стал причиной появления ряда работ, направленных на осмысление его частной переписки как явления культурного и как факта литературы. Анализ поэтики карамзинских писем позволяет вскрыть их философско-антропологический, культурно-исторический и художественный потенциал. Н.М. Карамзин в своей эпистолярной практике воплотил совершенно новую для своей эпохи структуру нарратива, характеризующегося своеобразным типом взаимосвязи литературной практики и жизни, он «олицетворил новый тип мироощущения, новый тип личностной структуры, художественного поведения, трансформации человеческого опыта в структуру литературного текста» [5. С. 127]. В частной переписке писателя расширяются границы документальности посредством принципов и приемов художественного осмысления действительности, письма раскрывают не только внутренний мир автора, но и «процесс формирования индивидуально-авторской модальности в русской словесности» [6. С. 127].

Форма и идейное наполнение писем, явленный в них мотивный комплекс, ключевые образы, субъектная организация эпистолярия отразили характерные для Карамзина способы олитературирования действительности, принципы организации эпистолярного диалога с адресатом, в котором в ряду прочего особым образом осмысляются соотношения «свое» – «чужое», Россия – Европа, «мы – они».

Теснейшая связь внутренней жизни Карамзина с литературой определяет образную структуру писем. В них выкристаллизовывается сложный авторский образ, отражающий различные уровни саморефлексии биографического автора писем. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что для писателя характерно специфическое эпистолярное поведение, в основе которого лежат особые стратегии авторской самопрезентации. В этом смысле проблема сочетания субъективного и объективного слоев карамзинского повествования, взаимодействие плана автора и плана героя, персонифицированного повествователя с биографическим автором текста, крайне актуальна при осмыслении писательского нарратива [7. С. 5–6], не менее важна и при анализе его эпистолярного наследия, в том числе в аспекте отражения в нем проблематики и поэтики «своего» и «чужого».

Эта особенность карамзинской эпистолярной практики проявляется еще в ранних письмах. В частности, в письмах к Лафатеру (речь идет о переписке Н.М. Карамзина и швейцарского философа в 1786–1790 гг.) образ автора – это образ пылкого русского юноши, раскрытие и позиционирование которого происходит относительно других культур, и воплощением этого своеобразного культурного трансфера становится именно эпистолярная форма: «Знаете ли вы, что один русский юноша имел счастье читать ваши сочинения <...> О, если б я мог увидеть этого человека! <...> Но как это возможно? Отделенный от него несколькими странами, я никак не надеюсь на такое счастье. Но не могу ли я написать к нему письмо? <...> Юноша не хочет терять ни одной минуты, берет перо в руки и начинает писать свое письмо. Этот юноша – я сам, и так, как я юноша, то вы должны меня простить, что я своим письмом прерываю более важные занятия ваши [8. С. 236]. Показателен в этом смысле и постскриптум письма: «Простите мне все ошибки языка <...> ведь я не немец и ни с кем еще не обменивался немецкими письмами» [Там же. С. 237].

Карамзин выстраивает эпистолярное общение с Лафатером как переписку ученика и великого учителя, однако при этом совершенно очевидно, что за ученической маской в переписке с Лафатером-учителем стоит автор писем глубоко мыслящий, начитанный и ироничный, способный на самостоятельные оценки. Так, в цитируемом выше письме находим достаточно категоричное высказывание относительно памфлета Мирабо, направленного против Лафатера: «Пусть сумасбродный француз кричит до изнеможения легких. Всякий разумный человек согласится, что французы – сумасброды» [Там же. С. 237, 238]. При этом появление образа сумасбродного француза необходимо рассматривать как способ усиления интенции письма (создание восторженного образа Лафатера – учителя), а не как проявление некой мировоззренческой константы.

Подобный прием Н.М. Карамзин будет использовать и в более поздних своих письмах. В этом смысле характерным примером может служить фрагмент из письма к М.Н. Муравьеву от 28 сентября 1803 г., в котором адресант, прося помощи последнего в получении должности придворного историографа, позиционирует себя как автора европейского уровня, апеллирует к европейскому культурному опыту, рассматривая его в качестве образца для подражания: «Правительство может иметь некоторое уважение к человеку, который способствует успехам языка и вкуса, заслужил лестное благоволение российской публики и которого бездельки напечатаны на разных языках Европы, удостоились хорошего отзыва славных иностранных литераторов <...> Во Франции, богатой талантами, сделали некогда Мармонтеля историографом и давали ему пенсию, хотя он и не писал Истории: у нас в России, как вам известно, не много истинных авторов... для чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже известного в Европе?» [Там же. С. 280–281].

Интересен также круг чтения, отсылки к которому в переписке с Лафатером часто становятся для Карамзина – автора писем источником раз-

мышлений о проблемном поле Россия – Европа, за которыми стоит просвещенный, оригинально мыслящий русский, берущий на себя право встраивать русских авторов в парадигму европейской культуры: «Я читаю произведения Лафатера, Гелерта, Галлера и многих других. Я лишен удовольствия много читать на своем родном языке. Мы еще бедны писателями. У нас есть несколько поэтов, заслуживающих быть читанными: первый и лучший из них – Херасков <...> 14 лет тому назад господин Новиков прославился своими остроумными сочинениями <...> В господине Ключарева мы имеем поэта-философа, но он пишет немного» [8. С. 242]. В качестве примера работы Карамзина – автора писем по созданию образов автора и адресата, смены образных планов можно также привести фрагмент письма от 10 июня 1788 г., посвященный размышлениям о сочинениях Беннета: «Вы ведь мой учитель – сердце мое трепещет от этого радостного сознания. – Ученик ваш поэтому должен сообщить вам, чем он занимается. Я прилежно читаю сочинения Беннета»; далее образный план меняется: «Хотя великий философ нашего времени открыл мне много новых взглядов, я все-таки не вполне доволен всеми этими гипотезами»; в итоге после глубокого философского пассажа автор вновь скрывается за ученической маской: «Может быть... но я слишком много болтаю. <...> Будьте здоровы, мой благодетель» [Там же. С. 251].

Образ автора, как и образ адресата, в дальнейшем также определяет характер карамзинских писем, влияет на их имагологию. В письмах разных лет к друзьям, членам семьи, монаршим особам, чиновникам, литераторам в ряде вербализуемых поведенческих максим выкристаллизовываются различные авторские образы: сельский житель, стареющий историограф, философ, меланхолик, варвар, гурон (человек, чужой светской жизни и ее законам). Все эти образы, с одной стороны, отражают влияние литературной традиции, с другой – фиксируют жизненную философию, просветительские и педагогические принципы Н.М. Карамзина. Так, в письмах к царствующим особам автор писем и наставник, ментор, просветитель (для императрицы Елизаветы Алексеевны он «высший трибунал в области русского языка», для сестры императора Александра I Екатерины Павловны – «милый учитель», «учитель любимый»), и гражданин, пылающий «ревностью ко славе отечества» [Там же. С. 281].

Осмыслению и трансляции собственного мироощущения, выстраиванию поведенческого текста также способствуют инокультурные образы, одним из которых, в частности, становится образ Дон Кихота, самоотожествление с ним высвечивает значимые грани образа умудренного жизнью историографа, последовательно создаваемого Карамзиным в его письмах: «Назови меня Дон-Кишотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю – человечество!» [Там же. С. 369]. Исследователи справедливо отмечают связь испанской темы в карамзинском наследии с эволюцией его мировоззрения как писателя и историографа [9. С. 113], в эпистолярном контексте образ Дон Кихота принципиален для выражения гуманистических идей содействия благу

всего человечества, патриотизма, всемирной отзывчивости, он стал своеобразной квинтэссенцией идеалистических установок автора.

Образ «чужого» по-особому раскрывается и в мотивной структуре карамзинского эпистолярия, в частности в мотиве родного края, который стал для Н.М. Карамзина – автора писем мотивом всей жизни. Раскрытие данного мотива осуществляется средствами сентименталистской эстетики и поэтики и актуализирует движение эпистолярного нарратива от быта к нравственной и философской символике. Мотив родного края, нашедший отражение в письмах, фиксирует ценностно значимые смыслы, становится символом духовной связи, единства автора с его адресатом (земляком, родственником, другом). Он имеет реальную топографическую привязку: Знаменское, Симбирск, Волга, Свияга, заволжские деревни – пространства, единящие Н.М. Карамзина со старшим братом В.М. Карамзиным, земляками И.И. Дмитриевым и А.И. Тургеневым. В переписке с братом родной край – это пленительное воспоминание, символ неразрывной связи с домом и семьей, малой родиной, способ единения с родными; в письмах Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву малая родина – это идеальный топос дружбы земляков, поэтов, сочувственников. Не менее важную роль в карамзинском эпистолярии играет образ Москвы, противопоставленной официальному Петербургу. Москва и Петербург Карамзина, очевидно, не просто вписываются в поэтику и эстетику петербургского и московского текста русской литературы, но и играют не последнюю роль в их сотворении.

Важно все же, что образ родного края и его значимость не ограничиваются только указанными выше субъективно ценными для Карамзина топосами. Своеобразная философия «чужого» пространства также становится инструментом жизнестроительства автора писем, способствует декларации его системы ценностей. В этом смысле чрезвычайно показательным является польский сюжет, развернувшийся в переписке Н.М. Карамзина и князя П.А. Вяземского в период с 1817 по 1821 г. (время службы последнего в канцелярии комиссара императора Н.Н. Новосельцева в Польше).

Исследователи отмечают своеобразный национализм Н.М. Карамзина (слово «национализм» прежде всего фиксирует «круг идей, связанных с новым восприятием государства» [10. С. 72]), отразившийся в стремлении обнаружить исконно русскую самобытность, в фиксации принципиальной значимости самодержавия для российской государственности, утверждение идеи государственного могущества страны как гаранта ее безопасности. В этой связи не случайно сложное отношение Карамзина-историка к польскому вопросу, выразившееся и в записке Александру I («Мнение русского гражданина»), и в «Истории государства Российского» и заключающееся в неприятии расширения польских границ за счет присоединения западных губерний и ее особого статуса в составе Российской империи. Все это не могло не отразиться в дружеской переписке, в которой, однако, образ «чужой» Польши явно усложняется.

Изначально в письмах к П.А. Вяземскому Польша (Варшава) – пространство чужое и чуждое, все, что с ним связано, воспринимается нега-

тивно, сам факт отъезда Вяземских вызывает только отрицательные эмоции у Карамзина: «Вам, как видно, рок ехать в Варшаву, хотя у меня по сие время и не лежит к этому сердце» [8. С. 317]; «Тамошняя скука ваша есть добродетель в моих глазах: мне бы грустно было, если бы вы веселились с поляками, хотя мы и должны любить их по Христианству и человечеству» [Там же. С. 326]. Однако контекст карамзинского дружеского письма, создаваемый с опорой на систему категорий чувствительной литературы, ориентированный на поэтизацию дружеских уз, связывающих автора и адресата, способствует присвоению чужого и чуждого пространства, смене оценочного регистра: «Вы завезли туда и наше сердце. Польша сделалась нам своя: чего не бывает на свете?» [Там же. С. 322]; «Краков не Рим, однако ж имеет свои древности, и притом славянские: можно видеть их с любопытством и удовольствием» [Там же. С. 328].

В рамках польского сюжета родной край – это вся Россия, которая представляет пространство сакральное, не случайно в этом отношении приветствие Карамзина, адресованное Вяземскому: «От всего сердца обнимаем вас, любезный князь на Святой Руси» [Там же. С. 333]. Сакрализация «своего» пространства усиливается за счет включения библейских контекстов: «Хорошо во всяком месте оставить людей с добрым об нас мнением. Вопреки библейской пословице можно быть пророком и в своей земле; однако ж добрая слава и в чужой лестна сердцу» [Там же. С. 340].

Так образ родного края – пространства субъективно значимого – разрастается до образов-символов: Святая Русь, своя земля, дом, которые вписаны в контекст историко-философских представлений автора писем, а также его размышлений о любви к родине, о долге перед отечеством. Здесь уместно вспомнить один из фрагментов карамзинской записки «О любви к отечеству и народной гордости»: «Любовь к отечеству может быть физическая, моральная и политическая <...> Но физическая и моральная привязанность к отечеству, действие природы и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [11. С. 280–281]. В своей эпистолярной практике Н.М. Карамзин последовательно развивает эту мысль, внедряет ее в сознание адресата.

В письмах к П.А. Вяземскому и А.И. Тургеневу периода их жизни за границей образ России-дома противопоставлен Н.М. Карамзиным всему европейскому – чужому. Не случайно в замечании по поводу отъезда А.И. Тургенева содержится сдержанное, но вполне явное осуждение: «Он (А.И. Тургенев. – Т.Ф.) смотрит от нас в лес. То есть в Европу; а мы остаемся мыкать азиатское свое горе в уединении» [8. С. 351]. А в письме от 6 сентября 1825 г. к самому Тургеневу Карамзин-наставник, напоминая своему адресату о необходимости вернуться на родину, в полной мере раскрывает свои представления о патриотизме через образы «своего» (реально-го, истинно ценного, требующего приложения созидательных усилий) и «чужого» (эфемерного, отвлекающего от настоящего дела): «Все чужое

есть для нас только зрелище: смотри, а дела не забывай! Вы еще в долгу у России. То есть уже напоминаю Вам о возвращении... “В доме Моем многие обители суть” <...> Для нас, русских с душою, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мысль, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека: есть только жвачное животное с брюхом и с знаком пола, в навозе, хотя и цветами убранном» [8. С. 435].

Сентиментальная картина мира с характерными для нее вчувствованием и психологической интеграцией с окружающими реалиями, значимостью образа «Другого», диалогического взаимодействия с ним влияет и на характер отражения особенностей нацистроительства, в процессе которого большую роль играет общность сердечных порывов [12. С. 9–10], оказывает серьезное воздействие на поэтику писем Н.М. Карамзина вообще и поэтику «чужого» в частности.

Карамзинский эпистолярный отразил меланхолическую традицию русской сентиментальной культуры, подобрал поэтику лирического автобиографизма. Письма, пронизанные элегическими мотивами, посредством которых передается предметное содержание, зафиксировали характерную авторскую манеру, в которой проявилось его стремление к закреплению взаимосвязи внутреннего мира адресанта с переживаемыми реалиями и событиями внешнего мира.

Особую роль в создании лиризма играют итальянские мотивы и образы, появление которых часто напрямую связано с поэтизацией фрагментов письма, в которых частная, бытовая ситуация возводится на уровень лирической философии. Примером может служить переписка Н.М. Карамзина с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Одним из центральных образов их эпистолярного общения становится образ Розового павильона – символа долгожданной встречи императрицы и историографа: «Не завидую ни Капитолию, ни Петрарке, ни Тассу; не возьму их свежих лавровых венков за одну иссушенную розу всего волшебного Павильона, которая упала с неба в тихий, уединенный кабинет мой: храню ее как святыню среди Клийских хартий и свитков; она уже не завянет и служит для меня эмблемою исторического бессмертия» [8. С. 33]. Мотив отсутствия зависти в данной ситуации также крайне важен, поскольку маркирует границу между «своим» и «чужим», при этом последнее усиливает идиллический образ близкого автору пространства.

Образ солнечной Италии еще не раз появится в письмах как часть поэтичных картин родной природы, как средство поэтизации родного края, способ выражения патриотических чувств: «...один день лучше другого, и мы в гордости своей не завидуем солнцу Италии: Царскосельское, Павловское так ярко, что русская пословица: смотреть сентябрем на сей раз не имеет смысла. Наслаждаемся и надеемся: барометр поднимается непременно выше и выше, как Россия!» [Там же. С. 42].

В поздних письмах Н.М. Карамзина образ Италии развивается в рамках элегической традиции. Италия прекрасна и недостижима, она символ но-

вой жизни и перемен для больного историографа: «...я имею неописанную жажду к разительному новому, к другим видам природы, горам, лазури италианской etc. ... Мне не верится, что буду на море etc» [8. С. 356]; «Мысли стремятся во Флоренцию» [Там же. С. 357].

Один из ключевых элегических мотивов карамзинских писем – это мотив оживления через рассказ, или воспоминание, воплощенный в совокупности с мотивом ожидания и невозможности встречи. Он сближает поэтику эпистолярия с поэтикой стихотворного дружеского послания. Так, мысленно переносится к Лафатеру русский юноша – Карамзин: «Меня приводило в восторг переноситься мысленно в Цюрих, воображать себя в одной стране, под одной кровлей с Лафатером, – в этой мечте для меня было что-то существенное» [Там же. С. 248]. Также мысленно за своим августейшим адресатом – императрицей Марией Федоровной – Карамзин-историограф переносится из России в Германию, объединяя в своем воображении и тексте письма обе державы в общее пространство дружбы и единения родных сердец, не забывая напомнить адресату об истинной его миссии: «Вы уже далеко; но мы не перестаем следовать за Вами душою и сердцем. Оставив страну, ознаменованную Вашими благодеяниями, видите ту, которая славится Вашим рождением. Германия – сестра России. Вы утвердили союз между ими <...> Место родины всегда приятно для души чувствительной, но место, где мы делаем добро, еще приятнее. Вы должны любить Германию: не завидуем ей, ибо Вы любите Россию еще более и не можете вспоминать о ней без умиления» [Там же. С. 42]. Так в очередной раз мотивы своего и чужого пространств стали отражением мировоззрения Карамзина, его жизненных принципов.

Очевидно, что образ «чужого» в пространстве карамзинских писем неотделим от образа «своего», от мыслей о судьбе России, он неразрывно связан с карамзинской политической педагогикой и нравственно-философскими идеалами. Рассмотрение эпистолярия Н.М. Карамзина через призму образа «чужого» позволяет высветить значимые аспекты мировоззрения автора писем, рассмотреть динамику проявившихся в эпистолярной характерных элементов поэтики, которая определяется жизненной и творческой траекторией писателя. Карамзинские письма представляют собой пример того, как эпистолярный текст взаимодействует с литературной традицией, участвует в творческой деятельности его автора и, что немало важно, становится продуктивным для развития отечественной прозы вообще и эпистолярной в частности, оказывает влияние на развитие национального сознания.

Литература

1. Лотман Ю.М. Современность между востоком и западом // Знамя. 1997. С. 157–169.
2. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 525–606.

3. Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2004. 46 с.
4. Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 250–253.
5. Шаврыгин С.М. Особенности художественного мироощущения Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник: Наследие Н.М. Карамзина и современное развитие российского общества. Ульяновск, 2014. С. 127–129.
6. Сапченко Л.А. «Любовные письма совсем не принадлежат к письмам...» (специфика жанра в эпистолярии Н.М. Карамзина) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 1. С. 167–182.
7. Лебедева О.Б. Alter ego как имагологический объект: нарративная структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина в свете национальной повествовательной традиции // Имагология и компаративистика. 2015. № 1 (3). С. 5–28. DOI: 10.17223/24099554/3/1
8. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 18: Письма. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
9. Сапченко Л.А. «Гишпанцам желаю добра...»: (Н.М. Карамзин и Испания) // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 106–114.
10. Летняков Д.Э. Н.М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21, № 1. С. 72–86.
11. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 280–287.
12. Анисимов К.В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. 2014. № 1 (10). С. 5–21. DOI: 10.17223/24099554/1/1

The Image of the “Alien” in Epistolary Works by Nikolay Karamzin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 305–314. DOI: 10.17223/19986645/63/18

Tatyana B. Frik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

Keywords: Nikolay Karamzin, epistolary works, image of “alien”, poetics of epistolary works.

The research is supported by Tomsk Polytechnic University within the framework of Tomsk Polytechnic University Competitiveness Enhancement Program.

The article is aimed at understanding the image of the “alien” in Nikolay Karamzin’s letters to different addressees. Epistolary works are considered as a significant part of Karamzin’s creative heritage. The author of the work states the fact that the writer’s private correspondence expands the boundaries of documentariness through the principles and techniques of an artistic understanding of reality; therefore, the form and ideological content of the letters, the motivational complex manifested in them, the key images, their subjective organization reflect Karamzin’s characteristic methods of a literary presentation of reality, the organization principles of an epistolary dialogue with the addressee, in which the connection between “own” and “alien”, Russia and Europe, “us” and “them” are comprehended among other things. Various levels of Karamzin’s self-reflection are given through the correlation of “own” and “alien”, as well his specific epistolary behavior, which is based on special strategies of the author’s self-presentation. The image of the author, like the image of the addressee, the character of Karamzin’s letters, influence their imagology. Foreign cultural images, one of which in particular is Don Quixote, which is an expression of humanistic ideas promoting the welfare of all humankind, patriotism, worldwide responsiveness, a kind of quintessence of the author’s idealistic attitudes, also contribute to the comprehension and translation of his own worldview. The image of the “alien” is revealed in a special way in the

motive structure of Karamzin's letters, in particular, in the motive of the native land. At the same time, the philosophy of the "alien" space becomes an instrument for the life-building of the author of the letters, contributes to the declaration of his value system: "own" (holy Russia, Fatherland, home) is truly valuable, it requires constructive endeavour, "alien" is ephemeral, distracting from real things. Obviously, the image of the "alien" in Karamzin's letters is inseparable from the image of the "own", thoughts about the fate of Russia; it is inextricably linked with Karamzin's political pedagogy and moral and philosophical ideals. The consideration of Karamzin's letters through the prism of the image of the "alien" makes it possible to highlight significant aspects of the author's worldview, consider the dynamics of characteristic elements of his poetics that appear in the letters and are determined by the writer's life and creative way. Karamzin's letters represent an example of how an epistolary text interacts with the literary tradition, participates in the creative activity of its author, and, not at least, becomes productive for national prose development in general and epistolary works in particular, how it influences the development of national consciousness.

References

1. Lotman, Yu.M. (1997) *Sovremennost' mezhdru vostokom i zapadom* [Modernity between East and West]. *Znaniya*. 9. pp. 157–169.
2. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1984) "Pis'ma russkogo puteshestvennika" Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoy kul'tury ["Letters of a Russian Traveler" by Karamzin and their place in the development of Russian culture]. In: Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka. pp. 525–606.
3. Sapozhnikova, N.V. (2004) *Filosofsko-antropologicheskaya priroda epistolyarnogo diskursa* [The philosophical and anthropological nature of the epistolary discourse]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Yekaterinburg.
4. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow: Iskustvo. pp. 250–253.
5. Shavrygin, S.M. (2014) Osobennosti khudozhestvennogo mirooshchushcheniya N.M. Karamzina [Features of the artistic worldview N.M. Karamzin]. In: Shavrygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik: Nasledie N.M. Karamzina i sovremennoe razvitie rossiyskogo obshchestva* [Karamzin Collection: N.M. Karamzin's heritage and the modern development of Russian society]. Ul'yanovsk: Ilya Ulyanov State Pedagogical University. pp. 127–129.
6. Sapchenko, L.A. (2016) "Love Letters Do Not Entirely Belong to Letters..." (Specifics of the Genre in the Epistolary Heritage of N.M. Karamzin). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 1 (158). pp. 167–182. (In Russian).
7. Lebedeva, O.B. (2015) Alter ego as an object of imagology: the narrative structure of Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin in the light of the national narrative tradition. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (3). pp. 5–28. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/3/1
8. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: In 18 Vols]. Vol. 18. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
9. Sapchenko, L.A. (2015) "I wish well to the Spaniards..." (N. Karamzin and Spain). *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Russian philology*. 6. pp. 106–114. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2015-6-106-114
10. Letnyakov, D.E. (2016) N.M. Karamzin and the origin of nationalist discourse in Russia. *Istoriya filosofii – History of Philosophy*. 1 (21). pp. 72–86. (In Russian).
11. Karamzin, N.M. (1964) *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 280–287.
12. Anisimov, K.V. (2014) The Eastern travelogue of the 19th-century Russian literature: "imagination" of imperial peripheries in the perspective of narrative poetics (introductory observations). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (10). pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/1/1

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/63/19

Рецензия на книгу: Кулева А.С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. – 544 с.

Усеченные прилагательные традиционно рассматривались как черта поэзии XVIII в., однако собранный материал (более 30 тыс. поэтических текстов 500 авторов XVII – начала XXI в.) показывает, что этот грамматический архаизм употреблялся в русской поэзии на протяжении всей истории ее существования, встречается и на современном этапе. В книге описывается происхождение и функционирование усеченных прилагательных, что позволяет по-новому взглянуть на эволюцию поэтического языка.

Книга может быть полезна не только лингвистам, но и литературоведам, а также всем интересующимся русской поэзией.

Проблема формирования русского литературного языка анализируется лингвистами обычно как проблема лексикологическая, «проблема словаря» [1. С. 6], т.е. прежде всего в аспекте соотношения старославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между двумя книжно-литературными традициями самими грамматистами-нормализаторами и мастерами слова в их языковом сознании связывались, скорее, с грамматическим строем: поэтическая лексика и фразеология «высокого штиля», перенятые из церковнославянской и древнерусской книжности, не исчезают и с победой «нового слога» над «старым»: усвоив лучшие образцы классическостической традиции, карамзинская школа, разумеется, опиралась на них в своих языкотворческих исканиях, и потому не столько лексический, сколько грамматический строй языка оказывался тем благодатным полем, на котором было возможно развертывание авторских новаций эпохи сентиментализма, романтизма и далее. Г.О. Винокур отмечал: «Можно думать, что в области морфологии граница между “славенским” и “простым русским” обнаруживалась нагляднее всего. Простые прошедшие времена... формы именительного падежа единственного числа причастий мужского

рода без звука *щ* в настоящем времени и звука *ш* в прошедшем времени типа *даий*, *давий* и т.п. для русского человека первой половины XVIII в. были наделены гораздо более сильной экспрессией старины и церковности, чем церковнославянские слова, из которых многие стали уже вполне привычными и, главное, могли даже не иметь русских эквивалентов в бытовом языке» [2. С. 126]. Ставшие главным предметом исследования в рецензируемой монографии усеченные формы имен прилагательных представляют собой как раз не только факт словаря, но и грамматический элемент, который позволяет представить в динамике развитие как лексического и морфологического, так и синтаксического строя языка.

Важность и релевантность поэтических текстов для понимания как магистральных, так и периферийных тенденций формирования русского литературного языка не вызывают сомнений: от Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова до Карамзина и Пушкина целое столетие прошло под знаком языковых споров «архаистов» и «новаторов», когда главенствующее место в словесности принадлежало именно стихотворным жанрам, когда судьбы русского литературного языка и поэзии были теснейшим образом связаны, а реформаторами языка становились поэты. Выбор автором рецензируемой монографии поэтических текстов для манифестации с разной степенью активности протекавших в русском литературном языке процессов представляется адекватным поставленной в работе задаче описания происхождения и функционирования усеченных прилагательных также и потому, что именно поэзия давно признана основной сферой использования подобных адъективных форм: как отмечает А.С. Кулева во введении к своей книге, «усеченные прилагательные можно назвать одной из констант языка русской поэзии» (с. 6).

Первая часть монографии «Место усеченных форм в системе имени прилагательного» содержит экскурс в историю кратких (нечленных), полных (членных) и усеченных дериватов в русском языке древней, старшей и новой поры, а также описание состава, способов образования и функций усеченных имен прилагательных и причастий в русской поэзии на протяжении всех четырех веков ее развития. Автор монографии, исследовав обширный материал, приходит к выводу о разнообразии способов образования так называемых «сокращенных» форм и о богатой их функциональной палитре, менявшейся в направлении от XVII столетия к началу XXI («поэтические вольности» использовались не только в целях версификации, как об этом часто пишут специалисты в области языка поэзии, но и для фольклорной или исторической стилизации, формирования «высокого», торжественного регистра речи, иронической или пародийной языковой игры).

А.С. Кулевой приводятся подробные данные, отражающие динамику падежной парадигмы усеченных форм прилагательных и причастий: наиболее употребительные формы Им. падежа всех родов и чисел, а также омонимичные им аккузативные образования; уже реже встречаются формы Р. и Д. падежей м. и ср. рода; к маргинальным относятся формы Р. падежа ж. рода, Тв. и Пр. падежей (*дарованьями различны, на месте пусте* и т.п.).

Интересны доводы исследователя, доказывающие не версификационную, а стилистическую прагматику «сокращенных» имен, имеющих то же количество слогов, что и полные аналоги: «Например, из 143 форм в силлабической поэзии XVII в. 25 равносложных: *многоковарен, безгласен, страшен, земен, разумен, верен* и др.; из 35 форм в силлабической поэзии XVII–XVIII вв. одна равносложная: *благодатен*; из 38 форм в 150 текстах XVIII в. – 4: *развратен, пребезумен, приятен, светел*; в поэзии Пушкина из 133 форм – 26 (в основном полупредикативных): *прекрасен, прозрачен, благороден, мрачен, полон, грозен* и др. С точки зрения версификационной техники такие равносложные формы ничего не дают (нет даже разницы в ударении), трудно отметить в них яркую стилистическую окраску» (с. 54). Судя по приведенным данным, тенденция к стилистическому использованию усеченных форм усиливалась, и она станет ведущей в новейшей поэзии.

В третьей и четвертой главах первой части А.С. Кулева подробно анализирует формообразование и функционирование усеченных атрибутов в языке русской поэзии XVII–XXI вв., скрупулезно фиксируя и разграничивая их экспрессивные потенции и версификационную роль, выявляя частотность морфологических и функциональных подгрупп, показывая, как с течением времени усеченные формы превращаются в одну из ярких доминант идиостиля (например, В. Сосноры, В. Кривулина, М. Степановой) на фоне становящегося все более редким использования «сокращенных» дериватов в русской лирике в целом: согласно проведенным автором книги подсчетам (табл. 8, с. 518–519), если в виршевой и силлабической поэзии усеченные прилагательные встречаются практически в каждом из привлеченных к анализу текстов, то в стихотворных произведениях пушкинской эпохи средний показатель падает примерно до одной десятой доли, а век спустя и далее не превышает 3%.

Пятая глава, завершающая первую часть монографии, освещает принципы составления словаря усеченных имен прилагательных, описания словника, построения статьи. Затем вниманию читателей предлагается сам словарь усеченных прилагательных, содержащий около 2 тыс. лексем, более 10 тыс. поэтических контекстов, извлеченных из стихотворных произведений XVIII – начала XXI столетия, – первый лексикографический опыт, специально посвященный истории одной грамматической формы в русской поэзии¹. Каждая словарная статья содержит хронологически (в соответствии с литературной эпохой автора) выстроенные контексты, сопровождающиеся морфологическими пометами (указываются формы падежа, рода и числа усеченных прилагательных), указанием рифменной позиции. Вокабулой служит полная форма соответствующего прилагательного для оптимизации поиска слова. Контекст позволяет пользователю увидеть синтаксическую позицию и определить функцию адъектива, например: *Я в*

¹ Еще один опыт грамматического словаря, описывающего происходившие в русской поэзии процессы на синтаксическом уровне, посвящен синтаксису стихотворных произведений малых и средних жанров, см.: [3].

сердце зрю алмазну гору (Державин). Столь богатый материал, представленный в монографии, позволяет проследить изменение словаря усеченных форм на протяжении золотого века русской поэзии, судьбу грамматического архаизма, который не перестает быть интересен и новейшим авторам (на смену библеизмам и поэтизмам *благ, росски, небесны, томны* и т.п., фольклоризмам *белу, красна, сине* и пр. приходят окказиональные *пластмассовы, чайны, музыкальны* и др.).

Выражаем надежду, что увенчавшиеся успехом усилия автора рецензируемой монографии будут продолжены: представляется важным и перспективным дальнейшее изучение усеченных форм на материале прозы и драматургии, что позволило бы подтвердить или опровергнуть гипотезу об особой роли этих образований именно в языке поэзии.

Н.В. Патроева

Литература

1. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М. : Языки русской культуры, 1996. 591 с.
2. Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111–137.
3. Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века : в 4 т. / под ред. Н.В. Патроевой. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН. Т. 1 : Кантемир, Тредиаковский. 2017. 576 с.; Т. 2: Ломоносов. 2019. 608 с.

Book Review: Kuleva, A.S. (2017) *Istoriya Usechennykh Prilagatel'nykh v Yazyke Russkoy Poezii* [The History of Clipped Adjectives in the Language of Russian Poetry]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 315–318. DOI: 10.17223/19986645/63/19

Natalja V. Patroeva, Petrozavodsk State University, (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: nvpatr@list.ru

Clipped adjectives have traditionally been regarded as a feature of the 18th-century poetry, but the collected material (more than 30 000 poetic texts by 500 authors of the 17th – early 21st centuries) shows that this grammatical archaism has been used in Russian poetry throughout its history, and is also found at the modern stage. The book describes the origin and functioning of clipped adjectives and offers a fresh look at the evolution of poetic language.

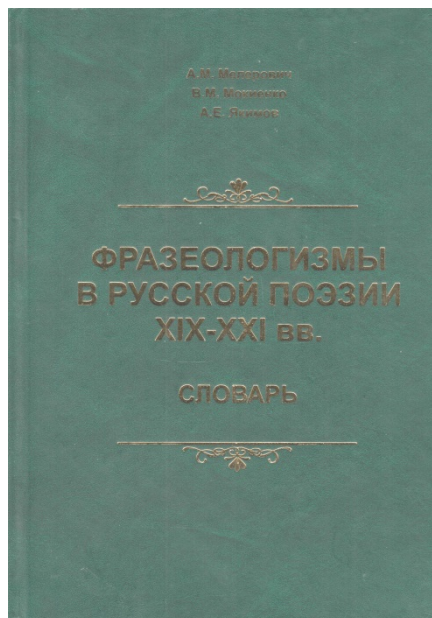
The book can be of use not only to linguists, but also to literary scholars, as well as to those interested in Russian poetry.

References

1. Zhivov, V.M. (1996) *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia in the 18th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Vinokur, G.O. (1959) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR. pp. 111–137.
3. Patroeva, N.V. (ed.) (2019). *Sintaksicheskii slovar' russkoy poezii XVIII veka* [The Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th Century]. St. Petersburg: DMITRIY BULANIN.

УДК 81'374

DOI: 10.17223/19986645/63/20

Связующая нить фразеологии. Рецензия на книгу: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Е. Якимов ; под науч. ред. В.М. Мокиенко. – Кострома : КГУ, 2016. – 628 с.

Словарь представляет собой не имеющее аналогов фразеографическое исследование, в котором обобщён опыт анализа употреблений фразеологизмов в русской поэзии, способов преобразования их значения и формы. При этом каждое употребление фразеологической единицы рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества автора, его идиостилия. Представленное в словаре описание

фразеологизмов в русской поэзии фиксирует ключевые образы в творчестве разных поэтов, способствует обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира. Каждую словарную статью завершает историко-этимологический комментарий.

Словарь адресован учащимся школ, гимназий, лицеев, колледжей, изучающим русский язык, русскую литературу; студентам вузов, учителям и преподавателям, филологам, писателям, переводчикам, этнографам, журналистам, а также всем, кто проявляет интерес к русской фразеологии и русской поэзии.

В наши дни, когда книжные магазины и лавки книг для филологов предлагают широчайший выбор словарей русского языка, в том числе фразеологических самого разного типа – словарь фразеологических синонимов, словарь современной русской идиоматики, построенный по идеографическому принципу, толково-понятийный и семантический словари, включающие немалое число устойчивых оборотов, историко-этимологический фразеологический словарь и т.д., словарь А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и А.Е. Якимова привлекает внимание своей уникальностью.

Русские и зарубежные специалисты многие годы с удовольствием обращаются к художественному авторскому слову, выстраивая типологии приемов нарушения привычных для русского уха и глаза формы и значения фразеологических единиц – пословиц (*Лучше синица в руках, чем журавль в небе*), компаративных конструкций (*крутиться как белка в колесе*), идиом (*собаку съесть*) и т.п., выявляя характер того эффекта, который

возымели произведенные в обороте и тексте преобразования. Достаточно назвать труды В.Н. Вакурова, Т.С. Гусейновой, И.Ю. Третьяковой и многих других. Однако и на этом фоне лексикографический труд, отражающий характер использования фразеологизмов в русской поэзии XIX–XX вв., вызывает восхищение как широтой охвата материала, являющего читателю разновременные срезы и позволяющего наблюдать определенные языковые тенденции, так и избранным авторами подходом к его представлению.

Сухим словом «материал», по лингвистической традиции, мы назвали огромный массив контекстов, кропотливо собираемых авторами на протяжении многих лет и тщательно отобранных в соответствии с критерием востребованности фразеологизмов говорящими и задачей максимально полного отображения использованных поэтами потенциалов каждого языкового оборота. Однако термин далеко не отражает той фразеологической многоликости поэзии, которая открывается при более близком знакомстве с отдельными словарными статьями. Фразеологизмы становятся связующей нитью времен, объединяя имена поэтов XIX в. – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н. Некрасова, А. Толстого и др. и поэтов XX в. и начала XXI в., представленных в словаре намного шире. Имена С. Есенина, В. Маяковского, О. Мандельштама, Б. Пастернака, И. Эренбурга соседствуют в словарных статьях с именами более близких к нашим дням В. Солоухина, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной, К. Ваншенкина, Е. Рейна, В. Шефнера, Д. Самойлова, Ю. Мориц, Л. Миллер, А. Кушнера, И. Губермана, И. Бродского, В. Высоцкого, В. Кривулина, Д. Быкова и многих других. Такой внушительный, почти антологический, реестр мастеров русского поэтического слова дает представление о характерности вовлечения ярких фразеологических оборотов как в целом в поэтическую речь, так и в строки стихов отдельных авторов, о способности фразеологизмов участвовать в передаче философских размышлений поэта, об изменении стилистического вкуса более поздней эпохи на фоне предшествующего времени, когда существенно реже встречались, например, в стихах просторечные обороты типа *шито-крыто*, *ни к чёрту*, *не понимать ни бельмеса*, *пошел к чертям* и др.

С другой стороны, словарь, безусловно, раскрывает потенциалы каждого из оборотов, активно подвергающихся контекстуальным преобразованиям, что свидетельствует, во-первых, об особенностях сущности фразеологии как языкового явления, допускающего различного рода отклонения от формальной и смысловой структуры единиц этого ранга и, в частности, об особенностях трансформации выражений, составляющих отдельные разряды фразеологизмов. Так, например, в словаре достаточно последовательно отражается способность пословицы сокращаться до поговорки, сохраняя – в виде семантического шлейфа – смысл всей паремии и ее прагматическую направленность: в неодобрительном выражении *рыть (копать) яму* (кому, под кого) со значением ‘причинять неприятности, вредить кому-л.’, сохраняется, несомненно, и семантика обещания дождаться за это действие неизбежного и справедливого возмездия.

Во-вторых, материал словаря позволяет судить о важности заключенных в оборотах образов и возможностях их многочисленных и весьма разнообразных – часто и прихотливых – прочтений. Так, фразеологизм библейского происхождения *Содом и Гоморра* предстает в составе развернутой метафоры, актуализирующей причины гибели древних городов (у К. Бальмонта), в виде усеченного варианта (*содом* – у Б. Пастернака и В. Солоухина), окказионального оборота *испепелить Гоморру*, произведенного от языкового С. Липкиным, морфологически и синтаксически преобразованной версии у В. Высоцкого: «Что на Таганке той толпа нахальная./ У кассы давятся – *Гоморр! Содом!*».

В-третьих, словарь А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и А.Е. Якимова, появившийся как результат основательной теоретической разработки типологии способов использования фразеологических единиц¹ – особенно в сложном, полном аллюзий, нюансов и переплетений поэтическом тексте, – представляет предельно полную систему приемов индивидуального подхода к трансформации устойчивых единиц, сначала описанную в предисловии (с. 16–25), а затем проиллюстрированную совокупностью отдельных словарных статей. В рамках каждого приведенного в них поэтического фрагмента решается трудная задача квалификации увиденной авторами фразеологической единицы, нередко раздробленной, растворенной в контексте, и самого приема, состоящего в «морфологической трансформации», «буквализации значений», «расширении компонентного состава» и т.д.; контекстуально-преобразованный оборот трактуется как результат применения одного или нескольких приемов, квалифицируется с точки зрения достигаемого эффекта и / или реализуемого авторского намерения.

В словаре представлены фразеологизмы разных типов – компаративные конструкции (*как снег на голову*), крылатые выражения (*Служенье муз не терпит суеты; глаголом жечь сердца людей*), обороты, образованные «усечением» пословиц (*ради красного словца* – из поговорки *Ради красного словца не пожалеет и родного отца*), классические поговорки – с разной степенью прозрачности образа (*держаться на честном слове, нести околицу, за словом в карман не полезет, тянуть резину*) и различной стилистической окраской; ср.: книжн. *пожинать лавры*, патетич. *небесный купол*, библ. *кануть в Лету*, разг. *пустить петуха*, прост. *лантем щи хлебать*). Материал организован по принципу алфавитного расположения слов – компонентов фразеологизмов, являющихся в рассматриваемом обороте первым существительным, а при его отсутствии – прилагательным, глаголом и т.д. Читатель, таким образом, не только без труда находит нужное выражение (можно также воспользоваться в этих целях указателем ключевых слов в конце словаря), но и получает представление о наиболее востребованных в поэтической речи оборотах и образах, о важности отдельных концептов, вербализованных фразеологическими средствами, о константах поэтической картины мира. Более глубокому и точному пониманию контекста и характера индивидуального «освоения»

¹ См., в частности, вышедшие ранее труды: [1–3].

языкового оборота в поэтическом тексте способствуют и включаемые в словарную статью историко-этимологические экскурсы.

Показателен сам факт различий в размере и содержательности словарных статей: одни минимальны и включают 1–2 контекста – почти при отсутствии трансформаций (*братъ на арапа, (за)пить горькую, (быть) в уда-ре, в ус не дуть* и др.). Посвященные другим фразеологизмам статьи внушительны и демонстрируют широкую парадигму разнообразных преобразований и интересных комментариев – таких, например, оборотов, как *оставить след* (с. 478–480), *(оставлять) на произвол судьбы* (с. 510) и др.

Особенно привлекательны очерки, посвященные авторским оборотам и указывающие на причины биографического, экзистенциального характера, способствовавшие появлению определенного выражения и упрочению его фразеологического статуса. Таким является очерк, посвященный связанному с творческим, поэтическим, трудом образу «верного» письменного стола, порождающего «своеобразные, неожиданные трансформы» исходного оборота у М. Цветаевой (с. 503–504). Здесь примечательны комментарии составителей относительно нивелирования поэтом «вещности» предмета, «эстетической многомысленности» образа (по Б.А. Ларину), спектра ассоциативных связей и эффекта «поэтической этимологии», что составляет лишь часть демонстрируемых в словаре, в его отдельных статьях процедуры глубокого анализа и возможностей трактовки сложных фразеологических конфигураций.

Несведущего читателя могло бы смутить отсутствие комментариев по поводу отдельных примеров, однако такие случаи нередко вполне оправданны и понятны – в этом проявляется трудность квалификации приема или, чаще, совокупности приемов преобразования исходного выражения. Так, от фразеологизма *ходить по острию ножа* (с. 348) в строках Б. Ахматулиной

*По грани роковой, по острию каната –
плясунья, так пляши, пока не сорвалась –*

остается лишь предложно-падежная форма *по острию*. Однако элементы семантики 'предельно рискованные действия' (*пока не сорвалась, роковой*), 'движение, динамика' – *пляши* (появление глагола объясняется актерским амплуа лирической героини; обычно – *ходить*, у И. Бродского, например, *гулять*), символичность грани (ср.: *на грани, за гранью*) как знака крайности удерживают фразеологический смысл использованного автором выражения. Поддерживается значение 'рисковать жизнью' и фрагментами контекста «я знаю, что умру», «муки мои», «трачу жизнь», «себя не сохраняю». Было бы несправедливым и недостаточным указать здесь лишь на замену или введение дополнительных компонентов. Сам приведенный фрагмент служит аргументом правомерности выделения его в качестве фразеоконтекста.

Имеются, однако, и случаи, когда словарная статья порождает некоторые вопросы и сомнения. Например, в качестве вокабульной и, следовательно, санкционированной общественным употреблением единицы авто-

ры указали фразеологизм *знать, где раки зимуют* (с. 422), хотя оборот в приведенных строках В. Кострова «Отпусти меня туда... *где еще зимуют раки*» в равной степени может «отталкиваться» как от поговорки *знать, где раки зимуют*, так и от выражения *показать, где раки зимуют*, более привычного и распространенного – как в дискурсе, так и в словарных фиксациях.

Не всегда можно согласиться и с квалификацией самого приема введения поговорки в поэтический текст. Так, номинации «авторский афоризм» авторы удостаивают выражение *разбойничий получишь в спину нож* (Ю. Друнина, с. 347), достаточно близкое к языковому общеупотребительному фразеологизму, номинирующему факт коварного предательства. Этот пример близок к иным возможностям расширения компонентного состава языкового выражения¹ с целью интенсификации некой семантической составляющей: здесь степень коварства усиливается за счет определения *разбойничий*.

Можно поспорить с таким логическим выводом составителей словаря, как квалификация выражения *сидеть на чужой шкуре* (С. Михайлков, с. 599) как производного от оборота *быть / побыть (побывать) в шкуре* (чьей, кого), хотя семантика нахлебничества, использования кого-либо в своих интересах в приведенном контексте кажется очевидной и позволяет связать оборот с выражениями *сидеть на шее* (чьей, у кого), *сидеть на чужой шее*.

Этот факт, однако, лишь доказывает, насколько трудна задача трактовки сложнейших контекстов с «растворенными» в них фразеологическими конфигурациями и соблюдения при этом избранного А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Е. Якимовым принципа отражения малейшего формального и семантического изменения фразеологизма, вплетения фразеологизма в образно-поэтическую канву произведения. Тем не менее эта задача, как показывает словарь, видится выполненной блестяще, а предоставленный нам, заинтересованным пользователям, материал неоценим и послужит как решению задач просвещения и образования в области русского языка и литературы, так и в качестве серьезной базы для проведения интереснейших филологических наблюдений.

Остается лишь выразить надежду, что выпуск данного издания большим тиражом позволит более широкому кругу читателей познакомиться с ним и оценить тонкость филологического анализа контекстов и бережное отношение к смысловым вибрациям, порождаемым включением фразеологии в поэтическую речь.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М.: Русские словари, 1997. 864 с.

¹ Ср.: Коварные интриги и *подковерные ножи в спину* (<https://www.youtube.com/watch?v=FpORXjgqeWw> (дата обращения: 29.08.2019)); *Коварный удар ножом в спину* (<https://www.tvr.by/zona-x/kovarnyy-udar-nozhom-v-spinu> (дата обращения: 29.08.2019)).

2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 484 с.

3. Жизнь русской фразеологии в художественной речи: Школьный словарь / сост. А.С. Власов, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др. ; под ред. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 730 с.

Е.И. Селиверстова

The Connecting Thread of Phraseology. Book Review: Mokienko, V.M. (Ed.) (2016) *Frazeologizmy v Russkoy Poezii XIX–XXI Vv. Slovar’: Opyt Leksikograficheskoy Sistematizatsii Upotrebleniya Frazeologizmov v Russkoy Poezii* [Phraseological Units in the Russian Poetry of the 19th–21st Centuries. A Dictionary: An Experience of Lexicographical Systematization of Phraseological Units in Russian Poetry]. Kostroma: Kostroma State University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 319–324. DOI: 10.17223/19986645/63/20

Elena I. Seliverstova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: selen754@inbox.ru

The dictionary is an unparalleled phraseographic study, which summarizes the experience of analyzing the use of phraseological units in Russian poetry, ways of transforming their meaning and form. Each use of the phraseological unit is considered as an element of the system of poetic text, poetic creativity of its author, his/her idiosyncrasy. The description of phraseological units in Russian poetry presented in the dictionary captures key images in the work of different poets, helps to identify and systematize phraseological symbols representing certain constants of the Russian poetic picture of the world. Each dictionary entry is completed by a historical and etymological commentary.

The dictionary is intended for school students who study the Russian language and Russian literature; for university students, teachers and professors, philologists, writers, translators, ethnographers, journalists, as well as those interested in Russian phraseology and Russian poetry.

References

1. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi: Slovar’* [Phraseologisms in Russian Speech: Dictionary]. Moscow: Russkie slovari.

2. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2008) *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinits sovremennogo russkogo yazyka* [The Semantic Structure of Phraseological Units of the Modern Russian Language]. Kostroma: Kostroma State University.

3. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (eds) (2010) *Zhizn’ russkoy frazeologii v khudozhestvennoy rechi: Shkol’nyy slovar’* [The Life of Russian Phraseology in Literary Speech: A School Dictionary]. Kostroma: Kostroma State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГАТИЯТУЛЛИНА Галия Маратовна – аспирант кафедры германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ggaliya-m@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

E-mail: optysmith@gmail.com

ИГНАТОВ Иван Александрович – канд. филол. наук, доцент кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами Коми республиканской академии государственной службы и управления (г. Сыктывкар).

E-mail: ivan.al.ignatov@gmail.com

КИЗИМА Марина Прокофьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Московского государственного института международных отношений.

E-mail: m.kizima@inno.mgimo.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

КОРМАЗИНА Ольга Петровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

E-mail: olga.kormazina@mail.ru

МИРОНОВА Диана Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

E-mail: mir-lina@yandex.ru

НЕФЁДОВ Сергей Трофимович – д-р филол. наук, профессор кафедры немецкой филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nefedovst@gmail.com

НИКУЛИНА Алла Константиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмулы (г. Уфа).

E-mail: alla_nikoulina@mail.ru

ПАВЛОВА Наталия Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского и латинского языков Саратовского медицинского университета им. В.И. Разумовского.

E-mail: pim60@mail.ru

ПАТРОЕВА Наталья Викторовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета.

E-mail: nvpatr@list.ru

ПЕТРОВА Татьяна Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: petrova27@mail.ru

ПРОНИН Александр Алексеевич – д-р филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: prozin@mail.ru

ПЭК Сыну – PhD, профессор Института гуманитарных наук Университета Халлима (Чхунчхон, Южная Корея).
E-mail: cawa@snu.ac.kr

СЕЛИВЕРСТОВА Елена Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: selen754@inbox.ru

СМИРНОВА Наталья Викторовна – канд. пед. наук, зам. руководителя департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург».
E-mail: smirnovan@hse.ru

СОЛНЫШКИНА Марина Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: mesoln@yandex.ru

СОЛОПОВА Ольга Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).
E-mail: solopovaolga@yandex.ru

ТАРАСОВА Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: tarasovaia@mail.ru

ТУРЫШЕВА Ольга Наумовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail: oltur3@yandex.ru

ФРИК Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета.
E-mail: tfrik@tpu.ru

ЧЕРНЯВСКАЯ Валерия Евгеньевна – д-р филол. наук, зав. научно-исследовательской лабораторией «Лингвистические технологии» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ЩЕМЕЛЕВА Ирина Юрьевна – канд. филол. наук, руководитель департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург».
E-mail: ishemeliova@hse.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2020. № 63

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.02.2020 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 20,6; усл. печ. л. 26,8. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4266.

Дата выхода в свет 20.03.2020 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru